UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00640654 0

ПАМЯТИ

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА

СРЕЗНЕВСКАГО.

КНИГА 1.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1916 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

PG
2064
S64P3
kn. 1

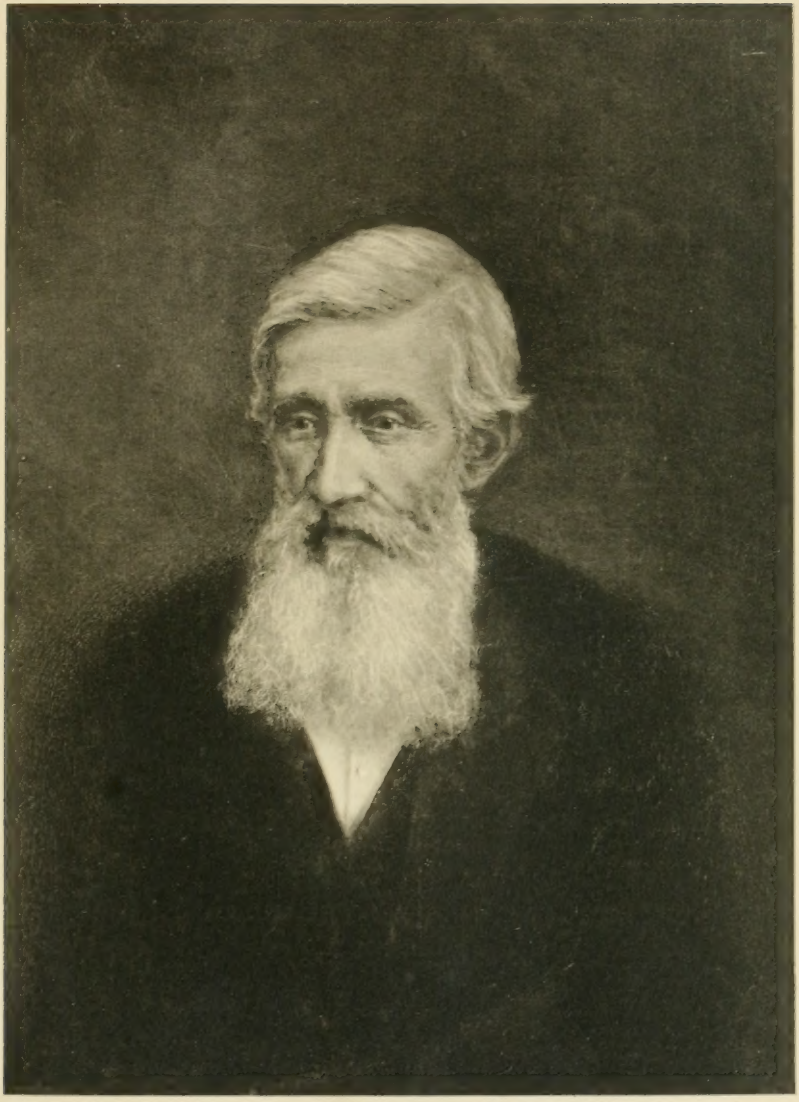
LIBRARY
AUG 9 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1104210

Выходящая нынѣ въ свѣтъ первая книга сборника, посвященнаго памяти Измаила Ивановича Срезневскаго, въ главной своей долѣ есть отголосокъ торжественнаго публичнаго собранія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, которое происходило 20 января 1913 года въ большомъ Конференцъ-залѣ Академіи, въ ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія И. И. Срезневскаго.

Въ книгу эту вошли рѣчи, произнесенныя на собраніи А. А. Шахматовымъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ, В. А. Францевымъ и А. И. Соболевскимъ и воспоминанія И. В. Ягича, прочтенныя Н. А. Котляревскимъ. Біографическій очеркъ И. И. Срезневскаго, здѣсь напечатанный, представляетъ собою переработку біографіи, написанной В. И. Срезневскимъ и выпущенной Академіею къ тому же торжественному собранію; Описаніе памятной выставки, устроенной въ маломъ Конференцъ-залѣ Академіи одновременно съ засѣданіемъ, издано было тогда же въ видѣ отдѣльной брошюры. Къ этимъ статьямъ присоединены: статья О. И. Срезневской „Худо-

жественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще", „Изъ студенческихъ воспоминаній объ И. И. Срезневскомъ" И. В. Цвѣтаева и „Указатель печатныхъ матеріаловъ для біографіи И. И. Срезневскаго", составленный В. И. Срезневскимъ.



И. Срезневъ

Съ портрета масляными красками

работы Н. И. Алмазовой.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Столѣтіе со дня рожденія Измаила Ивановича Срезневскаго истекло 1-го іюня прошлаго 1912-го года. Отдѣленію русскаго языка и словесности по разнымъ причинамъ пришлось перенести на сегодня торжество, которое по всей справедливости можетъ быть признано праздникомъ русской науки: Срезневскій принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ дѣятелей науки, прославившихъ ее и укрѣпившихъ ея развитіе.

Полувѣковая дѣятельность Измаила Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенныя въ его богато одаренной природѣ: онѣ создали тѣ памятники ума и таланта, которыми восторгаемся мы всѣ, имѣющіе то или иное отношеніе къ наукѣ о русскомъ языкѣ, литературѣ, этнографіи.

Срезневскій положилъ основанія историческому изученію русскаго языка, поставивъ его въ живую и нерасторжимую связь съ изученіемъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ.

«Мысли объ исторіи русскаго языка» были первымъ научнымъ трудомъ въ этой области, ибо книга Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка», появившаяся раньше, содержала только блестящую программу глубоко и всесторонне задуманнаго изученія этого предмета.

Труды Срезневскаго, перваго въ Россіи доктора славяно-русской филологіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, посвящаются изученію инославянскихъ народностей; они увѣнчиваются многочисленными изслѣдованіями, цѣнными не только для насъ русскихъ, черезъ нихъ знакомившихся со своими родичами, но также и для самихъ славянъ, южныхъ и западныхъ.

Напряженная преподавательская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ, начатая еще въ 1847 году, не помѣшала Срезневскому отдать свои лучшія силы Академіи Наукъ: въ ея изданіяхъ онъ помѣщалъ свои цѣннѣйшія изслѣдованія, редактируя вмѣстѣ съ тѣмъ созданныя имъ Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Изъ этихъ изслѣдованій и изъ всей кипучей дѣятельности Срезневскаго въ Академіи видно, какъ широки были его интересы въ области славяно-русской филологіи: языкъ, археологія, археографія, палеографія и литература привлекаютъ къ себѣ его вниманіе и озаряются имъ яркимъ свѣтомъ: онъ свидѣтельствовалъ о соединеніи въ лицѣ Срезневскаго изъ ряду вонъ выдающагося научнаго дарованія съ глубокимъ филологическимъ образованіемъ.

Начавъ литературныя изслѣдованія въ Харьковѣ съ изученія малорусскихъ писателей, Срезневскій, оказавшись въ Петербургѣ лицомъ къ лицу съ обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ, отдался страстно его разработкѣ. Стремленіе охватить весь этотъ матеріалъ, использовать его

богатое содержаніе, привело Срезневскаго къ необходимости посвятить свой трудъ изданію и описанію рукописей. Глубокій филологическій анализъ памятниковъ привелъ его къ идеѣ о созданіи историческаго словаря русскаго языка.

Высокій полетъ творческой мысли, блестящее и вдохновенное изслѣдованіе уступаютъ мѣсто огромному труду по собиранію и обработкѣ матеріаловъ. Вокругъ Срезневскаго выростаютъ по немногу груды приковывающихъ его къ себѣ данныхъ: вновь открытые памятники, спасенныя бережною рукой отъ гибели и неизвѣстности рукописи, безчисленныя выписки изъ первоисточниковъ, наконецъ, огромный карточный матеріалъ по словарю, и ко всему этому обильные матеріалы этнографическаго и діалектологическаго содержанія. Во все это Срезневскій сумѣлъ вдохнуть жизнь; онъ сдѣлалъ больше: онъ вселилъ ко всему этому научному сокровищу любовь въ своихъ ученикахъ и въ своихъ дѣтяхъ. Вслѣдствіе этого пережившіе его матеріалы стали не мертвыми, а живыми памятниками его дѣятельности: они увѣковѣчатъ ее въ ея славѣ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности счастливо сознаніемъ, что именно ему пришлось стать издателемъ этихъ матеріаловъ — мы говоримъ о только что законченномъ изданіемъ Словарѣ древне-русскаго языка, — а также и тѣмъ, что ему пришлось сдѣлаться хранителемъ научнаго сокровища Срезневскаго: въ Библіотекѣ Академіи сосредоточены теперь весь архивъ Срезневскаго и все богатое его рукописное собраніе; тамъ же находится его цѣнная библіотека по славяновѣдѣнію.

Съ глубокою благодарностью относится Отдѣленіе къ тѣмъ, чьими трудами завершено и завершается то, что

Срезневскій создалъ въ качествѣ прочнаго основанія для послѣдующаго развитія русскаго языкознанія и исторіи русской словесности. Признательность Отдѣленія безгранична къ тѣмъ, кто великодушнымъ пожертвованіемъ неоцѣнимаго научнаго сокровища навсегда соединилъ имя Срезневскаго съ именемъ Академіи Наукъ.

А. Шахматовъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Родъ И. И. Срезневскаго идетъ изъ населеннаго государственными крестьянами села Срезнева, лежащаго на высокомъ берегу р. Оки при впаденіи въ нее р. Непложи, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска Рязанской губ. Въ 15 верстахъ отъ Срезнева лежитъ село Старая Рязань, гдѣ до сихъ поръ еще остался высокій валъ разрушенной и сожженной Батыемъ Рязани; верстахъ въ 8 — знаменитое по лѣтописнымъ сказаніямъ мѣсто Исады, гдѣ въ 1218 г. Глѣбъ Владимировичъ, князь рязанскій, «наученъ сый сотоною», съ помощью брата своего Константина зарѣзалъ во время пира шестерыхъ своихъ братьевъ и родичей и съ ними бояръ и дворянъ множество, и гдѣ до сихъ поръ еще цѣла могила Прокопія Ляпунова.

Предки И. И. Срезневскаго — много поколѣній подъ рядъ — были священниками села Срезнева. Дѣдъ его священникъ Евсевій Іоанновичъ, обремененный большой семьею, не имѣя никакихъ средствъ, былъ не въ силахъ дать дѣтямъ и самое малое образованіе. Кто изъ нихъ искалъ науки и интересовался ею, самъ долженъ былъ добывать ее, если только обладалъ достаточной силой воли. Такими оказались двое изъ дѣтей о. Евсевія, Иванъ Евсѣевичъ (отецъ И. И. Срезневскаго) и Іосифъ Евсѣевичъ. Одинъ за другимъ они ушли изъ родного дома и сами пробили себѣ дорогу, оба

достигнувъ профессуры и званія доктора. Братья ихъ остались въ родномъ селѣ: одинъ изъ нихъ—Іоакимъ наслѣдовалъ послѣ отца санъ настоятеля церкви, остальные слились съ крестьянами; потомки ихъ крестьянствуютъ и доселѣ.

Свое родное село И. И. Срезневскому случилось увидѣть только за нѣсколько лѣтъ до смерти, въ 1877 году, на возвратномъ пути съ Казанскаго археологическаго съѣзда. Мѣсто это, освященное для него и семейными, и историческими воспоминаніями, такъ ему полюбилось, что черезъ годъ онъ опять туда поѣхалъ и тамъ же завѣщалъ себя похоронить. Могила его, по указанію его самого, устроена у церковнаго алтаря старой деревянной церкви, теперь уже упраздненной. Вблизи церкви въ 1880-хъ гг. построено училище его имени.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій началъ ученье въ Рязанской семинаріи, продолжалъ его въ Москвѣ, куда добрался изъ Рязани пѣшкомъ съ великимъ трудомъ и лишеніями. По окончаніи университета онъ поступилъ сначала на частную службу, затѣмъ былъ принятъ баккалавромъ въ учительскій институтъ при Московскомъ университетѣ и черезъ нѣкоторое время учителемъ географіи и исторіи въ университетскую гимназію. По достиженіи степени магистра философіи и свободныхъ наукъ въ 1804 г., онъ былъ приглашенъ П. Г. Демидовымъ въ открывавшееся тогда въ Ярославлѣ Демидовское высшихъ наукъ училище на каѳедру «словесности древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія»; затѣмъ въ 1812 г., послѣ смерти профессора россійскаго краснорѣчія и поэзіи въ Харьковскомъ университетѣ И. С. Рижскаго, былъ выбранъ совѣтомъ университета на эту каѳедру и черезъ годъ удостоенъ званія доктора свободныхъ наукъ.

Учено-литературная дѣятельность И. Е. Срезневскаго оставила по себѣ слѣдъ въ рядѣ рѣчей, стихотвореній и переводовъ классиковъ. Рѣчи его несомнѣнно занимаютъ главное мѣсто въ его литературныхъ трудахъ; хотя онѣ и были произнесены по обязанности на торжественныхъ актахъ, онѣ дышатъ жизнью, передаютъ дѣйствительныя убѣжденія автора и въ этомъ отношеніи цѣнны, какъ его характеристика. «Рѣчь о любви къ отечеству» — по мнѣнію самого автора его лучшее произведеніе — даетъ намъ обликъ Ивана Евсѣевича, какъ гражданина-патріота, ставящаго цѣлью своей жизни службу родинѣ; рѣчь «О странствованіи музъ» является изложеніемъ взглядовъ автора на содержаніе курса изящной словесности; рѣчь «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeceptoris» интересна по высказаннымъ въ ней авторомъ мыслямъ относительно необходимыхъ качествъ наставника юношества и первенствующей важности правильнаго въ дѣлѣ преподаванія метода. Вопросъ о воспитаніи обсуждается Иваномъ Евсѣевичемъ и въ другихъ рѣчахъ; въ нихъ онъ доказываетъ серьезное преимущество публичнаго воспитанія, и въ отношеніи болѣе успѣшнаго и быстраго развитія дѣтей, и въ отношеніи общественномъ, какъ помощь къ возрожденію духа общественности. Широкое развитіе просвѣщенія И. Е. Срезневскій считалъ насущной потребностью государства; въ связи съ этимъ онъ находилъ необходимымъ дать нормальную постановку дѣлу преподаванія, поднять значеніе учащихъ и оградить ихъ отъ притѣсненій со стороны гражданскихъ властей.

Иванъ Евсѣевичъ, по словамъ біографической записки, составленной скоро послѣ его смерти, «образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души

своей, нежели по долгу; и потому многихъ сдѣлалъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ». Тяжелыя условія жизни и чрезмѣрныя занятія въ юные годы рано сломили его силы: онъ умеръ не старымъ, всего 49 лѣтъ, 12 сентября 1819 г., оставивъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился 1-го [1]) іюня 1812 г. въ Ярославлѣ въ зданіи Демидовскаго лицея. Отецъ назвалъ его противъ желанія родныхъ необычнымъ именемъ, никѣмъ изъ близкихъ не носимымъ, прельщенный его смысломъ—по еврейски оно значитъ «устроитъ Богъ».

При переходѣ отца на службу въ Харьковъ, И. И. былъ перевезенъ туда двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Съ этихъ поръ до 1839 г. онъ жилъ или въ самомъ Харьковѣ, или въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, и только разъ, и то на самый короткій срокъ, въ 1829 г., уѣзжалъ въ Москву. Молодые годы слили его съ Украиной, и онъ полюбилъ ее со всею своею пылкостью; она была для него второй родиной, но именно второй, такъ какъ всегда ему рисовалась частью его общей русской родины.

Послѣ смерти отца И. И. остался на попеченіи своей матери Елены Ивановны (рожденной Кусковой). Несмотря на свою молодость (она осталась вдовою 26-ти лѣтъ), Е. И. съумѣла одна взростить и воспитать своихъ дѣтей и дать имъ серьезное образованіе. Съ любовью и благодарностью И. И. вспоминалъ всегда объ ея неустанныхъ и нѣжныхъ заботахъ. Долгіе годы она была его ближайшимъ другомъ-совѣтникомъ и на рукахъ его умерла въ 1856 г., въ его

1) Онъ считалъ днемъ своего рожденія 1-ое іюня, хотя въ метрическихъ книгахъ стоитъ 4-ое іюня.

семьѣ. Глубокая любовь къ ней И. И-ча, ясная для всѣхъ, кто читалъ его письма къ ней, особенно сказалась въ той любви къ семейной жизни и семейнымъ началамъ, которая была его характерной чертой, а уваженіе къ ней — въ признаніи первенствующаго значенія матери въ дѣлѣ начальнаго образованія дѣтей, какъ это онъ высказываетъ въ своихъ бесѣдахъ «Объ изученіи родного языка».

По окончаніи пансіона въ 1826 г. И. И. поступилъ въ Харьковскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ человѣкомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что на немъ, какъ на старшемъ, лежитъ долгъ помогать матери, И. И. съ полнымъ рвеніемъ, несмотря на свои юные годы, предался университетскимъ занятіямъ. Въ 1828 г., когда было опубликовано предложеніе министра народнаго просвѣщенія «объ избраніи студентовъ изъ университетовъ Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго для приготовленія въ профессоры», онъ не задумался включить себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія, и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами. Мечта И. И-ча тогда не осуществилась, но отъ этого онъ не палъ духомъ и уже въ 1829 г. 17-ти лѣтъ отъ роду блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата, по представленіи диссертаціи «Объ обидѣ».

Студенческія работы по юриспруденціи, несмотря на ихъ напряженность и успѣшность, не были главнымъ предметомъ научныхъ увлеченій И. И-ча: съ дѣтскихъ лѣтъ подъ вліяніемъ матери полюбивъ литературу и музыку, съ 9-ти лѣтняго возраста начавъ писать стихи, уже съ 14-ти лѣтъ онъ предался изученію народной малорусской поэзіи

и работамъ надъ этнографической стариной Украины. Годы молодости П. П-ча совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Малороссіи начало особенно развиваться это изученіе народной старины и поэзіи, принявшее тогда особое романтическое направленіе, какъ у южно-русскихъ этнографовъ, такъ и въ остальной Россіи, и въ Западной Европѣ. Вокругъ П. П-ча въ Харьковѣ образовался небольшой кружокъ его пансіонскихъ и университетскихъ товарищей — этнографовъ-романтиковъ, любителей литературы: это были братья Орестъ и Ѳедоръ Степановичи Евецкіе (впослѣдствіи принимавшіе участіе въ панславистской «Денницѣ» П. П. Дубровскаго), П. В. Росковшенко, потомъ переводчикъ Шекспира, патріотъ-украинецъ и поэтъ А. Г. Шпигоцкій и О. А. Джунковскій. Въ средѣ этого кружка, на страницахъ изданнаго Срезневскимъ и Росковшенкомъ «Украинскаго альманаха» (1831 г.) началась литературная дѣятельность П. П-ча, выразившаяся тогда въ рядѣ стихотвореній, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія» и въ первой записи малорусскихъ пѣсенъ.

Работы П. П-ча по народной словесности получили особое развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губ. близъ Днѣпровскихъ пороговъ въ качествѣ учителя у помѣщиковъ Подольскихъ. Здѣсь онъ столкнулся съ «живыми памятниками минувшаго» — стариками-запорожцами, слушалъ ихъ разсказы о старой жизни и усердно началъ записывать думы и пѣсни. Результатомъ юношескихъ этнографическихъ работъ П. П-ча, поддержанныхъ содѣйствіемъ друзей и знакомыхъ, былъ выходъ въ свѣтъ ряда книжекъ «Запорожской Старины» (съ 1833 по 1838 г. — сборника матеріаловъ по исторіи Украины отъ Гедимина до Мазепы, заключающаго въ себѣ собраніе историческихъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ, сводъ мало-

русскихъ лѣтописцевъ и извлеченій изъ другихъ историческихъ документовъ, въ сопровожденіи объяснительныхъ примѣчаній и замѣтокъ о бытѣ и нравахъ запорожцевъ. «Запорожская Старина» въ свое время сыграла чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ развитія изученія украинской народной поэзіи и произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ; въ то же время она создала первую литературную славу П. И-ча, выдвинувъ его и какъ ученаго собирателя-этнографа, и какъ талантливаго писателя и пламеннаго украинца. Впослѣдствіи, въ 1870-хъ гг., это изданіе подверглось критикѣ Антоновича и Драгоманова въ предисловіи къ ихъ изданію «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» и Костомарова въ статьѣ по поводу книги Антоновича и Драгоманова; съ несомнѣнностью выяснилось, что на ряду съ произведеніями дѣйствительно народными въ «Запорожскую Старину» попало много поддѣльныхъ; П. И. не отвѣтилъ критикамъ его юношеской работы: ранѣе ихъ онъ видѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди и недобросовѣстные; намекомъ это онъ высказалъ еще до выхода въ свѣтъ сборника Антоновича и Драгоманова въ одномъ изъ примѣчаній къ изданной имъ перепискѣ А. Х. Востокова; промахи «Запорожской Старины», можно думать, и были причиной того особенно строгаго его отношенія къ изданіямъ произведеній народной словесности, которое появилось у него въ зрѣлые годы.

«Запорожская Старина», сдѣлавъ имя П. И-ча извѣстнымъ въ Украинѣ, обратила вниманіе на молодого писателя и въ столицахъ; у него завязались сношенія съ учеными и литераторами Москвы и Петербурга И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и др., статьи его начали печататься

въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета», затѣмъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія».

Научные интересы и занятія этнографіей сблизили И. И-ча съ новымъ кругомъ лицъ, болѣе глубоко смотрѣвшихъ на эти занятія, чѣмъ первые его товарищи и помощники; онъ близко сошелся съ А. Л. Метлинскимъ—украинофиломъ-идеалистомъ, съ раннихъ лѣтъ посвятившимъ себя изученію поэтической старины своей родины,—съ В. В. Пассекомъ, особенно благодаря изданію послѣдняго «Очерки Россіи», въ которомъ И. И. принялъ видное участіе; при посредствѣ Метлинскаго съ И. И-чемъ сблизился И. И. Костомаровъ, подъ вліяніемъ его развившій въ себѣ, какъ онъ самъ пишетъ, «стремленіе къ изученію малорусской народности» и при его помощи начавшій изучать малорусскій языкъ и этнографію. Въ тѣ же годы И. И. вошелъ въ сношенія съ Н. В. Гоголемъ, Г. Ѳ. Квиткой, В. Н. Каразинымъ, И. П. Котляревскимъ, Л. И. Боровиковскимъ и многими другими.

Изъ ряда работъ И. И-ча по украинской старинѣ и литературѣ особаго вниманія заслуживаетъ его статья—письмо къ И. М. Снегиреву—«Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834); она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней авторъ высказываетъ свое мнѣніе о языкѣ малорусскомъ въ связи съ другими, какъ объ языкѣ имѣющемъ полное право на самостоятельное литературное существованіе. «Не для чего доказывать», говоритъ И. И., «что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ, малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многіе

увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ. . ., что это языкъ, который будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, — языкъ поэтическій, музыкальный, живописный». Этотъ взглядъ впослѣдствіи значительно измѣнился: въ 1860-хъ гг. въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, при признаніи русской словесности достояніемъ всего русскаго народа (а не великороссовъ только), И. И. еще высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости существованія отдѣльной малорусской словесности и говоритъ, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ И. И-ча 1870-хъ гг. отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку уже приравнено къ отношеніямъ мѣстныхъ говоровъ въ литературахъ другихъ европейскихъ языковъ къ языку господствующему: «нѣтъ никакой нужды», читаемъ тамъ, «уничтожать или прекращать письменность этихъ нарѣчій, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу».

Для полноты свѣдѣній о работахъ И. И-ча по изученію Украины слѣдуетъ упомянуть, что на ряду съ изслѣдованіями по малорусской народной словесности и изданіемъ ея памятниковъ онъ тогда же приступилъ и къ изданію литературныхъ произведеній современныхъ ему малорусскихъ писателей, начавъ печатаніе особаго сборника, названнаго имъ «Украинскимъ». Въ двухъ первыхъ книжкахъ Украинскаго сборника онъ помѣстилъ «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривника» И. П. Котляревскаго, въ дальнѣйшихъ—предполагалъ дать выборъ стихотвореній Артемов-

скаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго и др., сочиненія Сковороды и пр.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ трудѣ И. И-ча по изученію Малороссіи, стоящемъ особнякомъ въ ряду другихъ, — объ «Историческомъ обозрѣніи гражданскаго устроенія Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія ея въ Харьковскую губернію»; интересно отмѣтить, что вышедшее въ свѣтъ въ 1839 г., оно было вновь перепечатано въ 1883 г. въ «Статистическомъ Листкѣ, изд. харьковскимъ статистическимъ комитетомъ», и именно въ цѣляхъ практическихъ, — настолько оно не утратило своего значенія.

Послѣ окончанія университетскаго курса И. И. поступилъ на службу въ харьковское дворянское депутатское собраніе, откуда по болѣзни былъ уволенъ въ 1832 г.; черезъ годъ (18 сент. 1833 г.) онъ вновь зачислился на службу сначала въ харьковскій совѣстный судъ, затѣмъ въ 1834 г. въ депутатское собраніе на должность библіотекаря харьковской городской библіотеки. Плодомъ библіотечныхъ занятій И. И-ча былъ изданный имъ «Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1» (Харьковъ, 1834, безъ фамиліи составителя).

На ряду со службой И. И. занимался и преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Въ то же время онъ не прерывалъ и юридическихъ занятій, приготовляясь мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессурѣ — давней завѣтной его мечтѣ. Въ сентябрѣ 1835 г. И. И. сдалъ экзаменъ на степень магистра политической исторіи, статистики и политической экономіи;

диссертація на назначенную факультетомъ тему «О сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16 іюля 1837 г., утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27 августа, и 9 сентября И. И. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики.

Какъ видно изъ «Обозрѣнія публичнаго преподаванія наукъ въ Харьковскомъ университетѣ», И. И. читалъ студентамъ 1-го курса 1-го отд. философскаго факультета теорію статистики съ приложеніемъ къ государствамъ европейской системы просвѣщенія по методу профессора Кенигсбергскаго университета Шуберта, «придерживаясь, впрочемъ, своей собственной системы, изложенной въ разсужденіи о сущности и содержаніи теоріи политической»; на 2-мъ курсѣ—«статистику Россійскаго государства, принимая въ руководство соч. Иванова и Шуберта и дополняя собственными своими изслѣдованіями». Записокъ лекцій И. И-ча по статистикѣ не сохранилось, за исключеніемъ обработаннаго къ печати и изданнаго въ 1838 г. въ «Журналѣ Мин. народнаго просвѣщенія» его «Вступительнаго чтенія въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» и оставшагося въ рукописи «Компендіума статистическаго описанія Россійскаго государства въ современномъ состояніи».

Судя по разсказамъ слушателей, лекціи И. И-ча рѣзко отличались отъ лекцій другихъ профессоровъ; лекторъ блисталъ въ нихъ и новизною взглядовъ, и богатствомъ

данныхъ, черпаемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій, и мастерствомъ и живостью изложенія; аудиторія его была полна, о чтеніяхъ говорили въ городѣ. Но этотъ успѣхъ имѣлъ и невыгодную сторону для И. И-ча въ томъ отношеніи, что, повидимому, явился одной изъ причинъ недоброжелательства къ нему со стороны многихъ изъ старшихъ его товарищей; особенно сильно это недоброжелательство проявилось при разсмотрѣніи его диссертаціи «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно», представленной имъ въ 1838 г. для соисканія докторской степени.

Основная мысль «Опыта» была высказана въ двухъ положеніяхъ эпиграфа къ нему: 1) «Статистика, имѣя предметомъ цѣлое государство, должна сдѣлаться средоточіемъ и основаніемъ прочихъ политическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая объемлетъ не болѣе одной части» (К. Германъ) и 2) «Политическая экономія зависитъ отъ статистики такъ, что даже могла бы не существовать какъ отдѣльная наука: статистика могла бы замѣнить ее безъ ущерба пользѣ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить міръ познаній отъ суесловныхъ и часто суемудрыхъ мечтаній» (авторъ). Для сужденія о диссертаціи были собраны члены юридическаго и 1-го отд. философскаго факультетовъ; въ пользу автора высказались только два профессора — извѣстный историкъ М. М. Лунинъ и знаменитый профессоръ-эллинистъ А. О. Валицкій, другіе или уклонились отъ выраженія своего мнѣнія, или высказались противъ: мысли, проводимыя диссертаціей, казались слишкомъ новыми, не согласными съ обычными, «насмѣшкою надъ наукою»; диссертація была отвергнута. Событію этому пришлось сыграть рѣшительную роль въ судьбѣ И. И-ча.

По университетскому уставу 1835 г. въ число университетскихъ курсовъ былъ введенъ новый предметъ— исторія и литература славянскихъ нарѣчій. Въ виду отсутствія лицъ, достаточно подготовленныхъ къ преподаванію этой науки, каѳедра славяновѣдѣнія пустовала до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено предложить четыремъ тогда существовавшимъ русскимъ университетамъ избрать изъ среды ихъ членовъ лицъ наиболѣе способныхъ для изученія новой науки съ тѣмъ, чтобы избранныхъ отправить въ заграничное путешествіе по славянскимъ землямъ.

Въ Харьковскій университетъ предложеніе объ избраніи лицъ для посылки заграницу пришло въ октябрѣ 1837 года. Разсмотрѣніе этого плана и обсужденіе вопроса, кто можетъ быть посланъ за-границу, совѣтомъ университета было поручено ректору университета извѣстному П. П. Гулаку-Артемовскому. Выборъ факультета по указанію его остановился на кандидатѣ словесныхъ наукъ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ. Лично мало склонный къ занятію предлагаемой каѳедры, преимущественно интересовавшійся изученіемъ исторіи, статистики и политической экономіи, Рославскій представилъ въ совѣтъ университета условія командировки, трудно пріемлемыя въ другое время; въ данную минуту вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ они не возбудили сомнѣній среди членовъ университетскаго совѣта, но показались неумѣстными попечителю харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкину. Человѣкъ образованный, интересовавшійся наукой и ея движеніемъ, онъ не пропустилъ зародившейся въ то время въ Харьковѣ дѣятельности И. И. Срезневскаго, только что ставшаго адъюнктомъ университета, уже извѣстнаго своей «Запорожской Стариной» и длиннымъ рядомъ другихъ статей.

Выборъ совѣта университета не могъ не удивить его: въ этомъ выборѣ нельзя было не видѣть какихъ-то личныхъ счетовъ. Онъ не утвердилъ постановленія совѣта и предложилъ послать за-границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, «постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго»; что касается до Рославскаго, то ему Головкинъ рекомендовалъ дать возможность «выдержать испытаніе на степень магистра по предмету историческихъ наукъ, что составляло и его собственное желаніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ онъ занялъ мѣсто Срезневскаго» (т. е. каѳедру политической экономіи и статистики).

Въ декабрѣ 1837 г. отъ имени совѣта университета И. И-чу былъ сдѣланъ запросъ относительно согласія его отправиться въ путешествіе въ славянскія земли для приготовленія къ каѳедрѣ славяновѣдѣнія, съ условіемъ по возвращеніи прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Издавна уже знакомый съ языками польскимъ, словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, интересуясь западно-славянской литературой, еще въ 1832 г. со словъ словаковъ-ходебщиковъ записавшій и издавшій ихъ пѣсни, писавшій статьи о Краледворской рукописи, о чешскомъ словарѣ Юнгмана, объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ, — И. И. съ большой радостью принялъ предложеніе университета; вскорѣ, впрочемъ, повидимому, въ связи съ работой надъ докторской диссертаціей, въ немъ возникли было сомнѣнія и колебанія; этимъ колебаніямъ положило конецъ оскорбительное для него отверженіе университетомъ его диссертаціи. 7 января 1839 г. И. И. доложилъ университету о полномъ своемъ согласіи отправиться въ путеше-

ствіе въ славянскія земли, подчинившись всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ, и въ сентябрѣ этого года отправился въ путь.

Отъѣздомъ изъ Харькова закончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности И. И-ча, время первыхъ литературныхъ опытовъ, юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій статистикой, первыхъ чтеній въ университетѣ, первыхъ научныхъ трудовъ. Харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ работъ и научныхъ интересовъ И. И-ча рѣзко отличается отъ его послѣдующей петербургской дѣятельности. Гранью между этими двумя періодами легло его путешествіе. Оно широко раздвинуло горизонты молодого ученаго. Черезъ три года онъ вернулся въ Харьковъ совсѣмъ инымъ — не юношей, пробующимъ свои силы, а законченнымъ ученымъ съ опредѣленными взглядами на науку и человѣкомъ готовымъ къ жизни. Четыре года его профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія до переѣзда въ Петербургъ по характеру своему могутъ быть отнесены уже къ новому періоду его ученой дѣятельности.

Общій планъ путешествія лицъ, избранныхъ русскими университетами для подготовленія къ занятію каѳедръ славяновѣдѣнія, былъ выработанъ въ московскомъ университетѣ; для путешествія И. И-ча онъ былъ нѣсколько переработанъ въ харьковскомъ университетѣ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, которымъ, совмѣстно съ А. О. Валицкимъ, кромѣ того была составлена и инструкція для путешественника. Помимо внимательнаго изученія «діалектическихъ свойствъ, отличающихъ языкъ или нарѣчіе» одной страны

отъ другой, «смысла и духа» народныхъ пѣсенъ, «мелодій ихъ напѣва», помимо записыванія преданій и сказокъ, инструкція эта предписывала путешественнику систематическое подробное изученіе страны, населенной даннымъ племенемъ, ознакомленіе съ ея географіей, климатомъ, природою, совѣтовала обратить вниманіе на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и пр. Единственнымъ способомъ выполнить эти задачи для путешественника были пѣшеходныя экскурсіи. «Лѣтнее время года», говорится въ инструкціи, «онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, сдружиться съ нимъ душою и бесѣдою и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза»; зимнее время рекомендовалось проводить въ городахъ, «пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно: тамъ съ помощью библіотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугѣ приведетъ въ порядокъ и систему собранные имъ матеріалы».

Какъ ни трудны были задачи, данныя инструкціей, онѣ оказались И. И-чу подъ силу, благодаря природнымъ дарованіямъ, опытности, пріобрѣтенной въ работахъ по украинской этнографіи, и сохранившемуся до послѣднихъ лѣтъ его жизни умѣнію легко и попросту сходиться со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія.

Путешествіе И. И-ча длилось три года; 17-го сентября 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23-го сентября 1842 года — вернулся. Путь его за-границу лежалъ черезъ Москву и Петербургъ, частью по необходимости служебной,

частью для научныхъ занятій и подготовительныхъ работъ къ путешествію.

Начало первой зимы за-границей И. И. провелъ въ Берлинѣ, гдѣ подъ руководствомъ Боппа занимался санскритскимъ языкомъ, затѣмъ проѣхалъ въ Прагу, гдѣ основался надолго, изучая чешскій языкъ у Іос. Фр. Шумавскаго, другіе славянскіе языки подъ руководствомъ Фр. Челяковскаго, пользуясь совѣтами и указаніями Шафарика и Ганки, работая въ музеѣ и постепенно подготовляясь къ будущимъ пѣшеходнымъ странствованіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начались эти странствованія нѣсколькими небольшими путешествіями по Чехіи изъ Праги, потомъ уже изъ Вѣны по Моравіи; отсюда И. И. двинулся на сѣверъ въ Вратиславь (Бреславль), гдѣ дружески сошелся съ чешскимъ патріотомъ, профессоромъ-физіологомъ Яномъ Пуркинею; изъ Вратислави онъ дѣлалъ экскурсіи для изученія нарѣчія слезаковъ, въ самой Вратислави работалъ въ библіотекѣ и изучалъ дольне-лужицкое нарѣчіе. Въ августѣ направился въ горно-лужицкія земли, въ Сгорѣлецъ (Гёрлицъ), гдѣ сблизился съ лужичанами-патріотами — І. Е. Смоляромъ, при помощи котораго сталъ изучать горно-лужицкое нарѣчіе, Л. Гауптомъ и др.; затѣмъ отправился въ Будишинъ (Бауценъ), отсюда въ Дольнія Лужицы и наконецъ поздней осенью добрался до Дрездена.

Зимою 1840 — 1841 гг. онъ опять былъ въ Прагѣ, гдѣ закрѣпилъ свою дружбу съ П. П. Прейсомъ, потомъ — въ Вѣнѣ; здѣсь онъ готовился къ путешествію въ южнославянскія земли и работалъ надъ сербскимъ и хорватскимъ языками подъ руководствомъ Караджича. Къ веснѣ И. И. отправился въ путь — въ Штирію, Загребъ; здѣсь

свелъ знакомство съ Людевитомъ Гаемъ, сдружился и побратался съ Станкомъ Вразомъ, сошелся со многими другими патріотами-хорватами, дѣятелями иллирскаго возрожденія. Изъ Загреба И. И. направился вмѣстѣ съ Вразомъ въ Краину, затѣмъ изъ Краины, уже безъ Враза, — въ Хорутанію, Резію, Горицу, въ Тріестъ и далѣе, вмѣстѣ съ Прейсомъ, въ Далмацію, Черногорію и обратно въ Загребъ, гдѣ на этотъ разъ познакомился съ Колларомъ, посѣтившимъ Загребъ по пути въ Италію. Отсюда, осенью 1841 г., въ одиночку И. И. поѣхалъ въ Славонію и Сербію и къ зимѣ черезъ Пештъ вернулся въ Вѣну. Весной 1842 г. онъ посѣтилъ хорватовъ, живущихъ въ Венгріи, и словаковъ; въ Бретиславѣ (Пресбургѣ) сошелся съ Л. Штуромъ, въ Тернавѣ — съ знаменитымъ Яномъ Голымъ. Послѣ путешествія по Венгріи въ іюлѣ И. И. направился въ Галичину, Краковъ, Вратиславъ, Познань, Варшаву и черезъ Кіевъ въ Харьковъ.

Время путешествія И. И-ча было эпохой широкаго развитія на славянскомъ западѣ идей панславизма; путешествіе его было радостно привѣтствуемо: въ И. И-чѣ видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго научныя цѣли, но и представителя великаго русскаго племени, гражданина русской имперіи, которая, рисуясь въ то время въ глазахъ западныхъ родичей въ ореолѣ славы, казалась единственной силой, могущей объединить все славянство въ одно нераздѣльное цѣлое. Срезневскаго встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, о его ожидаемомъ проѣздѣ писали въ газетахъ, его дѣятельности старались придать современную, иногда политическую окраску. И какъ ни чуждъ былъ «политики» самъ И. И., онъ невольно поддавался вліянію окружающаго общества; считая обязан-

ностью государственной власти уважать народность и охранять духовную самостоятельность каждаго подчиненнаго ей племени и вслѣдъ за тѣмъ своими глазами увидавъ жестокое угнетеніе славянъ и невзгоды, рушащіяся на нихъ со стороны нѣмцевъ и мадьяръ, онъ проникся негодованіемъ къ господствующимъ племенамъ; на ряду съ серьезной научной работой надъ языкомъ, древностями, литературой, народной словесностью и этнографіей, въ немъ горѣлъ живой интересъ къ современной текущей жизни славянъ; этотъ интересъ, это сочувствіе къ славянамъ, открытость души его къ нимъ, все привлекало ихъ къ нему и сближало его со всѣми. Живыя впечатлѣнія его путешествія ярко выражаются въ его путевыхъ письмахъ къ матери, полныхъ жизни, сверкающихъ талантомъ и наблюдательностью. Сохранившіяся въ его бумагахъ записи славянскихъ дѣятелей являются яснымъ отраженіемъ мыслей, которыя волновали всѣхъ, и были цементомъ, скрѣплявшимъ ихъ связь съ молодымъ путешественникомъ.

Изъ заграничнаго путешествія И. И. вывезъ массу самыхъ разнообразныхъ литературно-научныхъ матеріаловъ; многіе изъ нихъ обработаны, но многіе лежатъ донынѣ въ его архивѣ почти не использованными: записи пѣсенъ, разговоровъ, сборники словъ, описанія обычаевъ, одеждъ, собственноручные рисунки нарядовъ и типовъ, отдѣльныхъ предметовъ обихода и пр. Въ высшей степени цѣнные его отчеты о путешествіи министру народнаго просвѣщенія были напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія», извлеченія изъ путевыхъ писемъ къ Ганкѣ — тоже въ тѣ годы въ «Часописѣ Чешскаго музея» по чешски (въ переводѣ), въ 1907 году въ русскомъ оригиналѣ въ изданіи переписки Ганки (В. А. Францева).

Въ октябрѣ 1842 года одушевленной лекціей, посвященной вопросу о необходимости изученія славянства въ Россіи, И. И. началъ въ Харьковскомъ университетѣ свои чтенія по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій напечатана въ 1893 г. въ «Журналѣ Мин. народнаго просвѣщенія»).

Вступительный курсъ по программѣ, которую И. И. обдумалъ и составилъ еще во время путешествія, заключалъ въ себѣ введеніе въ изученіе славянства и церковно-славянскій языкъ; слѣдующій курсъ обнималъ собою разсмотрѣніе главныхъ славянскихъ нарѣчій, одного за другимъ, въ отношеніи къ ихъ политическимъ судьбамъ, образованности, народной словесности и литературѣ, съ чтеніемъ образцовъ; заключительный курсъ былъ посвященъ объяснительному чтенію древнихъ памятниковъ русскаго языка.

Программа И. И-ча была обширна и для выполненія ея не хватало времени; подробно читать оказывалось возможнымъ (какъ писалъ онъ Ганкѣ) только какую-нибудь часть курса, все же остальное болѣе или менѣе кратко, съ указаніями на источники для самостоятельныхъ работъ студентовъ. Послѣднихъ, какъ говоритъ его харьковскій слушатель М. И. Де-Пуле, онъ завалилъ работами; онъ показывалъ на лекціяхъ «какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ—лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ»—и, «какъ никто тогда, съумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности».

Успѣхъ лекцій И. И-ча былъ громадный. «Студенты всѣхъ факультетовъ», по словамъ М. И. Де-Пуле, «особенно въ первый годъ курса толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора»; «новость предмета», говоритъ онъ же, «бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго

цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи, — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ».

Первую часть вступительнаго курса — введеніе въ изученіе славянства — И. И. предполагалъ издать тогда же съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій, «какъ выборъ не столько лучшаго, сколько любопытнѣйшаго изъ того, что можетъ представить каждое нарѣчіе въ письменной литературѣ и въ народной словесности»; въ этомъ изданіи, какъ писалъ онъ Ганкѣ, онъ хотѣлъ подробно характеризовать нарѣчія и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями.

Помимо лекцій и подготовительныхъ работъ къ изданію образцовъ славянскихъ нарѣчій, И. И. въ то же время дѣятельно трудился надъ разработкой собранныхъ имъ во время путешествія матеріаловъ. Къ этой порѣ относятся его статьи: «Публичныя чтенія о славянахъ» (1843 г.), «Жумборскіе Ускоки» (1843 г.), «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (1844 г.), «Фріульскіе славяне» (1844 г.), цѣнная, въ свое время единственная работа по славянской діалектологіи «Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ» (1845 г.), «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (1846 г.), рядъ критико-библіографическихъ замѣтокъ, между прочимъ обширная статья о сочиненіи Шафарика «Slowanský Národopis» (1843 г., перепечатанная въ 1890 г. въ «Живой Старинѣ»). Тогда же онъ выступилъ съ рядомъ

статей, посвященныхъ изученію древнихъ вѣрованій славянъ, — «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1845 г.), «Архитектура храмовъ языческихъ славянъ» (1846 г.) и съ обширнымъ изслѣдованіемъ, диссертаціей на степень доктора, «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ»; защита этой диссертаціи (3 декабря 1846 г.) дала ему, первому въ Россіи, степень доктора славяно-русской филологіи. Въ тѣ же годы постепенно начинаютъ заинтересовывать И. И-ча и работы надъ древнимъ русскимъ языкомъ, именно работы (какъ видимъ изъ писемъ къ Ганкѣ) надъ «Старорусской грамматикой» и «Историческимъ лексикономъ старорусскаго языка» — прообразомъ того первостепенной важности труда, изданіе котораго завершилось только недавно — болѣе, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти И. И. Срезневскаго.

Въ годы второго пребыванія И. И-ча въ Харьковѣ въ личной жизни его совершилось событіе величайшей важности: въ ноябрѣ 1844 г. И. И. вступилъ въ бракъ съ 19-тилѣтнею дочерью учителя математики харьковской гимназіи Ѳедора Леонтьевича Тюрина, Екатериной Ѳедоровной (р. 1825 г.). Несмотря на большую разницу въ лѣтахъ и жизненномъ опытѣ женившихся, бракъ ихъ былъ изъ счастливыхъ. Благодаря своимъ рѣдкимъ, высокимъ душевнымъ качествамъ, Екатерина Ѳедоровна сразу съумѣла стать другомъ, помощницей и опорой своего мужа. Всегда принимая дѣятельное и живое участіе въ его работахъ, вникая въ его научные и жизненные интересы, раздѣляя съ нимъ заботы о семьѣ, она посвятила себя тому, чтобы сдѣлать болѣе легкой и свѣтлой его трудовую жизнь. Екатерина Ѳедоровна на много

лѣтъ пережила своего мужа, скончавшись въ глубокой старости на другой день послѣ столѣтней годовщины дня его рожденія (2 іюня 1912 г.).

Вскорѣ послѣ докторскаго диспута И. И. получилъ командировку въ Петербургъ. Научные интересы его, такъ расширившіеся со времени путешествія, уже не находили въ Харьковѣ достаточно матеріаловъ. «Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ (какъ писалъ онъ Ганкѣ), пособій, не только рукописныхъ и старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ» не было почти никакихъ; «ни одного труда (читаемъ тамъ же) не могу окончить удовлетворительно...». Эта бѣдность Харькова научными пособіями еще въ августѣ 1846 года побудила И. И-ча начать хлопоты о переводѣ въ петербургскій университетъ, лишившійся въ маѣ 1846 года П. И. Прейса. Къ моменту отъѣзда И. И-ча окончательное рѣшеніе о переводѣ еще не состоялось, и по приказанію министра онъ былъ откомандированъ безъ обозначенія цѣли; ни самъ И. И., ни его харьковское начальство и сослуживцы не думали, что онъ оставляетъ Харьковъ навсегда; онъ предполагалъ провести нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ для изученія памятниковъ древне-русскаго и славянскаго языковъ — рукописныхъ сокровищъ петербургскихъ библіотекъ; какъ писалъ онъ Ганкѣ, изъ-за его отъѣзда харьковскій университетъ не только не проиграетъ, но выиграетъ, потому что по возвращеніи его въ Харьковъ найдетъ въ немъ «профессора несравненно болѣе опытнаго». Такъ думалъ И. И. и въ первые годы петербургской жизни. Но судьба рѣшила иначе: переѣхавъ въ январѣ 1847 г. въ Петербургъ, онъ тамъ остался до самой смерти, послѣдовавшей въ ночь съ 8 на 9 февраля 1880 года.

И. И. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ Петербургскомъ университетѣ 27-го января 1847 года и 28-го числа прочелъ свою первую лекцію «О пользѣ изученія славянской филологіи» съ вступленіемъ о жизни и заслугахъ Прейса, «умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ славянскихъ филологовъ новаго поколѣнія», какъ говорилъ онъ въ лекціи, которому (какъ читаемъ въ другомъ мѣстѣ) онъ считалъ себя обязаннымъ «болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ въ отношеніи къ изученію филологическихъ задачъ и пріемовъ».

Первоначальная программа чтеній была та же, что и въ Харьковскомъ университетѣ, но въ 1848 г. оказалось необходимымъ ее переработать для представленія въ министерство. Это было время страха передъ идеей славянства и гоненія какъ на славянофиловъ, такъ и на всѣхъ лицъ, у которыхъ мелькали общеславянскія мечты и внѣ политики. Въ III отдѣленіи было постановлено сообщить министру народнаго просвѣщенія «о предостереженіи цензоровъ, профессоровъ и учителей, чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ», было предписано слѣдить за московскими журналами и сборниками, особенно за «Чтеніями Общества исторіи и древностей» и вообще за книгами славянофиловъ, Краевскаго же поощрить печатать статьи, подобныя той, въ которой онъ «опровергаетъ бредни славянофиловъ». Естественно подверглись гоненію и каѳедры славяновѣдѣнія — науки, касающейся всей совокупности славянъ, какъ единаго цѣлаго. Министерству нужно было точно опредѣлить границы этой науки, нужна была исчерпывающая предметъ программа; составленіе ея поручили И. И-чу. Новая программа, по словамъ А. Ѳ. Бычкова, своей точностью и ясностью

отстранила отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая была готова разразиться надъ ними.

Цѣлью университетскихъ чтеній, какъ читаемъ въ вступительной лекціи 1850-хъ годовъ, И. И. ставилъ «филологическое знаніе того племени, къ которому принадлежитъ русскій народъ, племени славянъ»; филологическое знаніе «не значитъ знаніе только языка, какъ языка, нѣтъ, — языка, какъ выраженія жизни, — и слѣдовательно не исключительно языка, а вмѣстѣ и всего, въ чемъ выражается жизнь славянъ прошедшая и современная, т. е. быта и образованности славянъ, только преимущественно съ помощью языка». Въ другомъ, болѣе позднемъ, вступительномъ чтеніи въ курсъ (1860-хъ гг.) читаемъ: «...Славянская филологія должна изслѣдовать славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народную словесность и письменность славянъ, какъ выраженіе жизнедѣятельности славянъ, какъ источникъ для изученія судебъ славянъ и какъ пособіе для разумѣнія историческихъ фактовъ. Имѣя же въ виду, что славяне въ продолженіе своей исторической жизни принадлежали къ двумъ различнымъ степенямъ образованности — древней языческой и новой христіанской, славянская филологія должна обратить вниманіе на ту и другую въ отношеніи къ славянамъ отдѣльно, т. е. на славянскія языческія древности и на судьбу языка, словесности и письменности и вообще образованности славянъ въ христіанскіе вѣка».

Путь къ достиженію знанія славянской филологіи долженъ быть таковъ: во-первыхъ, разсмотрѣніе главныхъ чертъ славянскаго племени; во-вторыхъ, изученіе древностей славянъ; въ-третьихъ, изученіе судебъ ихъ образованности, языка и литературы; наконецъ въ четвертыхъ,

изученіе древностей русскаго языка (изъ вступительнаго чтенія 1850-хъ гг.). Эти четыре подраздѣленія науки славянской филологіи легли въ основу четырехъ главныхъ курсовъ И. И-ча: «Введеніе въ славянскую филологію» (иначе «Общее филологическое обозрѣніе славянъ»), «Славянскія древности», «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» и «Древности русскаго языка и словесности»; первоначально (по программѣ 1849 года) послѣдній курсъ носилъ названіе «Чтеніе древнихъ памятниковъ русскихъ»; вскорѣ къ нему было присоединено общее обозрѣніе исторіи русскаго языка, затѣмъ онъ былъ совершенно переработанъ. Къ этимъ четыремъ основнымъ курсамъ было присоединено два добавочныхъ: 1) «Грамматика нарѣчія старославянскаго церковнаго сравнительно съ другими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ и сербскимъ» и 2) «Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ западнославянскихъ нарѣчій, особенно сербскаго, польскаго и чешскаго».

«Общее филологическое обозрѣніе славянъ» по программѣ 1849 г. заключало въ себѣ: 1) вступительную часть — о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ, — въ которой, кромѣ общаго этнографическаго обзора славянскаго племени (съ разсмотрѣніемъ вопроса о границахъ его въ древности и теперь), историческаго обзора славянъ въ отношеніи къ общественному быту, къ религіи и образованности (съ современными статистическими данными), было представлено «общее обозрѣніе содержанія и успѣховъ славянской филологіи, какъ науки вообще и въ примѣненіи къ нашимъ ученымъ нуждамъ»; 2) разсмотрѣніе основныхъ чертъ славянскаго языка, заключавшее въ себѣ общій взглядъ на славянскій языкъ и на его видо-

измѣненія сравнительно съ другими индо-европейскими языками, фонетику его, обозрѣніе корней, формъ образованія словъ, формъ словоизмѣненія, синтаксиса; 3) характеристику славянскихъ нарѣчій (перечень ихъ «съ разборомъ мнѣній относительно отдѣленія однихъ нарѣчій отъ другихъ и систематическаго ихъ распредѣленія») и разсмотрѣніе каждаго отдѣльно по тремъ группамъ: юго-западныя, — старославянское церковное, болгарское, сербское съ хорватскимъ, хорутанское; сѣверо-западныя — чешское съ словацкимъ, лужицко-сербскія, балтійскія, польское; восточныя — великорусское съ бѣлорусскимъ и малорусское. Впослѣдствіи этотъ курсъ нѣсколько видоизмѣнился и расширился: въ связи съ желаніемъ знакомить вновь поступающихъ въ университетъ студентовъ съ общими филологическими свѣдѣніями И. И. сталъ излагать имъ обозрѣніе состава, содержанія, главныхъ выводовъ и успѣховъ филологіи вообще; курсъ получилъ названіе «Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію»; первую часть его занимало «общее обозрѣніе филологіи въ ея современномъ состояніи въ связи съ науками вспомогательными», вторая — «общее филологическое обозрѣніе славянскаго племени» — соотвѣтствовала старому курсу, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1870-хъ годахъ по конспективнымъ записямъ слушателей.

Курсъ «Славянскихъ древностей въ филологическомъ отношеніи» (такъ названъ курсъ въ программѣ 1849 года) заключалъ въ себѣ кромѣ введенія (предметъ, источники и литература) географическое обозрѣніе древнихъ славянъ по сообщеніямъ византійскимъ, арабскимъ, западно-европейскимъ и русскимъ и обозрѣніе быта и образованности

отдѣльныхъ группъ славянскихъ племенъ — юго-западныхъ славянъ, чеховъ и словаковъ, балтійскихъ, польскихъ и русскихъ (до X вѣка); въ каждой группѣ отдѣльно разбирались вопросы — образъ жизни, край и народъ, переселенія, осѣдлости, пути сообщенія, промыслы и торговля, земледѣліе и ремесла, войско и вооруженіе; затѣмъ устройство семейное и общественное, законы и судъ, сословія, княжескіе роды, рабы; затѣмъ религія — языческія вѣрованія и обряды, введеніе христіанства, славянское богослуженіе и латинскіе обряды. Курсъ «Славянскихъ древностей» сохранился въ литографированныхъ запискахъ слушателей 1860-хъ гг., повидимому, въ сокращенномъ изложеніи.

Третій курсъ И. И-ча—«Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» распадался на восемь отдѣленій; изъ нихъ въ первомъ, вводномъ, сообщались общія понятія «объ исторіи языка и исторіи словесности, какъ о части исторіи образованности и какъ объ особенномъ цѣломъ», давалось общее историко-филологическое обозрѣніе славянскаго племени, затѣмъ общее обозрѣніе исторіи славянскаго языка и литературы, обзоръ успѣховъ образованности славянъ, очеркъ исторіи славянскаго языка (три части: главныя черты славянскаго языка, ходъ его постепеннаго измѣненія по пути превращеній и мѣстныхъ видоизмѣненій въ народѣ и письменности, вліяніе иноплеменныхъ языковъ на его измѣненія въ отношеніи къ строю и составу въ народѣ и письменности), далѣе — характеристика народной словесности и характеристика книжной литературы. Въ слѣдующихъ семи отдѣленіяхъ курса разбиралась исторія и литература славянскихъ нарѣчій, каждаго самостоятельно: старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и хорватскаго,

хорутанскаго, чешскаго и словацкаго, сербо-лужицкихъ и балтійскихъ и польскаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ заключалъ въ себѣ (съ различными видоизмѣненіями) историческій очеркъ образованности народа, употреблявшаго то или другое нарѣчіе, исторію нарѣчія, обзоръ народной словесности и письменной литературы до новаго времени. Впослѣдствіи курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій былъ раздѣленъ Срезневскимъ съ В. И. Ламанскимъ: И. И. взялъ на себя исторію языка, В. И. Ламанскій — исторію литературы. Курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ бумагахъ И. И-ча сохранился въ довольно полномъ видѣ, частью въ подлинной рукописи, частью въ копіяхъ; курсъ исторіи славянскаго языка и его нарѣчій былъ литографированъ слушателями въ 1870-хъ годахъ и сохранился съ переправками послѣдняго времени.

Четвертый курсъ И. И. Срезневскаго первоначально былъ посвященъ чтенію древнихъ памятниковъ русской письменности. При объясненіи ихъ, говорится въ программѣ 1849 года, «примѣняются, насколько нужно, западныя славянскія нарѣчія и отмѣчаются главные факты исторіи древняго русскаго языка». Вскорѣ къ этому присоединилось общее обозрѣніе исторіи русскаго языка. Курсъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; начинался вступленіемъ (впослѣдствіи переработаннымъ въ статью «Древнія русскія книги»), затѣмъ шло обозрѣніе древнѣйшей лѣтописи, договоровъ съ греками, лѣтописныхъ сказаній болѣе поздняго времени, сочиненій Луки Жидяты, Иларіона, Іакова мниха, церковныхъ уставовъ и прочихъ памятниковъ до середины XI вѣка. Уже въ 1850 годахъ (сохранились программы 1856 — 1858 гг.)

курсъ этотъ превратился въ курсъ «Русскихъ древностей» (или «Древностей русскаго языка»), принявъ совершенно иную редакцію. Вступительная часть его заключала въ себѣ, послѣ общаго обзора содержанія предмета и литературы его, — палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней русской письменности съ XI по XIV вѣкъ съ разсмотрѣніемъ ихъ списковъ, и обозрѣніе формъ древняго русскаго языка (здѣсь обращалось вниманіе на факты переходнаго состоянія языка по памятникамъ XIV вѣка и разбирался лексическій составъ русскаго языка). Вторая часть курса заключалась въ разсмотрѣніи памятниковъ по содержанію, съ раздѣленіемъ на два разряда — 1) духовная письменность и 2) историческая письменность; первый разрядъ подраздѣлялся на книги богослужебныя, книги св. писанія и догматовъ вѣры, объяснительно-богословскія и поучительныя сочиненія — переводныя и русскія, съ именами и безыменныя (большое вниманіе было удѣлено поученіямъ противъ бѣсовскихъ игръ и пѣсенъ и противъ кумирослуженія); второй разрядъ раздѣлялся на двѣ части: 1) переводныя сочиненія — палея, хронографъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти, и 2) русскія — лѣтописи (съ пересмотромъ главнѣйшихъ данныхъ русской общественной жизни, находимыхъ въ лѣтописяхъ, съ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ видовъ вставныхъ статей въ лѣтописяхъ, собственнаго состава лѣтописи, языка лѣтописей) и отдѣльныя сказанія и повѣсти (сюда входило разсмотрѣніе житій, историческихъ повѣстей, записокъ современниковъ о себѣ, путевыхъ записокъ, поэтическихъ словъ въ сравненіи съ соотвѣтствующими произведеніями скандинавской народной поэзіи). Первоначальная редакція курса «Русскихъ древностей» сохранилась въ почти обработанномъ къ печати

видѣ; вторая редакція постепенно перерабатывалась, и только нѣкоторыя части ея были болѣе или менѣе закончены, именно въ трудѣ, писанномъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни И. И-ча и оставшемся не завершеннымъ.

Курсъ «Русскихъ древностей» въ срединѣ 1860-хъ гг. дополнился необязательнымъ курсомъ Славянской палеографіи; одна изъ обработокъ этого курса была напечатана послѣ смерти И. И-ча подъ заглавіемъ «Славяно-русская палеографія». Но кромѣ этого курса, какъ видно изъ конспектовъ, были и другіе, по всей вѣроятности, никогда не излагавшіеся письменно, а передававшіеся слушателямъ устно. Таковъ курсъ, въ конспектѣ названный «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской до-татарскаго періода». Курсъ дѣлится на три части: 1) Внѣшность рукописей, 2) Подлинники и списки и 3) Рукописи, какъ памятники образованности древней Руси (разряды рукописей, переводчики и сочинители). Первая часть этого курса сохранилась также и въ иномъ планѣ, вѣроятно болѣе раннемъ, и, можетъ быть, предназначавшемся не для лекцій, а для научнаго труда. «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской» (какъ названъ этотъ трудъ), подраздѣляя памятники на три разряда (книги, грамоты и написи), разбираетъ два первые разряда вмѣстѣ, послѣдній отдѣльно. При разсмотрѣніи рукописей изслѣдуются работы по писанію (писцы, матеріалъ, чернило, перо, линевка, почеркъ, нотные знаки, приписки), работы по рисованію (рисовальщики, краски, кисти и перо, заставки, картины) и переплетъ книги или складка грамоты. Въ отдѣлѣ написей разбираются разные виды написей по матеріалу и работѣ и почеркъ буквъ написей сравнительно съ рукописями. Въ дополненіе

къ курсу Русской палеографіи въ 1872 г. И. И. читалъ эпизодическій курсъ Греческой палеографіи.

Кромѣ университета И. И. состоялъ профессоромъ Главнаго педагогическаго института по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій съ самаго учрежденія этой каѳедры въ институтѣ въ 1848 году до закрытія института въ 1859 году. Вслѣдствіе особенныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся институтомъ, спеціально предназначеннымъ для подготовленія молодыхъ людей къ учительскимъ должностямъ, И. И-чу пришлось нѣсколько измѣнить университетскую программу и характеръ преподаванія, опустивъ изложеніе древностей быта и увеличивъ количество практическихъ упражненій. Позже, въ 1855 году, программа эта была принята въ руководство министерствомъ народнаго просвѣщенія и напечатана.

По этой программѣ курсъ славянской филологіи распадался на два главныхъ отдѣла: 1-й подготовительный, общій для всѣхъ студентовъ (1-го и 2-го курсовъ), 2-й чисто филологическій — для студентовъ-филологовъ (3-го и 4-го курсовъ). Въ первый отдѣлъ входило общее филологическое обозрѣніе славянъ, распадавшееся на слѣдующія части: 1, о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ; 2, основныя черты славянскаго языка; 3, филолого-литературное обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; къ этому же отдѣлу относился практическій курсъ нарѣчій старославянскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго. Во второй отдѣлъ входилъ курсъ древностей славянскаго языка: 1, историческія припоминанія о судьбахъ славянъ въ IX — XIV вѣкахъ; 2, обозрѣніе памятниковъ языка; 3, судьбы народнаго языка и народной словесности; 4, судьбы книжнаго языка и литературы; сюда же относился курсъ новой исторіи

славянской литературы (введеніе, литература сербская, чешская и польская).

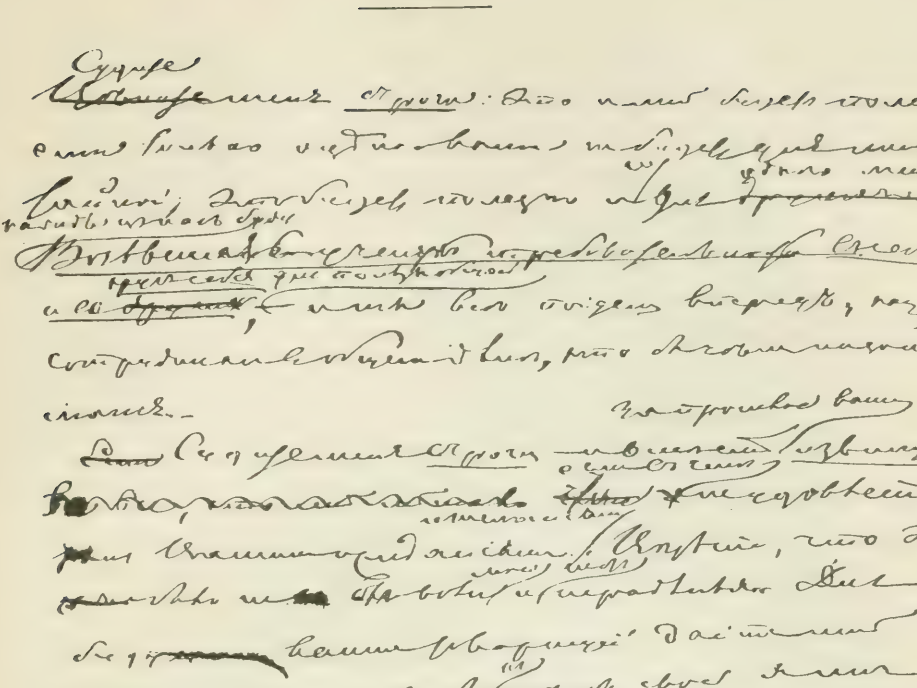
Собственноручныя записки лекцій И. И-ча сохранились далеко не всѣ въ полномъ видѣ; старыя записки обыкновенно шли въ дѣло при новыхъ обработкахъ курсовъ, постепенно измѣняясь въ зависимости отъ развитія научныхъ воззрѣній автора. «Изслѣдованія только начаты», писалъ И. И. арх. Амфилохію въ 1859 г.; «тѣмъ, что сдѣлано, довольствоваться нельзя; чѣмъ лучше слушатели, тѣмъ болѣе хочется быть имъ полезнымъ: отъ этого и приходится или перерабатывать съ-изнова то, надъ чѣмъ уже трудился, или съ самаго начала трудиться». Возстановить полные курсы лекцій И. И-ча не легко; какъ бы то ни было, но для исторіи науки славяновѣдѣнія возстановленіе это очень важно, и нужно надѣяться, что когда-нибудь оно и будетъ сдѣлано, хотя бы въ видѣ подробныхъ конспектовъ.

Ведя курсы своихъ лекцій, И. И. всегда ставилъ своею цѣлью пробужденіе въ своихъ слушателяхъ самостоятельности и привлекалъ ихъ къ дѣятельному въ нихъ участію. На необходимость этого онъ указываетъ въ одной изъ вступительныхъ лекцій: «не только долженъ *я* останавливать ваше вниманіе на томъ, что нужно», говоритъ онъ, «но и *вы* должны принимать въ этомъ живое участіе, не про себя, а взаимно со мною. Намъ нужны собесѣдованія». Въ другой, заключительной лекціи, онъ говоритъ: «Я хотѣлъ бы представлять на ихъ (слушателей) соображеніе то, что можетъ служить для уясненія и пополненія извѣстнаго и вмѣстѣ пробуждать ихъ самодѣятельную мысль, не водя ихъ на помочахъ, а раскрывая вопросы и данныя, годные для ихъ рѣшенія, и возбуждая ихъ безпристрастную, покойную и честную наблюдательность. Лестно для често-

любія, конечно, имѣть послѣдователей, но вовсе не лестно и не честно останавливать движеніе науки впередъ; а слѣпые послѣдователи только для этого и существуютъ. Я бы хотѣлъ имѣть не послѣдователей, а сотрудниковъ, работающихъ или помогающихъ работать другимъ, не для утвержденія въ себѣ напередъ увѣрованныхъ идей и взглядовъ, а для отысканія истины, какова бы она ни была, не для убиванія науки, а для жизни»...

Стремленіе пробудить среди слушателей «самодѣятельную мысль», самостоятельность въ трудѣ, умѣнье научно работать—вело за собою требованіе постоянныхъ самостоятельныхъ работъ студентовъ надъ отдѣльными вопросами, самостоятельнаго составленія отдѣльныхъ лекцій, или цѣлаго ряда ихъ. Въ архивѣ И. И-ча сохранилось множество подобныхъ работъ и рядовыхъ студентовъ, и лицъ, занявшихъ впослѣдствіи высокія мѣста въ исторіи русской культуры; всѣ работы эти являются яркимъ отраженіемъ основной идеи И. И-ча, рѣшительно проводившейся имъ съ первыхъ лекцій въ Харьковѣ до конца жизни.

Добиваясь въ своихъ слушателяхъ развитія самодѣятельности и самостоятельности, И. И. требовалъ въ то же время критическаго отношенія къ самимъ себѣ, научной осторожности въ выводахъ, не допускалъ «самонадѣянности», остерегалъ отъ скороспѣлыхъ приговоровъ. И для самого себя онъ былъ первый и безпощадный критикъ. «Судите меня строго», говоритъ онъ въ своей заключительной лекціи, изъ которой уже приведена выше цитата: «это и мнѣ будетъ полезно, если только оцѣнка ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ возвышать ученую требовательность въ себѣ и вокругъ себя для пользы общей,—и мы



Изъ прощальной лекціи съ курсомъ.

Чтеніе:

Судите меня *строго:* это и мнѣ будетъ полезно, если только оцѣнка ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ *возвышать ученую требовательность въ себѣ и вокругъ себя* для пользы общей,—и мы всѣ пойдемъ впередъ, какъ сотрудники въ общемъ дѣлѣ, кто бы чѣмъ ни занимался.

Судите меня *строго* — и вмѣстѣ за прошлое ваше *извините*, если въ чемъ не удовлетворялъ вашимъ ожиданіямъ и желаніямъ. Вѣрьте, что это было не отъ воли моей и не отъ нерадѣнія. Для будущихъ вашихъ товарищей дайте мнѣ *друж*[ескій] *совѣтъ*, какъ бы къ цѣли своей я могъ стремиться съ большею для нихъ выгодою.—

Простите,—и не поминайте лихомъ.

всѣ пойдемъ впередъ, какъ сотрудники въ общемъ дѣлѣ, кто бы чѣмъ ни занимался».

П. П. высоко ставилъ науку, требовалъ къ ней уваженія, и во всѣхъ, кого училъ наукѣ или съ кѣмъ сближался на почвѣ ея, старался пробудить любовь къ ней—будь то студенты, дѣти, товарищи или случайные слушатели: «Люби науку», говоритъ онъ въ своей одушевленной рѣчи на торжествѣ столѣтія смерти Ломоносова, — «она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ—отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія. Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ».

«Въ преподаваніи своей науки», читаемъ въ воспоминаніяхъ Л. Н. Майкова, бывшаго ученикомъ П. П-ча, «онъ увлекалъ живостью, ясностью и простотой изложенія, наглядными подробностями и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ, которое отъ профессора легко сообщалось и студентамъ; и этотъ интересъ, эта сила впечатлѣнія еще возрастали въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ: онъ умѣлъ пріохотить къ занятіямъ и старался возбуждать въ своихъ слушателяхъ самодѣятельность; его критическая пытливость въ особенности оказывала развивающее вліяніе на тѣхъ, кто пользовался его руководствомъ, и если онъ бывалъ требователенъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ ему работъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ и слово поощренія и ободренія для тѣхъ,

въ комъ видѣлъ способности и охоту къ научному труду». По словамъ другого ученика И. И-ча, П. И. Аландскаго, «изложеніе его отличалось ясностью, точностью, опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы»; «онъ не старался поражать слушателей громадностью фактическихъ данныхъ», и представлялъ имъ «не многія, но точныя данныя науки». Будучи на лекціяхъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ ученыхъ печатныхъ трудахъ, говоритъ слушатель И. И-ча Я. Ѳ. Краснопѣвцевъ, онъ нерѣдко сообщалъ студентамъ и такія научныя мнѣнія, какихъ не высказывалъ въ печати; при этомъ всегда «открещивался отъ навязыванія» имъ своихъ взглядовъ, «всегда сообщалъ и мнѣнія противоположныя».

Объ отношеніи И. И-ча къ студентамъ припоминаетъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ В. И. Ламанскій, тоже ученикъ его, потомъ товарищъ по каѳедрѣ. «Къ молодежи», говоритъ онъ, «И. И. всегда относился съ великимъ участіемъ, а если замѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ искреннюю любовь къ наукѣ и дарованіе, то даже съ увлеченіемъ; въ то время, когда его сверстники—старики однихъ съ нимъ чиновъ и орденовъ, о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ иначе не отзывались какъ съ ненавистью и негодованіемъ, И. И. прямо говорилъ объ ихъ умѣ, дарованіи и образованности». Нѣкоторые изъ наиболѣе цѣнимыхъ имъ студентовъ, особенно тѣ, у которыхъ не было семьи въ Петербургѣ, бывали имъ приняты въ его семейномъ кругу, какъ свои. Эта близость нерѣдко продолжалась и послѣ того, какъ студенты кончали курсъ.

Въ одной изъ многочисленныхъ статей объ И. И-чѣ, появившихся въ печати послѣ его смерти, вспоминаются «его умныя, полныя творчества бесѣды, въ которыхъ

раскрывалъ онъ свои научные взгляды и выводы, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ»; «оттого», говорится тамъ, «многіе готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекцій». О бесѣдахъ И. И-ча вспоминаетъ также В. П. Ламанскій: «Подвижность и энергія, оригинальный умъ, богатство личнаго опыта и разнообразіе живыхъ и книжныхъ свѣдѣній, мастерское знаніе русской рѣчи, находчивость въ выборѣ нужнаго слова и выраженія для каждаго оттѣнка мысли и предмета разговора дѣлали И. И-ча чрезвычайно занимательнымъ собесѣдникомъ. Его сужденія о различныхъ явленіяхъ жизни, искусства, литературы, науки были всегда своеобразны и остроумны, а его отношенія къ людямъ, при всей его насмѣшливости, извѣстномъ скепсисѣ и критицизмѣ, вообще отличались терпимостью и доброжелательствомъ. Только пошлость, самодовольное невѣжество, такъ называемая имъ канцелярщина и завѣдомое попраніе свято имъ чтимыхъ высокихъ семейныхъ началъ всегда возбуждали въ немъ неумолимую насмѣшку и негодованіе».

Профессорская дѣятельность И. И-ча въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась въ теченіе 33 лѣтъ, съ января 1847 по январь 1880 г.; послѣднія лекціи были прочтены имъ дома, такъ какъ онъ уже не въ силахъ былъ ѣздить въ университетъ.

Университетская жизнь слилась съ жизнью самого И. И-ча, сдѣлалась ея неразрывной частью. Помимо научно-учебной дѣятельности, въ университетѣ у него была и иная дѣятельность: до самой смерти онъ состоялъ деканомъ факультета, такимъ образомъ непремѣннымъ членомъ правленія; въ 1861 г., въ одну изъ тяжелыхъ минутъ

жизни университета, исправлялъ должность ректора; въ 1862 — 1863 г. состоялъ членомъ комиссіи по управленію дѣлами университета. Эта сторона дѣятельности, далекая отъ науки, связанная съ обязанностью имѣть дѣло съ ненавистнымъ ему чиновничествомъ, «приказными» (какъ онъ называлъ), много отняла у него силъ и здоровья и значительно способствовала развитію жестокихъ нервныхъ страданій. Въ особенности тяжело ему бывало бороться противъ оффиціально-полицейскаго отношенія къ студентамъ, къ которымъ онъ самъ относился строго, но сердечно. Сердечность эта чувствовалась молодежью и находила среди нея благодарный откликъ; И. И. вспоминалъ, какъ оберегали его студенты отъ возможныхъ случайностей, когда во время университетскихъ волненій ему приходилось въ качествѣ оффиціальнаго лица бывать среди возбужденной толпы.

Въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ 18 декабря 1848 г. И. И. былъ избранъ адъюнктомъ этого Отдѣленія. Русское отдѣленіе Академіи не блистало въ то время научными силами; въ немъ былъ собственно только одинъ представитель истинной учености, А. Х. Востоковъ, въ лицѣ котораго И. И. нашелъ себѣ неоцѣнимаго учителя и совѣтника; другіе члены, за исключеніемъ, можетъ быть, П. Г. Буткова и В. А. Полѣнова, къ наукѣ имѣли мало отношенія: это были И. И. Давыдовъ, М. А. Коркуновъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Бередниковъ и І. С. Кочетовъ. Труды Отдѣленія при вступленіи И. И-ча были посвящены составленію обще-сравнительной грамматики русскаго языка, разбору матеріаловъ для словаря областныхъ словъ и пополненію изданнаго въ 1847 г.

«Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка». И. И. понемногу началъ вносить оживленіе въ унылую дѣятельность Отдѣленія и вскорѣ на многіе годы, до самой своей смерти, сдѣлался его центромъ, главной его научной силой.

Первая идея, которую И. И. сталъ проводить въ среду своихъ сочленовъ, — была мысль о необходимости положить начало періодическому изданію, посвященному исключительно «наукѣ русскаго языка и знаніямъ для него вспомогательнымъ», «которое бы для всякаго образованнаго русскаго облегчало возможность слѣдить за успѣхами русской и вообще славянской филологіи» и содѣйствовало такой дѣятельности. Многихъ усилій стоило И. И-чу осуществленіе этой мысли, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ достигъ ея исполненія, и въ 1852 г. Отдѣленіе приступило къ изданію «Извѣстій»; душою ихъ, единственнымъ и безсмѣннымъ редакторомъ во все время ихъ существованія былъ И. И. «Извѣстія» выходили съ 1852 по 1863 г.; ихъ вышло 10 томовъ. Какъ особыя приложенія къ нимъ, издавались «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 томовъ) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 тетради). Въ непосредственной связи съ этимъ изданіемъ находятся начатыя Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ 1854 г., также подъ редакціей Срезневскаго, «Ученыя Записки» (прекратившіяся въ 1863 г.).

«Извѣстія» съ своими приложеніями составили замѣчательное явленіе во всей славянской наукѣ; они стали средоточіемъ дѣятельности русскихъ филологовъ, палеографовъ и историковъ литературы и дали массу цѣнныхъ статей по славяновѣдѣнію, языкознанію, литературѣ, палео-

графіи, обширный подборъ матеріаловъ по народной словесности, рядъ словарей (между прочимъ замѣчательный трудъ Востокова «Словарь церковно-славянскаго языка»), а въ отдѣлѣ «Библіографическія записки» — живую лѣтопись всѣхъ событій литературной и научной жизни русскаго, западнаго и южнаго славянства за обнимаемый ими періодъ времени.

Годы редактированія «Извѣстій» были порой наиболѣе кипучей дѣятельности И. И-ча въ Академіи; это было время полнаго расцвѣта его силъ. Пересматривая томы «Извѣстій», приходится только удивляться работоспособности и энергіи ихъ редактора; въ обоихъ изданіяхъ Отдѣленія было помѣщено до 80 его изслѣдованій и безъ малаго 600 библіографическихъ замѣтокъ, иногда принимавшихъ размѣры крупныхъ статей. Но тяжело физически и нравственно легла на И. И-ча эта работа. Оканчивая «Извѣстія» въ 1863 году, онъ писалъ архимандриту Амфилохію: «Трудиться, какъ трудился, уже не могу; не хватаетъ силъ, и глазъ, и времени. . . . А между тѣмъ другихъ работъ у меня много: . . . словарь, палеографія, критическое разсмотрѣніе памятниковъ, исторія языка и т. д. Не хватитъ моей жизни покончить все затѣянное — я это чувствую; тѣмъ не менѣе надо додѣлать хоть что нибудь».

Университетъ и Академія во весь петербургскій періодъ являются двумя главными центрами жизненныхъ и научныхъ интересовъ И. И-ча. Первый, близкій къ дѣйствительной жизни, нерѣдко отвлекалъ его отъ науки къ практической дѣятельности, вторая постепенно глубже и глубже погружала его въ чистую науку, съ теченіемъ времени все болѣе отвлеченную. «Въ одной наукѣ», писалъ И. И. архимандриту Амфилохію, «можно найти успокоеніе, потому что

она одна можетъ быть такимъ занятіемъ для человѣка, которое его не обезсилитъ и не отведетъ отъ нравственныхъ убѣжденій, а между тѣмъ всегда его будетъ влечь къ себѣ и давать возможность быть полезнымъ для другихъ».

Въ основѣ всей научной дѣятельности петербургскаго періода лежали труды филологическіе; имъ, можно сказать, посвящена эта часть жизни И. И-ча, и все, надъ чѣмъ онъ работалъ, къ нимъ велось, ихъ имѣло цѣлью. Первыя его работы по филологіи относятся еще ко времени путешествія по западнымъ славянскимъ землямъ и даже къ болѣе раннимъ годамъ; изъ числа ихъ слѣдуетъ припомнить: «О славянскихъ нарѣчіяхъ»—характеристика хорутанскаго нарѣчія (1841), «Изслѣдованіе о границахъ славянскихъ нарѣчій» (1843), «Обозрѣніе сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ» (1845).

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, открывшимъ И. И-чу доступъ къ памятникамъ русскаго письма, филологическія разысканія его по преимуществу направились къ историческому изученію русскаго языка. Первымъ результатомъ этихъ работъ былъ замѣчательный трудъ его «Мысли объ исторіи русскаго языка» (изданы были 4 раза: два—въ 1849, въ 1850 и въ 1887 гг.). Первоначально актовая университетская рѣчь, впослѣдствіи «Мысли» были дополнены обширными примѣчаніями и отчасти переработаны. Начавъ собою, какъ говоритъ А. А. Котляревскій, «настоящее строго методическое изученіе исторіи русскаго языка», эта работа можетъ быть названа однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ науки русскаго языкознанія. Въ ней впервые высказывается убѣжденіе въ необходимости историческаго изученія языка въ связи съ исторіей народа, впер-

Въ языкѣ народъ выражается
полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ
чемъ либо другомъ — не только въ послѣднемъ
своемъ положеніи, но и
исторически. Все, что есть у народа въ его бытѣ и понятіяхъ, и все, что
народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется
языкомъ. Въ высшемъ своемъ жизненномъ и исторически важномъ
примѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей
образованности народа: жизненныхъ правилъ, научныхъ знаній, религіозныхъ
вѣрованій и художественнаго вкуса.

Изъ Энциклопедическаго введенія въ Славянскую филологію (1876—1877).

Чтеніе:

Въ языкѣ народъ выражаетъ себя полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ — не только въ послѣднемъ своемъ положеніи, но и исторически. Все, что есть у народа въ его бытѣ и понятіяхъ, и все, что народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется языкомъ. Въ высшемъ своемъ жизненномъ и исторически важномъ примѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей образованности народа: жизненныхъ правилъ, научныхъ знаній, религіозныхъ вѣрованій и художественнаго вкуса.

вые поднимается вопросъ о древности нарѣчій русскихъ и времени ихъ образованія, разбираются особенности древняго русскаго языка въ его постепенныхъ измѣненіяхъ, даются указанія для работъ по подготовленію матеріала для составленія исторіи русскаго языка при посредствѣ подробнаго пересмотра древнихъ памятниковъ, изученія народныхъ нарѣчій и современнаго языка литературы и образованнаго общества. «Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго», — говоритъ Н. В. Волковъ въ статьѣ «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка»,—«ни разу не ставилась такъ полно задача русской филологіи и не намѣчались пути ея развитія». «Мы видимъ передъ собой въ этомъ трудѣ» (слова А. А. Шахматова въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка, чит. въ 1890 г.) «отлично дисциплинированнаго ученаго; ему не только ясно высокое качество сосредоточившагося научнаго матеріала, его не только занимаетъ конечная цѣль научнаго строительства—это опытный работникъ, приступающій къ самому строительству».

Намѣтивъ въ «Мысляхъ» программу дальнѣйшей работы для созиданія исторіи русскаго языка, И. И. приступилъ къ постепенному ея выполненію путемъ изученія отдѣльныхъ памятниковъ языка, какъ старославянскаго, такъ и древне-русскаго, путемъ подготовительныхъ словарныхъ работъ для общаго историческаго русскаго словаря и собиранія матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, путемъ изслѣдованій по географіи языка и изученія памятниковъ народной словесности. Онъ осторожно велъ свои изслѣдованія, не увлекаясь поспѣшными выводами, остерегаясь давать не вполнѣ обоснованныя гипотезы, и свои мнѣнія рѣдко высказывалъ съ рѣшительностью. Но общая идея работъ была ясна для него. Люди,

не понимавшіе, что за частными и мелкими на первый взглядъ вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ трудился и которыми подчасъ занималъ своихъ сочленовъ по Академіи, скрывается глубокій смыслъ, не уяснявшіе себѣ, что такіе вопросы являются только матеріаломъ для болѣе точнаго и правильнаго рѣшенія вопросовъ общаго значенія, — люди эти смѣялись надъ Срезневскимъ, скучали въ засѣданіяхъ отъ его «юсовъ», но «мертвый буквоѣдъ» былъ неизмѣримо ихъ выше; это былъ мыслитель съ великими горизонтами и съ ясной вѣрой въ науку, служенію которой посвятилъ свою жизнь.

Непрерывной полосой почти черезъ всю жизнь И. И-ча идутъ его работы по собиранію лексическихъ матеріаловъ славянскихъ языковъ. Къ работамъ этимъ онъ приступилъ еще до заграничнаго путешествія, начавъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря, который и былъ впослѣдствіи составленъ вчернѣ подъ заглавіемъ «Словарь южнорусскаго нарѣчія». Однимъ изъ результатовъ путешествія въ западно-славянскія земли явился словарь нарѣчія горныхъ словаковъ, оставшійся въ рукописи, и нѣсколько мелкихъ словариковъ западно-славянскихъ нарѣчій. По переѣздѣ въ Петербургъ и вступленіи въ Академію И. И. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ надъ областнымъ русскимъ словаремъ (редакція котораго была взята на себя А. Х. Востоковымъ); по порученію Отдѣленія онъ составилъ его програму и внесъ въ него свое обширное собраніе матеріаловъ по областному языку. Длинный рядъ статей былъ посвященъ имъ вопросу лексикографіи; таковы: обширный разборъ Академическаго словаря 1847 г. (1848), разборъ словарей Рейфа (1851), замѣтка о словарѣ литовскаго языка Нессельмана (1852), «Замѣчанія

касательно новаго изданія русскаго словаря» (1853), «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» (1854), записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, сост. А. Аѳанасьевымъ (1854), разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова (1857), «Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ» (1859), «О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвеня» (1860), «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій (1866), записка о составленіи словаря русскаго языка (1866).

Работы надъ тѣмъ монументальнымъ трудомъ, который увидѣть въ печати самому И. И-чу не пришлось и который только въ 1912 г. закончился одиннадцатымъ выпускомъ, начаты имъ издавна — съ половины 1840-хъ гг. Сначала составитель не предполагалъ ограничить его матеріаломъ письменныхъ памятниковъ древней литературы, думая внести въ него и новый языкъ; но планъ этотъ, постепенно перерабатываясь, къ концу 1860-хъ гг. вылился въ словарь древне-русскаго языка по памятникамъ до XIV в.; тогда же была сдѣлана первая проба его изданія, остановившаяся на первомъ же листѣ; причиной этой остановки былъ, очевидно, сильный приливъ памятниковъ: это была пора открытій въ исторіи изученія русской письменности. Увеличивая число памятниковъ даннаго періода вносимыхъ въ матеріалъ для словаря, И. И. послѣ 1860-хъ гг. сталъ понемногу расширять и самый періодъ времени, изъ памятниковъ котораго онъ черпалъ матеріалы, захвативъ въ своихъ работахъ, кромѣ XI—XIV вв., XV и частью XVI вѣка. Наиболѣе трудный вопросъ при составленіи словаря заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего запаса собраннаго лексическаго матеріала, включавшаго помимо древняго русскаго языка и

церковно-славянскій, именно того, что представляло собою языкъ русскаго народа XI—XV вв.; этотъ вопросъ составителю словаря пришлось рѣшить, принявъ въ основу принадлежность или непринадлежность даннаго памятника къ русской письменности; отдѣленіе языка церковно-славянскаго отъ древняго русскаго онъ находилъ настолько невозможнымъ, насколько невозможно теперешній русскій языкъ отдѣлить отъ простонароднаго; и словарь свой, нужно думать, понималъ не только какъ сборникъ словъ и реченій живого народнаго языка древней Руси, но и какъ совокупность всѣхъ словъ, находящихся въ памятникахъ русскаго письма,—т. е., такимъ образомъ, и церковно-славянскихъ,—усвоенныхъ, понимаемыхъ и распространенныхъ въ образованномъ классѣ древней Руси, среди русскихъ книжныхъ людей X—XV вѣковъ.

Словарь послѣ смерти И. И-ча остался въ рукописи, вѣрнѣе — въ массѣ карточекъ и рядѣ частныхъ словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Значеніе словаря еще при жизни составителя было оцѣнено и отдѣльными учеными, пользовавшимися его матеріалами, и сочленами его по Отдѣленію русскаго языка, хорошо знакомыми по неоднократнымъ его сообщеніямъ съ ходомъ и направленіемъ его словарной работы и принимавшими участіе въ обсужденіи ея плана; это обстоятельство сдѣлало то, что словарь не остался подъ спудомъ и изданъ Академіей. Онъ названъ «Матеріалами для словаря древне-русскаго языка», такъ какъ дѣйствительно въ значительной мѣрѣ представляетъ собою сырой матеріалъ, не обработанный опытной рукой мастера. Собранный И. И-чемъ лексическій матеріалъ громаденъ: словарь обнимаетъ собою 308 печатныхъ листовъ или 4928 столбцовъ; по при-

близительному подсчету количество всѣхъ выписокъ достигаетъ 120.000.

Къ общимъ работамъ по русскому языку слѣдуетъ отнести тѣ, которыя были посвящены вопросамъ преподаванія языка. Онѣ явились, какъ И. И. самъ пишетъ, результатомъ его служебной дѣятельности: въ 1848 г. онъ былъ назначенъ для наблюденія за преподаваніемъ и испытаніями по русскому языку и словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ, потомъ съ 1851 по 1857 г. состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ, съ 1856 по 1859 г. былъ членомъ ученаго комитета главнаго управленія училищъ по русской словесности. Всѣ эти служебныя занятія не были, да и не могли быть по самому складу натуры И. И. Срезневскаго, простою формальностью: онъ уходилъ въ нихъ глубоко и съ увлеченіемъ. Вопросы преподаванія языка и вообще вопросы педагогики были кромѣ того близки и важны ему какъ отцу — учителю и воспитателю своихъ дѣтей. Въ его мысляхъ по этимъ вопросамъ мы видимъ поэтому такъ много глубины, опытности и вниманія.

Первое мѣсто въ ряду педагогическихъ трудовъ И. И-ча занимаютъ его бесѣды «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» — извлеченіе изъ читанныхъ имъ въ 1860 году публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Бесѣды эти, затрагивая жизненные, больные донынѣ, вопросы педагогики, въ свое время возбудившія оживленный обмѣнъ мнѣній, не только не потеряли значенія, но и теперь должны быть поставлены въ ряду лучшихъ трудовъ, наиболѣе полно продуманныхъ и широко охватывающихъ предметъ. Нѣкоторыя ихъ страницы всегда будутъ останавливать на себѣ сочув-

ственное вниманіе не только воспитателя, но и всякаго вдумчиваго человѣка. Къ той же области относятся и отличаются тѣмъ же характеромъ статьи: «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Дополненія

— Родной нашъ языкъ долженъ быть главною основою и общей нашей образованности и образованія каждаго изъ насъ — такъ, что бы въ немъ онъ сосредоточивомъ и отъ него зависѣлъ.

Изъ бесѣдъ «Объ изученіи родного языка».

къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Изъ добавочныхъ листковъ къ бесѣдамъ объ изученіи родного языка» (1899). Кромѣ этихъ работъ въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось, и до сихъ поръ еще не издано, не мало замѣтокъ, принимавшихъ иногда размѣръ обширныхъ статей, отвѣтовъ на запросы попечителей округа и министровъ. Таковы: Наставленіе преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ (ок. 1850 г.), Записка о преподаваніи отечественнаго языка и словесности

въ гимназіяхъ (1858), Замѣчанія о программахъ русскаго языка и словесности, Записка объ упражненіяхъ воспитанниковъ гимназій по русскому языку и словесности (1876) и др.

Труды И. И-ча по географіи русскаго языка и по разработкѣ вопросовъ лингвистики въ связи съ этнографіей въ петербургскій періодъ его жизни сосредоточились въ географическомъ обществѣ, въ которое онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ по этнографическому отдѣленію вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ февралѣ 1847 г. Наибольшую напряженность работы его по отдѣленію этнографіи имѣли въ 1850-хъ гг., когда онъ состоялъ сначала (1850 — 1856) помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи И. И. Надеждина, а затѣмъ предсѣдательствующимъ (1857—1859). Съ самаго вступленія въ общество И. И. занялся разработкой обширнаго собранія рукописныхъ матеріаловъ, поступавшихъ въ общество въ отвѣтъ на разсылаемую этнографическую программу; въ 1852 г. онъ предложилъ начать изданіе разработанныхъ имъ матеріаловъ географическаго общества съ приложеніемъ своего собственнаго собранія такихъ же матеріаловъ, и въ 1853 г. приступилъ къ печатанію сборника матеріаловъ для географіи русскаго языка подъ заглавіемъ «Памятники народнаго русскаго языка и словесности»; въ 1856 г. внесъ предложеніе о необходимости изданія матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка, принявъ на себя его редакцію; оба эти предложенія не были, однако, приведены въ исполненіе. Въ изданіяхъ общества И. И. помѣстилъ рядъ цѣнныхъ статей по географіи русскаго и другихъ славян-

скихъ языковъ; это были: «Этнографическая карта Европы и пояснительная статья къ ней» (1849), «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка» (1852). Къ этому же ряду статей надо отнести еще напечатанную въ академическихъ Извѣстіяхъ историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.» (1860), не напечатанныя статьи о трудахъ Второва и Александрова-Дольника по изученію юго-восточной окраины Россіи, «Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ современной русской литературѣ» (сохранилось введеніе и планъ) и др.

Народная словесность въ петербургскій періодъ жизни И. И-ча привлекала его вниманіе сравнительно мало. Припомнимъ изданіе собранныхъ имъ во время путешествія нѣсколькихъ памятниковъ нарѣчій южныхъ и западныхъ славянъ — сербскія и хорутанскія пѣсни, пословицы малогонтскихъ словаковъ, пословицы сербовъ горно-лужицкихъ, купальскую пѣсню шаришскихъ словаковъ, напечатанныя въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, составленную И. И-чемъ «Программу для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности», «Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ», замѣтку о старческой пѣсни о горѣ-злосчастіи, «Замѣчанія касательно стиха о голубиной книгѣ», замѣтки о книгѣ Безсонова «Калѣки перехожіе» и о книгѣ Берга «Пѣсни разныхъ народовъ» и др.

Въ ряду работъ И. И. по изслѣдованію древнихъ памятниковъ на первомъ мѣстѣ должно поставить его классическій

трудъ «Древніе памятники русскаго письма и языка X — XIV вв.». Это единственный еще до сихъ поръ повременный перечень русскихъ письменныхъ памятниковъ, какъ сохранившихся до нашего времени, такъ и тѣхъ, которые уже утрачены, но о существованіи которыхъ есть несомнѣнныя данныя. Сжатый по формѣ, чрезвычайно богатый содержаніемъ, онъ является плодомъ огромнаго труда, разнообразныхъ знаній и соображеній, мелочныхъ и утомительныхъ работъ, особенно въ запутанныхъ вопросахъ опредѣленія хронологіи. Кромѣ перечня памятниковъ въ немъ была дана масса выписокъ изъ рукописей, по большей части до того времени въ печати совершенно неизвѣстныхъ. Впервые напечатанный въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и занявшій одинъ почти весь 10-й ихъ томъ (отдѣльнымъ изданіемъ былъ выпущенъ въ 1863 г.), трудъ этотъ былъ впослѣдствіи переработанъ составителемъ и изданъ, но уже безъ приложеній, послѣ его смерти (1882).

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ обзоръ церковнославянскихъ памятниковъ, писанныхъ кириллицею, — «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» (1868). Кромѣ обширнаго изслѣдованія о тридцати трехъ памятникахъ XI — XIV вв., изъ которыхъ только четыре были извѣстны ранѣе, книга эта представляетъ въ точной для того времени передачѣ тексты рукописей, частью полностью, частью въ выпискахъ. Общій обзоръ юго-западныхъ памятниковъ за IX — XII вв. И. И. далъ въ книгѣ «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), впослѣдствіи въ рукописи дополненной XIII и XIV вѣками.

Изслѣдованія о памятникахъ глаголическихъ, къ которымъ И. И. неоднократно возвращался въ своихъ занятіяхъ, находятся въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о времени происхожденія глаголицы и отношенія глаголическаго письма къ кирилловскому; они были собраны въ трудѣ «Древніе глаголическіе памятники» (1866). Въ немъ были напечатаны въ сопровожденіи палеографическихъ и филологическихъ изслѣдованій тексты всѣхъ тогда извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ — малые полностью, большіе въ извлеченіяхъ, — а также тѣ части кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть «что нибудь глаголическое». Опредѣленнаго рѣшенія о времени происхожденія глаголицы И. И. не далъ; склоняясь ранѣе (въ изслѣдованіи «Древнія письмена славянскія» 1848 г.) къ мысли о составленіи глаголицы по образцу кириллицы въ Болгаріи въ IX — X в., потомъ онъ отказался отъ такого точнаго опредѣленія, считая, что для признанія первенства за глаголицей или кириллицей еще слишкомъ мало матеріаловъ.

Помимо этихъ общихъ описаній памятниковъ, И. И-чемъ было напечатано множество другихъ, разбросанныхъ отдѣльными статьями въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности»; многія подобныя работы остались неизданными, какъ неизданными остались и составленныя И. И-чемъ описанія различныхъ русскихъ библіотекъ и собраній русскихъ рукописей въ иностранныхъ библіотекахъ (напр. рукописей копенгагенскихъ, лейденскихъ, парижскихъ).

Въ 1864 году И. И. предпринялъ изданіе особаго сборника подъ названіемъ« Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», печатавшагося въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ и въ Сборникѣ

статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, и выходившаго выпусками въ неопредѣленное время. Здѣсь помѣщалъ И. И. отдѣльныя свои изслѣдованія о письменныхъ памятникахъ, литературныхъ и историческихъ, о рукописяхъ славянскихъ кирилловскаго и глаголическаго письма, русскихъ и греческихъ, о памятникахъ вещественныхъ. Этотъ богатѣйшій сборникъ, заключающій въ себѣ девяносто одно изслѣдованіе, до сихъ поръ является необходимой книгой для всякаго работающаго въ области русской и славянской литературы, исторіи, палеографіи и филологіи.

Къ предыдущимъ работамъ И. И-ча примыкаютъ труды историко-литературные: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей X — XI вв.» (1853), «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (1853), «Договоры съ греками» (1854), «Повѣсть о Цареградѣ» (1854), «Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина» (1856), Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича» (1857), «Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами» (1857), «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (1860), «Грамоты великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. 1130 г.» (1860), «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (1862, переизданы съ дополненіемъ статьи о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ 1903 г.), «Чтеніе о Кириллѣ и Меѳодіи» (1869 — не напечатано), «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», по поводу книги К. И. Невоструева (1873), наконецъ, напечатанное черезъ много лѣтъ послѣ смерти И. И-ча «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги» (1897). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ составляютъ часть университетскаго курса русскихъ древностей; онѣ сохранились въ

бумагахъ И. И-ча въ нѣсколько переработанномъ видѣ, какъ бы предположенныя для перепечатки при изданіи обзора памятниковъ X — XII вв. Другія, каковы «Хоженіе Аѳанасія Никитина» и «Повѣсть о Цареградѣ», имѣютъ характеръ ученыхъ коментаріевъ къ памятникамъ. «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» представляютъ наряду съ тщательнымъ палеографическимъ воспроизведеніемъ рукописи опытъ возстановленія первоначальнаго текста. Въ «Обозрѣніи кормчей» находимъ историко-юридическое изслѣдованіе памятниковъ съ обширными извлеченіями статей, имѣвшихъ церковно-правовое значеніе въ русской жизни.

Близкая къ области филологическаго и историко-литературнаго изученія древнихъ памятниковъ область вспомогательныхъ наукъ — палеографіи, археографіи и археологіи — интересовала И. И-ча издавна, хотя и болѣе или менѣе косвенно; въ 1860—1870-хъ гг., благодаря постояннымъ работамъ надъ рукописями, этотъ интересъ значительно увеличился, въ особенности къ палеографіи, которую И. И. считалъ одной изъ самыхъ важныхъ по значенію отраслей науки «древностей» и которая къ концу его жизни заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ его трудахъ. Общій обзоръ славяно-русской палеографіи сдѣланъ имъ въ его университетскомъ курсѣ, напечатанномъ уже послѣ его смерти (1885).

Въ первые годы по переѣздѣ въ Петербургъ археологическіе интересы И. И-ча сблизили его съ Русскимъ археологическимъ обществомъ, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1850 г. по самую кончину; съ 1855 г. по 1857 и съ 1859 по 1867 г. онъ былъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи этого общества; при

возникновеніи въ 1855 г. повременнаго изданія общества «Извѣстій» ему была поручена ихъ редакція (отъ которой онъ, впрочемъ, отказался по выходѣ 1-го выпуска). Въ «Извѣстіяхъ», а также въ «Запискахъ археологическаго общества», были напечатаны его статьи: «Збручскій истуканъ» (1853), «Монета Игоря» (1861), «Пещера Ивана грѣшнаго и Ѳеофила» (1861), «Крута каличья» (1862), «Родословное дерево русскихъ князей и царей» (1863), «Навертень XVII в.» (1863), «Напись на Нередицкой церкви близъ Новгорода» (1863), «Древній византійскій ковчежецъ» (1863). Рядъ статей по вопросамъ археологіи былъ напечатанъ И. И-чемъ въ выходившемъ въ 1860-хъ гг. журналѣ В. А. Прохорова «Христіанскія древности и археологія». Здѣсь появилось его введеніе въ курсъ древностей русскаго языка—«Древнія русскія книги» (1864), напечатаны «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), «Древній русскій календарь» (1863), «Древнія изображенія свв. кнн. Бориса и Глѣба» (1863), «Μηνολόγιον имп. Василія X в.» (1862), «Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ» (1862), «Антиминсъ 1149 года» (1862) и др. Далѣе слѣдуетъ упомянуть напечатанную въ 1867 г. въ «Древностяхъ Московскаго археологическаго общества» статью «Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги».

По порученію археологическаго общества въ 1867 г. И. И. принялъ участіе въ Антверпенскомъ археологическомъ съѣздѣ; тогда же ему было поручено ознакомиться съ дѣятельностью ученыхъ заграничныхъ обществъ по части славянской археологіи и войти съ ними въ сношенія. По порученію общества И. И-чемъ, отчасти совмѣстно съ Ѳ. Гр. Солнцевымъ, была предпринята работа по снятію

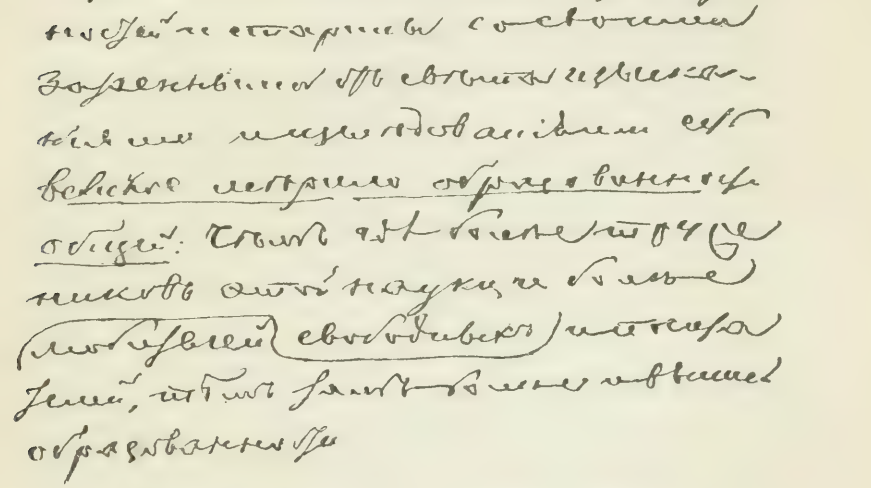
копій съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора въ Кіевѣ и по обозрѣнію, описанію и копировкѣ на бумагу и гуттаперчу предметовъ древности, хранившихся въ ризницахъ собора Кіево-Печерской лавры, Кирилловскаго монастыря, Спаса на Берестовѣ (громадныя прориси иконъ и фотографіи съ нихъ хранятся въ архивѣ И. И-ча).

При возникновеніи мысли объ устройствѣ археологическихъ съѣздовъ устроитель и создатель ихъ гр. А. С. Уваровъ въ 1868 г. не замедлилъ обратиться къ И. И-чу за совѣтомъ и содѣйствіемъ и предложилъ собрать предварительный и подготовительный комитетъ въ Петербургѣ «по усмотрѣнію» И. И-ча. Во всѣхъ четырехъ съѣздахъ, бывшихъ при жизни И. И-ча, онъ принималъ дѣятельное и живое участіе. При открытіи I-го съѣзда И. И. произнесъ рѣчь «о значеніи съѣзда», въ которой коснулся значенія съѣздовъ вообще и значенія I-го археологическаго съѣзда въ частности — «попытки на добро въ отношеніи къ археологіи», «безспорно достойной сочувствія тѣхъ, кому дороги успѣхи науки въ нашемъ отечествѣ». На томъ же съѣздѣ онъ читалъ докладъ о времени происхожденія кирилловскаго письма и объ отношеніи кирилловской азбуки къ глаголической. На второмъ съѣздѣ И. И. прочелъ очеркъ современнаго состоянія археологіи въ Россіи — «Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи» (съ донынѣ не потерявшимъ значенія современности очеркомъ положенія памятниковъ въ хранилищахъ и отношенія хранителей къ изслѣдователямъ, съ замѣтками объ описателяхъ, издателяхъ и изслѣдователяхъ памятниковъ и интересными безыменными характеристиками современныхъ И. И-чу дѣятелей по археологіи — В. И. Григоровича, А. В. Горскаго, А. А. Куника, А. Ѳ. Бычкова, Ѳ. И. Буслаева,

В. В. Стасова, Н. С. Тихонравова, арх. Амфилохія, В. А. Прохорова, гр. А. С. Уварова. На III-мъ Кіевскомъ съѣздѣ И. И. представилъ историческій очеркъ развитія работъ по археологіи и археографіи, производившихся и издававшихся трудами кіевскихъ ученыхъ дѣятелей и кіевскихъ историческихъ обществъ и учрежденій. Въ трудахъ этого съѣзда И. И-чемъ были напечатаны статьи: «Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала», «Св. Софія Цареградская по описанію русскаго паломника XII вѣка», «О древней глаголической рукописи Кіевской духовной академіи». Въ трудахъ IV-го съѣзда И. И. помѣстилъ статью «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья»; на этомъ же съѣздѣ при открытіи его И. И-чемъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ выдвинулъ значеніе «науки древностей и старины»—съ ея «затаенными отъ свѣта изысканіями и изслѣдованіями», какъ «великаго мѣрила образованности общей»: «чѣмъ гдѣ болѣе тружениковъ этой науки», говоритъ онъ, «и болѣе свободныхъ любителей и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности». «Едва ли какая отрасль знаній», говоритъ онъ тамъ же, «съ такимъ безпристрастіемъ и вмѣстѣ съ такою любовью дорожитъ всѣмъ человѣческимъ, такъ прямодушно сближаетъ самыя противоположныя стремленія — народныя, политическія, религіозныя, и сдружаетъ ученыхъ и любителей, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко углубляетъ свои вопросы за предѣлы историческихъ сказаній и преданій, какъ бы силясь дойти до колыбели рода человѣческаго . . .»

Говоря о дѣятельности И. И-ча въ области археологіи, нельзя не упомянуть о трудахъ его, связанныхъ съ Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, въ обсужденіи

устройства котораго онъ принялъ дѣятельное и близкое участіе. Назначенный профессоромъ института, И. И. предполагалъ прочесть его слушателямъ курсъ энциклопедіи археологіи, планъ и общую характеристику котораго онъ далъ въ своей рѣчи при открытіи института въ январѣ 1878 г. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ чтеніе лекцій не состоялось, и И. И. вмѣстѣ съ другими товарищами вышелъ изъ института.



Изъ рѣчи на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Чтеніе:

Скромная, мало видная наука древностей и старины со своими затаенными отъ свѣта изысканіями и изслѣдованіями *есть великое мѣрило образованности общей:* чѣмъ гдѣ болѣе тружениковъ этой науки, и болѣе любителей свободныхъ и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности.

Палеографическія работы И. И-ча постоянно шли у него, какъ одна изъ частей изслѣдованія памятниковъ, и далеко не всегда входили въ составъ описаній, большею частью оставаясь въ видѣ замѣтокъ и служа только какъ подготовительный матеріалъ для рѣшенія хронологическихъ вопросовъ. Имѣя обыкновеніе дѣлать съ каждой древней рукописи, побывавшей у него въ рукахъ, снимокъ ея письма, стараясь изучить особое начертаніе буквъ, И. И. въ 1870 гг. сдѣлался лучшимъ, авторитетнѣйшимъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ единственнымъ тогда знатокомъ русской палеографіи. Главнѣйшій результатъ его работъ по палеографіи — его систематическое собраніе снимковъ съ памятниковъ русскаго письма, заключающее въ себѣ болѣе 900 снимковъ, не увидѣло свѣта; лишь небольшая часть его была издана, какъ приложеніе къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка», въ 1866 г.

Нѣсколько ранѣе — въ началѣ 1860 гг. — И. И. задумалъ изданіе особаго палеографическаго сборника подъ названіемъ «Древности русскаго письма», который по предположенію его долженъ былъ заключать въ себѣ: во первыхъ «Палеографическое описаніе древнихъ русскихъ памятниковъ, каждаго отдѣльно, со снимками», и во вторыхъ «Сводъ палеографическихъ данныхъ, по которымъ можно судить о времени написанія памятниковъ неизвѣстныхъ лѣтъ». Докладъ о сборникѣ былъ представленъ И. И-чемъ въ Археологическое общество, «которому» какъ говорится въ докладѣ, «угодно было обратить вниманіе на этотъ трудъ»; на первый разъ авторъ обѣщалъ представить начальную часть сборника—до-татарскіе памятники. Изданіе сборника не осуществилось.

Кромѣ собранія снимковъ съ русскихъ памятниковъ

въ бумагахъ И. И-ча сохранилось собраніе снимковъ съ югославянскихъ рукописей (извлеченіе изъ него было напечатано), съ памятниковъ глаголическихъ (небольшая часть снимковъ напечатана въ приложеніяхъ къ книгѣ «Древніе глаголическіе памятники», 1866), прориси и фотографіи отдѣльныхъ статей рукописей, а также и цѣлыхъ памятниковъ (напр. Болонской псалтыри).

Работы по русской палеографіи привели И. И-ча къ занятіямъ палеографіей греческой. Въ 1872 г. онъ прочелъ въ Университетѣ эпизодическій курсъ греческой палеографіи, за недостаткомъ времени доведя его до VII вѣка п. Р. Х., «объ остальномъ сказавши только въ немногихъ словахъ» (какъ онъ писалъ арх. Амфилохію). Продолженіе его работъ по тому же вопросу дало въ 1876 г. обширную статью «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма». Параллельно съ этими работами подбиралась И. И-чемъ коллекція снимковъ съ памятниковъ греческаго письма, большею частью исполненныхъ имъ самимъ (число снимковъ достигаетъ 275).

Особнякомъ отъ всѣхъ другихъ трудовъ И. И-ча стоитъ его работа, не надолго, но сильно увлекшая его въ 1870 — 1871 г.,—это историческій эскизъ «Юліанъ Отступникъ и его защита язычества», двѣ лекціи, прочитанныя имъ въ мартѣ 1871 г. въ пользу недостаточныхъ студентовъ и въ свѣтъ не выходившія. И. И. положилъ себѣ задачей представить Юліана на основаніи собственныхъ его писаній и свидѣтельствъ его современниковъ — хулителей и защитниковъ, изъ показаній ихъ выбирая и отмѣчая сходное и отбрасывая все другое, «не хваля его и не порицая, не обвиняя и не оправдывая, а только посильно объясняя,

почему онъ былъ такимъ, какимъ былъ». Сдѣлавъ очеркъ язычества въ половинѣ IV вѣка, И. И. разсматриваетъ отношенія къ нему Юліана, «его религіозныя убѣжденія, его желанія и виды, его дѣйствія для поддержанія язычества въ кругѣ коренныхъ вѣрованій, правилъ нравственности и религіозныхъ обрядовъ» и, наконецъ, разбираетъ вопросъ, «былъ ли Юліанъ дѣйствительнымъ защитникомъ язычества?»

Самостоятельное мѣсто среди трудовъ И. И-ча занимаютъ его обзоры дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, оцѣнка ихъ работъ, ихъ біографіи, воспоминанія о нихъ, записки въ Совѣтъ Университета и въ Академію Наукъ объ ихъ трудахъ при представленіи ихъ въ члены Академіи или въ почетные члены и доктора университета, замѣтки и отзывы объ ихъ сочиненіяхъ въ академическія коммиссіи по присужденію различныхъ премій. Много такихъ статей было напечатано при его жизни, нѣсколько — послѣ смерти, но очень много осталось до сихъ поръ подъ спудомъ частью среди бумагъ И. И-ча, частью въ архивахъ Академіи, Петербургскаго университета, Археологическаго общества. Въ статьяхъ этихъ заключается цѣлая лѣтопись литературныхъ и научныхъ сношеній И. И-ча, подчасъ живая и яркая, подчасъ глубокая и серьезная. Здѣсь находимъ обзоръ дѣятельности Востокова, изданіе его переписки, снабженной чрезвычайно цѣнными примѣчаніями, воспоминанія о митрополитѣ Евгеніи, о Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ, Шлейхерѣ, А. И. Тургеневѣ, о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, объ А. Е. Викторовѣ, замѣтки о Квиткѣ, И. И. Котляревскомъ, гр. Головкинѣ, Д. В. Полѣновѣ, Савельевѣ, Штурѣ, Колларѣ, Строевѣ, Надеждинѣ, Ундольскомъ, Гриммѣ, Сахаровѣ,

очерки дѣятельности Буткова, Никитенка, Дубровскаго, Бычкова, П. А. Лавровскаго, Гильфердинга, Буслаева, Бестужева-Рюмина, Веселовскаго, Горскаго, Грота, Потебни, Пекарскаго, Невоструева, Носовича, Савваитова, Сухомлинова, гр. Уварова, Цейновы, Верковича, Владиславлева, Ламанскаго, и много статей, посвященныхъ разсмотрѣнію отдѣльныхъ трудовъ и изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія. «Слѣдя внимательно за движеніемъ науки и образованности вообще», говоритъ В. И. Ламанскій, «И. И. къ ихъ успѣхамъ въ Россіи прислушивался чутко и относился особенно сердечно. Онъ любилъ припоминать и указывать научныя заслуги старыхъ забытыхъ или забываемыхъ дѣятелей и считать и отмѣчать наличныя ученыя силы въ провинціи, въ университетскихъ городахъ и въ обѣихъ столицахъ среди нарастающихъ поколѣній. Старые его ученики, впослѣдствіи его университетскіе коллеги, живо помнятъ, съ какою непритворной радостью привѣтствовалъ онъ появленіе замѣчательныхъ трудовъ молодыхъ въ то время ученыхъ—Пыпина, Гильфердинга, Майкова, Голубинскаго, Павлова, А. Попова, Викторова, Владимирскаго-Буданова, Котляревскаго, Потебни и многихъ другихъ... Нѣкоторые молодые авторы никогда не думали и не рѣшались сами представлять свои труды на преміи и къ удивленію своему узнавали о наградѣ, имъ назначенной по предложенію И. И-ча.»

Въ извѣстной соприкосновенности съ историко-біографическими статьями находится тотъ цѣнный кладъ, который остался въ бумагахъ И. И-ча и до сихъ поръ почти не тронутъ, — это его ученая переписка. Въ тѣ годы, когда печатное слово не было такъ доступно, когда, прежде чѣмъ облечься въ форму статьи, научная мысль долго еще

вынашивалась въ умѣ писателя, письма дѣятелей науки особенно драгоцѣнны. И. И. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученыя силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости — обычной черты ученаго, — сношенія его были въ высшей степени обильны и разнообразны. До конца жизни онъ сохранилъ живой интересъ ко всему, что касалось движенія науки и литературы, къ развитію и распространенію просвѣщенія,—и до конца его жизни не прекращалась его оживленная переписка съ людьми мысли. Число писемъ къ нему, хранящихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900). Въ настоящее время въ архивѣ И. И-ча понемногу собралась и часть его собственныхъ писемъ, какъ въ копіяхъ, такъ и въ подлинникахъ; кромѣ того тутъ же сохранилось и небольшое собраніе черновиковъ его писемъ, преимущественно отъ первыхъ годовъ его дѣятельности. Будущій историкъ славяновѣдѣнія, филологіи, литературы и палеографіи въ Россіи и славянскихъ земляхъ найдетъ въ этой перепискѣ матеріалъ исключительной цѣнности.

При воспоминаніи о жизни и дѣятельности И. И-ча сами собою выясняются нѣкоторыя характерныя черты его, какъ человѣка. Объ его удивительномъ трудолюбіи свидѣтельствуетъ громадное множество его работъ, о которыхъ говорилось на этихъ страницахъ. «Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводящій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ — вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его»: слова эти, сказанныя И. И-чемъ о Ломоносовѣ, можно примѣнить и къ нему

самому. Онъ именно и для отдыха трудился, — только мѣняя работу. Иногда прибѣгалъ онъ и къ физической работѣ — всегда къ работѣ полезной, не только для упражненія мышцъ: переплеталъ книги, клеилъ коробки для своихъ бумагъ, выдѣлывалъ на верстакѣ или на токарномъ станкѣ что нибудь нужное для домашняго обихода, кололъ дрова и топилъ печи. У него была способность и готовность ко всякой работѣ и сноровка, какъ взяться за всякое новое, непривычное дѣло. Эту способность считалъ онъ не только природнымъ дарованіемъ, но также слѣдствіемъ правильнаго воспитанія и образованія, и признавалъ необходимымъ вести воспитаніе дѣтей въ такомъ направленіи. «Въ этомъ и состоитъ настоящая классическая образованность», говаривалъ онъ; «она тѣмъ важна, что съ ея помощью человѣкъ развиваетъ въ себѣ умѣніе соображать и понимать, дѣлается болѣе способнымъ къ труду». «Видѣвъ на своемъ вѣку много нужды», говоритъ В. И. Ламанскій, «цѣлыя лѣта своей юности и молодости проведя въ странствованіяхъ по Украинѣ и разнымъ западно-славянскимъ землямъ, среди простыхъ и нетребовательныхъ людей, любя и уважая народъ, И. И. издавна обладалъ умѣньемъ довольствоваться малымъ, обходиться безъ прислуги и безъ чужой помощи».

По словамъ В. И. Ламанскаго, И. И. «рѣзко отличался отъ большинства ученыхъ русскихъ и иностранныхъ тѣмъ, что зналъ и уважалъ не одну только книгу или старую рукопись, былъ свой и дома не только у себя въ кабинетѣ, на университетской каѳедрѣ или за столомъ академическимъ»... «У него не было», говоритъ Ламанскій, «дѣтскаго наивнаго незнанія людей и жизни, что такъ обычно у чисто кабинетныхъ ученыхъ и нерѣдко отзывается на ихъ трудахъ, на ихъ сужденіяхъ вкривь и вкось о лю-

дяхъ и явленіяхъ жизни, извѣстныхъ имъ лишь по соображеніямъ, а не по живому, наглядному представленію».

Отличительной чертой И. И-ча, какъ уже не разъ указывалось выше, была его семейственность, его высокое почитаніе семейныхъ началъ. Эта черта сообщала особый характеръ всѣмъ его взглядамъ, всѣмъ его обычаямъ, придавая имъ строгость, чистоту и проникая ихъ любовью. Жизнь его была неразрывно связана съ жизнью семьи; внѣ семейнаго круга не было для него ни отдыха, ни удовольствія. Напряженность ученыхъ трудовъ не мѣшала ему руководить самому воспитаніемъ и образованіемъ его дѣтей. Многими предметами онъ самъ съ ними занимался, всегда самъ начиналъ уроки, когда нужно было приступать къ предмету новому, которому еще не учились. Своими богатыми и разнообразными знаніями по литературѣ и искусству онъ любилъ дѣлиться съ дѣтьми, читая въ семейномъ кругу своихъ любимыхъ русскихъ и западныхъ писателей, вмѣстѣ слушая музыку, пересматривая снимки съ художественныхъ произведеній. Взглядъ И. И-ча на воспитательное значеніе литературы ярко выраженъ имъ въ «Замѣчаніяхъ объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Онъ считалъ, что изученіе литературы не можетъ ограничиваться поэтическими произведеніями въ тѣсномъ смыслѣ, а должно непремѣнно распространяться и на сочиненія серьезнаго характера и содержанія. «Чтеніе писателей», говоритъ онъ, «должно быть расширено, охвативъ болѣе широкій кругъ, и вмѣстѣ освобождено отъ всякой сатиры, каррикатуры и тому подобныхъ не отроческихъ и не юношескихъ забавъ»... «Въ тѣ годы, когда природныя наклонности къ истинному, доброму, прекрасному требуютъ себѣ пищи, когда всѣ

средства воспитанія и ученія должны помогать этому требованію, въ чемъ собственно и состоитъ воспитаніе,—въ это время давать отроку и юношѣ, вмѣсто желанной имъ пищи, то, что должно казаться ему отвратительнымъ, охорашивать передъ нимъ это отвратительное, искусственно притуплять его голодъ, пріучать его къ питанію себя непитательнымъ, доводить до того, что онъ и самъ наконецъ, какъ куритель опіума, будетъ желать только опіума — ужели это не зло? Зло тѣмъ большее, что юноша, вскармливаемый этою пищей, еще не дозналъ опытомъ, что только въ воображеніи могутъ существовать такіе уроды, какими люди выставляются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ по особеннымъ намѣреніямъ или прихотямъ писателей, что въ жизни дѣйствительной нѣтъ человѣка урода, вовсе лишеннаго того, что заставляетъ уважать его, какъ человѣка, лишь бы умѣть его найти въ немъ. Зло тѣмъ большее, что эта коллекція уродовъ, созданныхъ воображеніемъ, ложится въ воображеніи юноши какъ коллекція типовъ разныхъ слоевъ и средъ народа, гдѣ ему придется жить, жить-бѣдовать, настраиваетъ юношу на состраданіе къ самому себѣ, совершенно противоположное его природной наклонности сострадать другому, сострадать, а не презирать его, не насмѣхаться надъ нимъ».

Въ личной духовной жизни И. И-ча поэзія, въ ея широкомъ смыслѣ, была необходимостью, и любовь къ ней проникала все его существо. Такъ, безъ музыки онъ не могъ обходиться и всегда упрекалъ себя за то, что въ дѣтствѣ не послушался уговоровъ матери и не захотѣлъ учиться играть. Онъ постоянно посѣщалъ галлереи художественныхъ произведеній во всѣхъ городахъ, гдѣ ему случалось бывать. Масса его собственныхъ рисунковъ, относящихся по пре-

имуществу къ его путешествію по славянскимъ землямъ, указываетъ на его большую способность къ этому искусству и на постоянное стремленіе образно запечатлѣть видѣнное. Всего ближе ему была поэзія слова. Въ произведеніяхъ литературы онъ цѣнилъ то, что возвышаетъ мысль и возбуждаетъ чистое чувство. «Для меня поэзія» писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка . . . , вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго . . . ; она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе . . . ». Онъ читалъ и многое новое, и перечитывалъ не одинъ разъ то, что ему было особенно по душѣ; «не совсѣмъ доволенъ я днемъ», писалъ онъ Чаеву, «если не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». И въ самые послѣдніе дни жизни онъ перечитывалъ любимыя страницы изъ Войны и Мира; книга эта была найдена раскрытой на его столѣ послѣ его смерти.

Мало кому извѣстны собственные поэтическіе опыты И. И-ча—опыты годовъ его молодости. И тогда уже во многихъ изъ нихъ, особенно въ оригинальномъ разсказѣ «Rhapsodia sonatina», выразился его высокій взглядъ на искусство, который въ теченіе его жизни становился все чище, свѣтлѣе и выше.

В. Срезневскій.

ХАРЬКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Научная дѣятельность Измаила Ивановича Срезневскаго распадается на два періода—харьковскій съ 1831 по 1847 г. и петербургскій съ 1847 по 1880 г. — годъ кончины. Въ частности харьковскій періодъ дѣлится на двѣ почти равныя по времени части: 1) съ 1831 до 1839, до поѣздки за границу и 2) съ 1842 по 1847, отъ возвращенія изъ-за границы до перехода на службу въ Петербургъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ первый харьковскій періодъ, научная дѣятельность Срезневскаго носила мѣстный краевой характеръ. Авторъ цѣнной біографіи И. И. Срезневскаго въ Русскомъ біографическомъ Словарѣ 1908 г. говоритъ, что харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ рѣзко отличается отъ петербургскаго. Гранью между двумя періодами легло путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на научные и житейскіе взгляды Срезневскаго; пять лѣтъ профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія авторъ біографіи относитъ по характеру дѣятельности уже къ новому петербургскому періоду; но съ этимъ утвержденіемъ трудно согласиться. Эти переходные годы весьма интересны въ томъ смыслѣ, что наряду съ мѣстными учеными интересами у Срезневскаго выростаютъ новые, болѣе широкіе, всеславянскіе. Въ сороко-

выхъ годахъ И. И. еще работалъ по малорусской этнографіи, интересовался дѣятелями малорусской литературы, и одновременно въ тиши ученаго кабинета въ его лицѣ въ Харьковѣ вырабатывался тотъ глубокій лингвистъ, который черезъ два года, по переѣздѣ въ Петербургъ, въ 1849 г. далъ «Мысли объ исторіи русскаго языка», изслѣдованіе небольшое по объему, но чрезвычайно богатое по внутреннему идейному и фактическому содержанію.

Петербургскій періодъ дѣятельности Срезневскаго, благодаря серіозной предварительной подготовкѣ, сразу начался блистательно, въ видѣ превосходнаго содержательнаго университетскаго курса и цѣлаго ряда строго обдуманныхъ ученыхъ трудовъ.

Срезневскій петербургскаго періода рѣзко отличается отъ Срезневскаго періода харьковскаго, главнымъ образомъ по развитію въ немъ самостоятельной ученой индивидуальности. Въ Петербургѣ Срезневскій представлялъ собою крупную самостоятельную величину; въ Харьковѣ онъ былъ отраженіемъ мѣстныхъ культурныхъ настроеній.

О раннемъ періодѣ научной дѣятельности И. И-ча нельзя говорить безъ того, чтобы не обратиться къ внутренней жизни харьковской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Харьковъ въ то время, несмотря на существованіе въ немъ университета, былъ большимъ украинскимъ селомъ, съ громаднымъ большинствомъ еще не успѣвшаго обрусѣть украинскаго населенія; интеллигенція носила сильный украинскій отпечатокъ. Вполнѣ естественно, что и великороссъ Срезневскій, привезенный въ Харьковъ двухмѣсячнымъ ребенкомъ, прожившій здѣсь безвыѣздно около тридцати лѣтъ, на первое время получилъ довольно яркую малорусскую окраску.

Учителемъ Срезневскаго былъ Артемовскій-Гулакъ, ректоръ университета, человѣкъ съ большимъ самомнѣніемъ, влюбленный въ мундиръ и ордена, что не мѣшало ему быть отличнымъ знатокомъ малорусскаго языка, писать сильные, выразительные малорусскіе стихи и даже проводить въ нихъ демократическія идеи.

Одновременно подъ Харьковомъ на Основѣ проживалъ другой, болѣе талантливый, болѣе демократическій украинскій писатель — Квитка, авторъ малорусскихъ повѣстей и комедій большого литературнаго достоинства, разносторонній общественный дѣятель и тонкій наблюдатель народнаго быта. Въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки ярко пробиваются народные этнографическіе элементы, пѣсни, преданія, повѣрья, обряды. Срезневскій уважалъ Квитку, совѣтовалъ изучать его малорусскія повѣсти и, по его кончинѣ, въ 1843 г. напечаталъ въ Москвитянинѣ теплый некрологъ.

Возбуждающимъ образомъ на Срезневскаго должно было подѣйствовать его близкое знакомство съ харьковскимъ профессоромъ идеалистомъ-народникомъ Метлинскимъ. Съ раннихъ лѣтъ ознакомившись съ народной поэзіей своей родины, Метлинскій страстно полюбилъ ее, собиралъ пѣсни, записывалъ мелодіи, писалъ малорусскіе стихи; какъ человѣкъ очень добродушный, онъ сильно привязался къ сравнительно съ нимъ гораздо болѣе талантливому и болѣе энергичному Срезневскому.

На И. И-ча въ университетѣ большое вліяніе оказалъ кружокъ его товарищей — украинцевъ. Исторія украинскаго движенія знаетъ нѣсколько случаевъ, когда студенты идеалисты-народники оказывали большое вліяніе на болѣе талантливыхъ товарищей и давали имъ направленіе,

или временно, какъ это было съ Срезневскимъ, или на всю жизнь, какъ это было съ Потебнею *).

Измаилъ Ивановичъ имѣлъ въ юности нѣсколько преданныхъ друзей—двухъ братьевъ Евецкихъ, Шпигоцкаго, Росковшенка. Они были вдохновителями молодого ученаго, доставляли ему этнографическіе матеріалы, согрѣвали его силой своего энтузіазма. «О другъ мой», писалъ въ 1831 г. Шпигоцкій Измаилу Ивановичу, «ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены... Работай..., и пламень духа, всегда стремящійся выспрь..., разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины».

При всѣхъ мѣстныхъ связяхъ и мѣстныхъ увлеченіяхъ Срезневскій, однако, считалъ себя чужимъ человѣкомъ для Украины, и въ письмѣ къ матери изъ Москвы своей родиной называлъ Великороссію, говорилъ, что онъ «вскормленъ на чуждой странѣ».

Отношенія Срезневскаго къ малорусскому языку отвѣчали его общему отношенію къ Малороссіи: сначала чрезмѣрное увлеченіе, затѣмъ холодность и въ концѣ жизни почти непріязненное отношеніе. Въ статьѣ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» 1834 г. Срезневскій признавалъ украинскій языкъ самостоятельнымъ славянскимъ, превозносилъ его лексическое богатство, живописность и благозвучіе. Послѣ многихъ лѣтъ молчанія, въ 1860 г., въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, Срезневскій еще

*) Потебня вспоминалъ въ старости съ чувствомъ глубокой благодарности своего товарища студента Нѣзовскаго, скончавшагося въ молодыхъ лѣтахъ.

высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости отдѣльной малорусской словесности и находитъ, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870 г., его взглядъ на малорусскій языкъ сильно измѣняется; онъ видитъ въ немъ только мѣстный говоръ и высказываетъ замѣчаніе, что «нѣтъ никакой нужды уничтожать или прекращать письменность на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу». Положеніе это бросается въ глаза по своей несостоятельности. Живое слово не можетъ быть ограничиваемо въ своемъ развитіи; всякій живой народъ имѣетъ полное право на неограниченное развитіе его языка и чувствуетъ насущную необходимость въ созданіи самостоятельной литературы, какъ лучшаго средства для охраны и правильнаго развитія своей національной личности. Слово народное построено на любви и знаніи, двухъ элементахъ, не подлежащихъ ограниченію.

Въ научной дѣятельности въ Харьковѣ И. И. проявилъ большое разнообразіе интересовъ. Главнымъ предметомъ его занятій — оффиціально, по служебному положенію была статистика и политическая экономія, по расположенію — мѣстная этнографія, преимущественно пѣсни. Живой интересъ къ народному пѣснотворчеству повлекъ за собой изученіе исторіи Малороссіи вообще, исторіи Слободской Украины въ частности. На почвѣ историческихъ и этнографическихъ изученій возникло желаніе ознакомиться съ малорусской литературой во всемъ ея объемѣ, ознакомиться лично съ ея главными представителями — Котляревскимъ, Артемовскимъ и Квиткой.

Молодой ученый работалъ съ чрезвычайной энергіей

и сильно разбрасывался. Когда редакція Журнала Министерства народнаго просвѣщенія въ 1838 г. пригласила его въ сотрудники, онъ сразу предложилъ ей на выборъ одиннадцать статей по статистикѣ и по исторіи Малороссіи.

Трехлѣтнее пребываніе заграницей и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переѣздъ въ Петербургъ оказались для Срезневскаго очень важными потому, что расширили его кругозоръ и привели его къ углубленію ученой дѣятельности. Особенно благотворно отразилось на этой дѣятельности привлеченіе его въ члены Академіи Наукъ, другими словами, предоставленіе ему возможности проявить его рѣдкую трудоспособность и столь же рѣдкую научную инициативу.

Любовь къ этнографіи въ Срезневскомъ была воспитана пѣвучимъ мѣстнымъ населеніемъ. Украинскія народныя пѣсни въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были въ полномъ ходу и многихъ великороссовъ расположили въ пользу украинской народности. Великороссъ Павловскій такъ увлекся народными пѣснями, что сталъ изучать малорусскій языкъ и въ 1818 г. издалъ Грамматику малороссійскаго нарѣчія. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Нѣсколько лѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей... Они имѣютъ... наклонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Пѣсни ихъ... безподобны. Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни?»

Одновременно другой великороссъ, помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа князь Цертелевъ обращается къ изученію малорусской народной поэзіи и въ

1819 г. выпускаетъ первый въ малорусской этнографіи сборникъ малорусскихъ думъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ великороссъ Срезневскій пошелъ по тому же пути, на почвѣ также мѣстныхъ харьковскихъ изученій и увлеченій народной поэзіей. Онъ помѣстилъ въ Украинскомъ Альманахѣ въ 1831 г. двѣ популярныя думы— о бурѣ на Черномъ морѣ и о бѣгствѣ трехъ братьевъ.

Въ Украинскомъ Альманахѣ и состоялось первое литературное выступленіе И. И-ча, когда ему было всего 18 лѣтъ. Срезневскій проявилъ сразу два увлеченія—любовь къ малорусской этнографіи и любовь къ языкознанію.

Весьма интересна статейка подъ заглавіемъ «Мысли и замѣчанія», какъ первое проявленіе того интереса къ лингвистикѣ, который черезъ 18 лѣтъ—въ 1849 г. нашелъ себѣ блестящее и плодотворное проявленіе въ статьѣ «Мысли объ исторіи русскаго языка» *).

«Мысли» Срезневскаго въ 1831 г. имѣютъ отрывочный афористическій характеръ; онѣ еще не систематизированы; но отъ нихъ уже вѣетъ духомъ глубокой ученой пытливости: «Грамматика есть статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусной кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка». Нельзя не замѣтить, что «Мысли» Срезневскаго 1849 г. представляютъ дальнѣйшее развитіе этой ранней юношеской задачи. Лингвистъ искусной кистью набрасываетъ рядъ картинъ въ развитіи русскаго языка и связываетъ ихъ въ одно органически стройное цѣлое.

---

*) Нельзя не отмѣтить любопытнаго совпаденія, что и другой знаменитый филологъ—питомецъ Харьковскаго университета—Потебня началъ съ философіи языка и впослѣдствіи, подобно Срезневскому, углубился въ детали его изученія.

Возьмемъ еще слѣдующую «Мысль» 1831 г.: «Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ — время нуждъ, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріальнымъ. Второй періодъ — время поэзіи и перваго появленія наукъ. Третій періодъ — время, въ которое языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію наукъ». Нынѣ совершенно ясно, какъ была глубока и благотворна эта мысль юнаго лингвиста, и какое свѣтлое пророчество заключается въ ней для будущаго русской филологіи, для трудовъ Потебни, Веселовскаго и другихъ ея славныхъ представителей.

Глубоко правъ былъ другъ Срезневскаго, Шпигоцкій, который въ 1831 г. писалъ ему: «Поздравляю, душевно поздравляю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крылъ твоихъ, смѣлымъ размахомъ сулящихъ многое со временемъ». Харьковскія статьи Срезневскаго дѣйствительно представляются первыми порывами юнаго орла науки, сильнаго размаха. Срезневскій — юристъ по подготовкѣ — съ первыхъ шаговъ однако уже стремится къ славянской филологіи.

Въ 1832 г. онъ собираетъ пѣсни у заѣзжихъ словаковъ-торговцевъ и издаетъ ихъ съ примѣчаніями, въ которыя вставляетъ, между прочимъ, двѣ украинскихъ народныхъ пѣсни — «Снився дівчинонькі дівненький сон» и «Дівчинонько молодая, люби мене молодого». Первая пѣсня извѣстна въ печати во многихъ варіантахъ, встрѣчается, между прочимъ, въ V т. «Трудовъ» П. П. Чубинскаго.

Наиболѣе крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неудачнымъ проявленіемъ живого интереса Срезневскаго къ малорусской словесности и исторіи служитъ его «Запорожская Старина», выходившая выпусками съ 1833 по 1838 г.

Запорожская Старина отличается тѣмъ литературнымъ направленіемъ, которое господствовало въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ и было осуждено самимъ Срезневскимъ въ прощальной рѣчи къ студентамъ при отъѣздѣ въ Петербургъ въ 1847 г.

Срезневскій въ предисловіи говоритъ о семилѣтнемъ собираніи матеріаловъ, — другими словами съ 1826 г., когда собирателю было всего 14 лѣтъ; такой юный возрастъ долженъ былъ отразиться на сборникѣ, и онъ отразился въ чрезмѣрномъ энтузіазмѣ, въ недостаткѣ критики и въ искусственномъ сочинительствѣ.

Въ предисловіи къ «Запорожской Старинѣ» 1833 г. Срезневскій объясняетъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ хочетъ оказать услугу не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ. Гораздо точнѣе цѣль изданія формулирована въ письмѣ Срезневскаго къ Гоголю въ февралѣ 1834 г., т. е. почти черезъ годъ, когда для него самого эта цѣль стала болѣе ясной. Тутъ Срезневскій говоритъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1) представить важность малорусской народной словесности въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ и 2) опредѣлить отношеніе народной словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Цѣли широкія, впервые обдуманно формулированныя; поставленныя молодымъ ученымъ задачи нашли свое рѣшеніе много лѣтъ спустя въ трудахъ Житецкаго и В. Н. Перетца. Срезневскій не могъ ихъ выполнить. «Запорожская Старина» вылилась въ форму сборника пѣсенъ, частью народныхъ, большей частью поддѣльныхъ, и съ обширными переска-

зами украинскихъ лѣтописей, преимущественно «Исторіи Руссовъ» псевдо-Конисскаго.

«Запорожская Старина» выдвинула Срезневскаго и создала ему обширныя литературныя и научныя знакомства. Бодянскій открылъ для него страницы своихъ «Чтеній»; Костомаровъ руководствовался доставленными имъ лѣтописными матеріалами, долгое время не замѣчая ихъ фальшивости; Максимовичъ перепечатывалъ думы и пѣсни; Гоголь восторженно привѣтствовалъ Запорожскую Старину и въ ней черпалъ свои свѣдѣнія по исторіи Малороссіи; въ 1834 г. онъ писалъ Срезневскому: «Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ! Всѣ думы . . . ослѣпительно хороши».

Но время шло, назрѣвала критика и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе. Уже при самомъ выходѣ Запорожской Старины въ 1838 г. въ краткой безыменной рецензіи въ Библ. для Чтенія было отмѣчено, что «трудъ этотъ не имѣетъ ученой формы», но въ видѣ поощренія тутъ же добавлено, что «любителямъ исторіи онъ обѣщаетъ занимательное чтеніе». Максимовичъ незадолго до смерти, бывши въ Петербургѣ, говорилъ, что онъ «введенъ былъ въ заблужденіе». Нѣсколько лѣтъ позднѣе въ 1874 г., Антоновичъ и Драгомановъ въ предисловіи къ 1 т. «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» отмѣтили много поддѣльныхъ пѣсенъ. Суровый отзывъ далъ Костомаровъ въ письмѣ къ Корсуну 1880 г. (Рус. Арх., 1890, т. III, стр. 218): онъ называетъ вліяніе «Запорожской Старины» зловреднымъ, сожалѣетъ, что долго довѣрялся учености Срезневскаго и утверждаетъ, что Срезневскій въ Запорожской Старинѣ «не только печаталъ фальшивые стихи, выдавая ихъ за народныя пѣсни и думы, но даже подставлялъ и сообщалъ фальшивыя лѣтописныя повѣствованія». Срезневскій, по словамъ Косто-

марова, вполнѣ сознавалъ грѣхъ свой и удалялся не только отъ повторенія его, но даже избѣгалъ разговоровъ и упоминаній о его «Запорожской Старинѣ». Авторъ обширной и цѣнной біографіи И. И-ча — В. И. Срезневскій говоритъ, что И. И. «не отвѣчалъ критикамъ своей юношеской работы, потому что ранѣе ихъ увидѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди недобросовѣстные». Несправедливо въ данномъ случаѣ перекладывать всю вину на корреспондентовъ. Къ тому же на сочиненіе народныхъ пѣсенъ и поддѣлку подъ народныя пѣсни въ 30-хъ годахъ смотрѣли очень легко, не связывая съ этимъ понятія о недобросовѣстности. Чтобы спорить съ такими критиками, какъ Антоновичъ, Костомаровъ и Драгомановъ, нужно было быть во всеоружіи знаній въ области малорусской исторіи и этнографіи, между тѣмъ къ 70-мъ годамъ оба эти предмета были уже совсѣмъ чужды Срезневскому и далеко стояли отъ его ученыхъ интересовъ.

Уже въ первыхъ трудахъ — «Запорожской Старинѣ» и «Взглядѣ на памятники украинской народной словесности» въ Срезневскомъ обнаруживается ученый систематикъ; на первыхъ порахъ онъ уже задумывается, какъ дѣлить пѣсни. Распредѣленіе пѣсенъ — дѣло трудное, и въ настоящее время нѣтъ по этому вопросу прочно установленныхъ основаній; тѣмъ болѣе ихъ недоставало въ 30-хъ годахъ, при самомъ возникновеніи собиранія пѣсенъ. Не удивительно, что и Срезневскій находился въ большомъ затрудненіи. Въ предисловіи къ Запорожской Старинѣ онъ предлагалъ дѣлить пѣсни на историческія, этнографическія, религіозныя, годомъ позже во «Взглядѣ» рекомендовалъ уже другое дѣленіе, сложное и запутанное. Украинская литература раздѣлена на два большихъ отдѣла: 1) народныя преданія и

2) сочиненія болѣе или менѣе ученыхъ писателей (писатели эти авторомъ не отмѣчены). Въ статьѣ рѣчь идетъ исключительно о первомъ отдѣлѣ—о народной словесности, причемъ Срезневскій дѣлитъ ее на 1) думы и пѣсни, 2) сказки, 3) похвалки, 4) пословицы и поговорки, 5) загадки и 6) заговоры. Пѣсни и думы подѣлены на миѳическія, былевыя, нравоучительныя, военныя, анакреонтическія и юмористическія. Въ частности пѣсни миѳическія подраздѣлены на пѣсни миѳическія по содержанію и миѳическія по припѣву; пѣсни былевыя на пѣсни объ историческихъ личностяхъ и думки о лицахъ, исторіи неизвѣстныхъ; пѣсни военныя на 1) казацкія и гайдамацкія и 2) казацко-селянскія. Кромѣ этихъ дѣленій и подраздѣленій, не получившихъ въ наукѣ права гражданства, Срезневскій дѣлилъ пѣсни на два обширныхъ отдѣла—обрядныя и домашнія.

Срезневскій не забылъ сказокъ. Онъ выдвигаетъ важность изученія ихъ въ двухъ направленіяхъ, во первыхъ, какъ чистый источникъ для вдохновленія поэтовъ и во вторыхъ, какъ памятникъ народныхъ вѣрованій; онъ предлагаетъ дѣлить сказки на миѳическія, былевыя и фантастико-юмористическія. Въ особую группу выдѣлены «похвалки»—небольшія сказки вродѣ басенъ, большей частью сатирическаго содержанія.

Пословицы подѣлены на эпическія, юмористическія и былевыя.

Во «Взглядѣ», кромѣ сухой систематики пѣсенъ и сказокъ, есть нѣсколько жизненныхъ замѣчаній объ ихъ исполнителяхъ, именно, приведено нѣсколько интересныхъ примѣровъ способности малорусской женщины создавать пѣсни. Такъ, одна молодая крестьянка быстро сложила пѣсню о ясномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и яркой звѣз-

дочкѣ, съ послѣдующимъ сравненіемъ съ ними двухъ братьевъ и сестры. Другая женщина старушка за нѣсколько грошей такъ быстро складывала колядки, что Срезневскій еле успѣвалъ за ней записывать.

Въ 40-хъ годахъ И. И. еще интересовался малорусской этнографіей и изучалъ ее. Подтвержденіемъ служитъ его большая рецензія на диссертацію Костомарова о значеніи русской народной поэзіи въ Москвитянинѣ 1844 г. и въ особенности его содержательныя дополненія къ статьѣ Сементовскаго о малорусскихъ народныхъ праздникахъ въ Маякѣ 1843 г. Изъ «Дополненій и замѣчаній» Срезневскаго видно его обширное и основательное знакомство съ сочиненіями польскихъ ученыхъ о южной Россіи, именно съ сочиненіями Залѣсскаго, Паули, Лозинскаго, Войцицкаго, Голембіовскаго, Ходаковскаго, Червинскаго и Вагилевича. Нѣкоторыя дополненія довольно обширны. Всѣхъ дополненій 12.

1) Срезневскій, указывая на русинскій дѣтскій праздникъ 12 марта, высказываетъ предположеніе, что праздникъ этотъ, вѣроятно, существуетъ и въ Россіи.

2) Описаніе общеславянской хороводной игры въ короля или въ царицу.

3) Изложеніе пріуроченныхъ къ Юрьеву дню повѣрій галицкихъ горцевъ Бойковъ о дѣдькахъ, или домовыхъ.

4) Описаніе обрядовъ, бывающихъ въ Галиціи на Свѣтлое Христово Воскресеніе и на Проводы; главнѣйшіе изъ нихъ: смигурстъ или дынгусъ — обливаніе водой парубковъ дивчатами и обратно, на второй и третій день Пасхи, и гаилки — хороводные танцы дѣвушекъ на кладбищѣ. Приведена одна старинная пѣсня.

5) Начало мая и Зеленая недѣля. Приведено нѣсколько

малороссійскихъ пѣсенъ миѳологическаго содержанія и одна пѣсня историческая.

6) О русалкахъ, мавкахъ, или, какъ ихъ въ Галиціи называютъ, майкахъ.

7) О Купалѣ. Небольшое извлеченіе изъ рукописнаго (XVIII в.) житія князя Владимира.

8) Объ обжинкахъ. Нѣсколько галицкихъ пѣсенъ.

9) Объ осеннихъ гаданіяхъ. Гаданіе о томъ, кому умереть.

10) Колядованіе. Любопытный обрядъ внесенія въ хату дѣда (ржанаго снопа). Нѣсколько «привитаній». Колядка о сотвореніи міра двумя голубями.

11) Встрѣча и празднованіе Новаго года.

12) Великій постъ. Сожженіе чучела изъ гороховой зелени въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста; очищенье домовъ и купанье въ Чистый четвергъ.

Особенно интересенъ отзывъ Срезневскаго о литературной дѣятельности Квитки — его малорусскихъ повѣстяхъ, высказанный въ некрологѣ Квитки въ Москвитянинѣ 1843 г. «Худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣ-

тельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ въ Украинѣ». Эта широкая и гуманная оцѣнка Квитки, какъ писателя, находитъ полное историческое оправданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ о широтѣ и гуманности воззрѣній самого автора; мнѣніе Срезневскаго въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе интересно, что высказано оно Срезневскимъ уже по возвращеніи его изъ-заграницы, когда его малорусскія этнографическія и историческія изученія и симпатіи пошли на убыль.

Подъ вліяніемъ малорусской народной поэзіи Срезневскій въ молодости увлекался исторіей Малороссіи; онъ читалъ южнорусскія лѣтописи, многое заимствовалъ изъ Исторіи Руссовъ псевдо-Конисскаго. Въ тридцатыхъ годахъ онъ скомпилировалъ главнымъ образомъ по Шафонскому нѣсколько популярныхъ историческихъ очерковъ о Юріи Хмельницкомъ, Выговскомъ, Морозенкѣ, Мазепѣ, Палѣѣ, и помѣстилъ ихъ во 2 т. Запорожской Старины. Въ повѣсти «Майоръ» И. И. пробовалъ писать въ томъ беллетристическомъ направленіи, въ какомъ позднѣе писали Костомаровъ и Мордовцевъ, но вскорѣ остановился, нужно думать, въ сознаніи, что для такого рода дѣятельности ему недоставало литературнаго таланта, недоставало воображенія.

Гораздо удачнѣе былъ другой опытъ Срезневскаго въ украинской исторіографіи, его «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины», большая статья въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1839 г. Приступая къ этому труду, Срезневскій имѣлъ только одного предшественника—Г. Ѳ. Квитку-Основьяненка, автора «Записки о Слободскихъ полкахъ» 1812 г. и небольшихъ замѣтокъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1838 г. Срезневскій излагаетъ исторію Слободской Украины со времени ея возникновенія, по мнѣнію автора, въ 1640 г. до преобразованія въ губернію въ 1765 г. Въ теченіе долгаго времени этотъ трудъ Срезневскаго считался крупнымъ; онъ былъ перепечатанъ проф. Сокальскимъ въ Статистическомъ Листкѣ 1883 г., черезъ 44 года. Въ рукахъ Срезневскаго были такіе матеріалы, которые впослѣдствіи безслѣдно исчезли, напр. фамильная лѣтопись Квитокъ. Срезневскій, однако, не использовалъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, не сдѣлалъ изъ нихъ извлеченій, о чемъ позднѣе, въ 1886 г., жалѣлъ лучшій современный намъ историкъ Слободской Украины проф. Д. И. Багалѣй (въ 1 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. общ.).

Періодъ первый (отъ начала XVII ст. до 1700 г.).

Глава первая. Взглядъ на состояніе Слободской Украины до заселенія ея южно-руссами въ началѣ XVII ст.

Глава вторая. Время заселенія. Срезневскій относитъ его къ 1640 г. и продолжительность его опредѣляетъ приблизительно въ десять лѣтъ. Онъ говоритъ, что въ это время поселенцы являлись массами; но приходили они и позднѣе, только въ небольшомъ количествѣ.

Глава третья. Населеніе Слободской Украины. Срезневскій указываетъ на три главныя переселенія изъ Гетманщины въ Слободскую Украину: 1) около 1640—1645 г.,

въ количествѣ 10000 чел. изъ-за Днѣпра, преимущественно Черкасскаго повѣта; 2) въ 1645—1647 годахъ—изъ Поднѣпровья, въ количествѣ 1247 семей, или дворовъ и 2000 казаковъ. Въ это время появились въ здѣшнемъ краѣ Шидловскіе, Квитки, Захаржевскіе, Кондратьевы и другія знатныя казацкія лица, составившія мѣстную аристократію; 3) въ 1650—1651 г., въ неизвѣстномъ числѣ. Переселенія мало по малу продолжались,—и въ 1654 году, когда лѣвобережная Украина отошла къ Московскому государству, въ Слободской Украинѣ считалось 80—100.000 жителей.

Глава четвертая. Общественный бытъ и устройство. Поселенцы осѣли слободами, изъ которыхъ возникли города, причемъ ранѣе другихъ упоминаются Валки. Масса населенія раскинулась хуторами. Высшее сословіе состояло изъ помѣщиковъ или войсковой старшины, низшее—изъ селянъ, мѣщанъ и выборныхъ казаковъ. Населеніе края дѣлилось на полки; первоначально было три полка: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій; впослѣдствіи были образованы еще два: Изюмскій и Острогожскій. Полковымъ начальствомъ были: полковникъ, обозный, судья, эсаулъ, хорунжій и два писаря. Главныя полковыя дѣла рѣшали на Радѣ, причемъ только одинъ полковникъ имѣлъ два голоса. Полки раздѣлялись на сотни, управляемыя сотникомъ, атаманомъ (судья), эсауломъ, писаремъ и хорунжимъ.

Глава пятая. Отношенія Слободской Украины къ Малой Россіи, къ Татарамъ и къ Царству Русскому. Здѣсь рѣчь идетъ о полной независимости Слободской Украины отъ малороссійскихъ гетмановъ, о ея борьбѣ съ татарскими хищниками и преданности Русскому царю.

Періодъ второй (1700—1765).

Глава первая. Общій взглядъ. Переселенія въ здѣшній край великороссіянъ и сербовъ; появленіе цыганъ. Ослабленіе татарскихъ набѣговъ. Упадокъ казачества.

Глава вторая. Начало преобразованій въ Слободской Украинѣ во время Петра Великаго. Измѣненія территоріальныхъ границъ края и нововведенія въ казацкой службѣ. Перепись населенія.

Глава третья. Ходъ гражданскаго устроенія Слободской Украины во время царствованія императрицы Анны. Преобразованія, произведенныя кн. Шаховскимъ. Учрежденіе Канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Запрещеніе занимать новыя земли (1735). Образованіе драгунскаго полка. Ограниченіе власти полковниковъ. Развитіе взяточничества. Тяжесть содержанія 8-ми драгунскихъ полковъ. Бѣгство слобожанъ на Донъ и Волгу. Снисхожденіе правительства къ нуждамъ мѣстнаго населенія и уменьшеніе полковъ (оставлено на постоѣ 3 драгунскихъ полка и 1 гарнизонный).

Глава четвертая. Измѣненія въ гражданскомъ устройствѣ Слободской Украины въ царствованіе императрицы Елизаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II. Льготы и облегченія населенія. Уничтоженіе мѣстнаго драгунскаго полка. Уничтоженіе Канцеляріи Коммиссіи. Поправленіе городовъ. Развитіе торговли и промышленности. Очищеніе края отъ бродягъ и разбойниковъ.

Глава пятая. Преобразованіе Слободской Украины въ губернію. Освобожденіе духовенства и дворянства отъ платежа подати. Духовныхъ и дворянъ считалось около 15.000. Простой народъ платилъ подати въ разномъ количествѣ: а) войсковые обыватели, имѣвшіе право курить и продавать вино (около 300.000 чел. обоего пола), по

95 коп. съ души; б) войсковые обыватели, не имѣвшіе этого права (около 45.000 чел. обоего пола), по 85 коп. съ души; в) владѣльческіе подданные, жившіе на Дону (около 40.000 чел. обоего пола), по 70 коп. и г) владѣльческіе подданные, жившіе собственно въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. и въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. (около 650.000 чел. обоего пола), по 60 коп. съ души. Податныхъ было, слѣдовательно, около 1.035.000 чел., а всего населенія Слободско-Украинской губерніи 1.050.000 чел. Въ 1765 г. губернскимъ городомъ былъ назначенъ Харьковъ, а уѣздными: Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ. Первымъ губернаторомъ былъ Щербининъ.

Срезневскій живо интересовался новорожденной украинской литературой. Онъ ѣздилъ въ Полтаву, чтобы познакомиться съ Котляревскимъ, и описалъ пріемъ, оказанный ему патріархомъ украинской литературы; онъ познакомился съ Квиткой; болѣе всего его привлекала оригинальная личность Сковороды. Много разъ Срезневскій пробовалъ писать о немъ, то въ формѣ научнаго трактата, то въ формѣ беллетристической. Философъ-мистикъ не давался въ руки молодому ученому реалистическаго склада ума и характера; отзывы Срезневскаго о Сковородѣ требуютъ нынѣ поправки, что, однако, не умаляетъ ихъ серіознаго историко-литературнаго значенія.

Во «Взглядѣ на украинскую словесность» 1834 г. Срезневскій ставитъ Сковороду въ число писателей, содѣйствовавшихъ развитію украинскаго языка. Въ дѣйствительности Сковорода писалъ особымъ языкомъ, представляющимъ смѣсь разнородныхъ лингвистическихъ элементовъ. Ни по содержанію, ни по формѣ сочиненія Сковороды не

принимали участія въ созданіи современнаго малорусскаго литературнаго языка.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. въ беллетристическомъ разсказѣ «Майоръ» Срезневскій рисуетъ Сковороду какъ человѣка съ большими противорѣчіями: «глаза его (т. е. Сковороды) блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти...; говоритъ умѣетъ и любитъ, и говоритъ иногда, какъ добрый украинецъ; зато умѣетъ и подурачить другихъ вмѣстѣ съ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки. Но онъ добръ, и честенъ и прямодушенъ». Такую характеристику Сковороды нельзя принять. Личность этого странствующаго философа-мудреца хорошо извѣстна по превосходной біографіи его ученика Коваленскаго. Сковорода былъ человѣкъ цѣльный, глубоко искренній; искалъ всегда только добра и правды.

Расположеніе Срезневскаго къ Сковородѣ было довольно устойчивое: выразилось оно и въ 40-ые годы—въ третьей уже статьѣ его въ «Молодикѣ» Бецкаго 1843 г. Здѣсь Срезневскій сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правицкому и привелъ обширную выдержку изъ выдающагося сочиненія Сковороды, до сихъ поръ неизданнаго полностью по цензурнымъ условіямъ, изъ его «Израильскаго Змія».

Срезневскій несомнѣнно былъ знакомъ съ сочиненіями Сковороды и высоко цѣнилъ ихъ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ вкладываетъ въ уста майора такія слова: «Прійдетъ, Григорій Савичъ, и твое время, узнаютъ тебя, оцѣнятъ тебя». И такое время пришло, только не скоро. Около 60 лѣтъ Сковорода находился въ забвеніи, до 1894 г., когда Харь-

ковское историко-филологическое общество собрало его сочиненія и издало ихъ съ обширнымъ комментаріемъ проф. Д. И. Багалѣя. Съ этого времени Сковорода сталъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе.

Срезневскій до такой степени былъ заинтересованъ Сковородой, что сдѣлалъ интересный опытъ популяризаціи его идеи въ беллетристической формѣ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ привелъ нѣсколько его разсужденій о Богѣ, мірѣ, любви. «Въ мірѣ семъ искать рая?» вопрошаетъ Сковорода, и даетъ такой отвѣтъ: «Рай—небо, рай—Богъ. . . . , Богъ всюду, и всюду гдѣ Богъ — есть рай, и гдѣ нѣсть Бога — нѣсть рая. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ Онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое великое благо, ибо всеблагимъ Творцомъ сотворена. И всюду найдешь Его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, будь только человѣкомъ, — слышишь? — человѣкомъ, — и обрѣтешь благо, и узришь рай. . . Люби Бога, люби тою же любовью ближняго всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ столько же, какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ,—и всѣхъ люби, и Бога, и будетъ тебѣ рай».

Нужно поставить Срезневскому въ заслугу, что онъ, не смотря на молодые годы, почувствовалъ влеченіе къ глубокому мыслителю моралисту и сдѣлалъ опытъ популяризаціи его гуманной философіи въ беллетристической формѣ, подъ вымышленной фабулой, какъ майоръ хотѣлъ женить Сковороду на своей миловидной дочери, какъ философъ сбѣжалъ изъ подъ вѣнца, и на просторѣ украинскихъ полей заигралъ на флейтѣ свою любимую пѣсню:

О Боже, о живый глаголъ!
Кто есть безъ тебя веселъ,
Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
Ты единъ всѣмъ рай и сладость!

Сравнивая ученые труды Измаила Ивановича въ Харьковѣ и въ Петербургѣ, нельзя не признать громаднаго превосходства трудовъ петербургскихъ. Разница эта находитъ достаточное объясненіе въ томъ, что въ Петербургѣ Срезневскій работалъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ и таланта, послѣ плодотворнаго трехлѣтняго заграничнаго путешествія, при возможности пользоваться всѣми учеными пособіями столицы.

Рѣзкую разницу въ данномъ случаѣ можно замѣтить не у одного Срезневскаго, но также у двухъ другихъ славныхъ питомцевъ Харьковскаго университета—Костомарова и Сухомлинова. Ихъ харьковскіе ученые труды сравнительно съ болѣе поздними петербургскими представляются сравнительно весьма слабыми. Главная причина—недостатокъ ученыхъ средствъ и пособій.

Если формулировать съ одной стороны вліяніе мѣстной харьковской общественной среды на Срезневскаго, а съ другой обратное вліяніе Срезневскаго на мѣстное общество, то нужно признать, что для Срезневскаго пройденная имъ предварительно мѣстная украинофильская школа была полезна; она внесла вдохновленіе, любовь къ народу, желаніе работать для него; она выдвинула мелкаго провинціальнаго чиновника, какимъ тогда былъ Срезневскій, юнаго по возрасту и по служебному положенію университетскаго преподавателя статистики — предмета, по условіямъ того времени, безпочвеннаго и безплоднаго. Украинофильская среда, въ которой вращался Срезневскій, обратила его къ изученію народной жизни, языка и литературы, пріучила его

къ наблюденіямъ надъ народнымъ бытомъ, снабдила большимъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній. Пріобрѣтенный большой опытъ по народоизученію Срезневскій вскорѣ широко использовалъ во время путешествія по западно-славянскимъ странамъ. Самъ Срезневскій на свое украинофильство смотрѣлъ, какъ на переходную ступень, и такой взглядъ для него, какъ великоросса, вполнѣ естественъ. Передъ заграничнымъ путешествіемъ онъ предпринялъ прогулку по Харьковской и Полтавской губерніямъ — по мѣстности типично украинской, въ бассейнахъ Ворсклы и Псла: Харьковъ — Богодуховъ — Ахтырка — Гадячъ — Ромны — Лубны — Хоролъ — Полтава. Это было въ іюлѣ 1839 г. По поводу этого путешествія И. И. писалъ Снегиреву: «авось успѣю изъ этого маленькаго путешествія сдѣлать для себя образчикъ того, что долженъ буду сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, если буду утвержденъ на путешествіе по славянскимъ землямъ». На весь первый харьковскій періодъ дѣятельности Срезневскаго съ 1832 по 1839 г. можно смотрѣть, какъ на «образчикъ», пробу пера, на которую авторъ, по достиженіи высшихъ ступеней, уже не обращалъ вниманія.

Выступивъ на литературное поприще подъ сильнымъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ писателей, Срезневскій, какъ человѣкъ большой энергіи, оказывалъ обратно немалое на нихъ вліяніе. Такъ, въ 1830 г. онъ писалъ въ Москву своему товарищу по университету Евецкому: «напиши (для Украинскаго Альманаха) что-нибудь юмористическое, но что бы касалось Украины».

Особенно сильно повліялъ Срезневскій на Костомарова. «Знакомство это (съ Срезневскимъ)», пишетъ Н. И. Костомаровъ въ автобіографіи, «возымѣло сильное на меня

Изъ моему шановному Срезневскому

Най милосердый
Бог тих святыня
Дева Мария
Тебе боронять.
Майсце поле,
Квитки червоний —
Шлях буде твой
Осинь червона,
Зровтеся криво —
Твой уворотъ.
Колиждь, звернувшись,
Знову очима
И серцемъ шукати
Станешь скорбно,
Мора якого
Бильшъ не трабачишъ.
Друже кохоный!
Въ счастьти и въ лиси,
Въ волъ и неволъ,
Въ рай одному краю,
И на чужинъ,
И на инимъ свѣтъ —
Пріязнь моя
Буде для мене
Вѣдка твоя.

Іеремія Галка

Сентябрь 18 дня 1834

Стихи на память И. И. Срезневскому отъ Н. И. Костомарова.

вліяніе. И. И., въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ, съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей». По собственному признанію Костомарова, И. И. сильно способствовалъ развитію въ немъ стремленія къ изученію малорусской народности. При его помощи, Костомаровъ сталъ изучать малорусскій языкъ, мало ему знакомый, и малорусскія повѣсти Квитки.

Вѣроятно, не безъ вліянія Срезневскаго Костомаровъ написалъ въ 1843 г. диссертацію «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Срезневскій отнесся къ этому труду съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ въ Москвитянинѣ 1844 г. лестную для автора рецензію. Сдѣлавъ обзоръ содержанія и нѣсколько извлеченій, И. И. находилъ, что трудъ Костомарова драгоцѣнный подарокъ для литературы и ученыхъ. Недостатками диссертаціи рецензентъ считалъ недостаточную разработанность пѣсенъ и полное невниманіе къ сказкамъ. Костомаровъ любилъ свой ранній трудъ, признавалъ основательность критическихъ замѣчаній Срезневскаго и въ концѣ жизни переработалъ его въ статьяхъ о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ 1872 г. въ журналахъ «Бесѣда» и «Русская Мысль».

Въ заключеніе можно повторить вслѣдъ за университетскимъ товарищемъ И. И-ча, Шпигоцкимъ, что Срезневскій съ первыхъ своихъ шаговъ въ Харьковѣ обнаружилъ орлиный полетъ, рано понесся въ научныя высоты и своими смѣлыми порывами увлекъ съ собою наиболѣе талантливыхъ своихъ друзей, товарищей и учениковъ.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

И. И. СРЕЗНЕВСКІЙ и СЛАВЯНСТВО.

Славянское путешествіе и первые годы профессорской дѣятельности И. И. Срезневскаго.

Русскія изученія Славянства, нашедшія въ первой четверти XIX ст. просвѣщеннаго покровителя въ лицѣ гр. Н. П. Румянцова и даровитыхъ и энергичныхъ работниковъ въ блестящей плеядѣ его сотрудниковъ, со смертью вельможи-мецената на время пріостановились. Душа Румянцовскаго кружка, благородный подвижникъ науки П. И. Кеппенъ, единственный изъ всего содружества, хорошо знавшій Славянство, благодаря продолжительному путешествію (1821 — 1824), и завязавшій прямыя сношенія съ славянскими учеными, вскорѣ послѣ смерти графа († 6-го января 1826 г.) покинулъ Петербургъ и навсегда распростился съ старыми влеченіями. Славянскіе интересы въ наукѣ нашей въ теченіе нѣкотораго времени проявляются слабо, и только университетскій уставъ 1835 г. создаетъ славянскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ; въ теченіе пяти лѣтъ съ достоинствомъ на ней подвизается М. Т. Каченовскій.

Съ учрежденіемъ новой спеціальной каѳедры въ Москвѣ связывались заботы о дальнѣйшемъ обезпеченіи ея учеными силами; естественно было въ то же время подумать и о нуждахъ другихъ русскихъ университетовъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ эти заботы выразились въ посылкѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія группы молодыхъ ученыхъ за границу для подготовки къ занятію каѳедръ славянской словесности. Къ славянамъ по старому, проложенному Кеппеномъ пути отправляются: О. М. Бодянскій, П. И. Прейсъ и И. И. Срезневскій.

Срезневскій, молодой избранникъ Харьковскаго университета, рано обнаружилъ интересъ къ славянству. Первый трудъ его, имѣющій отношеніе къ славянамъ, «Словацкія пѣсни», напечатанъ былъ въ 1832 г., когда ему было всего 20 лѣтъ. Пѣсни собраны были имъ отъ словаковъ-дротарей, странствующихъ проволочниковъ.

Преподавая затѣмъ въ родномъ университетѣ статистику (съ сент. 1837 г.) и занимаясь ею преимущественно, Срезневскій, по его собственнымъ словамъ, «все остальное время посвящалъ изученію славянщины», и когда редакція Журнала Мин. Нар. Просв. предложила ему сотрудничество, онъ согласился доставлять ей статьи не только по части статистики и исторіи Малороссіи, но и по «нѣкоторымъ отраслямъ славянословія», намѣтивъ, между прочимъ, статью о Краледворской рукописи и даже «Нѣсколько замѣчаній о Чешскомъ Словарѣ Юнгманна».

Сблизившись еще въ 1833—1835 гг. съ извѣстнымъ украинофиломъ—поэтомъ Амвросіемъ Лукьяновичемъ Метлинскимъ, тоже большимъ любителемъ народной поэзіи, Срезневскій нашелъ въ немъ сочувствіе своимъ новымъ интересамъ. Необходимо отмѣтить, что Амвросій Могила издалъ въ Харьковѣ въ 1839 г., т. е. въ годъ отъѣзда за границу Срезневскаго, свои «Думки и пѣсни та шче де шчо». Эти думки и пѣсни обнаруживали для Харькова и своего времени уже довольно широкое знакомство съ народнымъ

славянскимъ пѣснотворчествомъ, съ поэтическими твореніями чеховъ Коллара и Челаковскаго, поляковъ Мицкевича, Витвицкаго и Одыньца, съ учеными трудами Шафарика. Метлинскій почерпаетъ изъ извѣстнаго сборника Коллара «словацьки пѣсни», переводитъ также пѣсни сербскія и «староченскія» изъ Краледворской рукописи, подражаетъ явно Челаковскому въ думкѣ «Пожаръ Москвы», несомнѣнной парафразѣ «Великой панихиды» чешскаго поэта, и даже во взглядѣ его на «бусурманъ» — иностранцевъ слышится отголосокъ извѣстнаго стиха «Любушина Суда»: «Nechvalno nám v Němciech iskati pravdu . . . ». Метлинскій поетъ:

«Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чи мало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ . . . ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурменъ» . . .

Отсюда недалеко уже было до позднѣйшаго взгляда Срезневскаго на славянство, какъ на «особый элементъ жизни общественной, не романскій и не германскій, но и не азіатскій», столь же однако твердый, какъ оба западные, но болѣе свѣжій; отсюда могла вытекать и вѣра, убѣжденіе, что «славянскому племени предоставлено обновить Европу».

Въ харьковскомъ кружкѣ, очевидно, ясно и сильно опредѣлились въ эти годы славянскіе интересы, и все въ славянскихъ литературахъ выдающееся здѣсь читалось, обдумывалось и переживалось. Славянскія основы были заложены. Надо было лишь укрѣпить и расширить ихъ, чтобы поставить на прочномъ фундаментѣ новую славянскую каѳедру, открыть которую предстояло въ недалекомъ будущемъ и Харьковскому университету.

Въ какомъ направленіи, при помощи какихъ средствъ и матеріаловъ могло, въ пониманіи руководителей отправлявшихся къ славянамъ стипендіатовъ, совершиться это упроченіе и расширеніе основъ, объ этомъ подробно говоритъ намъ инструкція, данная всѣмъ тремъ въ тождественной формѣ въ напутствіе и поученіе.

Программа, или «Записка о путешествіи по заграничнымъ славянскимъ землямъ», составленная при Московскомъ университетѣ, точно опредѣляла «время, страны и мѣста», которыми должно было ограничиться это путешествіе. Она рекомендовала «прежде всего прибыть въ Чехію» и тутъ по крайней мѣрѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ знакомиться съ чешской словесностью, языкомъ, древностями, исторіей, палеографіей и пр. Въ качествѣ руководителей и ученыхъ авторитетовъ въ ней упоминаются: Шафарикъ, Юнгманнъ, Ганка, Челаковскій, Палацкій. Она отмѣчаетъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ виднѣйшихъ представителей науки. Однако въ ней не было ничего самостоятельнаго. Зависимость ея отъ знаменитаго «Проекта путешествія по славянскимъ землямъ и архивамъ» П. И. Кеппена (1825 г.) не подлежитъ сомнѣнію. Маршрутъ, порядокъ ученыхъ поѣздокъ въ ней нѣсколько иной, но существенныя указанія касательно архивовъ, библіотекъ, лицъ ученыхъ и т. п. идутъ всѣ вообще отъ Кеппена, нѣсколько, конечно, подновленныя и дополненныя для конца тридцатыхъ годовъ.

Проектомъ Кеппена уже воспользовались въ свое время въ Варшавѣ для избранника Варшавскаго университета Андрея Кухарскаго (1825 г.), теперь вспомнили о немъ и у насъ и дали его въ руководство нашимъ молодымъ ученымъ, отправлявшимся къ славянамъ.

Спеціальная «инструкція», въ дополненіе къ «Запискѣ», опредѣляла точнѣе характеръ уже самыхъ занятій ученаго славянскаго путешественника. Способъ, методъ занятій, который является наиболѣе дѣйствительнымъ и плодотворнымъ въ области большинства наукъ (слушаніе лекцій въ университетахъ, работа въ библіотекахъ, кабинетахъ и проч.), признается ею непригоднымъ для изученія славянскихъ нарѣчій. Инструкція поясняла поэтому, по какому пути слѣдуетъ идти въ этой области нашимъ ученымъ:

«Предметъ изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ; весьма немного можно встрѣтить ученыхъ, которые по призванію посвятили бы себя этому важному предмету. Какъ рѣдки въ этомъ отношеніи ученые, такъ рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій; а каѳедръ, учрежденныхъ по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находится. Все это само собою указываетъ уже нашему путешественнику на необходимость не столько заимочнаго, сколько самодѣятельнаго и самопроизводящаго способа ученія и усовершенствованія». Поэтому въ области занятій славянскими нарѣчіями рекомендовалось прежде всего практическое изученіе ихъ, при этомъ путешественникъ долженъ «слѣдить за всѣми возможными оттѣнками измѣненій» этихъ нарѣчій по разнымъ провинціямъ, въ разныхъ сословіяхъ народа.

Что касается второй задачи путешественника, а именно — «изученія характеристики славянскихъ народовъ, каждаго въ особенности», то тутъ «практическое ученіе» должно было сыграть еще большую роль. Образъ жизни

домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образованія, древнія преданія и повѣрья, предразсудки, суевѣрія, игры, увеселенія, одежда, пища и т. п. должны составить «неистощимый запасъ для предбудущихъ изслѣдованій и выводовъ путешественника, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археографическомъ и нравственномъ отношеніяхъ». Ясно было, что для собиранія столь разнообразныхъ матеріаловъ ученому славянисту необходимо было возможно дольше путешествовать по славянскимъ землямъ, ибо собрано и издано было до сихъ поръ по этому предмету ничтожно мало. Рекомендовалось поэтому для большаго успѣха дѣла совершать ученыя экскурсіи лѣтомъ пѣшкомъ, вести самый подробный дневникъ путешествія и т. д.

Самъ Срезневскій уже въ первомъ донесеніи министру (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1841 г., ч. 31, стр. 9 и сл.) далъ весьма цѣнный комментарій къ оффиціальной «Запискѣ», отражающій его собственные взгляды на задачи ученаго путешественника по славянскимъ землямъ. Онъ писалъ тогда: «Чтобы узнать славянство, путешественникъ по землямъ славянскимъ долженъ, съ одной стороны, изучать старинные памятники языка, писанные людьми, еще не имѣвшими притязанія на названія «писателей» и «литераторовъ» и тѣмъ болѣе сохранившими въ своихъ сочиненіяхъ народность языка, народность мысли и чувства; съ другой стороны, идти въ народъ, вслушиваться въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ выражаетъ онъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошедшее такъ простосердечно и такъ полно. А чтобы онъ могъ понять сознательно то,

что прочтетъ въ старыхъ хартіяхъ и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды... Проникнувъ въ духъ славянства, узнавъ его въ тѣхъ проявленіяхъ, гдѣ условія искусствъ не вредили природѣ, онъ будетъ въ состояніи оцѣнить и тѣхъ писателей, которые, не смотря на цѣпи, наложенныя на нихъ вліяніемъ чужого, смогли однако жъ сохранить свою народность, понять свой народъ, свой родной языкъ и тѣ формы, въ которыхъ можетъ изящнѣе и могучѣе проявляться умъ и фантазія для его соотчичей, въ одеждѣ его отечественнаго языка».

Такое мѣстное, такъ сказать, топографическое изученіе славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной словесности Срезневскій считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что «каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляютъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что, наперекоръ судьбѣ, пережило долгіе вѣки и сохранилось только въ немъ, что каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общеславянскихъ вопросовъ».

Это—знакомыя намъ черты того романтическаго націонализма, который, получивши теоретическое обоснованіе въ современныхъ философскихъ системахъ, въ литературной и научной практикѣ выразился въ культѣ національнаго настоящаго и прошлаго во всѣхъ его проявленіяхъ. Благодаря ему, въ поэзіи явилась поэтизація національнаго быта и духа, въ наукѣ — историческое изученіе языка, права, миѳологіи и вообще продуктовъ народнаго творчества, въ общественно-политической жизни — идеализація

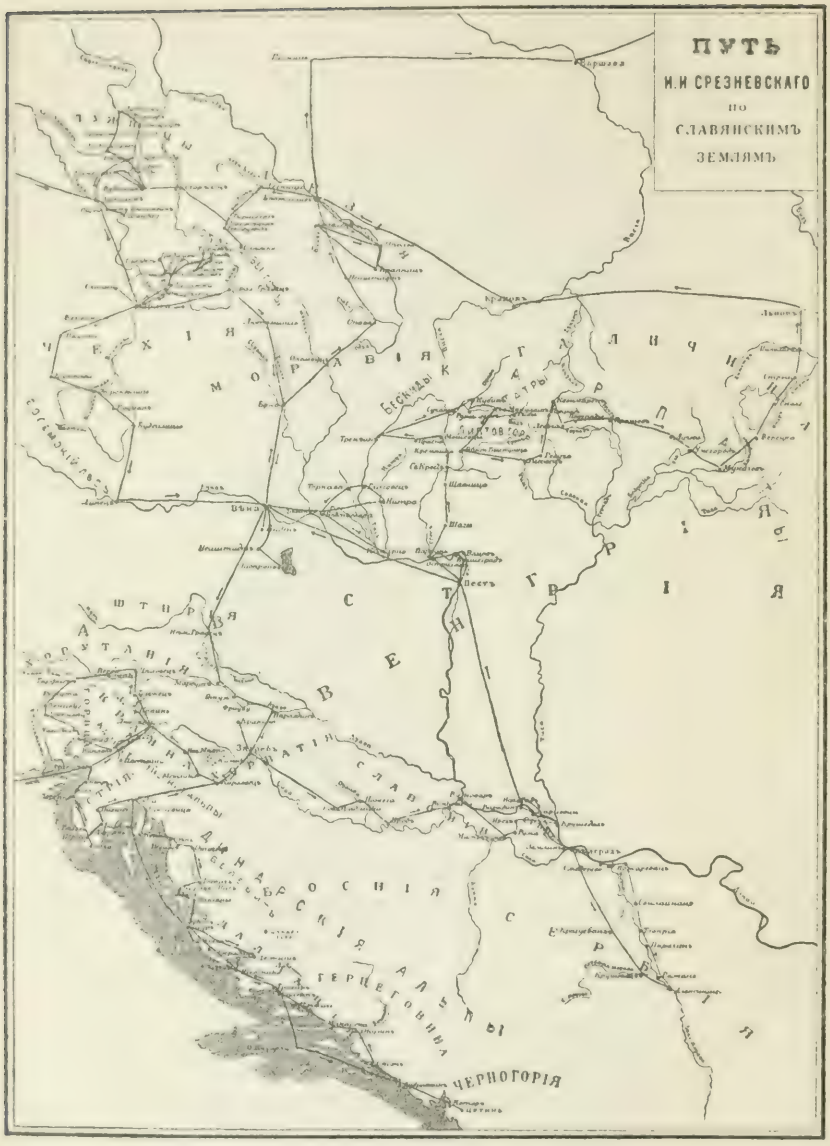
народныхъ началъ и традицій, а иногда и поворотъ къ старинѣ, къ ея чистотѣ и непосредственности.

Срезневскій, слѣдуя общему увлеченію, идетъ тоже въ народъ, ибо факты, закрѣпленные навсегда въ книгахъ, рукописяхъ, изучаются многими, но слишкомъ немногіе ищутъ новыхъ фактовъ, еще пока живыхъ въ народѣ, но при современномъ движеніи образованности все болѣе исчезающихъ. «Много ли Караджичей насчитать можно въ цѣлой Европѣ, не только между славянами? И какая славянская народность изслѣдована такъ, чтобы для этнолога и филолога оставалось только критизировать и приводить въ систему собранные матеріалы?» Онъ убѣжденъ, что «собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему».

Но Срезневскій понималъ, что путешественникъ, ограниченный небольшимъ срокомъ времени, не можетъ сдѣлать все, что̀ бы нужно было, и что̀ бы желалъ онъ сдѣлать; однако это соображеніе не должно быть препятствіемъ для дѣланія на этой нивѣ: «Каждый сдѣлаетъ что-нибудь, многіе сдѣлаютъ много!» Такъ понялъ онъ долгъ, наложенный на него путешествіемъ по землямъ славянскимъ... «Пѣшеходство» было его «страстью»—и эта страсть принесла богатые плоды.

Строго придерживаясь инструкціи, несомнѣнно, въ значительной степени отвѣчавшей своими положеніями и требованіями его личнымъ давнимъ вкусамъ и влеченіямъ, Срезневскій совершаетъ знаменитое въ исторіи русскаго славяновѣдѣнія трехлѣтнее ученое путешествіе.

Прослѣдимъ главнѣйшіе моменты и эпизоды его, познакомимся съ важнѣйшими результатами ученыхъ разысканій нашего путешественника и съ кругомъ тѣхъ славянскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, которые оказали


ПУТЬ
И. И СРЕЗНЕВСКАГО
ПО
СЛАВЯНСКИМЪ
ЗЕМЛЯМЪ
ЧЕРНОГОРІЯ

несомнѣнное вліяніе на характеръ и направленіе дальнѣйшей работы Срезневскаго на славянской нивѣ.

Путь за границу изъ Харькова по личнымъ обстоятельствамъ избранъ былъ черезъ Москву и Петербургъ. Позднею осенью 1839 г. бывшій адъюнктъ перваго отдѣленія философскаго факультета Харьковскаго университета, напутствуемый совѣтами самого министра С. С. Уварова и снабженный имъ рекомендаціями къ нашимъ вѣрнымъ друзьямъ, пражскимъ ученымъ, отправлялся на Западъ, къ славянамъ. Черезъ Ригу, Митаву, Таурогенъ и Тильзитъ онъ прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ встрѣтился съ Прейсомъ, занимавшимся здѣсь подъ руководствомъ Куршата литовскимъ языкомъ.

Знакомство съ профессоромъ политическихъ наукъ Шубертомъ, совѣты его относительно необходимости самостоятельныхъ наблюденій при изученіи славянскаго населенія Пруссіи и Австріи и бесѣды съ Прейсомъ, который изъ Кенигсберга собирался въ Гданскъ для спеціальныхъ занятій кашубами, отчасти, наконецъ, и оффиціальная инструкція привели и Срезневскаго къ рѣшенію начать свои ученыя занятія съ этой гибнущей славянской вѣтви. Но зимняя пора помѣшала ему заѣхать въ землю кашубовъ и на мѣстѣ изучить ихъ нарѣчіе и обычаи. Однако, нашъ путникъ знакомится съ кашубами въ Берлинѣ, отчасти въ Вратиславлѣ и Згорѣльцѣ, преимущественно съ солдатами, отъ которыхъ онъ «довольно легко учился ихъ нарѣчію, списывалъ народныя пѣсни, разузнавалъ объ ихъ обычаяхъ».

Это были первые шаги Срезневскаго на поприщѣ самостоятельнаго, живого ознакомленія съ славянствомъ, первые опыты его по собиранію этнографическаго славянскаго матеріала, едва ли, впрочемъ, счастливые.

Прослушавши въ Берлинѣ небольшой курсъ лекцій по языкознанію у Боппа (съ 8 декабря по 27 января), онъ черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ прибылъ въ Прагу (4/16 февраля 1840 г., въ восемь часовъ утра). Это была первая славянская остановка его. Онъ поспѣшилъ подѣлиться новыми впечатлѣніями съ матушкой. «Когда-то», писалъ онъ, «сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше, а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь славянскіе звуки и даже московскій напѣвъ. . .» Это были впечатлѣнія чисто внѣшнія. Пребываніе въ центрѣ чешской умственной жизни, ученыя занятія, знакомства и дружескія связи еще болѣе усилили эти восторженныя чувства.

Годы ученыхъ занятій нашихъ будущихъ профессоровъ-славистовъ въ Прагѣ счастливо совпадаютъ съ блестящимъ развитіемъ чешской ученой и изящной литературы и съ высокимъ подъемомъ чешскаго національнаго чувства. Новый періодъ чешской литературной и ученой жизни, начавшійся съ основаніемъ въ 1817 г. Чешскаго Музея, ознаменовался дѣятельностью замѣчательной плеяды преемниковъ и продолжателей перваго поколѣнія чешскихъ властенцевъ. На едва вспаханной чешской народной нивѣ подвизаются въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ въ Прагѣ: Юнгманнъ, поэтъ, лексикографъ и восторженный славянофилъ; переселившійся въ Прагу въ 1833 г. изъ Новаго Сада словакъ Шафарикъ, историкъ древняго славянства и знатокъ древней славянской письменности и

языковъ; симпатичный поэтъ-руссофилъ Челаковскій, впослѣдствіи профессоръ славянской филологіи въ Вратиславскомъ университетѣ; великій чешскій исторіографъ Палацкій; заслуженнѣйшій въ исторіи чешско-русскихъ и вообще славянскихъ ученыхъ связей, первый библіотекарь Чешскаго Музея Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка и цѣлый рядъ другихъ работниковъ.

Наши талантливые стипендіаты съ важнѣйшими трудами и заслугами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ были знакомы уже дома, до отъѣзда за границу; имена Добровскаго, Юнгманна, Ганки и Шафарика особенно хорошо извѣстны были въ небольшомъ кругу нашихъ любителей Славянства; съ ними уже давно завязались у насъ сношенія, переписка, обмѣнъ книгами, взаимными услугами ученаго характера. Наши молодые ученые ѣхали не въ чужедальнюю сторону, а къ своимъ, къ друзьямъ, у которыхъ въ Россіи было тоже немало искреннихъ почитателей ихъ ученыхъ заслугъ и вѣрныхъ друзей.

Съ рекомендательными письмами С. С. Уварова къ «Павлу Іосифовичу Шафарику» и къ Ганкѣ, и отъ редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Сербиновича къ Ганкѣ явился Срезневскій въ Прагу. «Онъ посылается», писалъ Сербиновичъ, «для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Ваше славянское радушіе, безъ сомнѣнія, согрѣетъ нашего любознательнаго путешественника, подобно тому какъ и многіе изъ нашихъ, имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами, признавались мнѣ, что они были не на чужбинѣ, а точно какъ бы дома». И нашъ путникъ дѣйствительно чувствовалъ себя въ Прагѣ уже съ первыхъ дней пребыванія, какъ бы дома, среди своихъ.

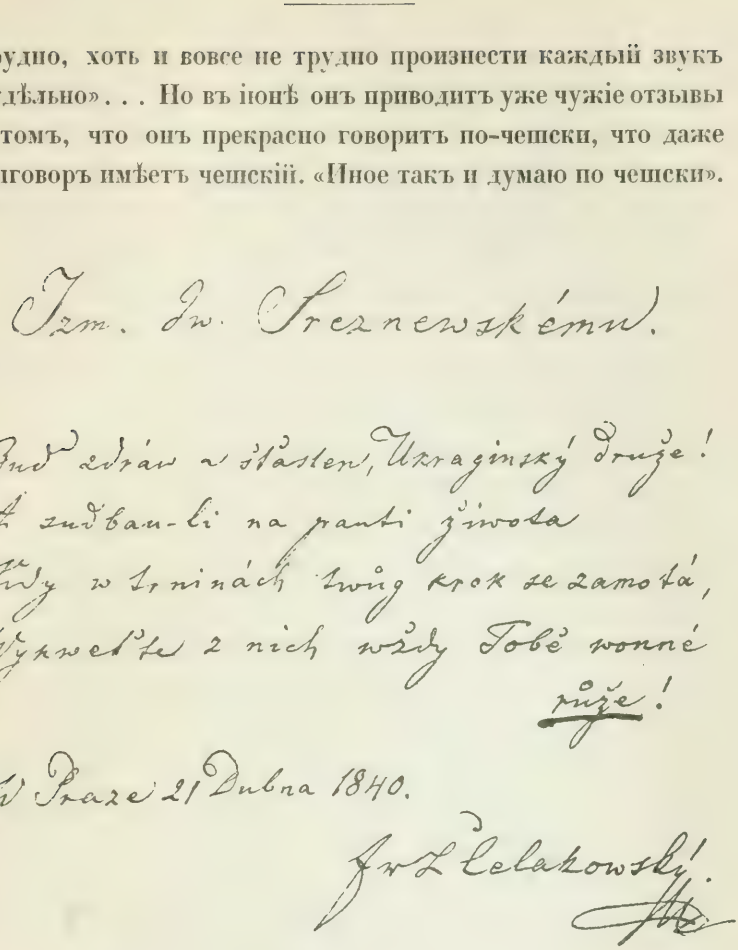
Первый визитъ по пріѣздѣ (еще въ тотъ же день!)

былъ къ Шафарику. Срезневскій былъ имъ обласканъ и въ бесѣдѣ съ нимъ провелъ два часа. Съ Шафарикомъ и семьей его Срезневскій въ тотъ же день былъ въ чешскомъ театрѣ, а изъ театра пошли опять къ Шафарику и пили чай, «приготовленный по русски». Шафарикъ позаботился даже о квартирѣ для своего русскаго гостя, поручивъ пріискать ее д-ру Станьку.

Черезъ недѣлю, привѣтливо и сердечно принятый новыми чешскими друзьями, Срезневскій писалъ матери: «Вотъ и недѣля, какъ я въ Прагѣ,—и дай Богъ, чтобы всѣ недѣли прошли въ ней для меня такъ, какъ прошла эта. Радушно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, я не могъ быть ничѣмъ собою недоволенъ, ни тѣмъ менѣе не могъ быть недоволенъ другими».

Свои занятія въ Прагѣ Срезневскій начинаетъ съ изученія чешскаго языка, сначала подъ руководствомъ извѣстнаго лексикографа Франты Шумавскаго, а затѣмъ беретъ уроки у художника чешскаго слова, поэта Челаковскаго. Первые шаги въ области изученія памятниковъ старой письменности и вообще древности чешской, а также современной чешской литературной и общественной жизни сдѣланы были, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей (Шафарика, Ганки, Челаковскаго, Шумавскаго), — то въ библіотекѣ Чешскаго Музея у Ганки, то въ частныхъ бесѣдахъ съ учеными друзьями. Съ Ганкой онъ бесѣдуетъ всегда по-русски; съ профессоромъ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ Коубкомъ по-малороссійски. Въ половинѣ марта Срезневскій однако не могъ еще похвастать передъ матушкой своими успѣхами: «Говорить по-чешски начинаю,—по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился — такъ

трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно». . . Но въ іюнѣ онъ приводитъ уже чужіе отзывы о томъ, что онъ прекрасно говоритъ по-чешски, что даже выговоръ имѣетъ чешскій. «Иное такъ и думаю по чешски».


Jzm. Jw. Srezneweskému.

Buď zdráw a šťasten, Uzraginský druže!
A zůstan-li na pouti žiwota
Tudy w trninách twůg krok se zamotá,
Wyswětte z nich wždy Tobě wonné
růže!

W Praze 21 Dubna 1840.

Jw Čelakowský.

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ Ф. Челаковскаго.

Вліяніе уроковъ и взглядовъ Ганки сказалось особенно на тѣхъ работахъ Срезневскаго («Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ» въ Ж. М. Н. Пр., 1840, ч. 28, отд. II, 115—148), которыя или прямо касались пресловутыхъ открытій Ганки,

или въ частныхъ своихъ выводахъ основывались на нихъ. Такъ, Краледворская рукопись (RK) есть для Срезневскаго общая драгоцѣнность всѣхъ славянъ, драгоцѣнность неоцѣнимая, какъ памятникъ старины о старинѣ, если даже и не брать во вниманіе красотъ поэтическихъ, которыми столь богато ея содержаніе. «Какъ памятникъ старины о старинѣ, она драгоцѣнна для насъ и въ отношеніи къ языку и, можетъ быть, еще болѣе въ отношеніи этнографическомъ. Какъ драгоцѣнность, она должна быть изучаема съ ревностію всѣми, для кого не чуждо имя славянъ и ихъ былое, и слѣдовательно — не только чехами или западными славянами, но и нами русскими . . .»

По мнѣнію Срезневскаго, «въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ Краледворская рукопись очень замѣчательна, особенно при нынѣшнихъ изслѣдованіяхъ о древней религіи славянъ, изслѣдованіяхъ бѣдныхъ и фактами и выводами». Въ виду этой важности ея, онъ задался цѣлью выписать изъ стихотвореній рукописи всѣ мѣста, имѣющія какое-либо отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и потомъ «по возможности сообразить ихъ и извлечь изъ нихъ отвѣты на вопросы, возбуждаемые этимъ предметомъ».

Въ пониманіи RK онъ вполнѣ слѣдуетъ Ганкѣ. Отсюда, конечно, въ статьѣ этой оказалось много фантазіи по части славянской миѳологіи. Только одно положеніе, а именно, — что такими частными обозрѣніями, какое предпринялъ авторъ, «можно и должно начать трудъ изслѣдованій о древней религіи славянъ», чтобы впослѣдствіи переходить къ общимъ выводамъ, — слѣдуетъ признать основательнымъ и въ методологическомъ отношеніи правильнымъ. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ былъ неудаченъ и не могъ имѣть

никакого научнаго значенія, такъ какъ основанъ былъ на матеріалѣ фальсифицированномъ, т. е. безъ всякой цѣны.

И другое изъ печальныхъ «открытій», связанныхъ съ именемъ Ганки, для Срезневскаго оставалось, послѣ всѣхъ сомнѣній и возраженій противъ подлинности его, несомнѣннымъ произведеніемъ древности.

Зеленогорская рукопись (RZ), перепечатанная и переведенная Шишковымъ въ Извѣстіяхъ Росс. Акад., доступна была у насъ небольшому кругу, и Срезневскій былъ въ сущности правъ, когда говорилъ что «у насъ на Руси она неизвѣстна». Помѣстивъ въ «Очеркахъ Россіи» Вадима Пассека (I, СПБ., 1838) статью «Сеймы», Срезневскій напечаталъ RZ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Въ ней онъ усматривалъ, съ одной стороны, памятникъ родной намъ западной славянщины, съ другой — «матеріалъ для будущихъ соображеній о старинѣ русской, въ которой много останется необъясненнымъ, пока наши историки и филологи не примутся изучать старину другихъ славянскихъ народовъ». Послѣднее замѣчаніе имѣло большую цѣну, но придавать RZ значеніе источника для освѣщенія славянской древности было весьма неосмотрительно. Срезневскій, между тѣмъ, не колеблясь, на основаніи этого произведенія XIX ст. рисуетъ картину состоянія чешской земли временъ Любуши, общественнаго устройства и общественной образованности чеховъ! Статья заканчивалась патетическимъ призывомъ: «Любите, храните, чехи, свои народныя драгоцѣнности и защищайте ихъ отъ нападковъ всеразрушающей критики, если по совѣсти признаете ихъ того достойными». Сомнѣнія чешскихъ ученыхъ, конечно, уже тогда были знакомы Срезневскому, но они не поколебали его крѣпкой вѣры, и въ 1879 г. онъ еще разъ возвра-

щается (въ Р. Ф. В.) къ «былинѣ о судѣ Любуши», нимало не сомнѣваясь въ ея подлинности даже послѣ сильныхъ, сокрушающихъ аргументовъ противъ ея древности.

Эту вѣру въ подлинность нынѣ окончательно отвергнутыхъ фальсификатовъ Срезневскій передаетъ и своимъ ученикамъ, которые изучаютъ RK и пишутъ о ней разсужденія, переводятъ ее и комментируютъ. «Краледворская рукопись разбирается у насъ подробно», пишетъ онъ Ганкѣ изъ Харькова въ октябрѣ 1844 г., «такъ, пѣснь о татарахъ составила цѣлое разсужденіе. Позволите ли вы автору (гр. Шведову) украсить ее именемъ вашимъ? Другое разсужденіе, поданное мнѣ, касается Suarazici: молодой ученый (И. Самцовъ), начавши сравненіемъ его съ Сварогомъ и Сварожицемъ, постарался по-своему рѣшить задачу о сабеизмѣ и шоризмѣ и, хоть довольно вольничалъ, но сказалъ и много дѣльнаго». Нѣсколько позже Срезневскій привѣтствовалъ обширнымъ разборомъ трудъ казанскаго молодого ученаго А. Соколова о Краледворской рукописи и о Судѣ Любуши (въ Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 55, отд. VI, 154—170).

И другія статьи Срезневскаго, касающіяся языческаго славянства, его быта и вѣрованій, неизмѣнно цитируютъ RK или RZ, какъ «свидѣтельства современныя». Таково, напримѣръ, разсужденіе: «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (Ж. М. Н. Пр., 1846, ч. 51, отд. II, 36—60). Авторъ задался здѣсь цѣлью прослѣдить «мѣстныя проявленія идеи обожанія солнца языческими славянами» и объяснить названія солнечныхъ божествъ (Хорса, Дажьбога, Волоса, Сварожича, Радагаста и пр.). Статья обнаруживаетъ основательное знакомство съ свидѣтельствами древности, съ народной поэзіей славянъ, съ обширной литературой

по ея изученію и съ первыми опытами сравнительнаго объясненія нѣкоторыхъ вѣрованій, пословицъ и т. п.

Славянской религіозной древности посвящена была и докторская диссертація: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ» (Харьковъ, 1846) и небольшая статья: «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души» (Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 53, отд. II, 185—196). Первая работа представляла особенный интересъ какъ по новизнѣ самой темы, такъ и по тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ, доказывавшій единство главныхъ основаній и принадлежностей языческаго богослуженія у славянъ, главнымъ культомъ коихъ было поклоненіе солнцу. Какъ здѣсь, такъ и во второй работѣ Срезневскій разсматриваетъ сказанія современниковъ, привлекаетъ къ изученію обычаи и преданія древнихъ славянъ, сохранившіеся до нашего времени, при чемъ во второй статьѣ на первомъ планѣ поставлены въ числѣ «свидѣтельствъ современныхъ» пѣсни RK, воспѣвающія событія языческаго времени, далѣе сгруппированы всѣ свидѣтельства историческихъ памятниковъ арабскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ. Изъ разсмотрѣнія и разбора ихъ авторъ выводитъ «двойственное вѣрованіе славянъ въ посмертную судьбу людей», смѣшеніе въ религіи славянской двухъ религій (дуализмъ), двойственность понятій о сотвореніи міра (огонь и вода создали свѣтъ, землю и все окружающее).

Отмѣтимъ также, что, вопреки общепризнанному нынѣ и блестяще доказанному изслѣдованіями А. Патеры и Баума подлогу значительной части чешскихъ глоссъ въ средневѣковомъ словарѣ «Mater Verborum», Срезневскій рѣшился отстаивать подлинность этихъ глоссъ. И тутъ онъ не могъ

допустить и тѣни подозрѣнія относительно участія въ литературно-патріотическихъ подлогахъ Вячеслава Ганки. Вѣра въ его чистоту и моральную непорочность была слишкомъ крѣпка, а старые пражскіе уроки и внушенія не забывались. Вспомнимъ, что какъ разъ въ 1840 г. Шафарикъ и Палацкій выступили съ защитою заподозрѣнныхъ «древнихъ памятниковъ» въ спеціальномъ трудѣ. Отъ ига авторитетовъ Срезневскій не сумѣлъ освободиться еще и тогда, когда они были окончательно поколеблены.

Среди книгъ и ученыхъ занятій старинной Срезневскій не забываетъ однако о современности: его увлекаетъ пробуждающаяся чешская новая жизнь, онъ усердно посѣщаетъ чешскіе національные балы (národní besedy), только что зарождавшіеся (1841) въ качествѣ важнаго фактора національнаго пробужденія, знакомится съ чешской сценой и музыкой. Странно однако, что онъ не пожелалъ сближаться съ «юными пражскими литераторами» изъ-за того только, что они собирались въ кофейняхъ, и нѣкоторые изъ нихъ были большіе охотники до политики. Срезневскій конечно, не прикидывался «мудрымъ старцемъ», когда избѣгалъ литературной молодежи: осторожность эту, надо думать, внушили ему его старшіе друзья, хорошо знавшіе печальныя пражскія отношенія, а органическое отвращеніе къ политикѣ только усилило эту осторожность.

Пятимѣсячное пребываніе въ Прагѣ, постоянныя занятія и поучительныя бесѣды съ друзьями, общеніе съ Ганкою, Шафарикомъ, Челаковскимъ, Станькомъ, Амерлингомъ, Коубкомъ, Палацкимъ и многими другими, поѣздки по сѣверной Чехіи и литературныя знакомства въ провинціи, съ деканомъ Ветешникомъ въ Соботкѣ, съ поэтами-переводчиками проф. Широмъ и Махачкомъ въ Ичинѣ, съ

Jedno křeje slunce
Jenž nad námi koluje!
Jeden těšj národ
Jenž obšjrně panuje!
Jedno bije srdce!
Jenž nás všecky spojuje!

Антонинъ Марекъ.
Děkanъ a Фатарь
w Любуни - дня 3го
червна 1840.

Драгому Срезневскому.

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ А. Марка.

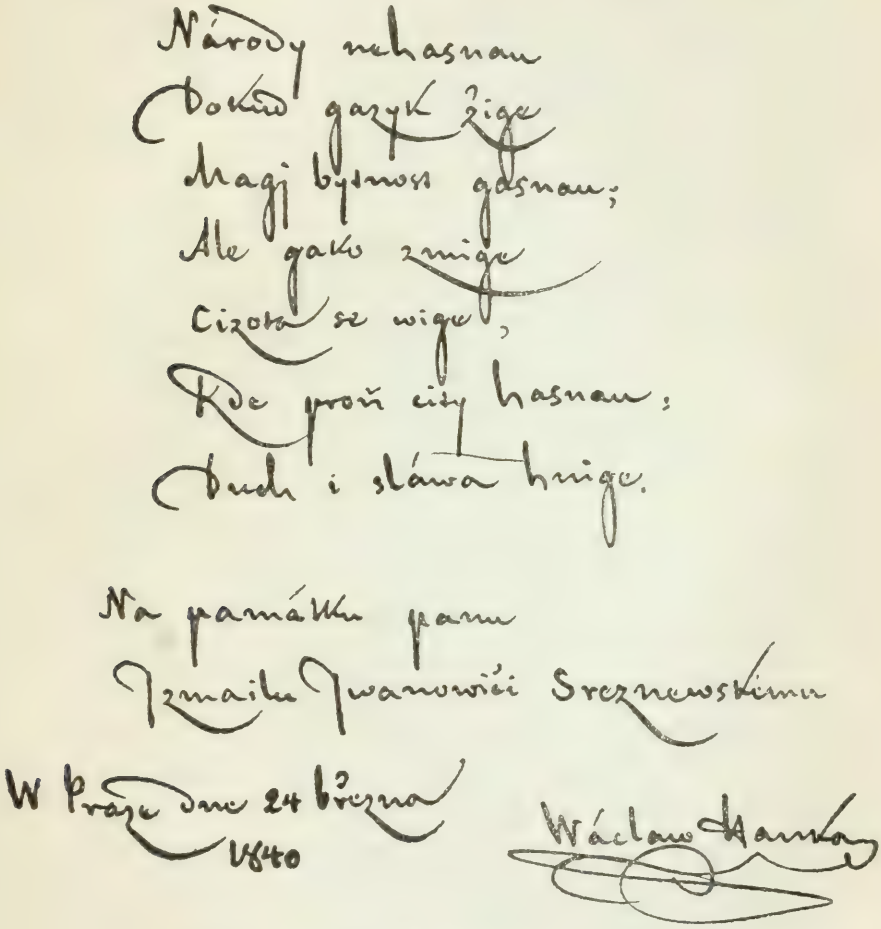
Винаржицкимъ, съ Антониномъ Маркомъ въ Либуни, дали Срезневскому, несомнѣнно, основательныя познанія касательно чешскаго языка, литературы, исторіи, географіи и этнографіи страны.

Въ эти мѣсяцы создалась и его прочная привязанность къ Ганкѣ, котораго среди своихъ пражскихъ друзей онъ особенно отличалъ. Этихъ чувствъ Срезневскаго не раздѣлялъ никто изъ его товарищей, русскихъ славистовъ. О Ганкѣ, «кавалерѣ ордена св. Владимира», Прейсъ отзывался нѣсколько насмѣшливо, какъ осмѣивалъ его «Анну на шеѣ» и злоязычный землякъ Гавличекъ; недолюбливалъ Ганку и своенравный Осипъ Максимовичъ Бодянскій, невысоко цѣнившій его ученость и особенно обижавшійся за причисленіе его къ «ученикамъ» Ганки; различно думали и говорили о Ганкѣ и сами пражане, но Срезневскій прильнулъ къ нему всею душою и неизмѣнно до послѣднихъ дней трудовой жизни Ганки поддерживалъ съ нимъ переписку, дѣлясь съ старымъ другомъ въ теченіе двадцати лѣтъ (съ апрѣля 1840 г. до іюня 1860 г.) всѣми важнѣйшими личными, семейными, литературно-учеными и общественными новостями.

Уже первыя письма Срезневскаго къ Ганкѣ представляли такой интересъ, заключали столь много живыхъ и свѣжихъ наблюденій и данныхъ о жизни различныхъ вѣтвей славянства, что Ганка многія изъ нихъ переводилъ на чешскій языкъ и помѣщалъ въ Часописи Музея, редактированной въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Шафарикомъ (1838—1842).

Такую же цѣну имѣли для чеховъ и позднѣйшія письма его изъ Россіи, изъ Харькова и Петербурга. Ганка говорилъ о нихъ, что для читателей Часописи они были «лучшимъ

лакомствомъ». Не получая долго отъ Срезневскаго вѣстей, Ганка (24 янв. 1851 г.) съ укоромъ напоминалъ ему: «Вѣрьте, что не только мнѣ, но и всѣмъ читателямъ Музейника скучно безъ вашихъ писемъ. Кого бы я ни встрѣтилъ, всякій спрашиваетъ, когда получимъ что-нибудь отъ Срез-


Národy nehasnau
Dokud gazyk žige
Magj bytnost gasnau;
Ale gako zmige
Cizota se wige,
Kde proň city hasnau;
Duch i sláwa hnige.

Na památku pana
Izmaila Iwanowiči Srezneweskému

W Praze dne 24 března
1840

Wáclaw Hanka

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ В. Ганки.

невскаго, — этому мы всегда болѣе всего радуемся»... Такъ какъ Музейникъ (въ 1851 г.) печатался въ количествѣ 3.500 экз., то отсюда видно, какъ много читались въ Чехіи письма русскаго корреспондента Ганки.

Дружескія отношенія Срезневскаго съ Ганкою были прочны съ первыхъ дней знакомства съ нимъ и до послѣднихъ. Покидая Прагу въ январѣ 1841 г., Срезневскій написалъ въ знаменитый альбомъ Ганки слѣдующія строки: «Пятимѣсячное мое пребываніе въ Прагѣ родственно сблизило насъ другъ съ другомъ. Увижу ли васъ, наслажусь ли бесѣдою съ вами еще когда-нибудь, — Богъ знаетъ; по крайней мѣрѣ, навсегда сохраню въ душѣ глубокое уваженіе къ вашимъ заслугамъ и благодарность за расположеніе ваше ко мнѣ, за помощь вашу въ моемъ изученіи вашего прекраснаго чешскаго языка». Только черезъ двадцать лѣтъ довелось старымъ друзьямъ встрѣтиться вновь, и тогда Срезневскій еще разъ въ августѣ 1860 г. расписался въ альбомѣ Ганки: «Словами я не могу выразить уваженія и признательности моей и всей моей семьи. Увѣрить могу въ одномъ: мы всегда будемъ васъ любить и помнить». Эти искреннія увѣренія повторяются въ письмахъ Измаила Ивановича неоднократно. «Прага и чехи, какъ вы и всѣ, съ которыми свела меня тамъ добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны»...

Срезневскій не только самъ любилъ и почиталъ Ганку, но способствовалъ много популярности имени его въ Россіи. «Чѣмъ кто болѣе васъ знаетъ, тѣмъ болѣе уважаетъ; но уважаютъ и тѣ, которые васъ не знаютъ, знаютъ ваше имя и тѣ, которые ничего другого не знаютъ о Славянствѣ. О своей семьѣ уже не говорю: вы — родной дѣдушка моимъ дѣтямъ»... Въ честь Ганки Срезневскій называетъ второго

сына своего (въ сент. 1849 г.) Вячеславомъ и такъ объ этомъ пишетъ пражскому другу: «Вячеславъ—имя издавна для меня драгоцѣнное. Повторяя имя это, мы не можемъ не желать, чтобы и онъ, нашъ ангелъ, былъ такимъ же, какъ тотъ Вячеславъ, котораго перваго узналъ я. Уже нѣсколько разъ мы назвали его и Ганкой, и, вѣроятно, въ семейномъ кругу нашемъ имя Ганки останется за нимъ навсегда»... Въ семьѣ Срезневскаго создавался дѣйствительно какой-то «культъ Ганки»,—даже дѣти знали хорошо имя Ганки, произносили его съ благоговѣніемъ и съ гордостью играли «въ Ганку».

Всякій изъ знакомыхъ, отправлявшійся на воды въ Чехію, неизмѣнно снабжался рекомендаціями къ Вячеславу Вячеславичу. О славистахъ и ученыхъ нечего и говорить.

Когда въ 1855 г. А. Ѳ. Гильфердингъ уѣзжалъ въ Чехію съ больнымъ отцомъ, Срезневскій писалъ Ганкѣ: «Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, но, вѣрно, лѣта не перемѣняютъ чувствъ, одушевленныхъ прямымъ убѣжденіемъ: мнѣ какъ-будто грустно всегда, когда приходится провожать кого-нибудь въ вашу сторону и къ вамъ»... И часто въ письмахъ своихъ Срезневскій мысленно переселяется «въ благословенную землю потомковъ Крока и трехъ его дщерей», часто на холодномъ сѣверѣ «съ завистью» вспоминаетъ «счастливое время», когда онъ странствовалъ по славянскимъ землямъ, часто мечтаетъ о томъ, какъ опять посѣтитъ Прагу и Чехію, повидаетъ старыхъ друзей, насладится ихъ бесѣдами.

Но долго ему не удавалось осуществить эту мечту. Только въ іюнѣ 1860 г. Срезневскій съ семьей изъ Дрездена черезъ Будишинъ собрался наконецъ въ Прагу. Но въ

Дрезденѣ до него дошла печальная вѣсть о смерти Шафарика, съ которымъ онъ надѣялся еще побесѣдовать «и о глаголицѣ и о многомъ другомъ».

Съ Ганкою онъ еще разъ повидался, но переписка съ Вячеславомъ Вячеславичемъ прервалась на дрезденскомъ письмѣ отъ 3/15 іюня 1860 г. Въ январѣ 1861 г. не стало и Ганки.

Русскіе друзья почтили его память сочувственными воспоминаніями: А. Н. Пыпинъ, П. А. Лавровскій, П. П. Дубровскій—всѣ они оцѣнили неоспоримыя заслуги Ганки и помянули его добрымъ словомъ, но никто изъ нихъ не почувствовалъ утрату такъ глубоко-сердечно, какъ Срезневскій въ своемъ чтеніи въ засѣданіи II Отдѣленія Академіи 13 января 1861 года.

* * *

Въ началѣ іюня 1840 г. Срезневскій покинулъ Прагу, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь вернуться въ нее. Черезъ Бероунъ, Пльзень, посѣтивши въ недалекихъ Козоѣдахъ «одного изъ лучшихъ новеллистовъ чешскихъ» Индржиха Марка (Jana z Hvězdy), черезъ Клатовы, Страконицы, Водняны, Будѣёвицы и Линцъ онъ (по Дунаю) прибылъ въ Вѣну. Въ концѣ іюня онъ уже путешествуетъ по Моравіи, и мы встрѣчаемся съ нимъ въ Брнѣ. Здѣсь, какъ онъ самъ разсказываетъ,—онъ получилъ отъ редактора газеты «Moravia» Яна Огерала (Ohéral) «много любопытныхъ свѣдѣній» по этнографіи Моравіи и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ экскурсію въ недалекій Райградскій монастырь для обслѣдованія кирилловскихъ приписокъ въ латинскомъ мартирологіи IX в. Въ Моравіи Срезневскій знакомится съ моравскими «властенцами»: поэтомъ и этнографомъ Фр. Сушиломъ,

Naše lužby, naše chtěný
Nes do Rus za pozdrawenji!

W Pozgedech 13/6 40.

Jan Indř. Marek

Jan z Hwězdy

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ И. Марка (Jana z Hvězdy).

поэтомъ-философомъ Фр. М. Клацелемъ, знатокомъ Моравіи Яномъ Іодлемъ, исторіографомъ моравскимъ Бочкомъ и мн. др. Изъ Брна онъ направляется въ Бржецлаву (Lundenburg), а оттуда къ подлужакамъ (Podlužáci).

Моравское населеніе, какъ сохранившее болѣе самобытныхъ славянскихъ особенностей, чѣмъ чехи, привлекаетъ его вниманіе, и онъ намѣренъ вообще «походить пѣшкомъ по Моравіи». Дѣйствительно, какъ видно изъ отчета министру народнаго просвѣщенія, онъ сдѣлалъ небольшое путешествіе пѣшкомъ въ западные края Моравіи, побывалъ затѣмъ въ Оломуцѣ, гдѣ особенно полезнымъ для него оказалось знакомство съ извѣстнымъ знатокомъ моравской діалектологіи и этнографіи А. В. Шемберой; вмѣстѣ съ нимъ онъ обошелъ «благословенную родину» ганаковъ по р. Ганѣ, вникая въ ихъ нарѣчіе, собирая пѣсни, пословицы и преданія, при чемъ доходилъ на востокъ до селеній валашскихъ (Valašsko).

Простившись въ Оломуцѣ съ моравами, Срезневскій (17 іюля) повернулъ на сѣверъ, въ Австрійскую Силезію, въ Опаву (Troppau). Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ, какъ и всюду на пути, изучаетъ здѣсь прежде всего народъ и въ результатѣ, по его увѣренію, изучилъ слезаковъ «довольно порядочно», собравши при этомъ не менѣе 50 пѣсенъ, какъ образчиковъ ихъ нарѣчія.

По прибытіи въ Вратиславль Срезневскій прежде всего посѣщаетъ знаменитаго профессора физіологіи и искренняго славянофила Яна Ев. Пуркиню, которому рекомендованъ былъ Шафарикомъ и Ганкою. Вратиславскіе студенты-славяне, подъ руководствомъ Пуркини, организовали литературное общество и много занимались славянствомъ. Въ кружкѣ этихъ студентовъ, собиравшихся у Пуркини,

въ бесѣдахъ съ ними и съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и въ самостоятельныхъ занятіяхъ Срезневскій проводитъ здѣсь двѣ недѣли; въ то же время онъ готовится къ путешествію «по землѣ Горнихъ и Дольнихъ Виндовъ» и надѣется «изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между поляковъ». Онъ изучаетъ нижнелужицкое нарѣчіе у Маркуса, переписываетъ для себя какую-то старую и рѣдкую грамматику нижнелужицкаго нарѣчія и собраніе нижнелужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваетъ замѣчательности бреславльской библіотеки и музея, по вечерамъ ходитъ на берегъ Одры болтать со сплавщиками лѣса изъ Ратибора «по-слезски», осматриваетъ въ окрестностяхъ древнія городища и т. д.

Въ Ополѣ (Oppeln) онъ въ своей собирательской дѣятельности потерпѣлъ неудачу, потому что плохо понималъ слезаковъ, а они не понимали его. «Всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь разспросить, подслушать какую-либо пословицу или новое слово, записать пѣсню—оставались какъ раки на днѣ, — у сѣти были, въ сѣть не попали». Только съ трудомъ ему удалось записать восемь пѣсенъ въ трактирѣ.

Изъ Легницъ Срезневскій сдѣлалъ прогулку въ Исполиновы горы, «все еще несовсѣмъ нѣмыя для славянолюба». На этой онѣмеченной окраинѣ онъ особенно интересуется географіей, топографической номенклатурой, народными преданіями, народной архитектурой, одеждой, образомъ жизни и обычаями жителей.—Въ началѣ сентября Срезневскій прибылъ въ Сгорѣлецъ. Здѣсь онъ работаетъ въ библіотекахъ Ученаго Общества и Милліевской, знакомится съ кандидатомъ Смоляромъ, пасторомъ Гауптомъ и совѣтникомъ полиціи Келеромъ, любителями славяно-гер-

манскихъ древностей, и съ извѣстнымъ лужицкимъ литераторомъ П. І. Іорданомъ.

Въ Будишинѣ онъ проводитъ нѣсколько дней, осматриваетъ здѣсь рукописи и рѣдкія книги библіотекъ Ратуши и Герсдорфской, посѣщаетъ окрестныя городища и близкія горы, слушаетъ верхнелужицкихъ проповѣдниковъ, принимаетъ участіе въ аукціонѣ библіотеки покойнаго Лубенскаго, знакомится съ Клиномъ и др. лужицкими дѣятелями. Изъ Будишина вмѣстѣ съ Смоляромъ Срезневскій пошелъ «писать мыслѣте» по Лужицамъ. Съ такимъ сопутникомъ путешествіе должно было быть особенно плодотворнымъ и увлекательнымъ.

«Надо было» говоритъ Срезневскій, «и познакомиться съ народомъ лужицко-сербскимъ, до сихъ поръ еще столь мало извѣстнымъ, надо было и обозрѣть городища и могилы, а слѣдовательно нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинокъ». И онъ исколесилъ съ милымъ и свѣдущимъ спутникомъ Лужицкіе края. Только восточная граница Лужицъ осталась непосѣщенною нашими путниками.

Смоляръ привелъ Срезневскаго въ восторгъ. Уже тогда Срезневскій пророчески предвидѣлъ въ немъ крупнаго дѣятеля. «Этого человѣка я остаюсь вѣчнымъ должникомъ и почитателемъ. Это образецъ для называющихъ себя любителями и знатоками народности. Онъ не беретъ на себя многое, хочетъ узнать только свое отечество, оставляя на предбудущее время изученіе другихъ соплеменныхъ народовъ, и узнаетъ не по верхамъ: онъ сдѣлался совершенно народнымъ человѣкомъ; обходитъ страну всюду, какъ свой, какъ давно знакомый, какъ родной, и передаетъ замѣчаемое не памятной книжкѣ, а памяти жизни; живетъ въ

духѣ и тѣлѣ своей родной народности, слушая сказку, разсказываетъ другую, танцуя съ поселянкой, напѣваетъ ей забытую ею пѣсню, въ старинномъ обрядѣ не зритель, а исполнитель, — и врагъ всего стараго дурного, остается китайцемъ по чувству ко всему старому доброму; словомъ, проникаетъ въ жизнь народа, проникаясь самъ ею. О, если бы каждый европейскій народъ имѣлъ по одному Смоляру на такое количество людей, какое въ Лужицахъ Сербскихъ, и если бы, разумѣется, они имѣли средства давать знать свѣту о своихъ наблюденіяхъ, — иное бы поприще раскрылось для исторіи, для филологіи, для философіи европейской. Завидую сербамъ и радуюсь за нихъ: если и смерть удѣлъ ихъ народности, она не умретъ, по крайней мѣрѣ, не отпѣтою, не умретъ для будущаго. Всегда я любилъ изученіе народности, почиталъ его важнымъ и умѣлъ доказать силлогизмомъ: Смоляръ первый доказалъ мнѣ это жизнію»...

Плодомъ занятій Срезневскаго лужицкими сербами явился довольно обширный «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (въ Ж. М. Н. Пр., 1844, ч. 43, отд. II, 26—66), составленный весьма умѣло, съ введеніемъ о древнѣйшихъ судьбахъ лужичанъ и началахъ письменности у нихъ, обнаруживающій большое знакомство съ предметомъ: памятниками старой письменности, рукописными трудами Авр. Френцеля, Андрея Лубенскаго, произведеніями Зейлера и вообще дѣятелей новаго періода, Іордана, Смоляра, Брониша, Маркуса; особенно выдвигаются здѣсь заслуги этихъ дѣятелей по изученію «народности», а о національныхъ стремленіяхъ сербовъ говоритъ Срезневскій съ горячей симпатіей и вѣрой въ будущій расцвѣтъ сербской народности.

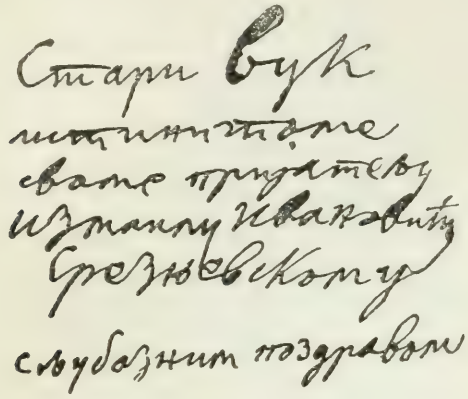
Вернувшись изъ лужицкаго путешествія снова въ Прагу (въ началѣ ноября 1840 года), онъ остается здѣсь до половины января 1841 г. Своей пятимѣсячной поѣздкой онъ былъ, повидимому, чрезвычайно доволенъ: ему удалось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ, но мало обслѣдованныхъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ славянскихъ областей, матеріаловъ собрано имъ было много, впечатлѣній новыхъ и непосредственныхъ получилось обиліе. «Теперь уже я могу исправлять Шафарику этнографическую карту Богеміи, Моравіи, Силезіи и Лужицъ», съ гордостью заявлялъ Срезневскій. Даже лужичанинъ Іорданъ пользуется его лексикальными собраніями для своего лужицкаго словаря.

Вторичное пребываніе Срезневскаго въ Прагѣ было непродолжительно, и о его занятіяхъ въ эти два мѣсяца мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Здѣсь онъ снова встрѣтился съ Прейсомъ, съ которымъ его связала искренняя дружба: «товарищъ по трудамъ», онъ сдѣлался его «товарищемъ и въ жизни». Скоро однако друзья опять разстались: 15/27 января Срезневскій выѣхалъ изъ Праги, провожаемый Ганкой, Прейсомъ и Іорданомъ. Черезъ Королевинъ Градецъ и Литомышль онъ возвратился въ Моравію и снова остановился въ Брнѣ, а 23 января онъ былъ уже въ Вѣнѣ.

Первый визитъ здѣсь онъ дѣлаетъ Копитару. Въ теченіе первыхъ дней пребыванія въ Вѣнѣ онъ былъ у Копитара дважды, однако съ нимъ не могъ сойтись ближе. Онъ писалъ Ганкѣ: «Съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло . . . Лучше не подходить, а то смотри и укуситъ» . . . «У него хоть есть душа, да не по мнѣ». Очевидно, плохія отношенія Шафарика и Ганки съ Копитаромъ оказали сильное

вліяніе на взглядъ Срезневскаго на вѣнскаго слависта. Зато близко сошелся онъ съ Вукомъ и подъ его руководствомъ въ теченіе мѣсяца старательно готовился къ путешествію по югославянскимъ землямъ.

«Вукъ Стефановичъ», пишетъ Срезневскій Ганкѣ въ январѣ 1841 г., «согласился мнѣ помогать въ изученіи



Подпись В. С. Караджича на фотографическомъ портретѣ.

сербскаго языка и народа и, кромѣ того, нашелъ мнѣ молодого хорвата, у котораго беру уроки ежедневно». Этимъ вторымъ учителемъ Срезневскаго и помощникомъ Вука былъ Курелацъ (извѣстный впослѣдствіи хорватскій дѣятель), знавшій «сверхъ сербскаго и хорватское нарѣчіе».

Въ концѣ февраля 1841 года Срезневскій пустился изъ Вѣны въ путь на славянскій югъ: черезъ Градецъ Штирійскій, Мариборъ, Птуй, Великую Недѣлю и Ормужъ онъ прибылъ въ Вараждинъ, куда привезъ его Дайнко. Изъ Марибора онъ ѣздилъ съ проф. Пуфомъ, нѣмцемъ, но «душою славяниномъ», говорящимъ по-словенски, въ селеніе Лембахъ къ пастору Цвѣтку, провелъ у него цѣлый день, записывалъ отъ его служанки штирійскія пѣсни,

учился танцовать по-штирійски и т. д.; посѣтилъ также франгеймскаго священника Цафа, которому преподалъ весьма дѣльный совѣтъ—снабдить свой словарь «словено-штирійскаго» народнаго языка этнографическими примѣчаніями, какъ это сдѣлалъ Вукъ въ своемъ словарѣ.

Въ Великой Недѣлѣ онъ посѣтилъ пастора Дайнка, «одного изъ плодовитѣйшихъ писателей штирскихъ». Всюду русскаго ученаго путешественника принимали съ величайшимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. На пути онъ дѣлаетъ діалектологическія наблюденія относительно штирійскихъ говоровъ.

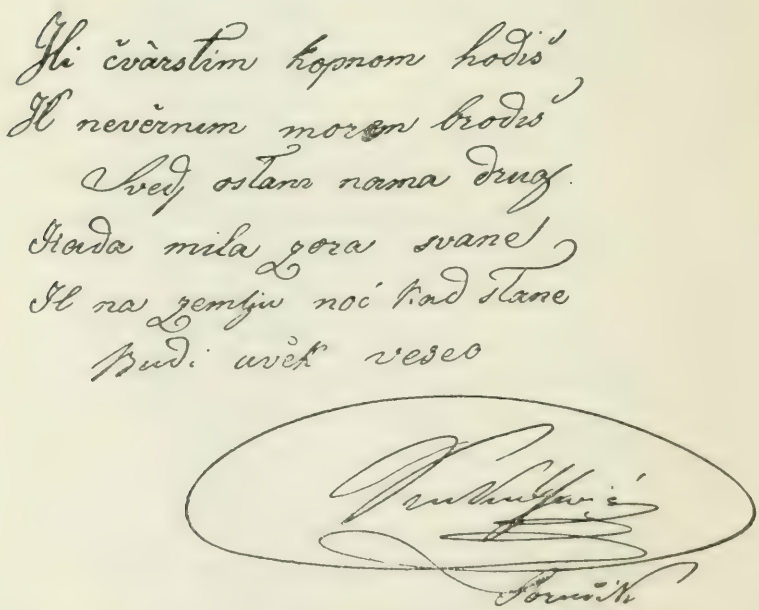
Въ области діалектологическихъ студій Срезневскаго на славянскомъ юго-западѣ слѣдуетъ отмѣтить замѣчательную статью его: «О нарѣчіяхъ славянскихъ» (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1841 г., ч. 31, отд. II, 133—164). Основанная на самостоятельно собранномъ матеріалѣ и для своего времени весьма детальная, она даетъ обозрѣніе границъ древнѣйшей области распространенія словенцевъ, опредѣляетъ подробно современную границу между словенскимъ и нѣмецкимъ народонаселеніемъ въ Каринтіи и Штиріи, трактуетъ о западной границѣ словенцевъ съ фурланами (въ Фріулѣ) и о восточной—хорватской, констатируетъ чрезвычайное разнообразіе мѣстныхъ нарѣчій («почти каждый приходъ отличается отъ другого или выговоромъ нѣкоторыхъ буквъ, или употребленіемъ тѣхъ или другихъ словъ») и даетъ намъ характеристику ихъ. Срезневскій самъ, повидимому, высоко цѣнилъ этотъ трудъ свой. О своей поѣздкѣ онъ писалъ: «Во время путешествія моего по землямъ словенскимъ, я старался, сколько было возможно, и самъ наблюдать и другихъ разспрашивать касательно отличій мѣстныхъ нарѣчій словенскихъ и успѣлъ, какъ мнѣ

кажется, внести въ свои записки все главное по сему предмету». Но при этомъ онъ задавался лишь задачей общей, осуществимой для него, «старался понять характеристику главныхъ нарѣчій». «Предметъ этотъ, говоритъ Срезневскій, важенъ не только въ чисто-филологическомъ отношеніи, но и для тѣхъ, кои посвящаютъ себя изученію краинской литературы. Каждый писатель писалъ и пишетъ своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, думая только о томъ, чтобы не быть страннымъ или непонятнымъ для тѣхъ, кои говорятъ инымъ нарѣчіемъ». Вотъ почему, «кто хочетъ отчетливо понять словенскій языкъ,—тому остается изучать нарѣчія мѣстныя»... Эта статья прямо замѣчательна по богатству положенныхъ въ ея основаніе данныхъ, новыхъ діалектологическихъ матеріаловъ и можетъ быть признана первымъ обстоятельнымъ и надежнымъ опытомъ характеристики словенскихъ нарѣчій, первымъ очеркомъ словенской діалектологіи.

Къ половинѣ февраля 1841 г. Срезневскій былъ уже въ Загребѣ. Первое его письмо къ матери отсюда написано 17 февраля, очевидно, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія здѣсь и нѣкоторыхъ наблюденій. Русскаго ученаго «бѣлый Загребъ» встрѣтилъ сердечно и даже восторженно. Имя его было въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Загреба уже извѣстно по письму Шафарика, предупреждавшаго друзей о прибытіи Срезневскаго. Первое посѣщеніе Срезневскимъ Гая сразу ввело его въ кругъ хорватскихъ «родолюбовъ»—«доморoдцевъ». «Стоило мнѣ сказать, что я русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать», пишетъ Срезневскій матери. Молодой славянскій путникъ съ первыхъ дней своего пребыванія въ Загребѣ былъ въ постоянномъ восхи-

щеніи: онъ восторгается и самимъ городомъ и патріотическимъ настроеніемъ литературной хорватской молодежи, среди коей онъ больше всего вращается, духомъ ея «домородства». Вообще, литературное направленіе въ Загребѣ онъ готовъ «представить за примѣръ» другимъ славянамъ.

Своими первыми загребскими впечатлѣніями онъ подѣлился съ Ганкою въ обширномъ и весьма содержательномъ письмѣ. Онъ перечисляетъ здѣсь длинный рядъ «ново-иллирскихъ» писателей, отводитъ первое мѣсто среди нихъ Вразу, Вукотиновичу, Деметру, Кукульевичу, Раковцу, Штоосу и высказываетъ мнѣніе, что эти писатели, какъ «поэты съ душой», заняли бы почетное мѣсто во всякой литературѣ. Особенно ему нравится Вразъ, «какъ поэтъ,



Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ И. Кукульевича-Сакцинскаго.

умѣющій понимать духъ народный». Съ нимъ его связуетъ нѣжная дружба, съ нимъ онъ заключаетъ побратимство.

Въ Загребѣ Срезневскій усердно занимается хорватской литературой и пріобрѣтаетъ въ результатѣ правильный, хотя едва ли самостоятельный взглядъ на характеръ этой литературы, въ особенности что касается языка, стиля и всѣхъ увлеченій новшествами въ этой области. Какъ и другъ его и наставникъ Вразъ, Срезневскій рѣшительно возстаетъ противъ удаленія хорватскихъ писателей отъ языка народнаго; въ то же время онъ противникъ и того «рагузанизма», съ которымъ боролся и Вразъ, ибо «ни одинъ славянинъ, знающій сербскій языкъ, не можетъ защищать въ дубровчанахъ чистоту языка»... Уроки Враза въ этихъ сужденіяхъ очевидны и несомнѣнны.

Самъ тонкій цѣнитель и знатокъ «народнаго духа», собиратель и издатель народнаго пѣснотворчества, Срезневскій это увлеченіе нашелъ и у Враза, и это единство взглядовъ и вкусовъ сблизило сразу молодыхъ людей. Срезневскій находилъ даже, что въ хорватской литературѣ недостаточно обращалось вниманія на изученіе народныхъ нравовъ и обычаевъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Срезневскій вмѣстѣ съ Вразомъ предпринимаетъ непродолжительную поѣздку (съ 20 до 27 февраля) въ близкое Загорье: черезъ Быстрицу въ Крапину, а изъ Крапины черезъ Яковлье обратно въ Загребъ. Во время этой экскурсіи путники посѣщаютъ извѣстныхъ иллирскихъ «родолюбовъ», идутъ въ народъ, сближаются съ нимъ, интересуются костюмомъ загорскихъ крестьянъ, изучаютъ народные обычаи и особенности кайкавскаго нарѣчія, записываютъ народныя преданія, пѣсни и пр. «Мы таскались», вспоминаетъ Срезнев-

скій, «по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни и пр.».

Срезневскій недолго пробылъ въ Загребѣ. Спустя нѣсколько дней по возвращеніи изъ Загорья онъ вновь отправляется вмѣстѣ съ Вразомъ странствовать въ Крайну, Хорутанію и далѣе въ Венеціанскую область. Поѣздка задумана была Вразомъ, Срезневскій присоединился къ нему въ качествѣ сопутника. Все, что занимало Враза, одинаково привлекало вниманіе его русскаго друга, который едва ли могъ расчитывать найти лучшаго руководителя въ поѣздкѣ по словенскимъ областямъ. Вразъ, какъ собиратель и издатель (1839) народныхъ пѣсенъ, уже имѣлъ извѣстныя заслуги и опытъ въ этой области такъ же, какъ и его товарищъ.

Изъ Загреба путь ихъ лежалъ въ Карловацъ, оттуда на Метлику къ краинской границѣ; на пути, въ имѣніи гр. Николы Враницани, въ дер. Юровѣ они записываютъ народныя пѣсни и обычаи. «Сегодня утромъ», пишетъ Срезневскій матери 2 апрѣля 1841 г., «забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощью «свѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки». Путники въ своихъ наблюденіяхъ взаимно дополняютъ другъ друга; Срезневскій видѣнное часто невольно сравниваетъ съ русскимъ—костюмами, предметами домашняго обихода, выраженіями и т. п. Собираніемъ пѣсенъ оба путника занимаются и въ кофейнѣ въ Метликѣ. «Кафеджія, самъ любитель пѣсенъ, самъ краинецъ, назвалъ одѣтыхъ по-праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стари-

ковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣло было, что записывать да рисовать», вспоминаетъ Срезневскій.

Послѣ посѣщенія пограничныхъ Краинскихъ, или Ускоцкихъ горъ, между Самоборомъ и Метликой, путешественники черезъ Ново Мѣсто прибыли (4 апрѣля вечеромъ) въ Любляну. И тутъ Срезневскій, среди научныхъ занятій въ библіотекѣ и изученія краинскаго нарѣчія подъ руководствомъ проф. Метелка, находитъ время съ Вразомъ наблюдать народную жизнь на улицахъ и базарахъ. Въ Люблянѣ Срезневскій знакомится съ Прешерномъ.

Gospodu Tomajlu Srezneſkimu
v ſpomínj vélkiga tédna léta 841

Si ſlovénſkiga rodú.
Te ne prapham kam zhimú.
Kadar boſh prishel domú,
Sin neumerjozhe ſláve,
Spomni brat ov ſe krog ſáve!

D. Preſérin

Стихотвореніе Прешерна на память И. И. Срезневскому.

Желая ближе присмотрѣться къ народной жизни во всей ея непосредственности и первобытной чистотѣ, Срезневскій съ Вразомъ по приглашенію мѣстнаго адвоката

д-ра Хорвата отправились въ Крайнъ (Krainburg). Здѣсь онъ впервые слушаетъ краинскую проповѣдь, отсюда съ Вразомъ отправляются «изъ города вонъ подалѣе», заглядываютъ въ сельскій кабачокъ, угощаютъ селянъ виномъ и, сдѣлавши ихъ разговорчивыми, заставляютъ разсказывать сказки, бесѣдовать о ихъ житьѣ-бытьѣ, пѣть пѣсни. «Это была для меня добрая школа: вслушиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь»...

Для этнографическихъ и діалектологическихъ наблюденій изъ Крайна Срезневскій съ Вразомъ посѣщаетъ еще близкое село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Крайна. Однако Срезневскій съ трудомъ могъ понимать мѣстное нарѣчіе, и Вразъ съ юморомъ вспоминаетъ, какъ его спутникъ зѣвалъ, слушая селяковъ, и какъ наконецъ въ сердцахъ воскликнулъ: «Ни черта не понимаю!» Уже въ Люблянѣ Срезневскій замѣтилъ, что плохо понимаетъ живую словенскую рѣчь: «...Когда я читаю краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое-нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу».

Изъ Крайна Срезневскій и Вразъ возвратились въ Любляну. Вразъ разболѣлся и не могъ продолжать путешествіе по намѣченной программѣ. Срезневскій долженъ былъ далѣе странствовать одинъ—въ направленіи на Целовецъ, гдѣ познакомился съ Жупаномъ, Зильскую долину, затѣмъ въ сѣверную Италію, въ Резьянскую долину, оттуда въ Горицу и наконецъ Тріестъ, гдѣ его поджидалъ Прейсъ.

Матеріалъ, собранный Срезневскимъ въ Рожной и Зильской долинѣ, въ Резіи и др. мѣстахъ, былъ чрезвычайно богатъ, и Вразъ искренно сожалѣлъ потомъ, что не могъ

быть участникомъ этой экскурсіи. Срезневскій, въ свою очередь, огорчался тѣмъ, что съ работой ему приходилось спѣшить и оставлять неподобранными драгоцѣнныя колосья. Онъ писалъ Вразу: «Теперь послѣдній часъ жатвы: зерно опадетъ, высохнетъ, и вѣтеръ разнесетъ его—прощай тогда навсегда!... Съ жатвой надо поторопиться. Когда станутъ сѣять иное зерно, нельзя будетъ болѣе собирать зерна опавшія». Въ маѣ 1841 г. Срезневскій въ длинномъ письмѣ подѣлился съ Ганкою своими интересными впечатлѣніями и учеными наблюденіями относительно резьянскихъ словенцевъ.

Изъ Резіи черезъ Венцону, Джемону, Тарченто, Чивидале онъ прибылъ въ Горицу, а оттуда черезъ Випаву въ Тріестъ.

Путешествіе Срезневскаго съ Прейсомъ по Истріи, славянскія области коей въ то время были весьма мало обслѣдованы, далѣе поѣздки по нѣкоторымъ островамъ Кварнера и далматинскимъ (Кркъ, Хваръ, Корчула), по побережью Далмаціи, экскурсія въ Боку Которскую и Черную Гору дали несомнѣнно множество новыхъ впечатлѣній, но научныя пріобрѣтенія по части юго-славянской этнографіи и діалектологіи не могли быть особенно глубокими. Путешествіе совершалось въ необыкновенно быстромъ темпѣ.

Въ Истріи онъ интересуется какъ истріанскимъ словенскимъ нарѣчіемъ (въ Копрѣ, Куртѣ, Св. Ловречѣ), такъ и хорватскимъ. Въ Куртѣ (Corte d'Isola) при содѣйствіи мѣстнаго молодого священника Паушича, знавшаго хорошо здѣшнее, «все еще краинское» нарѣчіе, Срезневскій записываетъ нѣсколько десятковъ словъ, кое-что объ обычаяхъ и нѣсколько пѣсенъ мѣстнаго населенія. Очевидно, со словъ

этого знатока мѣстнаго «краинскаго» нарѣчія Срезневскій даетъ указаніе: «Краинское нарѣчіе простирается здѣсь до солеваренъ Пиранскихъ и отъ нихъ долиною на С.-В. до Коціанчича и горъ Чичскихъ». Нарѣчіе хорватское истріанское, — отмѣчаетъ Срезневскій, — всюду перемѣшано съ итальянскими словами и выраженіями: чистѣйшимъ считается то, которымъ говорятъ у Антиньяны, Ловреча, Джемино. Оно вообще можетъ быть причислено къ такъ называемому чакавскому.

Интересны замѣчанія Срезневскаго относительно Пероя, гдѣ онъ открываетъ колонію черногорцевъ, переселившуюся сюда почти за двѣсти лѣтъ, но мало кому изъ этнографовъ извѣстную. Даже Шафарикъ до сообщеній Срезневскаго ничего не зналъ о существованіи этой колоніи. Здѣсь Срезневскій записываетъ пять юнацкихъ пѣсенъ, изучаетъ обычаи, смотритъ народныя пляски, слушаетъ пѣсни и сравниваетъ ихъ съ пѣснями Качича.

Черезъ Рѣку и Кральевицу Срезневскій съ Прейсомъ перебрался на о. Кркъ (Veglia). Приставши на островъ у Воза (Vos), они пошли пѣшкомъ въ Омишаль (Castel Muschio), отсюда на другой день пошли пѣшкомъ въ Градъ Кркъ (Veglia Città) и остались тутъ два дня, употребивши «одно послѣ обѣда» на прогулку въ монастырь Кошлюнъ (Calsione); отсюда путники перебрались на южный берегъ острова, въ Банку. Срезневскій съ Прейсомъ прослушали въ Омишалѣ глаголическую вечерню («пѣніе очень похоже на наше монастырское»), осмотрѣли нѣсколько глаголическихъ рукописей и нѣсколько надписей на церкви и замкѣ, впрочемъ довольно новыхъ; въ библіотекѣ монастыря на о. Кошлюнѣ они нашли только на переплетахъ «глаголическіе отрывки»; ознакомились также и съ глаголическими

надписями въ Башкѣ, очевидно—съ знаменитой надписью Звонимира въ церкви св. Лючіи (Zvonimirova ploča, 1100); записалъ Срезневскій и нѣкоторыя діалектическія особенности нарѣчія о. Крка.

Черногорка изъ Ивгуши.

На головѣ капа или рамо, на ногахъ черевьи, вокруг гуньи, черезъ руку старуха, на погаръ опанемчоранъ —

Рисунокъ И. И. Срезневскаго изъ путевого альбома 1841 г.

Изъ Башки наши путники на лодкѣ переправились въ Сень, посѣтили здѣсь епископа Ожеговича, отправились

затѣмъ въ глубь Военной границы черезъ Брлогъ, Оточацъ, Перуничъ, Госпичъ. Переваливши черезъ Велебитъ, они спустились въ Карлопагъ къ морю, переправились черезъ Морлацкій проливъ (Canale della Morlacca) на о. Пагъ и дальше двинулись черезъ Привлаку въ Нинъ (Nona) и въ Задаръ, заглянули отсюда на близлежащій о. Углянъ, а потомъ на Бенковацъ, Кистанье, отправились внутрь страны, посѣтили монастырь на р. Керкѣ, гдѣ осмотрѣли нѣкоторыя славянскія рукописи, болѣе, повидимому, интересовавшія Прейса.

Путь ихъ шелъ далѣе на Дрнишъ, Скрадинъ (Scardona), Шибеникъ, Трогиръ (Trau), Сплѣтъ, потомъ на пароходѣ на о. Хваръ (Lesina), Корчулу (Curzola), и, наконецъ, они прибыли въ Дубровникъ.

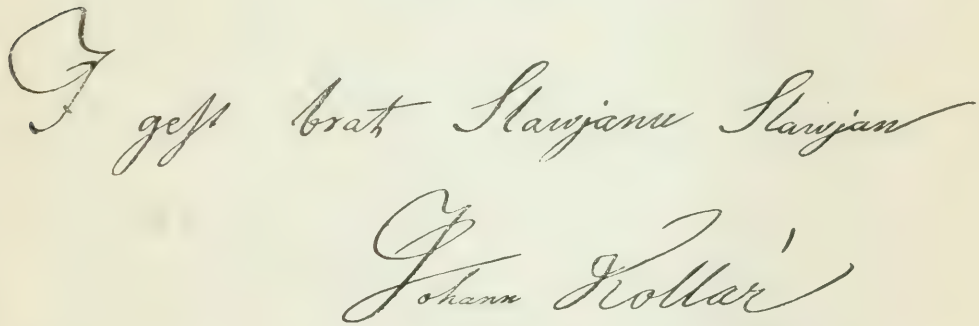
Изъ Боки Которской Срезневскій совершилъ еще поѣздку въ Цетинье, но всего лишь на одинъ день.

«Сдѣлать въ то время такое путешествіе, справедливо замѣчаетъ акад. И. В. Ягичъ, это былъ подвигъ, достойный удивленія и уваженія». Но, несомнѣнно, что эта часть путешествія Срезневскаго была наиболѣе слабою по ученымъ пріобрѣтеніямъ: путешествіе имѣло скорѣе характеръ образовательной экскурсіи, совершенной быстро, безъ большихъ, внимательныхъ остановокъ и, слѣдовательно, безъ крупныхъ результатовъ.

Уже 10 августа Срезневскій вернулся изъ далматинскаго путешествія въ кругъ милыхъ хорватскихъ друзей въ Загребъ. Встрѣча Враза съ «сѣвернымъ другомъ» произошла совершенно неожиданно. «Я встрѣтился съ нимъ», вспоминалъ онъ, «въ Народной кофейнѣ». Поэтъ, какъ дитя, обрадовался новому свиданію съ Срезневскимъ: «Я подошелъ къ нему сзади, руками закрылъ ему глаза. Онъ

освободилъ голову, смотритъ на меня—и вдругъ бросается мнѣ на шею. И начали мы обниматься и цѣловаться, такъ что вся кофейня переполошилась и собралась вокругъ насъ, а мы едва подъ столъ не упали; онъ цѣловалъ меня такъ что послѣ этого четверть часа кровь у меня изъ губъ шла»...

Все время вторичнаго пребыванія Срезневскаго въ Загребѣ (съ 10 авг. по 15 сент.) друзья проводили вмѣстѣ. Срезневскій продолжаетъ здѣсь свои научныя книжныя работы, но не перестаетъ заниматься и народомъ: съ другомъ Станкомъ онъ ходитъ по базарамъ, изучаетъ народные обычаи, слушаетъ народныя пѣсни, наблюдаетъ танцы, игры и т. п. О Срезневскомъ вообще съ полнымъ правомъ можно повторить то, что̀ онъ сказалъ какъ-то о Смолярѣ: «Бытуя бытомъ народа, онъ вноситъ на листки своего бумажника все, что̀ только можетъ занять его: и слово, и



Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ Я. Коллара.

выраженіе, и голосъ пѣсни, и народный разсказъ, и игру дѣтей, и принадлежности народнаго убора, и условія обряда, и снимокъ стараго городища, и гаснущее припоминаніе прошедшаго»... Все это для него чрезвычайно дорогія данныя! Съ тѣмъ же увлеченіемъ относится къ народнымъ обычаямъ и Вразъ, склонный приравнивать хорватское коло къ играмъ Олимпійскимъ или Элевзинскимъ.

Интересно отмѣтить, что Срезневскій сдѣлался въ эти дни сотрудникомъ иллирской Даницы (1841), напечатавши въ ней описаніе бала въ Крапинѣ въ день именинъ Гая.

Въ половинѣ сентября Срезневскій покинулъ столицу Хорватіи. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ проводили его до загороднаго епископскаго парка Максимира, и тутъ друзья разстались навсегда, чтобы болѣе уже никогда не встрѣчаться. «Мнѣ жаль было», пишетъ Срезневскій матери, «разставаться и съ Загребомъ и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза... Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія»...

Но побратима и друга онъ вспоминаетъ часто въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ по Славоніи, распространяетъ его «Джулябіи» среди славонскихъ красавицъ «домородкинь», заботясь о славѣ поэта. Только съ пріѣздомъ въ Сербію переписка друзей по необходимости на нѣкоторое время прервалась: писать оттуда было затруднительно.

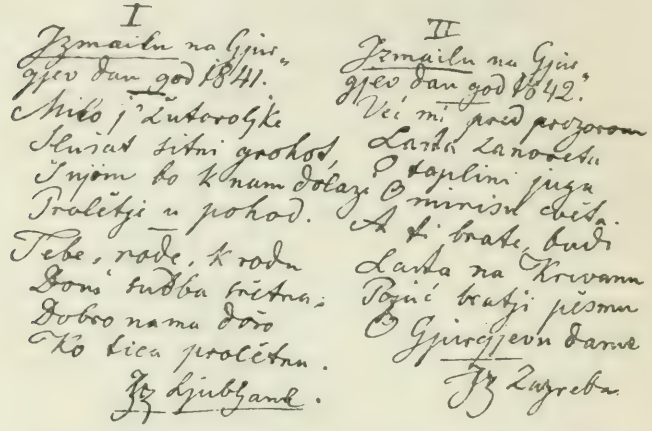
Едва въ ноябрѣ 1841 г. Срезневскій откликнулся изъ Пешта. Во время совмѣстныхъ странствованій и въ частныхъ дружескихъ бесѣдахъ Вразъ имѣлъ случай позна-

комить побратима съ планомъ давно задуманнаго литературно-критическаго журнала. Теперь, на досугѣ, отдыхая отъ балканскаго путешествія въ Пештѣ, Срезневскій обсуждаетъ программу Враза и въ обширномъ письмѣ даетъ ему рядъ весьма дѣльныхъ и цѣнныхъ указаній и совѣтовъ. Особенно заботится Срезневскій о томъ, чтобы загребскій журналъ пошелъ по пути примиренія и соглашенія разрозненыхъ братьевъ, сербовъ и хорватовъ. Въ бесѣдахъ съ православными сербами объ иллиризмѣ онъ неоднократно слышалъ осужденія иллирійскому движенію, какъ «исключительно римско-католическому». Долгъ Враза своимъ изданіемъ внести миръ и согласіе въ это взбаламученное море неразумныхъ страстей. Срезневскій совѣтуетъ Вразу вступить въ сношенія съ сербами, привлечь ихъ въ ряды сотрудниковъ: «Иллирство не должно уничтожать народное имя, а должно лишь соединить воедино члены одного организма»... Оно должно быть символомъ единства, единенія, а не раздоровъ.

Заботясь объ успѣхѣ моральномъ будущаго органа иллирства, Срезневскій всячески содѣйствуетъ и его матеріальной прочности: онъ собираетъ всюду подписчиковъ для Враза; цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, наставленій касательно группировки матеріала въ каждой отдѣльной книжкѣ, объема ея, разсѣянъ въ письмахъ Срезневскаго Вразу. Въ Вѣнѣ Срезневскій старается привлечь въ число сотрудниковъ Kola и Вука Караждича, самъ при этомъ вмѣстѣ съ Прейсомъ становится въ ряды сотрудниковъ журнала Враза уже въ I-ой книжкѣ его.

Возвращаясь въ Россію, Срезневскій еще дважды написалъ Вразу: изъ Прессбурга-Бретиславы (29 марта 1842) и изъ Познаня (16 августа). Вразъ отвѣтилъ какъ бы

прощальнымъ привѣтомъ изъ бѣлаго Загреба, нѣжнымъ письмомъ любящаго друга и послалъ Срезневскому два маленькихъ стихотворенія (djulabije), въ честь его написанныя въ 1841 и 1842 г.


I
Izmailu na Gjur,
gjeo dan god 1841.
Milo j' Lutorogke
Slušat sitni grohot,
I njom bo k nam dolazi
Proletji u pohod.
Tebe, rode, k rodu
Doni sudba bijetna;
Dobro nama došo
Ko lica proletnu.
Iz Ljubljane.

II
Izmailu na Gjur,
gjeo dan god 1842.
Vei mi poed prozorom
Larka zapoeta
O tapline jiga
A ti brate, budi
Larka na Krivanu
Pojić bratji pesmu
O Gjurgjevu danu
Iz Zagreba.

Стихотворенія С. Враза (изъ его письма И. И. Срезневскому).

Прошелъ годъ со времени послѣдняго письма Измаила Ивановича изъ Познаня. Срезневскій вернулся въ Харьковъ и, занятый приготовленіями къ новой каѳедрѣ, забылъ о своемъ обѣщаніи переписываться съ Вразомъ и загребскими литераторами. Не получая писемъ отъ побратима, Вразъ, которому послѣ отъѣзда Измаила пришлось пережить немало всякихъ огорченій, спѣшитъ излить свою горесть далекому другу: «Я ждалъ, страстно ждалъ твоего дорогого для меня отклика, но напрасно»! Глубокимъ элегическимъ чувствомъ дышетъ это трогательно-нѣжное обращеніе поэта: «Сѣверъ принесъ намъ снѣгъ, рѣки замерзли, а отъ тебя ни отклика, ни слѣда; снѣгъ растаялъ, лѣса зазеленѣли, запѣли соловьи, но моего украинскаго соловья все нѣтъ и

нѣтъ! Теперь середина лѣта, а тебя все еще нѣтъ. Что дѣлать мнѣ несчастной птицѣ, одинокой и печальной? Не могу придумать ничего иного, какъ на крыльяхъ письма этого перенестись къ тебѣ и явиться у твоего окна. Но прости, дорогой мой, что являюсь къ тебѣ не какъ соловей или веселый жаворонокъ, а какъ кукушка, плачущая и скорбная отъ страданій своихъ»...

Отвѣта изъ Харькова, повидимому, и послѣ этого нѣжнаго изліянія огорченнаго Станка не было. Письмо Враза, быть можетъ, и не было послано: мы знаемъ его только въ отрывкѣ. Впослѣдствіи Вразъ съ болью душевною жаловался Ганкѣ на забывшаго его друга: «Дорогой мой побратимъ Измаилъ, кажется, замолкъ для всѣхъ своихъ западныхъ друзей, исключая развѣ васъ одного... Если будете писать Срезневскому, напомните ему о моемъ забытомъ обликѣ и выбраните его за грѣхъ забвенія». Добрый Вразъ старается оправдать побратима: «Я не могу сказать, что онъ забылъ о тѣхъ дняхъ, которые провелъ со мною среди прекрасныхъ душъ,—забылъ по неблагодарности, нѣтъ! память его вся утонула въ широкомъ и глубокомъ морѣ настоящаго его счастія и блаженства, о коемъ онъ повѣствуетъ въ письмѣ къ вамъ изъ Петрограда». Когда въ 1848 г. Вразъ снова собирался побывать въ Прагѣ на 500-лѣтнемъ юбилеѣ пражскаго университета, онъ мечталъ вновь о свиданіи съ Срезневскимъ: «Хорошо было бы», писалъ онъ Ганкѣ, «чтобы сюда явился и нашъ Измаилъ... Я хотѣлъ бы видѣть его и обнять, какъ обнимаетъ мать единственнаго сына своего, вернувшагося изъ далекаго странствія»... Но желанная встрѣча не состоялась.

Черезъ Славонію (по пути онъ посѣтилъ Фрушкогорскіе монастыри) Срезневскій достигъ къ 1 октября 1841 г.

предѣловъ Сербіи. Путешествіе его по Сербіи продолжалось недолго, но оно было сдѣлано въ весьма благопріятныхъ условіяхъ и дало нашему путнику возможность ознакомиться съ жизнью внутреннихъ частей княжества (на югъ—до Алексинца и Крушевца).

Въ концѣ октября Срезневскій уже вернулся въ предѣлы Австріи и черезъ Земунъ, Новый Садъ и Пештъ, гдѣ встрѣтился съ Колларомъ и Іованомъ Субботичемъ, дѣлая непродолжительныя остановки на пути, къ концу ноября добрался въ послѣдній разъ до Вѣны.

Во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ (зимой 1841—1842 г.) Срезневскій снова посѣщаетъ Вука и работаетъ вмѣстѣ съ нимъ. «По вечерамъ», говоритъ онъ, «сходимся то у меня, то у него и ловимъ на уду матеріалы для второго изданія Сербскаго Словаря». Ознакомившись, очевидно, хорошо и съ языкомъ и бытомъ сербскаго народа, онъ теперь является уже помощникомъ и сотрудникомъ Вука. «Часто и у меня запишетъ какое-нибудь слово или выраженіе... Признаюсь, я бы желалъ не оставить его, пока всѣ эти матеріалы не только будутъ собраны, но и приведены въ порядокъ, а то—кто знаетъ!—сегодня онъ живъ, а завтра, не спросясь, придетъ смерть—и поминай какъ звали!... Бесѣды мои съ нимъ не менѣе драгоцѣнны и для меня».

Изъ Вѣны 15 марта 1842 г. Срезневскій выѣзжалъ въ Wiener Neustadt, а оттуда съ профессоромъ военной академіи Фіалкою въ Шопронь (Oedenburg) и къ окрестнымъ хорватамъ. Къ 19 марта онъ вернулся въ Вѣну и въ тотъ же день отправился (на пароходѣ) въ Бретиславу (Пресбургъ), провожаемый Курелцомъ.

Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ Людевитомъ Штуромъ

и познакомился съ Палковичемъ. Съ Штуромъ онъ познакомился еще лѣтомъ 1840 г. въ Галле. Онъ училъ тогда русскому языку Штура и сообщилъ ему статистическія свѣдѣнія объ Азіатской Россіи, необходимыя для какой-то работы, а Штуръ доставилъ ему потомъ черезъ Прейса жизнеописанія проф. Ролена (Rohlen) и Потта (Pott).

Впослѣдствіи Штуръ обмѣнялся съ Срезневскимъ нѣсколькими письмами: такъ, онъ радостно привѣтствовалъ намѣреніе Срезневскаго издать словенскія народныя повѣсти, разсказы и пѣсни, одобрялъ его намѣреніе присоединить къ изданію разсужденіе объ особенностяхъ словенскихъ говоровъ, ибо, по словамъ Штура, никто другой для этого не имѣлъ ни столько опытности, ни столько матеріаловъ.

Въ Прессбургѣ Срезневскій прожилъ больше мѣсяца, написалъ здѣсь на чешскомъ языкѣ статейку «Nèkolik statystyckých srownánj A. Rakauského s Markr. Morawským», помѣщенную въ ж. Tatranka (1842, ч. III), ѣздилъ отсюда въ Модру, гдѣ жилъ братъ Штура Карлъ, затѣмъ предпринялъ поѣздку въ Нитру, въ Мадуницу къ Яну Голлому, чехо-словенскому Державину, и, вернувшись въ Бретиславу, познакомился съ М. Годжей. Прощаніе Срезневскаго съ прессбургской молодежью, сербской и словенской, умилявшей его своими высокими идеалами, было задушевнымъ и трогательнымъ. Вечеръ онъ провелъ вмѣстѣ съ Людевитомъ Штуромъ и М. Годжей, которые съ нимъ «побратались на жизнь». Вмѣстѣ съ Годжей онъ вернулся въ Пештъ, а отсюда черезъ нѣсколько дней вновь пустился въ длинный путь въ сѣверныя словенскія области и далѣе — на сѣверо-востокъ въ угро-русскіе края (Уи-

гваръ, Мукачевъ), откуда онъ въѣхалъ затѣмъ въ предѣлы Галицкіе.

Словенскіе друзья съ нѣжными чувствами вспоминали потомъ русскаго путника. «Ахъ, какъ много мы, душа моя, вспоминаемъ тебя!» писалъ ему по отъѣздѣ его Штуръ. «Каждый день ты среди насъ, ибо ты всегда въ рѣчахъ нашихъ. Ты живешь въ нашихъ Татрахъ, словно ты сейчасъ ходишь по нимъ»... «Дорогое имя твое непрестанно вспоминаютъ въ Татрахъ съ пламенной любовью». Словенскій поэтъ посвятилъ нашему путешественнику стихотвореніе, въ коемъ вспоминаетъ о томъ, какъ они вмѣстѣ на вершинѣ Криваня пѣли пѣснь воскресенія изъ мертвыхъ цвѣтущимъ словенскимъ долинамъ и размышляли о родинѣ славянства (Nitra, II, 1844, 138: Ňezabudki Krivánske... od Šajavskjeho).

О своей ученой поѣздкѣ по Угорской Руси Срезневскій подробно разсказалъ въ пятомъ донесеніи министру (изъ Кракова отъ 2 авг. 1842 г., Журналъ Мин. Нар. Просв., 1843, ч. 37, отд. IV, стр. 46 и сл.). Въ этнографическихъ вопросахъ Закарпатской Руси онъ разобрался основательно, различая «русиновъ по вѣрѣ» и «русиновъ въ полномъ смыслѣ слова», «родныхъ братьевъ малороссіянъ», «однокровныхъ дѣтей старой Руси и по народности, и большею частью по самымъ воспоминаніямъ», отмѣтивъ въ то же время важность изученія этой вѣтви въ отношеніяхъ филологическомъ и этнографическо-историческомъ.

Въ Мукачевѣ онъ посѣтилъ епископа Василія Поповича, осмотрѣлъ библіотеки Епископскую и Семинарскую, рукописи и старопечатныя книги этихъ собраній. Изъ Мукачева Срезневскій думалъ было черезъ Сиготъ и Бескиды направиться въ Буковину, а оттуда повернуть на Львовъ, но

Pamiątka. Dziewczyna

W gaiku zielonym
Dziewczę nie jagody.
Na Konika wrzosym
Jedzie pamięć młody.

Z gorzemnieją skłoni.
Z konia zeskoczy.
Dziewczę się zapłoni.
Nadół spuści oczy

etc.

Pierwsze strofy napisane przezemnie, umieszczone były w Dzienniku Wileńskim na rok 1823. Adam Mickiewicz, mieszkający wówczas w Kownie, po przeczytaniu jej, dopisał dwie ostatnie, które dotąd nieznane były. —

na pamiątkę dla P. Izmaela Sreznieweskiego.

Edward Odyniec

1842. Września 6 dnia.

Adres. Antoniemu Edwardowi Odyńcowi
w Wilnie w Redakcyi
Kuryera Wileńskiego

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ Одыньца.

измѣнилъ затѣмъ свой планъ и проѣхалъ прямо въ Галичину, на Стрый и Львовъ.

Во Львовѣ онъ обозрѣваетъ библіотеки Оссолинскихъ и уніатскаго монастыря св. Василія, заключаетъ знакомство съ Д. Зубрицкимъ, Як. Ѳ. Головацкимъ, И. Вагилевичемъ, пользуется ихъ рукописями и указаніями по части галицко-русской діалектологіи и т. п.

О своемъ путешествіи по карпатскимъ словенскимъ и русскимъ областямъ Срезневскій вспоминалъ съ удовольствіемъ и чувствомъ полнаго удовлетворенія учеными результатами поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ онъ говоритъ: «Въ путешествіи моемъ я былъ очень счастливъ: мое собраніе народныхъ идіотизмовъ и описаній всего, что̀ касается народной жизни и быта, если не богато, то по крайней мѣрѣ не бѣдно: всюду находилъ я помощь. Особенное вниманіе обратилъ я на нарѣчія и народности словаковъ: подъ Татрами и Бескидами наблюдатель находитъ еще такъ много новаго и любопытнаго, что могъ бы остаться тамъ на два, на три года, и все бы еще не вычерпалъ рудника сокровищъ, неоцѣнимыхъ для филолога, этнографа, историка».

Руси Угорской Срезневскій впослѣдствіи (1851) посвятилъ особую статью, въ которой онъ далъ первый въ русской литературѣ научный, основанный на самостоятельномъ знакомствѣ обзоръ страны и русскаго народа въ Закарпатьѣ, коснулся историческихъ судебъ этой части русской земли, представилъ характеристику угорскаго нарѣчія, изъ своихъ богатыхъ собраній далъ образцы народной словесности и въ заключеніе отмѣтилъ важнѣйшіе факты угро-русской письменности. Превосходнымъ трудомъ его по изученію географіи и этнографіи Словачины и Угорской

Руси является и карта, составленная имъ вмѣстѣ съ П. М. Гедеоновымъ въ 1849 году (Карта Венгріи, Галиціи и прилежащихъ къ нимъ земель).

* * *

Въ октябрѣ 1842 г. Срезневскій открылъ свои чтенія въ Харьковскомъ университетѣ вступительной лекціей, въ которой далъ отвѣтъ на вопросъ: «Какъ дошли до мысли, что должно изучать Славянство, и въ самомъ ли дѣлѣ должно изучать Славянство?» Лекція эта, написанная съ большимъ подъемомъ чувства и глубокимъ убѣжденіемъ въ важности задачъ славянской филологіи для науки русской, должна была произвести на слушателей сильное впечатлѣніе. Новый предметъ естественно требовалъ для себя отъ впервые вступавшаго на новосозданную каѳедру профессора извѣстной «рекомендаціи», и Срезневскій далъ блестящій отзывъ о новой наукѣ, преподавать которую ему предстояло. Онъ долженъ былъ выступить съ защитой права этой науки на существованіе, доказать права ея на жизнь и развитіе тѣмъ, кто тогда не вѣрилъ въ жизненность ея, кто отрицалъ самый смыслъ и значеніе изученій славянства для науки русской. Мастерски и съ глубокимъ проникновеніемъ въ характеръ и основы западно-славянскаго возрожденія, явленія весьма сложнаго, Срезневскій раскрываетъ одинъ изъ факторовъ, создавшихъ быстрый ростъ и развитіе его. «Еще недавно», говоритъ онъ, «о славянахъ или вовсе молчали, или говорили будто о племени далекомъ или недостойномъ вниманія», и вдругъ «вопросъ о славянствѣ сталъ вопросомъ европейскимъ, не вопросомъ моды на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, а предметомъ глу-

бокаго размышленія и изученія». «Народность и древность славянъ, ихъ исторія и географія, ихъ умъ и языкъ, ихъ литература и музыка—все, къ чему только можно приложить имя славянское, все привлекло къ себѣ вниманіе». Создались и создаются въ университетахъ русскихъ и западно-европейскихъ (Парижъ, Бреславль) спеціальныя каѳедры для изученія славянства. Такой неожиданный поворотъ совершился потому, что славяне проснулись отъ своего тяжелаго сна и заставили всѣхъ оглянуться на себя. Но, чтобы это пробужденіе было возможно, надо было, чтобы народность какого-нибудь изъ славянскихъ народовъ, хоть безсознательно, но сильно дала знать о себѣ и возбудила къ себѣ сочувствіе одноплеменниковъ; нужно было, чтобы въ то же время большая часть одноплеменныхъ народовъ уже приготовилась понять свое одноплеменничество. Это было,—и выполнить это досталось на долю русскаго народа. Историческій рокъ привелъ Россію къ сближенію съ славянствомъ, вольному и невольному, и это соприкосновеніе съ нимъ имѣло великое значеніе какъ для народа русскаго, такъ и для прочаго славянства.

Отечественная война пробудила во всей массѣ русскаго народа чувство народности, она же способствовала пробужденію этого чувства и у славянъ западныхъ, даже въ болѣе сильной степени, чѣмъ у русскихъ. «1812 годъ былъ первымъ великимъ днемъ весны русской, оживившей всю славянскую природу». Уже самое существованіе великой родственной и свободной силы укрѣпляло духъ и ободряло славянство, давало опору его національнымъ стремленіямъ. «Русскіе такіе же славяне, какъ и мы, и такъ сильны своею народностью, нашей общей народностью, а мы, ихъ братья, только въ сельской глуши можемъ говорить нашимъ

языкомъ»... И славяне обращаютъ взоры свои на русскихъ. Отмѣтивъ заслуги виднѣйшихъ дѣятелей славянскаго возрожденія, привлекшихъ вниманіе къ славянству всей Европы, Срезневскій далѣе весьма подробно развиваетъ основанія, почему намъ надлежитъ изучать славянство. «Мы должны любить славянство во всемъ его объемѣ, потому что мы славяне; безъ этого мы не можемъ имѣть истинной любви, истиннаго уваженія къ самимъ себѣ: это долгъ нравственности, прямой нашъ человѣческій долгъ, долгъ любви родного къ родному, брата къ брату». Это первый его тезисъ, вытекающій болѣе изъ велѣній сердца, чѣмъ разума. Но онъ останавливается и на другихъ, болѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ доказательствахъ важности изученія славянскаго міра, на причинахъ частныхъ—славянскихъ и на причинахъ общаго характера, не съ точки зрѣнія славянской.

Вступительная лекція Срезневскаго, какъ свидѣтельствуютъ современники, имѣла большой успѣхъ. Молодой профессоръ съ трепетомъ вступалъ на каѳедру въ родномъ университетѣ. «Когда я вошелъ на каѳедру», вспоминалъ онъ, «сердце у меня билось, голосъ дрожалъ, съ четверть часа я говорилъ, какъ будто осужденный къ наказанію преступникъ, которому позволено оправдываться—и нечѣмъ. За пять лѣтъ, когда я вступалъ на каѳедру статистики, было вовсе не то»...

Опасенія лектора оказались однако напрасными. «Я не ожидалъ», писалъ Срезневскій Ганкѣ, «что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ и немало

постороннихъ частныхъ лицъ; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ показалось, съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей пріѣзжали знакомиться». Объ этомъ же общемъ вниманіи къ лектору и его чтенію разсказываетъ и современникъ, свидѣтель перваго успѣха Срезневскаго на новой каѳедрѣ: «Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи,—все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ».

Но естественная робость перваго дебюта прошла, и чтенія пошли далѣе вполнѣ правильнымъ и спокойнымъ ходомъ. Срезневскій читалъ шесть часовъ въ недѣлю: студентамъ первогоднимъ два часа, а второгоднимъ четыре; изъ этихъ четырехъ часовъ одинъ удѣлялся для чтенія образцовъ славянскихъ нарѣчій. Студентамъ первогоднимъ читалось Энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, столь необходимое для начинающихъ изучать славянскій міръ, при чемъ тутъ давались очерки исторіи, географіи, этнографіи, характеристики нарѣчій, народной словесности и письменной литературы. Всѣ эти очерки, конечно, были кратки по необходимости, и только какая-нибудь одна часть излагалась подробнѣе. Спеціальные курсы посвящались поочередно западнымъ славянамъ южной и сѣверной отрасли: ихъ древностямъ, исторіи, литературѣ, объяснялись сербскія народныя историческія пѣсни, памятники дубровницкой литературы и т. д. Слушателей въ первый годъ было у Срезневскаго «мало болѣе 40 человѣкъ». Во второмъ (1844) году чтеній при заня-

тіяхъ чешской литературой онъ объяснялъ студентамъ Краледворскую рукопись и «Дочь Славы» Коллара. «Къ сожалѣнію», пишетъ онъ Ганкѣ, «не на многомъ могъ я остановиться съ подробностью, иное даже долженъ былъ пройти мелькомъ, потому что надобно было, кромѣ чеховъ и словаковъ, помнить и поляковъ и бѣдненькихъ сербовъ лужицкихъ и покойниковъ балтійскихъ славянъ, обращая вниманіе и на древности и исторію, и на нарѣчія» . . . По свидѣтельству самого Измаила Ивановича, чтенія его по древностямъ западныхъ славянъ особеннаго успѣха не имѣли,—студенты были къ нимъ «равнодушны», если это только непосредственно не касалось «нашихъ польско-русскихъ древностей». «Къ современному» въ славянствѣ слушатели тоже были глухи. «На народности обращаютъ вниманіе, кажется, потому болѣе, что у насъ народности теперь въ модѣ». Не смотря на нѣкоторый пессимизмъ, Срезневскій все-таки выражалъ надежду, что «у насъ изученіе славянства станетъ почти наравнѣ съ изученіемъ Востока: немногіе посвятятъ себя ревностно, другіе останутся при общихъ мѣстахъ».

Обладая богатыми матеріалами по славянской этнографіи и діалектологіи и преподавая эти предметы въ университетѣ, Срезневскій по предложенію Прейса взялъ на себя трудъ разбора «Народописи» Шафарика. Еще до отъѣзда за границу онъ получилъ отъ Сербиновича въ Петербургѣ этнографическую карту Австрійской имперіи, составленную Шафарикомъ, и тогда же снялъ съ нея для себя копію. Въ Прагѣ онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ работой Шафарика и слѣдилъ за ходомъ ея съ непрестаннымъ вниманіемъ, охотно дѣлясь съ нимъ въ письмахъ къ нему и къ Ганкѣ своими пріобрѣтеніями. Съ

нетерпѣніемъ ожидалъ онъ выхода въ свѣтъ книги Шафарика. Изъ Бретиславы, собираясь уже домой, Срезневскій писалъ ему (3—15 апр. 1842 г.): «Наконецъ изъ объявленія, вами присланнаго Штуру, я могъ подробно узнать о книгѣ, вами издаваемой, и сердечно порадоваться ея изданію. Всѣ мы чувствуемъ ея необходимость и будемъ умѣть цѣнить какъ ее, такъ и трудъ, котораго она вамъ стоила. Тѣмъ болѣе могу сожалѣть, что не могъ быть въ Прагѣ: можетъ быть, вы бы нашли между моими записками хоть что-нибудь, что̀ бы было вамъ хоть сколько-нибудь полезно». Тогда же онъ послалъ Шафарику деньги за пять экземпляровъ «Народописи» и просилъ по выходѣ выслать ему книги во Львовъ.

Статья Срезневскаго появилась въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1843 г. Свой блестящій критическій разборъ «Народописи» онъ началъ похвалой «великану современной славянской учености», привлекающему къ себѣ общее расположеніе и любовь и своимъ нравственнымъ величіемъ. По мнѣнію Срезневскаго, между «Народописью» и болѣе раннимъ трудомъ Шафарика—«Исторіей славянскаго языка и литературы» (1826) существуетъ извѣстная генетическая связь: «Народопись» возникла изъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ для первой работы. Содержаніе обѣихъ почти одно и то же, только цѣль изданія была различна и, сообразно съ этою цѣлью, измѣнился объемъ статей. Въ первой мы имѣли трудъ филолога-литератора, въ «Народописи» предъ нами филологъ-географъ; тамъ были въ виду болѣе ученые и литераторы, тутъ—болѣе общая публика. По достоинству, по важности ученой и практической первое сочиненіе Срезневскій находилъ гораздо выше второго. Онъ желалъ бы видѣть въ «Народописи» кое-что

иначе, чѣмъ оно было: такъ, по его мнѣнію, требовала бы исправленій характеристика нарѣчій; кое въ чемъ слѣдовало бы дополнить и очерки литературы, особенно великорусской, и кое-что въ нихъ можно бы и сократить; для того, чтобы книга не напрасно называлась «Народоописаніемъ», слѣдовало бы внести въ нее хоть небольшую статью о нравахъ и обычаяхъ славянъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всякаго народоописанія.

Отмѣтивши въ первой части своей статьи недостатки предложеннаго Шафарикомъ дѣленія славянъ на отрасли по характеру нарѣчій, Срезневскій совѣтовалъ принять дѣленіе только историко-географическое; далѣе, онъ предложилъ свою систему дѣленія славянскихъ нарѣчій, отвергнувши дѣленіе Шафарика, и, наконецъ, въ третьей главѣ своего разбора остановился на географической части «Народописи», по отзыву его,—наилучшей части книги. Замѣчанія Срезневскаго были весьма цѣнны и обнаруживали большія познанія его въ той области славяновѣдѣнія, которая едва только начинала разрабатываться.

Условія жизни и ученой работы въ Харьковѣ, видимо, не удовлетворяли молодого ученаго, жаждавшаго широкой дѣятельности и между тѣмъ лишеннаго самыхъ насущныхъ условій для развитія ея: университетская библіотека по славяновѣдѣнію была бѣдна, никакихъ рукописныхъ славянскихъ собраній здѣсь не имѣлось; приходилось довольствоваться книгами и матеріалами, вывезенными въ изобиліи изъ трехлѣтняго путешествія, но этого было, конечно, мало. Харьковъ не могъ и въ будущемъ сулить ничего лучшаго. Срезневскій начинаетъ думать объ уходѣ изъ Харькова, хотя бы только на время. Къ тому же въ научномъ отношеніи онъ чувствовалъ себя здѣсь совер-

шенно одинокимъ. Посылая (въ октябрѣ 1846 г.) Бодянскому нѣкоторыя свои работы, онъ проситъ его быть цензоромъ ихъ и судьею, исправить въ нихъ ошибки и промахи: «Пиши я въ Прагѣ, я бы показывалъ Шафарику, а въ Россіи надобно поневолѣ обходиться и безъ Шафарика, и все-таки, насколько можно, я не позволю себѣ надѣяться на самого себя, особенно въ Харьковѣ, гдѣ я одинъ занимаюсь славянствомъ, гдѣ не съ кѣмъ дѣлить мнѣ бесѣдъ о славянахъ». Рѣшившись, «послѣ борьбы съ самимъ собою и разсужденій съ родными», хлопотать о каѳедрѣ, оставшейся въ Петербургѣ вакантною за смертью Прейса, Срезневскій обращается къ Ганкѣ съ просьбой о поддержкѣ его кандидатуры передъ гр. Уваровымъ. «Примите участіе, добрый другъ, напишите министру. Напишите, какъ вамъ скажетъ ваше сердце, ваша память обо мнѣ. Если бы мнѣ удалось хоть на два, на три года переселиться въ Петербургъ, то это бы подвинуло меня далеко въ наукѣ»... Въ Харьковѣ онъ страдалъ отъ досаднаго недостатка средствъ «для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ»: «пособій не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ нѣтъ почти никакихъ, кромѣ того, что̀ принадлежитъ мнѣ лично». Университетская библіотека славянскимъ отдѣломъ оказалась несравненно бѣднѣе собственной библіотеки Срезневскаго, потому что до него никто здѣсь славянствомъ не занимался. «Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончанія нужна полнота, а ее ожидать и даже желать было бы странно. При томъ, сокровища библіотекъ петербургскихъ до сихъ поръ остаются мнѣ извѣстны немногимъ больше, какъ и всякому, кто знакомъ съ нашей филологической печатной литературой: я

не былъ еще въ Петербургѣ съ цѣлью ихъ изученія»... Это незнакомство съ памятниками древней славянской письменности русскихъ книгохранилищъ было весьма важнымъ препятствіемъ для успѣшной работы Срезневскаго надъ словаремъ древне-русскаго языка, его грамматикой и т. д. «По всему этому я не могъ не желать всею душою переселиться въ Петербургъ хоть на время, чтобы посвятить всего себя изученію источниковъ». Обращеніе Срезневскаго къ Ганкѣ, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ С. С. Уварова, за поддержкой его ученыхъ плановъ было естественнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ганка успѣшно хлопоталъ предъ министромъ о продленіи Срезневскому срока путешествія по славянскимъ землямъ. Писалъ ли Ганка Уварову по поводу настоящей просьбы своего друга, мы не знаемъ. Какъ бы то ни было, она встрѣчена была благосклонно и увѣнчалась успѣхомъ.

Переѣздъ Срезневскаго изъ Харькова въ Петербургъ въ концѣ декабря 1846 года на каѳедру, опустѣвшую со смертью Прейса, имѣлъ, несомнѣнно, большое вліяніе на характеръ дальнѣйшей ученой работы его. Послѣдствіемъ его, по мнѣнію акад. И. В. Ягича, былъ рѣзкій поворотъ въ цѣломъ направленіи его дѣятельности: «Изъ бывшаго до тѣхъ поръ этнографа, любителя народной поэзіи съ широкимъ фономъ бытовыхъ особенностей, вышелъ мало-по-малу литературный антикваръ, любитель памятниковъ древней письменности и русско-славянской старины вообще». Эту метаморфозу акад. Ягичъ приписываетъ авторитетному вліянію Востокова, прославившагося какъ разъ въ это время своими образцовыми трудами (Описаніемъ рукописей Румянцовскаго Музея и изданіемъ Остромирова Евангелія.). Пока Срезневскій, путешествуя по славянскимъ землямъ и

послѣ возвращенія въ Харьковъ, продолжалъ интимную переписку съ Ганкой и Погодинымъ, онъ будто бы не былъ въ состояніи вырваться изъ этого заколдованнаго круга этнографическихъ интересовъ. Едва ли это мнѣніе справедливо. Интересы Срезневскаго въ годы путешествія, какъ мы могли убѣдиться, нельзя назвать исключительно этнографическими. Непосредственное знакомство съ славянскимъ міромъ «собственной наглядкой» (по выраженію Срезневскаго), было не только желательно, но и неизбѣжно необходимо: вѣдь до появленія Народописи Шафарика (1842) свѣдѣнія о славянствѣ въ цѣломъ были чрезвычайно скудны, несистематизированы, и самъ Шафарикъ многимъ обязанъ былъ въ своей знаменитой книжкѣ нашимъ славянскимъ путешественникамъ.

Срезневскій въ путешествіяхъ своихъ удѣлялъ много вниманія и труда чисто лингвистическимъ изученіямъ,— практическому изученію и обслѣдованію славянскихъ языковъ въ ихъ разнообразнѣйшихъ и многочисленныхъ оттѣнкахъ — нарѣчіяхъ и говорахъ, и мы знаемъ, что въ области діалектологіи словенской и сербо-хорватской онъ обнаружилъ основательныя и самостоятельно пріобрѣтенныя познанія. Для точныхъ діалектологическихъ записей Срезневскій намѣренъ былъ составить «стройную азбуку для всѣхъ народныхъ мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій», находя, что если мы факсимилируемъ рукописи, то тѣмъ важнѣе «факсимилировать мѣстныя нарѣчія». Спеціалистомъ и знатокомъ въ этой области считалъ его Прейсъ, близко знакомый съ результатами трудовъ Измаила Ивановича. «Изъ всѣхъ славистовъ, не исключая и Шафарика», писалъ онъ ему, «только вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла; я и въ подметки не

гожусь вамъ въ этомъ дѣлѣ». При этомъ однако Срезневскій не упускаетъ никогда изъ виду и памятниковъ языка, знакомясь по нимъ съ исторіей его. Въ Харьковѣ съ первыхъ моментовъ своей преподавательской дѣятельности онъ интересуется памятниками древней русской письменности, старо-славянскимъ переводомъ Свящ. Писанія, собираетъ матеріалъ для «Историческаго лексикона старо-русскаго языка», задумываетъ и Старорусскую грамматику, составляетъ болгарскій словарь, въ 1848 г. собирается его переписывать (рукопись отъ прибавокъ была перемарана) и надѣется когда-нибудь издать его («тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что болгарское нарѣчіе есть то же, что старославянское»), готовитъ географію западнаго славянства, составляетъ богатый данными «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1846, ч. 51), гдѣ привѣтствуетъ зачатки новой болгарской литературы и стремленіе болгаръ «выйти на стезю образованности» и т. д. Интересы его вообще были широки и разнообразны, ученые планы и начинанія его росли естественно съ развитіемъ его преподавательской дѣятельности.

Такъ, съ первыхъ шаговъ ея онъ задумываетъ весьма важное для профессора-слависта изданіе. Въ виду того, что для практическихъ занятій славянскими языками не было никакихъ пособій, Срезневскій вырабатываетъ планъ особой хрестоматіи съ образцами всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Книга предполагалась большая и широко была задумана. «Посовѣтуйте», просилъ онъ Ганку, «что̀ выбрать изъ старочешскаго, листа на три печатныхъ. Можетъ быть, кое-что можете сообщить изъ непечатаннаго. Я долженъ впрочемъ замѣтить, что для меня не такъ важно содержаніе,

какъ языкъ, особенность языка». Этимъ изданіемъ онъ какъ бы собирался осуществить часть той работы, которую рекомендовалъ выполнить первымъ русскимъ профессорамъ-славяновѣдамъ Шафарикъ. Бодянскому, Прейсу и Срезневскому онъ совѣтовалъ взяться за составленіе учебныхъ книгъ для славянскихъ каѳедръ: сравнительной грамматики, хрестоматіи, исторіи литературъ славянскихъ, антологіи славянской изъ народныхъ пѣсенъ и т. д. «Если эти книги не будутъ составлены профессорами славянской литературы, кому ихъ составлять?» убѣждалъ Шафарикъ Бодянскаго. Правда, планъ Срезневскаго не осуществился, но, можетъ быть, отчасти не по его винѣ: помощь въ этомъ дѣлѣ славянскихъ ученыхъ друзей была крайне важна,— безъ нея нельзя было выполнить задачу такъ широко, какъ ее поставилъ себѣ Срезневскій, а получить изъ славянскихъ центровъ все необходимое для этого изданія было нелегко. Впослѣдствіи (1853) поэтому Срезневскій возлагаетъ трудъ изданія всеславянской хрестоматіи на Ганку: «Какъ бы что ни дѣялось вокругъ насъ славянъ, а намъ, для пользы нашей науки историко-филологической, необходимо изученіе нарѣчій и литературныхъ богатствъ каждаго изъ нихъ. Нужна, слѣдовательно, и книга, въ которой бы хоть въ небольшомъ числѣ собраны были красоты (les beautés) нашей литературы, хоть одной поэтической. Что̀ если бы или вы сами или съ помощью кого-нибудь изъ вашихъ учениковъ сдѣлали бы такой сборникъ, въ которомъ бы каждому изъ славянскихъ нарѣчій посвященъ былъ особенный отдѣлъ выписокъ изъ лучшихъ ихъ писателей (листовъ 30, въ концѣ словарь, съ литературными введеніями)?»

Знакомство съ новыми славянскими литературными журналами, народившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ,

вызываетъ въ Срезневскомъ желаніе приступить (съ 1843 г.) при участіи Бодянскаго къ изданію учено-литературнаго журнала, который въ своихъ двухъ главныхъ частяхъ долженъ былъ «знакомить западныхъ славянъ съ ходомъ словесности русской и русскихъ съ ходомъ словесности славянъ на западѣ», давая литературныя обозрѣнія, библіографическія статьи, выдержки изъ лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ подлинникѣ и въ дословномъ переводѣ на русское литературное нарѣчіе или на одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, переписку и выписки о послѣднихъ новостяхъ и ожиданіяхъ и т. п. Вообще, въ «Новостяхъ словесности русской и ино-славянской» (какъ называетъ Срезневскій предположенное изданіе) должно было быть обращаемо вниманіе на то, «что̀ или по духу или по содержанію можетъ быть названо народнымъ славянскимъ».

Ганка (въ письмѣ отъ 15 апр. 1843 г.) вполнѣ одобрилъ мысль Срезневскаго по существу его программы. «Она словно взята изъ моей головы», писалъ онъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему. Умный и практичный, онъ находилъ только Харьковъ весьма мало подходящимъ для такого изданія, «но тѣмъ больше будетъ ваша заслуга», ободрялъ онъ Срезневскаго, «ибо я не сомнѣваюсь, что вы одолѣете всѣ затрудненія, и не Харьковъ васъ, а вы Харьковъ прославите... За дѣло! Это будетъ неоцѣнимая польза для всего славянства. Наяву увидятъ внуки, что̀ не снилося отцамъ!» Въ качествѣ соиздателя Бодянскій предлагалъ пригласить еще и Прейса, но Срезневскій, ближе знавшій его, сомнѣвался сильно въ томъ, захочетъ ли Прейсъ издавать такой журналъ, быть его отвѣтственнымъ и редакторомъ и продавцомъ; но въ сочувствіи его изданію, поддержкѣ

его своимъ участіемъ, въ помощи совѣтами и дѣломъ сомнѣній быть не могло.

Серьезное и сложное дѣло опять не могло осуществиться безъ поддержки славянскихъ друзей, на сотрудничество коихъ редакторы, очевидно, расчитывали. Шафарикъ, ознакомившись съ проектомъ Срезневскаго, отвѣтилъ: «Мысль одобряю, но совѣтовалъ бы не спѣшить. Бодянскій тоже помышляетъ о журналѣ. Пановъ тоже. Дѣло имѣетъ свои трудности. Относительно полученія литературныхъ новостей изъ западно-славянскихъ земель сами отлично знаете, какое это трудное дѣло при такой отдаленности и при иныхъ неудобствахъ. Для такого журнала вамъ всѣмъ надо бы соединиться, и можетъ быть ему было бы всего лучше выходить въ Москвѣ или въ Петербургѣ». Шафарикъ полагалъ, что Срезневскій могъ бы издавать свои собранія и въ другой формѣ, тоже періодически, въ родѣ «Очерковъ Россіи» Пассека, и назвать ихъ, напр. «Очерками Славянства». Срезневскій для такихъ очерковъ обладалъ множествомъ и знаній и матеріаловъ. Въ сожалѣнію, все это были только одни планы и проекты!

Съ 50-ыхъ годовъ, съ основаніемъ «Извѣстій Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности», Срезневскій сталъ помѣщать въ нихъ многочисленныя рецензіи и замѣтки о славянскихъ книгахъ, всегда чрезвычайно основательныя, изобличающія знатока и спеціалиста, на рѣдкость освѣдомленнаго, доброжелательнаго къ молодымъ славянскимъ побѣгамъ, зачастую дѣлившагося здѣсь съ читателемъ личными наблюденіями и богатыми матеріалами. Срезневскій привлекъ къ участію въ Извѣстіяхъ много славянскихъ сотрудниковъ, напр.: Шафарика, В. Караджича, Н. Герова, Фл. Цепову, Верковича, Палаузова,

и создалъ изъ этого академическаго изданія первый органъ нашей юной славянской филологіи.

* * *

Славянство Срезневскій полюбилъ со всѣмъ увлеченіемъ романтика-народолюбца и съ юношескимъ жаромъ служилъ наукѣ славянской до конца. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ обращается къ брату, который, повидимому, не раздѣлялъ его славянскихъ восторговъ, съ слѣдующими словами укора: «И ты, душа моя, братъ, полюбилъ бы ихъ (славянъ), какъ они того стоятъ, и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна, если бы узналъ ихъ. . .» И онъ рисуетъ планъ, издавна его занимающій, какъ они съ матушкой втроемъ прокатятся «изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой», какъ онъ при этомъ былъ бы проводникомъ и информаторомъ, особенно по части славянской.

Въ маѣ 1841 г., по поводу возбужденнаго ходатайства о продленіи командировки, онъ писалъ Ганкѣ: «Возвратиться домой я уже не могу не желать: хочется увидѣть и родину, и родныхъ, но славяне, знаніе ихъ для меня такъ же дороги, а годъ уже не сдѣлаетъ большой разницы. Тѣмъ съ большей радостью возвращусь домой послѣ. . .» Славянство увлекало его все сильнѣй и сильнѣй, по мѣрѣ того какъ онъ больше и глубже знакомился съ нимъ. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ усердно насаждаетъ среди своихъ слушателей знаніе славянства, и всякій успѣхъ науки въ этой области, даже всякое проявленіе вниманія къ славяновѣдѣнію наполняетъ его радостью.

Когда въ апрѣлѣ 1844 г. издано было новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ, Срезневскій поспѣшилъ подѣлиться съ Ганкою вѣстью о томъ, что съ этого времени будутъ у насъ не только магистры славянской словесности, но и доктора славяно-русской филологіи. «Царь нашъ первый ввелъ славянство въ разрядъ наукъ высшаго преподаванія, и вотъ опять первый вводитъ его въ разрядъ тѣхъ первоклассныхъ наукъ, которыхъ знаніе даетъ любителямъ наукъ ученыя привилегіи. . . Нельзя также тутъ не замѣтить, что по тому же положенію знаніе русской словесности не считается достаточнымъ ни для какой ученой степени безъ знанія славянства въ филологическомъ отношеніи (нарѣчій старо-славянскаго, польскаго, чешскаго и сербскаго). Это не можетъ не распространить у насъ знаній славянства. И пусть теперь нѣмцы подражаютъ намъ. . .» Первый докторъ славяно-русской филологіи, онъ особенно гордился этимъ высокимъ званіемъ.

Въ августѣ 1844 г. изъ Харькова онъ съ гордостью сообщаетъ Ганкѣ длинный списокъ такихъ ученыхъ работъ, кои свидѣтельствуютъ, что «изученіе славянства, любовь къ нему все болѣе выражается въ нашей литературѣ и имѣетъ все сильнѣйшее вліяніе на наши филологическіе и историческіе труды»; тогда же, увѣдомляя Ганку (въ половинѣ 1844 г.) о предстоящемъ вскорѣ пріѣздѣ въ Прагу новаго славянскаго ученаго путешественника В. И. Григоровича, Срезневскій подчеркиваетъ разницу между первой группой нашихъ стипендіатовъ, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и казанскимъ профессоромъ славянской филологіи: «Сравнивая его съ нами въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что Славянство у насъ fait des progrès pas en dormant». Съ особенной радостью и чувствомъ

величайшаго удовлетворенія описываетъ Срезневскій (въ іюнѣ 1851 г.) экзаменъ по славянской филологіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ у него былъ рядъ блестящихъ учениковъ. «Отвѣчали у меня», пишетъ онъ Ганкѣ, «всѣ безъ исключенія прекрасно, гораздо лучше, чѣмъ я могъ ожидать... Всѣ, разумѣется, были готовы переводить и переводили съ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Не смотря на то, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ я преподаю славянскую филологію, экзаменъ этотъ былъ для меня тріумфомъ, которому я радовался отъ всей души, и какъ о тріумфѣ пишу вамъ, будучи увѣренъ, что это и для васъ будетъ радостно...» Это испытаніе укрѣпляетъ вѣру Срезневскаго въ блестящіе въ будущемъ успѣхи русской филологической науки, «оживленной сознаніемъ необходимости знать славянство». «Воображаю», радуетъ онъ Ганку, «какъ бы весело было вашему сердцу, если бы вы могли участвовать въ испытаніи этомъ и слышать, какъ наши воспитанники знакомы со всѣмъ, что̀ было и есть замѣчательнаго въ области науки и словесности славянской, и знакомы не по однимъ разсказамъ профессора, а лично, собственной наглядкой. Имя ваше, разумѣется, повторялось между другими незабвенными именами довольно часто...»

Изученіе славянской филологіи учениками Измаила Ивановича не стояло при этомъ обособленно, не оставалось не связаннымъ съ другими отраслями филологіи и исторіи: такъ, одинъ изъ слушателей его, занимавшійся древнимъ нѣмецкимъ языкомъ и словесностью, изучалъ сравнительно древности языка и быта славянъ и германцевъ; другой изучилъ языкъ Эдды и сагъ исландскихъ и примѣнилъ свои знанія къ древностямъ родного племени; братья Лавровскіе (Петръ и Николай) пишутъ сочиненія

на темы—о завоеваніи Руяны Вольдемаромъ, о Судѣ Любуши и Ев. отъ Іоанна, о Реймскомъ ев., Скворцовъ разбираетъ (1855) глоссы Mater Verborum и т. д. «Что я тутъ (въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ) не забываю чеховъ», пишетъ онъ Ганкѣ, «да послужитъ вамъ еще однимъ свидѣтельствомъ — Разборъ древнихъ чешскихъ пѣсенъ и Сравненіе Далимила съ Козьмою, приготовленные двумя изъ моихъ студентовъ-педагоговъ».

Съ восторгомъ говоритъ онъ въ письмахъ къ Ганкѣ объ А. Ѳ. Гильфердингѣ, о блестящемъ диспутѣ В. И. Ламанскаго, о В. В. Макушевѣ и др. надеждахъ славянской филологіи. Особенно отраднымъ представляется ему проникновеніе идеаловъ славянской взаимности въ наше общество. «Теперь», пишетъ онъ Ганкѣ въ 1860 г., «смотрятъ у насъ на славянство уже иначе, чѣмъ прежде: есть уже люди, которые умѣютъ цѣнить и заставлять другихъ цѣнить права и обязанности славянской взаимности, есть между ними люди молодые, пылкіе и даровитые, ведущіе дѣло куда сильнѣе, чѣмъ мы могли и умѣли въ свое время. . .» Это была уже большая награда за всѣ труды и возвышенные порывы.

Съ первыхъ дней профессорской дѣятельности ревностный проповѣдникъ высокихъ задачъ славяновѣдѣнія, Срезневскій послѣдовательно приходитъ къ мысли о необходимости введенія элементовъ славянской филологіи и въ курсъ русской средней школы. Въ спеціальной запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ его, онъ разработалъ даже программу преподаванія славянскихъ нарѣчій въ филологической гимназіи и находилъ возможнымъ достигать при этомъ такихъ результатовъ, чтобы ученики, оканчивающіе курсъ по славянскимъ нарѣчіямъ, свободно читали книги

общелитературнаго содержанія на нарѣчіяхъ сербскомъ, чешскомъ и польскомъ.

* * *

Славянское путешествіе Срезневскаго и его товарищей составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ, поучительнѣйшихъ и по результатамъ своимъ плодотворнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія первой половины XIX вѣка. Это былъ, дѣйствительно, «подвигъ европейскій», по справедливому выраженію его друга. Начатое и завершенное въ славные и памятные годы жизни западнаго и южнаго славянства, только что пробуждавшагося изъ національнаго небытія и приступавшаго къ осуществленію тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые возвратили ему жизнь и обезпечили дальнѣйшее развитіе, оно должно было дать богатые матеріальные и духовные плоды. Срезневскій былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ, вольнымъ или невольнымъ, напряженнѣйшей національной работы у чеховъ, лужицкихъ сербовъ, словаковъ и хорватовъ, и своимъ ученымъ путешествіемъ по вовсе неизвѣданнымъ или мало изученнымъ славянскимъ уголкамъ въ извѣстной степени способствовалъ пробужденію и укрѣпленію національнаго самосознанія на далекомъ славянскомъ западѣ и югѣ.

Его обширныя и разнообразныя изученія, особенно собирательская дѣятельность, любовь къ простому народу и постоянное общеніе съ нимъ пробуждали ревность славянскихъ ученыхъ и вызывали на это благодатное поле свѣжія славянскія мѣстныя силы. Чужой человѣкъ, хотя и братъ изъ далекой Русской земли, съ невиданнымъ усердіемъ и любовью занялся вдругъ чехами, лужицкими сербами, сло-

венцами, хорватами, тогда какъ они сами какъ-то мало интересовались и собою и своими сосѣдями-братьями. У Срезневскаго кое-гдѣ они учатся пріемамъ собиранія пѣсеннаго богатства, изученія народа, его творчества и быта.

Эту заслугу нашего ученаго вполнѣ признавали и отмѣчали сами славяне. Получивши въ маѣ 1841 г. письмо отъ друга Измаила изъ Липавы (Випавы), съ словенско-итальянской границы, Ганка сердечно обрадовался, узнавъ, что Срезневскій посѣтилъ «и самыя незначительныя изъ славянскихъ племенъ». «Вы, вѣрно», отвѣчалъ Ганка, «для того и созданы, чтобы обшарить всѣ славянскіе углы и возбудить въ нихъ новую жизнь». Другой изъ славянскихъ друзей Измаила Ивановича, лужичанинъ Смоляръ, путешествовавшій съ нимъ по Лужицамъ, въ одномъ изъ писемъ (24 окт. 1843 г.), сообщая ему отрадную вѣсть о ростѣ у лужицкихъ сербовъ національной мысли, прямо заявлялъ: «...Я долженъ вамъ признаться, что вы тоже имѣете большія заслуги въ ея усиленіи».

Съ другой стороны, славянскія чтенія Срезневскаго въ Харьковѣ, а затѣмъ въ теченіе 32 лѣтъ въ Петербургѣ, въ въ университетѣ и отчасти въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, его многочисленныя ученыя статьи, рецензіи и замѣтки о важнѣйшихъ явленіяхъ славянской ученой литературы должны были воспитать въ русскомъ обществѣ извѣстный кругъ людей, интересовавшихся славянствомъ, и создать ту школу учениковъ, которою Измаилъ Ивановичъ по праву могъ гордиться. Въ этомъ двѣ его величайшія заслуги въ исторіи развитія нашей науки и нашего славянскаго самосознанія.

Когда Срезневскій передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга за границу посѣтилъ министра народнаго про-

свѣщенія С. С. Уварова, то на прощаніи получилъ отъ него слѣдующее напутствіе: «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе — вліяніе благодатное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо». Срезневскій со всею совѣстливостью и горячею любовью къ наукѣ выполнилъ этотъ завѣтъ.

Великій пѣвецъ славянской взаимности, словакъ Янъ Колларъ въ поэмѣ «Дочь Славы» помѣстилъ всѣхъ заслуженныхъ въ Славянствѣ мужей въ «славянскомъ небѣ»; здѣсь онъ отвелъ мѣсто и тѣмъ славянскимъ путешественникамъ, которые первые съ національными задачами путешествовали по славянскимъ землямъ — «Kteří prví cílem národným po slavjanských putovali krajech»...

Въ этомъ славянскомъ небѣ, въ сонмѣ подвижниковъ славянской науки, наряду съ піонерами ея, полякомъ Андреемъ Кухарскимъ и незабвеннымъ П. И. Кеппеномъ долженъ по праву занять почетное мѣсто и И. И. Срезневскій.

Вл. Францевъ.

ЗАСЛУГИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Я никогда не былъ знакомъ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ; я никогда не видалъ его; я только — одинъ изъ его почитателей и продолжателей. Я не могу предложить вамъ своихъ воспоминаній, своихъ личныхъ впечатлѣній; я принужденъ ограничить свое слово объ Измаилѣ Ивановичѣ характеристикой и оцѣнкой его ученой дѣятельности, какъ я ее понимаю.

Не мало времени протекло между сороковыми годами прошлаго столѣтія и настоящимъ моментомъ; много сдѣлала за протекшія 70 лѣтъ русская наука; тѣмъ не менѣе обѣ эпохи имѣютъ нѣчто общее.

Въ сороковыхъ годахъ въ Россіи среди образованнаго общества почти не было людей, которые бы хоть что-нибудь знали о славянахъ, кромѣ, конечно, поляковъ; и интереса къ славянству, можно сказать, не существовало. Ученый славяновѣдъ долженъ былъ работать почти что въ пустынѣ, такъ какъ его аудиторія совпадала съ скромной въ высшей степени аудиторіей историко-филологическаго факультета. Онъ долженъ былъ начинать съ азовъ славяновѣдѣнія и сообщать, что̀ за народы — чехи, хорваты, лужичане, сколько ихъ, гдѣ они живутъ и т. п. Несмотря на это, ему приходилось вести борьбу: уже тогда народились въ русскомъ образованномъ обществѣ враги славянства. Они то усматривали страшную политическую опас-

ность въ панславизмѣ и славянофильствѣ; то признавали всѣхъ славянъ, кромѣ развѣ поляковъ, за ничтожныя величины, недостойныя вниманія великой Россіи.

Въ сущности то же видимъ мы и теперь, что тогда. Много ли знаетъ нынѣшнее русское общество о славянахъ? Велика ли аудиторія у нынѣшняго славяновѣда? Если у одной части русскаго общества сильны симпатіи къ славянамъ, то другая часть относится къ славянамъ и съ недовѣріемъ, и съ разнообразными опасеніями. Нельзя не отмѣтить, что эта вторая часть, очень слабая, можетъ быть, по числу, — оказываетъ большое вліяніе на наши отношенія къ славянамъ, хотя имѣетъ объ нихъ болѣе чѣмъ ограниченныя свѣдѣнія.

Но семьдесятъ лѣтъ, протекшія между сороковыми годами и настоящимъ днемъ, не прошли даромъ. Мы кое-что сдѣлали; наше знакомство со славянствомъ нѣсколько подвинулось впередъ; уже блеститъ надежда на установленіе живыхъ культурныхъ, научныхъ, литературныхъ сношеній между славянами.

Этимъ мы много обязаны Измаилу Ивановичу.

Измаилъ Ивановичъ готовилъ себя къ каѳедрѣ политической экономіи. Онъ сталъ славяновѣдомъ неожиданно для самого себя, не имѣя ни руководителей, ни руководства.

Кто могъ руководить занятіями въ области славяновѣдѣнія въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ?

Русское министерство народнаго просвѣщенія? Но бывшій министръ, почтенный Александръ Семеновичъ Шишковъ, былъ только ревностнымъ покровителемъ славянства и энтузіастомъ своего рода, который внушилъ императору Николаю I мысль основать въ русскихъ университетахъ каѳедру славяновѣдѣнія. Его преемникъ,

Уваровъ, былъ лишь исполнителемъ Высочайшей воли. Могъ дать начинающему славяновѣду нѣсколько хорошихъ совѣтовъ Александръ Христофоровичъ Востоковъ; но онъ былъ скромный кабинетный ученый, никогда не бывавшій у славянъ. Могъ дать нѣсколько общихъ указаній Каченовскій, составитель инструкціи для первыхъ нашихъ славяновѣдовъ.

Болѣе, чѣмъ Россія, сильна была въ области славяновѣдѣнія возрождавшаяся Чехія.

Добровскій уже умеръ. Ганка, при всѣхъ его заслугахъ, не былъ человѣкомъ науки и не могъ указывать другимъ дороги. Одинъ Шафарикъ въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ могъ быть полезенъ Измаилу Ивановичу. Онъ, дѣйствительно, былъ ему полезенъ. Онъ былъ единственнымъ тогда знатокомъ славянской этнографіи; онъ былъ ученый съ широкимъ историческимъ образованіемъ и обширнымъ кругозоромъ. Отъ него Измаилъ Ивановичъ могъ попользоваться и совѣтами, и даже матеріаломъ. Шафарикъ, несомнѣнно, оказалъ вліяніе. Первые шаги Измаила Ивановича на поприщѣ славяновѣдѣнія связаны съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Они также направлены къ славянскимъ древностямъ. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, диссертацію Измаила Ивановича «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ», 1846 г., доставившую ему, первому въ Россіи, ученую степень доктора славянской филологіи.

Но затѣмъ Измаилъ Ивановичъ быстро пошелъ по своей дорогѣ.

Эта дорога была наиболѣе естественною.

Русскій народъ долгое время былъ въ тѣсномъ литературномъ общеніи съ другими славянскими народами и

сумѣлъ сохранить въ своихъ старыхъ книгахъ многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства о культурной, литературной и религіозной жизни славянства. Какъ ни слаба была русская наука, но къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка она уже успѣла заглянуть въ эти книги. Изъ немногихъ трудовъ Востокова и Калайдовича было видно, какое въ нихъ богатство научнаго матеріала. Свѣдѣнія о святыхъ солунскихъ братьяхъ — въ старой русской письменности; обильныя данныя о блестящемъ вѣкѣ болгарскаго царя IX — X вѣка Симеона — въ ней же; произведенія сербскихъ книжныхъ людей XIII — XV вѣковъ — въ ней же; древнѣйшій трудъ на славянскомъ языкѣ, вышедшій изъ подъ пера чеха нач. XI в., — въ ней же; одна изъ статей загадочнаго Фрейзингенскаго памятника тѣсно связана съ однимъ изъ многочисленныхъ поученій стараго русскаго Пролога. Было ясно, что судьбы славянскихъ народовъ на пространствѣ вѣковъ безпрестанно сплетались и что узелъ славянскихъ сплетеній сохранился въ старыхъ русскихъ книгахъ.

Важнымъ казалось то, что было уже найдено; еще болѣе важнаго можно было ожидать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, когда старая русская письменность будетъ приведена въ полную извѣстность.

Отсюда естественная задача для славяновѣда, если онъ не хочетъ ограничиваться сообщеніемъ свѣдѣній о современныхъ ему славянахъ, но желаетъ проникнуть въ глубь вѣковъ и показать, какъ близки были нѣкогда другъ къ другу и какъ тѣсно были связаны между собою тѣ народы, которые въ половинѣ XIX в. такъ разобщены, которые такъ мало знаютъ другъ о другѣ.

Измаилъ Ивановичъ началъ свою ученую дѣятельность

въ области славяновѣдѣнія въ скромномъ Харьковѣ, бѣдномъ ученымъ матеріаломъ. Ему было бы трудно тамъ работать въ томъ направленіи, въ какомъ онъ началъ. Вѣроятно, онъ сумѣлъ бы приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, какъ сумѣлъ приспособиться въ Казани Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Но судьба улыбнулась Измаилу Ивановичу: онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ.

Петербургъ сороковыхъ годовъ уже имѣлъ Имп. Публичную Библіотеку, хранительницу Остромирова Евангелія. Кромѣ этого драгоцѣннаго памятника, значеніе котораго было уже опредѣлено Востоковымъ, Публичная Библіотека владѣла собраніемъ русскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого, южно-славянскими и русскими рукописями Дубровскаго и Фролова. Вскорѣ, въ 1852 г., къ этому рукописному матеріалу прибавилось огромное и цѣнное Погодинское собраніе. Кромѣ Публичной Библіотеки, Петербургъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ могъ пользоваться Румянцевскимъ музеемъ, рукописи котораго тогда были уже описаны и мастерски опредѣлены Востоковымъ. Наконецъ, въ 1859 г., въ Петербургскую Духовную Академію поступили собранія Новогородскаго Софійскаго собора и Кириллова Бѣлозерскаго монастыря.

Измаилъ Ивановичъ, по переселеніи въ Петербургъ, погрузился въ разсмотрѣніе огромнаго рукописнаго матеріала, который былъ ему здѣсь доступенъ. Этотъ матеріалъ пополнялся небольшимъ, но своеобразнымъ собраніемъ сверстника Измаила Ивановича и собрата по занятіямъ славяновѣдѣніемъ Виктора Ивановича Григоровича, вывезеннымъ имъ съ Аѳона, изъ Охриды и другихъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Григоровичъ охотно дѣлился съ другими своимъ ученымъ достояніемъ.

Конечно, Измаилъ Ивановичъ не забывалъ современнаго славянства. Онъ знакомилъ своихъ слушателей съ дѣятельностью Станка Враза, Коллара и другихъ писателей новыхъ славянскихъ литературъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ этихъ литературахъ; но центромъ его занятій сдѣлались русскія библіотеки.

Что онъ долженъ былъ дѣлать? Ему необходимо было — прежде всего — привести въ извѣстность, что̀ находится въ русскихъ библіотекахъ, что̀ сохранилось намъ отъ старой Россіи и отъ древняго славянства.

Легко сказать: привести въ извѣстность. Даже механически пересматривать сотни рукописныхъ книгъ, одну за другой, дѣло не такое простое, какъ кажется. Но при помощи простого пересмотра трудно что-нибудь получить; нужно больше или меньше разсмотрѣть книгу, прочесть, изучить.

Вслѣдъ за петербургскими рукописными собраніями передъ Измаиломъ Ивановичемъ выступили собранія Москвы, Троицкой Лавры и Новаго Іерусалима. Описаніе Московской Синодальной библіотеки было начато Горскимъ и Невоструевымъ и съ перваго же своего выпуска оказалось важнымъ и цѣннымъ. Затѣмъ Измаилъ Ивановичъ побывалъ въ Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кіевѣ и т. д., осматривая библіотеки монастырей, церквей, учебныхъ заведеній.

Почти вездѣ, кромѣ рукописей, собранныхъ въ Россіи, Измаилу Ивановичу пришлось встрѣтиться съ рукописями, привезенными съ славянскаго юга — съ собраніями Гильфердинга, Севастьянова, архим. Порфирія и др.

Къ году смерти Измаила Ивановича, къ 1880 году, рукописный матеріалъ доступныхъ ему рукописныхъ со-

браній представлялъ уже цѣлую громаду, гдѣ однихъ древнѣйшихъ книгъ и грамотъ, до XV вѣка, можно было насчитать не менѣе 700, а болѣе позднія книги, до конца XVII вѣка, приходилось считать тысячами. Какъ извѣстно, въ позднѣйшихъ книгахъ сохранилось очень много древнѣйшихъ текстовъ и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ выдающуюся цѣнность.

Тѣ изъ насъ, кто идетъ по пути Измаила Ивановича, кто пользуется и его трудами, и всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано при немъ и послѣ него въ наукѣ славяновѣдѣнія,—иногда останавливаются въ недоумѣніи передъ громадою сырого матеріала, не зная, за что браться и съ чего начинать. Послѣ цѣлаго ряда годовъ работы приходится сознаваться въ безсиліи. Но послѣ 1880 года сколько вышло описаній рукописныхъ собраній, сколько издано текстовъ, изслѣдованій, снимковъ!

Измаилъ Ивановичъ занялся приведеніемъ въ извѣстность памятниковъ славянской и русской старины. Его работа была скромная и черная: онъ пересмотрѣлъ огромное число рукописей. Можетъ быть, всѣ рукописи, какія были ему доступны, одна за другой, побывали у него въ рукахъ; во всѣ онъ заглянулъ, многія перелистовалъ, на нѣкоторыхъ болѣе подробно остановился. Обзоръ его былъ бѣглый: онъ работалъ одинъ; сотрудниковъ у него было немного, да и на тѣхъ, кто былъ, не всегда можно было полагаться.

Однимъ изъ помощниковъ былъ большой почитатель Измаила Ивановича, Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Его имя мало кому теперь извѣстно. Но онъ въ свое время много сдѣлалъ для московскихъ библіотекъ. Ему принадлежитъ первое рукописное описаніе московской Типограф-

ской библіотеки; онъ издалъ описаніе части рукописнаго собранія Ундольскаго, поступившаго въ Румянцевскій Музей; оно было составлено самимъ Ундольскимъ, но Викторовъ присоединилъ къ нему цѣнное дополненіе. Викторову принадлежитъ рядъ другихъ библіографическихъ работъ. Онъ былъ человѣкъ талантливый, въ области научной — свѣдущій и опытный. Если вы возьмете составленное имъ описаніе Типографской библіотеки, вы найдете въ немъ упоминаніе о цѣломъ рядѣ русскихъ списковъ Евангелія, Апостола и другихъ богослужебныхъ книгъ XIV в. Нигдѣ нѣтъ намека, что между этими списками есть хоть одинъ чѣмъ-нибудь выдающійся, по чему-нибудь особенно интересный.

А Измаилъ Ивановичъ открылъ среди нихъ Саввину книгу, памятникъ, какъ извѣстно, древняго церковнославянскаго языка, не моложе XI вѣка, важный и по своему языку, и по своимъ палеографическимъ особенностямъ. Текстъ этого памятника начинается съ 25 листа книги; первые 24 листа книги и послѣдніе 12 — позднѣйшія дополненія, слѣдствіе, такъ сказать, починки книги. Обыкновенно, разсматривая рукопись, изслѣдователь прежде всего смотритъ ея начало и ея конецъ; эти части рукописи имѣютъ въ себѣ наиболѣе цѣнный матеріалъ для ея характеристики. Чтобы открыть Саввину книгу, нужно было — прежде всего — просмотрѣть всѣ Евангелія XIV в. Типографской библіотеки, затѣмъ, взявъ въ руки Евангеліе подъ № 15, не только заглянуть въ его начальные и послѣдніе листы, но внимательно перелистовать всю середину книги. Измаилъ Ивановичъ открылъ Саввину книгу. Очевидно, онъ пересмотрѣлъ все собраніе Типографской библіотеки, не обращая вниманія на ея описаніе,

а пересматривая нумеръ за нумеромъ, книгу за книгой. Работа не веселая и въ своемъ родѣ не легкая. Понятны слова Измаила Ивановича во введеніи къ «Древнимъ славянскимъ памятникамъ юсоваго письма» (1868 г.): «всякій пойметъ, какъ должно было обрадовать меня неожиданное открытіе въ Типографской библіотекѣ» (стр. 3). Дѣйствительно, это было событіе въ исторіи славяновѣдѣнія.

Но это открытіе, крупное изъ крупныхъ, далеко не единственное открытіе Измаила Ивановича. Онъ не имѣлъ привычки хвалиться и трубить о томъ, что сдѣлалъ; его скромность была скромностью ученаго, радующагося за науку и совершенно забывающаго о себѣ.

Вслѣдъ за Саввиною книгою Измаилъ Ивановичъ открылъ другой меньшій по величинѣ и только поэтому менѣе важный памятникъ древняго церковно-славянскаго языка. Его владѣлецъ, упомянутый уже выше Ундольскій, не только любитель древнихъ рукописей и ревностный ихъ собиратель, но также недурной знатокъ нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи литературы, очень интересовавшійся и древнѣйшею церковно-славянскою письменностію, не увидѣлъ въ принадлежавшихъ ему двухъ пергаменныхъ листкахъ евангельскаго текста ничего важнаго и ограничился постановкою на нихъ № 961. Онъ обратилъ вниманіе только на ихъ странный косой почеркъ. А Измаилъ Ивановичъ нашелъ возможнымъ потратить нѣсколько минутъ на прочтеніе этихъ двухъ ничтожныхъ съ виду листковъ и сразу оцѣнилъ ихъ значеніе: «мнѣ удалось отмѣтить еще одинъ памятникъ, не менѣе древній», чѣмъ Саввина книга». Такъ охарактеризовалъ онъ Листки Ундольскаго въ «Древнихъ славянскихъ памятникахъ юсоваго письма», стр. 3.

Вслѣдъ за Листками Ундольскаго послѣдовало открытіе не менѣе, если не болѣе важныхъ Кіевскихъ глаголическихъ Отрывковъ. Измаилъ Ивановичъ, по случаю археологическаго съѣзда, 3-го по счету, посѣтилъ Кіевъ и заглянулъ въ библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Здѣсь оказалось семь небольшихъ пергаменныхъ листковъ, писанныхъ глаголицею, привезенныхъ архим. Антониномъ изъ Іерусалима и подаренныхъ Академіи. Измаилъ Ивановичъ прочелъ и немедленно сообщилъ съѣзду объ открытіи большой важности. «Еще недавно, говоритъ онъ, не было на виду никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было судить, что̀ за богослуженіе было у тѣхъ славянъ, которые употребляли въ древнѣйшее время глаголицу для своихъ книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старо-славянскій языкъ юсоваго оттѣнка... Новое открытіе служитъ доказательствомъ, что къ нимъ проникали и богослужебные обряды церкви западной» (Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXVII, 1875 г.). Вновь открытый памятникъ былъ имъ охарактеризованъ какъ римско-католическій миссалъ на древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ.

Я упомянулъ о трехъ открытіяхъ Измаила Ивановича. Это — наиболѣе важныя открытія. Открытій меньшаго значенія было сдѣлано Измаиломъ Ивановичемъ такое множество, что ихъ трудно перечислить. Онъ первый обратилъ вниманіе на переводы съ греческаго, сдѣланные въ Россіи до-монгольскаго періода; онъ первый оцѣнилъ важность такъ называемыхъ средне-болгарскихъ текстовъ; ему же принадлежитъ честь открытія въ русскихъ спискахъ, иногда позднихъ, ряда древнѣйшихъ церковно-славянскихъ переводовъ.

Выдающееся значеніе русскихъ рукописей для Измаила

Ивановича было вполнѣ ясно. Онъ видѣлъ, что въ нихъ заключаются данныя для исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ, для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній, для опредѣленія степени ихъ образованности. Отсюда особенное вниманіе Измаила Ивановича къ русскимъ рукописямъ, къ ихъ письму, къ ихъ словарю, къ ихъ художественнымъ миніатюрамъ.

Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для приведенія въ извѣстность всей массы русскихъ рукописей, Измаилъ Ивановичъ составилъ списокъ древнѣйшей ихъ части — съ XI по XIV вѣкъ включительно. Этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ подъ именемъ «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка» (1863 г.). По второму изданію, 1882 г., нельзя судить о первомъ. Тексты и снимки, присоединенные къ списку въ первомъ изданіи и отсутствующіе во второмъ, дѣлаютъ первое изданіе несравненно болѣе цѣннымъ, чѣмъ второе. Тексты, иногда извлеченія изъ большихъ текстовъ, иногда самостоятельныя литературныя произведенія или грамоты, по большей части сохраняютъ свое значеніе и по-нынѣ, служа матеріаломъ для изученія и литературы, и языка.

Но недостаточно читать древніе тексты; надо ихъ и понимать.

Измаилъ Ивановичъ, усердно помогавшій старику Востокову при изданіи его словаря древняго церковно-славянскаго языка, ясно видѣлъ съ одной стороны значеніе такого словаря, съ другой — недостаточность труда Востокова. По способу составленія словарь Востокова (какъ, кстати сказать, всѣ работы Востокова) могъ служить прекраснымъ образцомъ: Востоковъ не опредѣлялъ самъ, по своимъ соображеніямъ, значенія церковно-славянскихъ

словъ, а старался опредѣлить значеніе ихъ посредствомъ сопоставленія переводныхъ церковно-славянскихъ текстовъ съ ихъ греческими оригиналами. Словарь Востокова вошелъ цѣликомъ въ словарь Миклошича. Послѣдній пополнилъ его многочисленными выписками Горскаго и Невоструева (въ ихъ описаніи московской Синодальной библіотеки), извлеченіями сдѣланными Гильфердингомъ и своимъ собственнымъ, въ общемъ незначительнымъ и малоцѣннымъ матеріаломъ. Понятно, словарь Миклошича не могъ удовлетворить Измаила Ивановича. Отсюда его попытка составить свой словарь древняго церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, такъ какъ раздѣлить два эти языка представлялось невозможнымъ. Способъ составленія былъ Измаиломъ Ивановичемъ принятъ Востоковскій, хотя и трудный, требовавшій постояннаго сличенія переводныхъ текстовъ съ греческими оригиналами, но дающій важные результаты. Измаилъ Ивановичъ не успѣлъ довести его до желанной полноты; собранные имъ «Матеріалы», около того времени, когда исполнилось сто лѣтъ со дня его рожденія, были закончены печатаніемъ благодаря подвижническому усердію Ольги Измайловны и Всеволода Измайловича Срезневскихъ. Они составляютъ три большихъ тома.

Кромѣ словарныхъ данныхъ, при изученіи рукописнаго матеріала нужны и данныя палеографическія. Измаилъ Ивановичъ потрудился и надъ палеографіей рукописей древнѣйшаго періода, какъ писанныхъ глаголицею, такъ особенно писанныхъ кириллицею, русскихъ XI—XIV вѣковъ. Но и здѣсь ему не удалось исполнить все, что онъ хотѣлъ. Его сборникъ кирилловскихъ снимковъ съ русскихъ рукописей, съ русскихъ грамотъ и надписей, за исключеніемъ

немногихъ, присоединенныхъ къ 1-му изданію «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», не увидѣлъ свѣта. Вмѣстѣ съ нимъ не увидѣли свѣта и палеографическія наблюденія Измаила Ивановича, сообщавшіяся имъ слушателямъ его университетскихъ лекцій, но ими не записанныя; ихъ нѣтъ въ печатномъ, посмертномъ изданіи этихъ лекцій.

Изслѣдователь русской старины часто встрѣчается съ искусствомъ — очень часто съ орнаментомъ, рѣже съ миніатюрою.

Измаилъ Ивановичъ, конечно, не оставилъ безъ вниманія искусства, остановившись на наиболѣе выдающихся по древности рисункахъ — на иллюстраціяхъ къ житію свв. Бориса и Глѣба въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV вѣка, на изображеніи правнука Мономахова князя Ярослава въ Передицкой церкви (XII в.), на изображеніи князя (по его мнѣнію, св. Всеволода-Гавріила) въ сочиненіи папы Ипполита объ антихристѣ (XII — XIII в.), на изображеніяхъ свв. Владимира и Ольги.

Я долженъ бы сказать еще многое — объ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», объ «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» и др., — но боюсь утомлять ваше вниманіе.

Перехожу къ заключенію.

Измаилъ Ивановичъ обыкновенно уклонялся отъ рѣшенія большихъ вопросовъ, не давалъ выводовъ. Не думаю, чтобы мы имѣли право за это осуждать его или порицать. Имѣя передъ собою подавляющее обиліе сырого, не тронутаго, не только не изученнаго матеріала, развѣ могъ онъ рѣшаться на подведеніе какихъ-либо итоговъ, на какое-либо утвержденіе или отрицаніе въ спорномъ вопросѣ

науки? Вѣдь вполнѣ возможно было, ему ли самому, или кому другому, взявшись за одну изъ многочисленныхъ рукописей XVI в., вдругъ найти въ ней что-нибудь такое, что̀ должно было поколебать утвержденіе или уничтожить отрицаніе. Даже теперь—когда послѣ кончины Измаила Ивановича прошло уже почти 35 лѣтъ, находки слѣдуютъ одна за другою, иногда важныя для рѣшенія большихъ вопросовъ. А мы за эти 35 лѣтъ въ дѣлѣ приведенія въ извѣстность научнаго матеріала, несомнѣнно, подвинулись впередъ и можемъ уже говорить смѣлѣе, чѣмъ Измаилъ Ивановичъ.

Отсюда понятно, почему Измаилъ Ивановичъ не пожелалъ издать новымъ изданіемъ своихъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка», 1849 г., хотя при своемъ появленіи въ свѣтъ этотъ его трудъ былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и потомъ всегда считался цѣннымъ. Измаилъ Ивановичъ видѣлъ, какъ много матеріала для исторіи русскаго языка и какъ много нужно положить труда, чтобы хоть что-нибудь добыть. . .

Измаилъ Ивановичъ сдѣлалъ много для русской науки. Мы обязаны принести глубокую благодарность неутомимому труженику и почтить добрымъ словомъ его дѣятельность.

Вѣчная память Измаилу Ивановичу Срезневскому!

А. Соболевскій.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЭЗІИ ВООБЩЕ.

I.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Духовный обликъ Измаила Ивановича Срезневскаго не можетъ быть полонъ, если мы не обратимъ вниманія на то, какое большое значеніе имѣла въ его внутренней жизни любовь къ поэзіи. Она не была въ немъ только увлеченіемъ юности, какъ у многихъ; она была его душевной потребностью, не прекращавшейся до конца жизни. Ученыя работы, которымъ онъ предавался съ такимъ рвеніемъ и съ такою усидчивостью, не заглушили въ немъ этой любви, годы не ослабили ея. Напротивъ, можно сказать, что съ годами она все возрастала и становилась болѣе глубокой и болѣе чистой.

Слово «поэзія» И. И. понималъ въ чрезвычайно широкомъ смыслѣ. Съ этимъ понятіемъ для него соединялось представленіе и обо всемъ прекрасномъ, возвышающемъ мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ о той силѣ человѣческаго духа, которая воспринимаетъ это прекрасное и вноситъ его въ свои собственныя созданія. Девятнадцатилѣтнимъ юношей записываетъ онъ такое замѣчаніе: «Поэзія — одна, и есть три поэзіи. Поэзія — духъ, поэзія — чувство, оживлен-

ное духомъ, поэзія — выраженіе чувства, оживленнаго духомъ». Позднѣе, въ 1870-хъ годахъ, уже не за много лѣтъ до смерти, онъ пишетъ: «Для меня поэзія — сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка»...

Прекрасное, разлитое въ природѣ, должно, по словамъ И. И-ча, порождать въ человѣкѣ стремленіе къ поэтическому творчеству. «Не недостатокъ изящнаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество», читаемъ мы въ одной изъ его замѣтокъ,—«а напротивъ, изобиліе изящнаго, и тотъ инстинктъ человѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутреннія впечатлѣнія, и соединяется съ какого-то рода боязнью, что другой можетъ не замѣтить красотъ, имъ замѣченныхъ». Эта мысль, записанная Измаиломъ Ивановичемъ какъ общее наблюденіе, не можетъ ли быть понята и какъ наблюденіе надъ самимъ собою?

Потребность поэтическаго творчества рано проявляется у И. И-ча. Въ самые молодые годы, еще въ пансіонѣ, 9-тилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, которыми однажды привелъ въ изумленіе своихъ воспитателей. Нѣкоторыя изъ его повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, относящихся къ 1830-мъ годамъ, были помѣщены въ «Украинскомъ Альманахѣ», въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Галатеѣ», «Утренней Звѣздѣ», «Невскомъ Альманахѣ», «Атенеѣ» и другихъ изданіяхъ; но многое осталось ненапечатаннымъ.

Развившееся въ 30-хъ годахъ во всей Россіи, какъ и повсюду въ Европѣ, увлеченіе народною поэзіей и стариною было по душѣ И. И-чу и онъ отдавался ему со всею своей пылкостью. Во время своихъ путешествій по Украинѣ онъ постоянно всматривался въ жизнь народа, записывалъ преданія и пѣсни, часто съ голоса самихъ пѣвцовъ-бандури-

стовъ. Ему удавалось записывать пѣсни не только малорусскія: въ Екатеринославской губерніи, гдѣ онъ провелъ нѣкоторое время въ качествѣ учителя въ одной помѣщичьей семьѣ[1]), онъ познакомился и съ поэзіей молдаванскихъ поселеній. Это углубленіе въ жизнь и творчество народа естественно отражалось на его собственномъ поэтическомъ настроеніи. Поэтому стихотворенія, написанныя имъ въ то время, представляютъ не только отголоски впечатлѣній его личной жизни, но и подражанія народной пѣснѣ, иногда прямо переводы на великорусское нарѣчіе. Таково одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній «Подражаніе молдавской народной пѣснѣ», написанное въ 1832 г.:

Красавица ласточка,
Пѣвунья касаточка, —
Уже мы не свидимся,
Забудемъ другъ друга мы.
Не мнѣ твои пѣсенки!
Не мнѣ тебя слушаться!
Бывало, чуть солнышко, —
Летитъ ко мнѣ ласточка,
Пѣвунья касаточка, —
Въ оконце свѣтелочки
Стучитъ своимъ носикомъ.
Я встану, умоюся,
Умоюсь, одѣнуся,
Подсяду къ окошечку, —
А добрая ласточка,
Пѣвунья касаточка
Въ подарокъ мнѣ пѣсенку.

---

[1] Въ семьѣ Подольскихъ, въ ихъ имѣніи Варваровкѣ на берегу Днѣпра.

Такъ утромъ, такъ вечеромъ,
Такъ въ полдень, такъ полночью, —
И радостно, сладостно
Жила я съ касаточкой!
А нынѣ забыто все:
Что радости убыли,
Что съ горемъ посваталась,
Что замужъ я выдана.
Красавица ласточка,
Пѣвунья касаточка,
Уже мы не свидимся,
Забудемъ другъ друга мы!
Не мнѣ твои пѣсенки,
Не мнѣ тебя слушаться!
Есть рѣчка, за рѣченькой
Слободка стоитъ.
Слободка, что дѣвушка,
Въ ту рѣчку глядитъ.
Красивы тамъ хижины,
Всѣхъ краше одна;
А въ хижинѣ дѣвушка
Пригожа, умна.
Къ пригожей той дѣвушкѣ
Лети ты скорѣй!
Повѣрь, съ нею слюбишься,
Сестрой будешь ей.
И утромъ, и вечеромъ,
И въ полдень пой пѣсни ей
Про счастье дѣвичее, —
А въ полночь ненастную
Про злую сторонушку,

Про эту свѣтелочку —
Какъ худо мнѣ съ мужемъ жить,
Какъ трудно мнѣ слезы лить,
Какъ горько жизнь прежнюю,
Былую, дѣвичую,
Мнѣ помнить въ замужествѣ!

Позднѣе И. И. перевелъ пѣсню «Віютъ вітры» изъ «Наталки Полтавки» Котляревскаго[1]).

Дуютъ вѣтры, дуютъ буйно, и деревья гнутся,
О, какъ болитъ мое сердце, — и слезы не льются!
Трачу лѣта въ лютомъ горѣ, и нѣтъ конца горю, —
Тогда только станетъ легче, какъ наплачусь вволю.
Слезы-жъ — имъ помочь ли счастью? На мигъ легче будетъ!
Кто былъ счастливъ хоть часочекъ, по смерть не забудетъ.
Есть же люди... Завидуютъ и моей недолѣ!
Развѣ-жъ счастлива былинка, выросшая въ полѣ...
Въ полѣ томъ, песчаномъ полѣ, въ жару, безъ росинки?..
Тяжко жить безъ милаго — и не сиротинкѣ.
Гдѣ-жъ ты, милый, чернобровый! гдѣ ты, озовися?
Я-ль бѣдняжка не горюю! Приди и вглядися.
И сама-бъ я полетѣла, еслибъ крылья были;
Ты-бъ увидѣлъ, другъ мой милый, какъ я тутъ изныла.
И къ кому я приголублюсь, и кто приголубитъ,
Когда нѣтъ того у сердца, кто бѣдняжку любитъ!

Въ бытность за границей въ 1840-мъ г. И. И. съ особымъ вниманіемъ вслушивался въ народныя славянскія пѣсни. Въ нѣкоторыхъ сербо-лужицкихъ пѣсняхъ онъ находилъ «удивительное сходство съ русскими». Свой переводъ

[1]) Напечатана въ журналѣ Галатея 1839 г. ч. 6, № 49, стр. 323—324.

одной изъ такихъ пѣсенъ онъ прислалъ въ письмѣ своей матери вмѣстѣ съ записанными имъ же нотами ея напѣва:

Онъ далъ ей перстень золотой,
И руку бѣлую пожалъ,
И въ ясны очи цѣловалъ.
«Прости и не забудь меня!»
Такъ молвилъ онъ, — и на коня. . .
«Черезъ три года жди меня!»
Прошли три года, и домой
Всѣ сербы молодцы идутъ
И пѣсни весело поютъ.
И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
«Гдѣ жъ милый мой?» — Га, милый твой —
Въ землѣ остался онъ чужой.
Тамъ, Гальжа, весело ему:
Нашелъ другую Гальжу онъ,
А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ. . .
Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
На той могилѣ тамъ цвѣтетъ
И соловей въ тѣни поетъ.

Стихотворенія И. И-ча, въ которыхъ отразились впечатлѣнія его жизни и отголоски его мыслей, сохранились въ бо̀льшемъ количествѣ. И. И. не придавалъ имъ никогда значенія и потому ни одно изъ нихъ не было напечатано. Вообще онъ считалъ что «стихи ему не даются» (это его собственныя слова). Но если они и не могутъ быть отмѣчены какъ технически совершенныя произведенія, они важны для насъ и какъ выраженіе его мыслей и чувствъ, и какъ проявленіе того, что эти мысли и чувства стремились выразиться именно въ поэтической формѣ.

Отправляясь въ заграничное путешествіе въ 1839 г., изъ Москвы посылаетъ И. И. своей матери — хорошей пьяницкѣ и любительницѣ музыки — ноты Листовскаго переложенія «Странника (der Wanderer)» Шуберта и на обложкѣ пишетъ стихи:

Все, чѣмъ душа его живетъ,
Оставитъ странникъ одинокій
И въ миръ чужой, съ тоской, далеко
Отъ милыхъ сердцу понесетъ
Судьбу свою. . . . . .
. . . . . Мечтанье
Одушевитъ надеждой онъ,
Что за разлукою свиданье
Его утѣшитъ, и какъ сонъ
Пройдутъ годины испытанья, —
И снова счастливъ будетъ онъ.

Въ томъ же году пишетъ онъ:

Давно тебя, отчизна, я оставилъ,
И грустно мнѣ, и тяжело въ дали чужой.
Кругомъ толпы, но межъ толпами сиротой
Брожу одинъ съ печальною душой. . .
Въ чужой дали — и рѣдко голосъ милый
Осиротѣлое мнѣ сердце оживитъ,
И то на мигъ, и вновь кругомъ меня звучитъ
Чужая мысль, чужой языкъ. Молчитъ
Душа моя, и думой вольнокрылой
Она къ тебѣ, съ тоской къ тебѣ летитъ.
Она твоя, твой духъ ее взлелѣялъ,
Къ себѣ ее навѣкъ всесильно приковалъ,

Твоей рабыней быть Творецъ ее создалъ,
Тебя любить святое право далъ...

Между стихотвореніями И. И-ча обращаетъ на себя вниманіе «Молитва», полная горячей любви къ родинѣ. Она напоминаетъ своею основной мыслью главную идею поэзіи Хомякова. И. И. чтилъ Хомякова какъ поэта и глубоко сочувствовалъ ему. Въ 1839 г. онъ посылаетъ своей матери въ письмѣ изъ Петербурга списокъ стихотворенія «Орелъ», тогда не дозволеннаго къ печати. «Какъ же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи?» пишетъ онъ. «Не правда ли, хороши? Они—Хомякова, и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ. Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе — «вѣроломные Тевтоны»[1]) и Богъ знаетъ что подумаютъ».

Позднѣе И. И. собиралъ въ спискахъ всѣ появлявшіяся стихотворенія Хомякова, еще не вышедшія въ свѣтъ.

Въ «Молитвѣ» замѣчаемъ мы не только тѣ же мысли, но иногда и тѣ же образы, что у Хомякова: въ ней есть сравненіе Россіи съ орломъ (у Хомякова: «Высоко ты гнѣздо поставилъ, Славянъ полунощныхъ Орелъ»); въ ней говорится о великомъ достоинствѣ смиренія, какъ и у Хомякова во многихъ стихотвореніяхъ; есть указаніе и на высокій подвигъ, назначенный Россіи (у Хомякова: «Хранить племенъ святое братство, любви... и вѣры пламенной богатство, и правду, и безкровный судъ»). Вотъ нѣсколько строфъ изъ «Молитвы»:

О Боже великій, Творецъ милосердный,
Дай силу душою къ Тебѣ вознестись,

---

1) Выраженіе, взятое изъ стихотворенія «Орелъ».

Ее освѣти Ты мольбою усердной,
Къ молящейся милости взоромъ склонись!
Подай, Благодатель, Ты дочери славы —
Отчизнѣ — надежду, и крѣпость подай
Великой и правдою грозной державы,
И свѣтомъ Своимъ Ты ей путь озаряй!
. . . . . .
О вѣримъ, кто избраннымъ будетъ Тобою,
На подвигъ того самъ Ты въ путь позовешь.
О вѣримъ, что волей Своею благою
И насъ Ты на подвигъ великій ведешь.
Любовью и вѣрой святой примиренье
Враждебныхъ великихъ и малыхъ племенъ,
Смятеній, и буйствъ, и крамолъ разрушенье—
Вотъ подвигъ нашъ славный, великій, вотъ онъ!
Его указалъ Ты сынамъ вѣрнымъ славы,
Смиряясь, терпѣть Ты имъ долго велѣлъ.
Смиряясь, терпѣли, и вотъ нашъ двуглавый,
Тобой окрыленный, ужъ мощно взлетѣлъ.
. . . . . .
Взлетѣлъ — и взгремѣло священное слово
«Да любимъ другъ друга!» Взгремѣло оно,
Гордынѣ и злобѣ какъ смерть, и готово
Ихъ мщенье любви и добру за одно.
. . . . . .
О Боже всесильный, открой Ты строптивымъ
Ихъ очи и къ правдѣ внуши имъ любовь!
Гнести себя страхомъ не дай боязливымъ,
Не дай, чтобъ лилась неповинная кровь!
. . . . . .
Ужель не настала година святая
Сознанія немощи съ правдой борьбы?

Ужели вражда, противъ насъ занятая
Не смолкнетъ еще передъ словомъ судьбы?
Нѣтъ, вижу...: восходитъ надъ бурею черной
Закона, и правды, и славы заря
И мирно народы душою покорной
Услышатъ велѣнье вселенной Царя.

Любовь къ народу, любовь къ человѣчеству вызывала всегда въ И. П-чѣ горячее сочувствіе и глубокое почитаніе. Мы видимъ эти чувства въ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ память Квитки-Основьяненка. Въ нихъ выражаются тѣ же мысли, что и въ одушевленной рѣчи, произнесенной И. П-чемъ у гроба Квитки (о ней будетъ сказано ниже). Онъ изображаетъ въ нихъ глубокочеловѣчныя черты Квитки:

Въ немъ невинный защиту, страдалецъ отраду,
Бѣдный помощь всегда находилъ...

Особенно останавливаетъ И. И. свое вниманіе и сочувствіе на живой и дѣятельной любви Квитки къ украинскому народу. Въ слѣдующихъ восьми строкахъ сжато и полно изображенъ обликъ Квитки, какъ «друга народа»:

Народа другъ неизмѣнимый,
Всю жизнь ему онъ посвятилъ;
Его судья несоблазнимый
Его жъ защитникомъ онъ былъ;
Его любилъ и зналъ онъ нравы
Его же рѣчью заставлялъ
Другихъ любить ихъ, — и отдалъ
Ему же въ даръ вѣнокъ свой — славы.

Любовью къ человѣчеству, состраданіемъ къ обездоленному вызвано и слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное «Богъ дастъ»:

Батюшка! Матушка! Ради Христа
Старцу калѣкѣ дайте даянье!
Буду молиться я Богу за васъ,
Дастъ онъ сторицею вамъ воздаянье.
Дайте калѣкѣ, слѣпцу старику!
Богъ не оставитъ васъ, добрые люди!..
Батюшка! Матушка! — Богъ дастъ, старикъ!
— Богъ дастъ... спасибо!.. Господь васъ помилуй!..
Такъ-то богатые люди: знаютъ они
Милость Всевышняго, Богъ имъ даетъ, —
Къ Богу они и меня посылаютъ.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отражаются иныя стороны характера И. И-ча. Онъ былъ, особенно въ молодости, нрава живого, общительнаго и легко сходился съ людьми всякаго возраста и положенія; веселый, остроумный и изобрѣтательный, онъ становился вездѣ душою общества и привлекалъ расположеніе всѣхъ. Нерѣдко приходилось ему, по обычаю того времени, писать стихи въ альбомы. Между прочимъ сохранилось два его экспромта, написанныхъ во время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1840 г.: одинъ—въ альбомъ молодой дѣвушкѣ-лужичанкѣ, знавшей по русски только одно слово «прошу»:

Прошу,
Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда —
Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»
Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда».
Изъ памяти жъ все злое выметая,
Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
Прошу.

Прощу
Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить иногда.
Лечь рать: „Изъ дальняго былъ странникъ края“,
Лечь рать: „бывалъ намъ странникъ странный иногда“.
Изъ памяти всѣ злое выметая,
Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
Прошу.

Изъ письма И. И. Срезневскаго къ матери изъ Сгорѣльца.

Другой экспромтъ написанъ 12-тилѣтней Теодорѣ, дочери Л. Гауптa[1]:

Теодора, Теодора!
Сохранишь ли мой листокъ?
Иль, какъ дикаго для взора,
Изъ альбомнаго узора
Вырвешь вонъ ты мой листокъ?
Теодора, Теодора,
Мой листокъ?
Теодора!

«Этотъ пустякъ», пишетъ И. И. въ своемъ письмѣ къ матери, «понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортепьяно, сдѣлалъ для этого музыку, — и всѣ стали пѣть по русски, приговаривая, что русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ».

И. И. писалъ не только по русски; сохранилось нѣсколько стихотвореній его и на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

---

[1]) Л. Гауптъ — одинъ изъ дѣятелей серб-лужицкаго возрожденія.

Одно изъ его украинскихъ стихотвореній, подписанное псевдонимомъ «Антонъ Майко Келеберда зъ Почаёва, поломарь Богородицькой звоницы», было напечатано въ «Молвѣ» въ 1836 г. Это «Думка» о казакѣ Оварѣ — подражаніе балладѣ Жуковскаго «Громобой». Содержаніе ея то же, что у Жуковскаго, но всей обстановкѣ и облику героя приданъ малорусскій характеръ; прибавлены и подробности, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ Малороссіи. Въ печатный текстъ вошла первая половина баллады, до подписанія договора съ дьяволомъ; въ подлинникѣ же, сохранившемся въ бумагахъ П. И-ча, есть продолженіе, еще восемь строфъ — описаніе богатой жизни Овары послѣ договора, подробность, которой нѣтъ у Жуковскаго.

И що жъ! Овара княземъ ставъ
Де що въ ёго дому береться.
Усе, що бъ вйнъ не забажавъ
Такъ до Овары дымомъ дметься.

. . . . . .

Овару славлять и паны.
Чи мясойдъ, чи пйстъ — справляе
Имъ бенкеты. И пьють вони,
Йдять вони. Музыка грае,
А паныч и й панянки вразъ
Всю нйчь до свйту халяндрують,
И паньи, хто во що гараздъ
Про тее-то собй миркують.
Овара заздалечйхъ всйхъ
Якъ ридненькихъ удовольняе,
Иде вйнъ зъ думой до старйхъ
Павидломъ молодыхъ займае . . .

Кончается «думка» строфой, которая и заключаетъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто и заставляетъ ждать продолженія разсказа:

И що то буде!.. Часъ иде,
Пройдуть и десять лїтъ небозй...
Чи загремить, чи загуде
Дидёкъ въ Овары на порози?..

Во время своего путешествія въ 1839 г. И. И. познакомился въ Галле съ Реппелемъ, бывшимъ въ то время приватъ-доцентомъ университета, впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ-историкомъ. Уѣзжая, онъ написалъ ему на память трехстишіе:

Ой пішовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

Послѣ они больше не встрѣчались, но у Реппеля сохранилось живое воспоминаніе объ И. И-чѣ. Онъ всегда берегъ листокъ съ его стихами и въ 1880 г. съ удовольствіемъ разсказывалъ посѣтившему его г. Любовичу о впечатлѣніи, которое произвелъ на него И. И. [1]).

Освоившись съ чешскимъ языкомъ, И. И. сталъ пробовать писать стихи по чешски. Такъ онъ перевелъ на чешскій малорусскую пѣсню Наталки изъ Наталки Полтавки Котляревскаго — ту же, которую онъ перевелъ и на русскій. Переводъ этотъ не былъ напечатанъ. Въ бумагахъ И. И-ча сохранился черновикъ его, гдѣ вслѣдъ за пѣсней переведено и начало послѣдующей сцены:

---

[1]) Р. Старина. 1882. іюль.

Wěgj wètry, wěgj bugné, až se stromy klátj.
O, tak mne srdce bolj, že slzy ne kanau.
Trawjm leta w ljtém hoři, a konce newidjm.
Tehdaž genom lehčeg bude, když tagmo poplači.
Ne oprawj slza štěstj . . . srdci lehčeg bude.
Kdo byl štastným gen hodinu, nikdy nezapomene.
Gsou pak lidé, genž zawidj osudu mému:
Zdaliž štastná ta bylinka co rosté na poli,
Co na poli, co na písku bez rosy na slunci.
Težko žiti bez milého i we wlastnjm kragi
Kde's ty, milý, černobrwý, kde's ty? Ozwi se,
Gak zde bjdna hořekugi, přidiž podiwej se.
Letěla bych sama k tobě, ale křjdel ne mám,
Abys' widěl, gak bez tebe hořem ga usychám.
Ke komu ga se přichyljm, a kdo pohelubj
Gelikož mi toho nenj, kdo mne miluge.

Въ бумагахъ П. П-ча сохранилось одно его позднее стихотвореніе, написанное по сербски. Это—привѣтъ князю черногорскому, по всеій вѣроятности, во время его посѣщенія Россіи въ 1868 г. Оно чрезвычайно интересно по выраженнымъ въ немъ мыслямъ:

Бог те живи, господине княже,
Сјајна главо, огријано сунце
Црногорских храбријех јунакâ!
Бог те живи — дома и на путу,
Међу нама као би и дома!
Ти нас позна, драги господине,
Ти оцјени срдцем племенитом,
Што и как' смо; ти знаш, свјетли княже,
Што мислимо код себе за себе.

Не позна нас, ко не види, да је
Бог и правда за нас више свега,
Да је нама свака правда света,
Да је нама свако добро драго,
Што ј'од Бога и по Богу благо; —
Да не ћемо учинит' невјере.
Не позна нас, ко не види, да су
Наша браћа нашем срдцу мила
Само за то, да смо родна браћа,
Једне мајке — једне дојилице,
Једног' отца — једног благослова; —
Да не ћемо учинит' невјере.
Не позна нас, ко не види, да смо
Вјером стални, да стојимо тврдо
Срдцем врућим и разумом будним
За све што је нама одвећ драго;
За част нашу и за вјеру нашу —
Да не ћемо учинит' невјере.
Је л' то тако, или тако није,
Нек ти срдце на то одговори.
И вјерујем, оно одговори:
Је то тако — за Црногораца!
Је то тако — за свије Србова'!
Је то тако — за свије Славяна,
Ђено влада прави дух Славянски!
Је то тако — за свак частни народ
И за сваку душу племениту!
И ђе так' је, тамо правда Божја.
Нек та правда на свијету влада
И на кривду нек осветом пада!
Бог те живи и твој славни народ!

Вмѣстѣ съ этимъ стихотвореніемъ сохранился и переводъ его на русскій языкъ.

Изъ художественныхъ произведеній И. П-ча, написанныхъ прозой, особое вниманіе обращаютъ на себя двѣ повѣсти. Одна изъ нихъ носитъ названіе «Rhapsodia sonatina»[1]). Ея основная мысль—задача, смыслъ и могущество искусства; и для выраженія этой мысли авторъ создалъ особое сочетаніе трехъ искусствъ — художества слова, живописи и музыки. Образы, въ которыхъ воплотилась идея, взяты имъ изъ міра живописи; форма же — дѣленіе на части, повтореніе частей, повторяемость образовъ, сценъ, выраженій—все это даетъ впечатлѣніе музыкальной рѣчи; самое заглавіе — Rhapsodia sonatina — напоминаетъ названія музыкальныхъ формъ. Заглавіе это взято не безъ основанія: «Рапсодія», дѣйствительно, есть разсказъ, въ которомъ повтореніе и разработка мыслей-образовъ имѣетъ сходство съ повтореніемъ и разработкой темъ въ сонатной формѣ.

Небольшое вступленіе, подъ названіемъ «Introduzione», также заимствованнымъ изъ музыкальныхъ формъ, начинается двумя эпиграфами — изъ Мандзони «Gran segreto è la vita e nol comprende che l'ora estrema» и изъ Кальдерона «Pues asi llegue a saber, que toda la dicha humana enfin pasa como sueño»[2]). Въ этомъ вступленіи подъ видомъ бесѣды двухъ и размышленія третьяго, ихъ слушающаго, развивается основная идея. Выражается мысль, что художники

---

[1]) Напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1837 г. ч. XI, стр. 21—75.

[2]) И. П. постоянно изучалъ иностранные языки. Въ продолженіе времени, проведеннаго имъ въ Варваровкѣ, съ помощью книгъ, взятыхъ съ собою изъ Харькова, онъ выучился по англійски и по испански и для упражненія въ послѣднемъ языкѣ переводилъ стихами драмы Кальдерона. Эти переводы не сохранились.

рѣдко бываютъ счастливы, ремесленники же почти всегда; потому что въ сердцѣ художника есть всегда хоть одно желаніе неисполнимое, а у ремесленника или нѣтъ никакихъ, или всѣ исполнимы. Художникъ можетъ быть счастливъ иногда только въ забытьи, его недостойномъ, «въ привольѣ ремесленныхъ удачъ и успѣховъ. Жить хорошо— душа и заснула, какъ покинутая сиротка. Погоди, проснется: что-то скажетъ художникъ тогда? Плоть мѣряетъ время днями, а душа вѣчностью; что-то скажетъ художникъ тогда, когда душа замолвитъ слово о вѣчности, а у него впереди только дни, только дни — и тѣхъ мало?»... «Если... нечаянно, нежданно отлетающая душа остановитъ твой легкій путь и желѣзнымъ перстомъ укажетъ на пройденную дорогу, и потребуетъ рѣшенья вопроса о жизни! Что будетъ тогда съ тобою, бѣдный человѣкъ?... А ты считалъ себя самымъ счастливымъ, самымъ лучшимъ изъ людей, и свою жизнь самою счастливою и самою лучшею; и живя такъ, чувствовалъ въ себѣ великое призваніе, и жилъ такъ, будто исполняя это призваніе!»...

Послѣ вступленія, оканчивающагося, какъ въ музыкальной формѣ, словомъ Fine, идетъ разсказъ.

Болонскій ювелиръ Франческо Франчья знаменитъ по всей Италіи. Всѣ прославляютъ его искусство и онъ гордится своею славой. Микель Анджело, получивъ отъ него заказанную имъ раму для картины, пишетъ ему: Дивлюсь твоему генію, если только попалъ онъ на дорогу, ему предназначенную. Эти слова великаго художника зарождаютъ въ душѣ Франчьи мысль бросить мастерство ювелира и сдѣлаться живописцемъ. Въ короткое время ему удается вполнѣ овладѣть техникой живописи. Онъ уже пишетъ портреты, образа, его осаждаютъ заказы, онъ становится

извѣстнымъ въ мірѣ художниковъ. Знаменитые живописцы относятся къ нему съ уваженіемъ, Рафаель проситъ его совѣта относительно картины, заказанной ему Болоньей, проситъ его исправить недостатки ея. Франчья славенъ, гордъ и счастливъ. Но въ глубинѣ души его лежитъ, хотя почти заглохшее, сознаніе своего безсилія въ достиженіи идеала. Это сознаніе пробудилось въ немъ однажды, когда онъ увидѣлъ картину молодого живописца Леньяни, слабаго въ дѣлѣ искусства и изнемогающаго отъ чувства своей слабости. На картинѣ былъ изображенъ художникъ, упавшій замертво передъ образомъ, произведеніемъ геніальнаго мастера. Франчья внезапно угадалъ мысль, которую хотѣлъ выразить Леньяни.

«Онъ мертвъ! онъ мертвъ! — вскричалъ (наконецъ Франчья, указывая на распростертаго живописца и судорожно сжимая руку Джулья.—Онъ умеръ отъ сознанія слабости своей души, своихъ дарованій предъ всесильнымъ величіемъ генія живописи; онъ умеръ, убитый своей собственною славой, которою столько гордился, не понимая, что̀ есть слава высшая. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его. Онъ мертвъ!»..

И вотъ снова пробуждается это сознаніе. Получена картина Рафаеля, — написанный имъ по заказу города Болоньи образъ святой Чечиліи; его приносятъ Франчьѣ. Жена Франчьи, ища мужа, идетъ въ мастерскую.

«Чего же такъ испугалась Катарина? Она бѣжитъ въ мастерскую, вглядывается... Образъ святой Чечиліи... толпа испуганныхъ учениковъ... Она... бросилась въ толпу, поднявши руки къ небу... Ея Франческо лежалъ мертвый передъ образомъ святой Чечиліи. Онъ лежалъ мертвый. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его;

одинъ мигъ возвратилъ въ его душу сознаніе слабости своей, своихъ дарованій передъ всесильнымъ величіемъ генія живописи, — и онъ палъ подъ бременемъ своего безсилія, убитый собственной своей славой, которою столько гордился, не понимая, что̀ есть слава высшая»...

Слова «da capo al fine» показываютъ, что для заключенія разсказа должно возвратиться опять къ вступленію, выражающему основную мысль.

Замѣчательно, что когда И. И. писалъ эту повѣсть, онъ еще не былъ знакомъ съ знаменитыми произведеніями живописи; зналъ о Рафаелѣ и о Франчьи только по книгамъ; читалъ, конечно, что есть преданіе, будто Франчья умеръ, пораженный образомъ св. Чечиліи, и что нѣкоторые объясняютъ это завистью его къ Рафаелю. И. И. понялъ Франчью иначе. Онъ почувствовалъ, что были высоки и чисты стремленія Франчьи, сознавшаго все ничтожество своего таланта передъ могуществомъ духовной силы Рафаеля. Когда много лѣтъ спустя И. И. ознакомился съ подлинными художественными произведеніями многихъ странъ и вѣковъ, когда онъ вдумался въ картины Франчьи и Рафаеля, ему пріятно было возвращаться мыслью къ своимъ молодымъ годамъ и вспоминать, какъ тогда чутье подсказало ему, что именно въ образахъ этихъ двухъ художниковъ можетъ воплотиться дорогая ему идея о высокомъ значеніи и могуществѣ искусства.

Другая повѣсть И. И-ча «Майоръ, майоръ!» совершенно иного характера[1]). Она относится къ жизни Григорія Савича Сковороды. Образъ этого украинскаго философа всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе И. И-ча. Въ «Утренней

[1] Напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. ч. 6, стр. 205—238, 435 — 468, 721 — 736.

звѣздѣ» 1833 г. были напечатаны его «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ». Въ бумагахъ его есть нѣсколько относящихся къ 1834 г. отрывочныхъ разсказовъ, описывающихъ жизнь и характеръ Сковороды: «Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Григоріи Савичѣ Сковородѣ» и «Разсказы инока Симеона Азарянскаго». Послѣдняя рукопись была приготовлена къ печати и одобрена цензурой — цензоромъ Мих. Каченовскимъ. Просмотрѣнный и подписанный цензоромъ списокъ ея, къ сожалѣнію не весь сохранившійся — изъ восьми разсказовъ осталось только три — находится въ архивѣ И. И-ча. Въ сохранившейся части есть и зачеркнутая цензоромъ, не допущенная къ печати глава о чудѣ съ иконой.

Повѣсть «Майоръ, майоръ» начинается вступленіемъ, въ которомъ въ немногихъ чертахъ дается изображеніе Сковороды.

«Странный человѣкъ былъ Григорій Савичъ. Былъ онъ когда-то сиротой и бѣжалъ отъ родныхъ; то былъ первый его побѣгъ, первая попытка страсти странствовать, попытка малютки. Былъ онъ потомъ придворнымъ пѣвчимъ, обласканъ милостью императрицы Елисаветы; но испросилъ себѣ отставку отъ этого званія въ надеждѣ на свободу учиться. Учился; но когда вздумали его склонять къ монашеской жизни и рясѣ, онъ сумѣлъ тогда притвориться сумасшедшимъ и пересталъ учиться. Отказавшись отъ рясы, съ восторгомъ надѣлъ онъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Оффенѣ, и только для того, чтобъ убѣжать изъ Оффена и постранствовать на свободѣ по Европѣ. Бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, Сѣверную Италію и Грецію: былъ же въ половинѣ XVIII вѣка, былъ на Руси дьячокъ бѣглый и нищій, желавшій узнать Европу

Послѣсловіе.

А разказалъ вамъ о Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ вотъ что припомнилъ. Очень не мудрено, что многое и забылъ: вспомнилъ въ свое время.

Если я вамъ не наскучилъ своими бреднями, то милости просимъ ко мнѣ въ Азарки и опять. Радъ гостямъ. А теперь прощайте. Миръ вамъ.

[redacted] Симеонъ.

Азаркецкій.

Января 10-го 1834 года.

Азарки.

Разсказы инока Симеона Азарянскаго (автографъ И. И. Срезневскаго) и разрѣшеніе печатать М. Т. Каченовскаго.

и европейцевъ, и случилось же быть имъ Григорію Савичу. Потомъ пришелъ Григорій Савичъ въ Харьковъ—навсегда, и убѣжалъ изъ Харькова, куда глаза глядѣли, послѣ первой проповѣди. Въ сѣрой свиткѣ, въ чоботахъ, съ котомкою на плечѣ, съ палкою-журавлемъ въ рукѣ, съ флейтою-самодѣлкой въ другой, началъ онъ бродить. Бродить любилъ Григорій Савичъ, а котомка не тягость плечу, когда въ ней патенты на авторскую славу: въ котомкѣ же Григорія Савича бывало ихъ не мало и богословскихъ, и философскихъ, и поэтическихъ, и музыкальныхъ. Странный человѣкъ былъ Григорій Савичъ!

«И посмотрѣли-бы вы на этого странника. Сухой, блѣдный, длинный; губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная; но тутъ же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка. И послушали-бъ вы его. Началъ онъ говорить,— говорить умѣетъ и любитъ, и говоритъ иногда какъ добрый украинецъ; за то умѣетъ и подурачить другихъ. . . Но онъ добръ, и честенъ, и прямодушенъ.

«И бродитъ онъ, не зная крайнихъ нуждъ, не понимая другихъ, бродитъ — переходомъ откуда нибудь, куда нибудь».

Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ однажды этотъ странникъ, поселившись на нѣкоторое время въ одномъ мѣстечкѣ и заслуживъ общую любовь и своими разсказами и своимъ умѣньемъ лѣчить больныхъ, чуть не женился на молодой дѣвушкѣ, которая его полюбила и къ которой онъ самъ почувствовалъ нѣжную привязанность. Отецъ молодой дѣвушки, майоръ Павелъ Леонтьевичъ, котораго

всѣ въ околодкѣ называли просто майоромъ, хотѣлъ устроить судьбу дочери и радовался, что она полюбила такого хорошаго человѣка. Онъ всякими способами старался привести дѣло къ свадьбѣ. Сковорода, хоть и чувствовалъ себя только Божьимъ слугою и слугою всего человѣчества, вѣчнымъ странникомъ и «старцемъ» какъ онъ себя называлъ, хоть не мечталъ о другой радости, какъ о томъ, чтобы вникать въ тайны природы и человѣческаго существа, и не допускалъ возможности связать свою свободу семейными обязанностями, все же наконецъ далъ уговорить себя. Свадьба была назначена, женихъ и невѣста уже въ церкви... Но когда священникъ обратился къ нимъ съ обычнымъ вопросомъ: По доброй-ли волѣ соединяете вы руки свои?

«Григорій Савичъ вздрогнулъ и вырвалъ свою руку изъ рукъ священника.

«Онъ бѣжитъ къ алтарю, онъ преклоняетъ колѣна предъ царскими вратами. Слышны слова его:

«Господи! Я, азъ грѣшникъ предъ лицемъ твоимъ! Помилуй мя! И стоны вырывались изъ воздымающейся груди его.

«А Лёня? А майоръ?

«Невѣста должна была упасть въ обморокъ: такъ по крайней мѣрѣ кажется; майоръ долженъ былъ выйдти изъ себя: такъ по крайней мѣрѣ кажется. И, можетъ быть, такъ это бы было; но все это можетъ быть, а вѣрнаго никто не знаетъ».

«Вѣрно только то, что Григорій Савичъ скрылся изъ храма — и никто никогда не видалъ его въ тѣхъ мѣстахъ».

Судьба Лёни все таки потомъ устроилась: она вышла за мужъ за хорошаго, добраго и богатаго человѣка. Свадьба

праздновалась въ Харьковѣ. Григорій Савичъ былъ тогда также въ Харьковѣ и присутствовалъ при вѣнчальномъ обрядѣ. Онъ молился о счастьи Лёни и молитва его была услышана. Но майоръ никогда не могъ простить его.

«Майоръ почиталъ въ себѣ достоинствомъ бранить Григорія Савича, какъ человѣка, у котораго нѣтъ и не бывало не только сердечнаго желанья, но и умѣнья хранить данное слово; онъ никакъ не хотѣлъ видѣть въ поступкѣ Григорія Савича души возвышенной, сердца чувствительнаго, благородства и мужества. Майоръ, майоръ!»

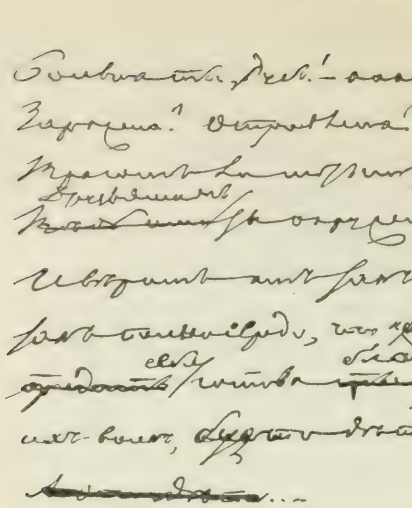
Изъ этихъ послѣднихъ словъ понятно, что оригинальное названіе повѣсти есть полное грустнаго упрека восклицаніе, обращенное къ майору.

Какъ видно по этимъ выпискамъ, разсказъ ведется въ тонѣ то простодушно-шутливомъ, то задушевномъ, который такъ подходитъ къ малорусскому характеру и который впослѣдствіи былъ такъ удачно примѣненъ въ разсказахъ Марка Вовчка и Кохановской.

Въ зрѣлые годы И. И., поглощенный научными трудами, не отдавалъ своего времени писанію художественныхъ произведеній. И все же иногда душевныя переживанія его отражались въ поэтическихъ формахъ и образахъ. Но это было не для другихъ, а только для самого себя. Никто даже изъ близкихъ не зналъ, что его мысли и чувства изливались въ поэзіи, и только послѣ его смерти при разборѣ бумагъ его нашлось нѣсколько его импровизацій въ стихахъ и прозѣ. Эти чувства и мысли лежали можетъ быть слишкомъ глубоко въ душѣ, слишкомъ дороги были образы, въ которыхъ они проявлялись, чтобъ раскрывать ихъ передъ кѣмъ бы то ни было...

Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, относящемся, какъ кажется, къ 1850-мъ годамъ, отражается глубокая горесть при мысли о разладѣ въ духовной жизни Россіи:

Больна ты, Русь! Твои страданья
Я вижу изъ очей твоихъ:
Полны отваги и желанья,
Но гдѣ же блескъ бывалый ихъ!
И грудь твоя крѣпка; высоко
И гордо поднялась она,
Но дышетъ трудно и глубоко,
Недугомъ злымъ отягчена.
И мышцы буйныя могучи, —
Видать, чѣмъ въ силахъ ты владѣть,
Но въ жилахъ будто ядъ кипучій...
. . . . . .
Не въ силахъ ты владѣть собою,
Не въ силахъ подавить недугъ,
И на призывъ судьбы — мольбою
«Да мимоидетъ» мучишь духъ.
Была врагамъ, друзьямъ грозна ты,
И вотъ — грозна себѣ самой,
Боишься силъ своихъ растраты
Въ борьбѣ святой и роковой.
Больна ты, Русь! Какимъ недугомъ?
Заражена? Отравлена?
Врагомъ ли лютымъ? или другомъ?
Друзьями жъ ты окружена,
И вѣришь имъ такъ простодушно,
Такъ полносердо, что предать
Себя готова благодушно
Ихъ волѣ, будто дѣтямъ мать...



Автографъ И. И. Срезневскаго.

Горькую иронію возбуждаетъ въ немъ пустота, формализмъ, бездушность и самомнѣніе общества:

Не страшны намъ идей заразы,
Не отравить имъ нашихъ думъ:
Мы вѣримъ крѣпко въ силу фразы
И ужь отвыкли вѣрить въ умъ.
На что намъ умъ? На что слѣпая
Въ душѣ и въ дѣлѣ правота?
На что идеи? формы зная,
Мы знаемъ, что онѣ мечта.
Мечта не формы, а идеи,
Мечта зловредная подъ часъ,
Ума разслабшаго затѣя. . .

. . . . . .

Въ слѣдующемъ отрывкѣ слышится печальное чувство живой души, стѣсненной въ сухой, безстрастной средѣ:

Не всѣмъ судьбы однѣ даны...
Вы простодушно равнодушны,
Приличій прихотямъ послушны,
Безстрастны, мирны и умны.
Безъ удивленій и волненій,
Безъ суевѣрій и сомнѣній,
Вы жить счастливо рождены.
А вотъ иной съ душой тревожной,
Все недовольный самъ собой,
Какъ нищій съ бѣдною сумой
За милостынею ничтожной,
Маячитъ по свѣту весь вѣкъ
За чувствомъ сердца не подложнымъ, —
И остается вѣкъ ничтожнымъ,
Между людьми не человѣкъ.
Найдетъ ли, гдѣ бы пріютили
Его бѣднягу сироту,
И жизни мертвенной мечту
Въ живую жизнь преобразили?

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ варіантахъ. Характеръ второго варіанта болѣе спокойный: въ немъ отсутствуютъ послѣднія четыре строки, начало же ведено въ третьемъ лицѣ.

А вотъ глубоко-трогательный отрывокъ, отголосокъ дорогой ему семейной жизни:

«Вѣдь ужь поздно, очень поздно, милое мое дитя! Отчего же не спишь ты? Надо спать. Ну мы походимъ съ тобою. Прильни ко мнѣ покрѣпче, обними мнѣ шею своей ручкой. Вотъ такъ. И не плачь, не пищи. Мамочка наша спитъ. Ей надо заснуть, чтобы къ утру быть здоровою, веселою. И тебѣ заснуть надо, чтобы къ утру быть здоро-

вымъ, веселымъ, чтобы насъ порадовать собою. Спи же, дружокъ мой! а я тебѣ стану разсказывать сказочку про маленькую козочку и про маленькаго мальчика. Козочка по полю гуляла, травку щипала, а маленькій мальчикъ смотрѣлъ за нею, чтобы она не далеко зашла, чтобъ не заблудилась, чтобы ее никто не обидѣлъ. Насталъ вечеръ; козочка съ мальчикомъ домой пришли. Мальчикъ постлалъ ей постельку, уложилъ ее, приласкалъ ее, запѣлъ ей пѣсенку: О-о-о, моя миленькая козочка. Спи да думай, гдѣ бѣгала гуляла, гдѣ травку щипала, какъ домой пришла, на постельку легла. О-о-о, моя козочка, о-о-о, моя милая. И я засну, о-о-о засну, къ тебѣ прильну, не тронуся. . .

«И онъ ходилъ съ своимъ сокровищемъ, обнявъ и поддерживая его обѣими руками, прильнувъ щекой къ его щекѣ, ходилъ и напѣвалъ, прислушиваясь къ дыханью дитяти. А когда оно стало засыпать, онъ сталъ по немногу спускать его на лѣвую руку ниже и ниже, поддерживая правою. И спустилъ его такъ, что дитя легло у него на рукѣ. И все ходилъ еще, но все тише и тише. И сѣлъ. И сказочка все продолжалась, только все тише и тише. Дитя уже крѣпко спало, можно бы его было и на постель отнести; но ему хорошо было съ дитятью своимъ, ему жаль было разстаться съ нимъ, и онъ увѣрялъ себя: «Какъ же отнести его на постель, не равно вдругъ проснется и разбудитъ свою мамочку-кормилицу, а ей нужно спать, чтобъ быть здоровою, веселою. Она вѣритъ мнѣ, какъ и я ей вѣрю: она не будетъ безпокоиться, что дитя ея на рукахъ у меня, и будетъ покойно спать, и проснется утромъ какъ свѣтлое утро». Онъ былъ счастливъ, и какъ еще счастливъ. Былъ счастливъ долго, долго, безъ конца».

Въ 1869 г. судьба свела И. И-ча съ однимъ изъ его университетскихъ товарищей, А. А. Макаровымъ, съ которымъ онъ не видался съ самой студенческой скамьи. Въ университетѣ они, кажется, не были особенно близки, но воспоминанія юности были дороги имъ обоимъ и между ними завязалась дружеская задушевная переписка. Понятіе о ней даютъ письма Макарова, сохранившіяся въ архивѣ И. И-ча. Макаровъ былъ большимъ любителемъ поэзіи и въ письмахъ часто пересыпалъ свою рѣчь и цитатами и стихами собственнаго сочиненія. Повидимому И. И. также нерѣдко отвѣчалъ ему стихами, вспоминая обычаи юношескихъ лѣтъ. Въ его бумагахъ уцѣлѣлъ одинъ черновикъ маленькаго полу-шутливаго стихотворенія, обозначеннаго 28 апр. 1872 г. Стихотвореніе это интересно тѣмъ, что во всѣхъ его двѣнадцати строкахъ повторяются тѣ же самыя двѣ риѳмы.

Ты ли, мой другъ это? Милый мой, ты-ли?
Да и мастеръ какой! ну, виватъ!
Ну такъ созвучія, знать, и тебя полонили!
И тебѣ они духъ кипятятъ!
Мы ли съ тобой это? Боже мой, мы ли?
Вѣдь и мнѣ и тебѣ шестьдесятъ.

. . . . . .

Къ сожалѣнію судьба писемъ И. И-ча къ Макарову совершенно неизвѣстна. А они могли бы быть важнымъ матеріаломъ для его характеристики, такъ какъ, судя по отвѣтамъ Макарова, И. И. писалъ ему откровенно о многомъ . . .

Глубокимъ чувствомъ и поэтическимъ настроеніемъ проникнуты рѣчи, которыя И. И. произносилъ при многихъ торжественныхъ случаяхъ. Отмѣтимъ его рѣчь надъ мо-

гилой Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, надъ гробомъ гр. Головкина, надъ могилой А. Х. Востокова, на торжествѣ празднованія пятидесятилѣтія Харьковскаго университета, при открытіи археологическаго съѣзда и особенно замѣчательную рѣчь въ день столѣтія смерти Ломоносова.

Рѣчь въ память Квитки была напечатана много лѣтъ спустя послѣ смерти И. И-ча въ Русской Старинѣ (1893, т. 79, № 8, стр. 388—390). Все же, кажется, не лишне будетъ привести здѣсь отрывокъ изъ нея.

. . . «Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ вѣры и науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украинѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ, и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ такъ, что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простого селянина, не понимавшаго дотолѣ силы слова.

. . . «Взойдемъ ли въ одно изъ нашихъ святилищъ закона и правосудія, — и вспомнимъ, что и онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовью къ отечеству, любовью къ людямъ, любовью къ правдѣ, — ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчалъ судьбу виновнаго, или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія, — судилъ, возносясь душою къ Подателю святыхъ совѣтовъ.

«Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. . . Жизнь его вся была служеніемъ Богу и отчизнѣ.

«Этого ли мало, чтобы помнить покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться передъ могилой его, этимъ общимъ нашимъ достояніемъ, къ которому сходиться будемъ, какъ сходились къ живому за мыслью и утѣшеніемъ. . .».

Этотъ отрывокъ рѣчи, сказанной въ 1843 г. надъ гробомъ Квитки, можно дополнить словами изъ письма И. И-ча Н. И. Костомарову, прочитаннаго на торжественномъ обѣдѣ въ день столѣтней годовщины рожденія Квитки, въ ноябрѣ 1878 г.

«Жизнь Квитки Основьяненка, какъ человѣка и какъ писателя, лилась однимъ русломъ и тою же чистой волной любви къ человѣку, къ родинѣ и къ отечеству, къ просвѣщенію, правдѣ и всякому добру. Если бы изъ среды такихъ общественныхъ дѣятелей, какимъ былъ онъ, являлось у насъ болѣе писателей, и если бы изъ среды такихъ писателей являлось у насъ болѣе общественныхъ дѣятелей, то всѣмъ бы жилось лучше, покойнѣе и полнѣе[1])».

Въ 1855 г. праздновалось пятидесятилѣтіе Харьковскаго университета. И въ Петербургѣ, гдѣ жило много бывшихъ харьковскихъ студентовъ, было по этому случаю торжественное собраніе и обѣдъ, на которомъ И. И. сказалъ одушевленную рѣчь.

. .«Конечно, мы ни себѣ, ни другимъ», говоритъ онъ въ этой рѣчи, «не простимъ нерадѣнія къ добру, — но тѣмъ глубже въ сердцѣ нашемъ *память* добра, та память добра, которая, не гоняясь за блудячими огнями, за блестками, за эффектами, защищаетъ отъ забвенія все истинно-честное, благотворное. Правда о злѣ необходима,

---

1) Р. Старина 1893 т. 79, № 8, стр. 390—392.

но ея одной мало: она еще не влечетъ къ добру, Богъ вѣсть—истребляетъ ли и зло. А *правдивая память добра*— о, она навѣрно влечетъ только къ добру, живитъ общую любовь къ нему, возбуждаетъ соревнованіе, развиваетъ силы, вызываетъ на жертвы. Дай Богъ намъ поболѣе памяти добра. Вспомнимъ ею и мы, что сдѣлано нашимъ университетомъ.

. . . «Можетъ быть и многія искры священнаго пламени знанія и мысли потухали въ немъ самомъ безъ передачи, и многія были тушимы, или гасли въ рукахъ принимавшихъ. Но гасли только случайно отдѣльныя искры его, а не пламя. Поколѣнія наставниковъ и питомцевъ одно другому завѣщевало беречь его, и оно, святое, горѣло чисто, непомерцаемо. Гасли искры, но многія изъ нихъ, казалось, потухшія, изъ подъ пепла выбивали свой огонь, и онъ вновь разгорался.

«Горитъ оно, это святое пламя, въ каждомъ изъ насъ своею теплою, свѣтлою искрой. Не оно ли соединило насъ и теперь въ одну братскую семью?

«Въ сіяніи свѣта нельзя видѣть ничего кромѣ свѣта. Въ свѣтѣ добра — одно добро. И въ нашемъ прошломъ его много, много!»

Богатая по содержанію и сжатая по выраженію мыслей рѣчь надъ гробомъ Востокова проникнута глубокимъ чувствомъ почитанія и любви къ усопшему, которыми было полно сердце И. И-ча. Вотъ она въ нѣсколькихъ отрывкахъ:

«Давно уже не раскрывалась въ землѣ русской могила для принятія останковъ такого дѣятеля науки, какимъ былъ нами теперь утраченный Востоковъ. Мы у гроба вожатая науки слова въ славянствѣ, у гроба основателя,

патріарха славянской филологіи. Въ начальныхъ трудахъ его тотъ, кто до него сосредоточивалъ въ себѣ всю эту область знаній, незабвенный Добровскій, увидѣлъ зарю новаго свѣта, затмившую то, что прежде казалось ему свѣтомъ. Высшіе представители славянской научной дѣятельности послѣ Добровскаго... признавъ себя учениками Востокова, дорожили каждымъ его словомъ... И могло ли быть иначе, когда онъ, Востоковъ, первый вскрылъ законы древняго строя и состава языка славянъ, первый далъ этой отрасли знаній твердое научное значеніе... Не такъ замѣтна для большинства, но не менѣе важна его другая заслуга, заслуга для тѣхъ, кто хотятъ трудиться на нивѣ науки и ищутъ образцовъ для предпринимаемыхъ ими работъ: каждый трудъ Востокова есть такой образецъ...

...«Чувство признательности къ великимъ заслугамъ усопшаго само изъ себя вырождаетъ чувство скорби объ утратѣ его, и слеза невольно падаетъ на этотъ прахъ, какъ будто бы съ нимъ должно сойти въ могилу все, что дала намъ сила духа, его оживлявшаго. Многаго, конечно, мы лишились, мы, его товарищи, чтившіе его какъ дѣти отца, какъ ученики наставника, имъ направляемые, имъ поддерживаемые въ нашихъ посильныхъ трудахъ. Не будетъ для насъ его слова совѣта, добра и правды, какъ не будетъ передъ нами его простодушно-величаваго взгляда мудреца, вызывающаго только истину, оцѣняющаго только добро, мирнаго въ правотѣ своей и праваго въ своемъ миролюбіи. Но въ самой скорби о такой утратѣ есть что-то возвышающее душу, успокаивающее. Востоковъ сдѣлалъ все, чего достигалъ: не осталось у него желанія неисполненнаго, не осталось труда неоконченнаго. И эти

труды его, уже произведшіе сильное вліяніе на науку и на образованіе, только начали приносить плоды. Лучшее будущее для нихъ еще впереди. Они будутъ дѣйствовать, какъ силы не слабѣющія, а возрастающія, будутъ дѣйствовать и сами собою, и тѣмъ, что вызовутъ собою, что выступившія и за ними послѣдующія поколѣнія поведутъ дѣло, начатое первымъ вожатаемъ, далѣе по указанному имъ пути.

«Счастливъ, кто могъ такъ прожить и оставить такое наслѣдство потомству и отечеству».

Невозможно не привести хоть отрывокъ изъ рѣчи въ день столѣтія смерти Ломоносова 4 апр. 1865 г.

...«И вотъ его образъ, его дѣла, его слово и душа опять передъ нами. Опять передъ нами, и въ новомъ свѣтѣ. Для насъ онъ не просто геніальный человѣкъ, ученый, писатель; для насъ онъ гражданинъ, подвижникъ, совѣтникъ народа. Не будетъ онъ восторгать своими одами и рѣчами, не будетъ объяснять истинъ науки своими изслѣдованіями, своей физикой, металлургіей, грамматикой, реторикой, исторіей; а будетъ учить, какъ жить, думать, чувствовать.

«Жизнь его будетъ намъ указывать, какъ намъ жить, чтобъ не напрасно называться русскими.

«Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводящій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что̀ нужно намъ русскимъ: вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его. Путеводныя правила такой жизни просты:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно — чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Любя его, люби науку. Она намъ необходима — строгая

въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія.

«Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ»...

Сила поэтическаго творчества прорывалась иногда и въ серьезныхъ трудахъ И. И-ча. Когда предметъ, о которомъ онъ говорилъ, затрагивалъ глубоко его душу, рѣчь его проникалась горячимъ чувствомъ и оживлялась поэтическою образностью. Нѣкоторыя страницы «Мыслей объ исторіи Русскаго языка», воспоминаній о почившихъ дѣятеляхъ, бесѣдъ «Объ изученіи родного языка» даютъ примѣры такого одушевленія. Въ первой бесѣдѣ «Объ изученіи родного языка» таковы строки, въ которыхъ выражается мысль о великомъ значеніи матери въ дѣлѣ развитія дитяти:

«При заботливомъ наблюденіи этихъ правилъ цѣль, достигаемая въ первую пору обученія дѣтей родному языку, легко достижима; дай Богъ, чтобы такъ же легко достигались другія цѣли, достигаемыя позже. Легко достижима она, если только дитя идетъ къ ней подъ крыломъ любви материнской, любви ли самой матери или кого другого, заступающаго ея мѣсто, но все-таки любви материнской, той чистой, безкорыстно-заботливой и никогда не слабѣющей, святой любви, съ которою никакая другая сравниться не можетъ. О еслибы только помнили одинаково всѣ матери, что значитъ жить на свѣтѣ безъ этой любви и самой матери,

и дитяти, узнавая хоть отъ нанимаемыхъ ими нянь или наставницъ, какъ нуждается дитя въ этой любви, какъ вызываетъ ее и въ нихъ, случайно къ нему призванныхъ, и какими радостями наполняетъ душу. О еслибы всѣ матери одинаково понимали, что отъ этой любви зависитъ все будущее человѣка!».

II.

ВЗГЛЯДЫ НА ПОЭЗІЮ. — ОТНОШЕНІЯ КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ.

Съ молодости знакомый со всѣми литературами Европы, Н. П. постоянно поддерживалъ и расширялъ въ себѣ эти знанія: перечитывалъ давно извѣстное, любимое, знакомился съ новымъ. Чтеніе художественныхъ произведеній было для него необходимою потребностью. «Не совсѣмъ доволенъ я днемъ», писалъ онъ одному знакомому, «если не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». Часто по вечерамъ онъ читалъ вслухъ въ семейномъ кругу или слушалъ кого нибудь изъ своихъ дѣтей; всегда читалъ передъ сномъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ шутливо: «Пренесносные Misérables: они виноваты, что и письмо мое хуже, чѣмъ бы смѣло быть. Голова занята ими, не только время»[1]). Даже въ самые послѣдніе дни своей жизни, уже совсѣмъ больной и слабый физически, онъ перечитывалъ одну изъ своихъ любимыхъ книгъ, «Войну и Миръ».

Его душевная чистота, строгая нравственность и высокое почитаніе семейныхъ началъ дали особое направленіе

---

[1]) Къ А. Ѳ. Вельтману, іюль 1862 г.

его требованіямъ. Бывало, что онъ относился холодно къ знаменитымъ произведеніямъ литературы, въ которыхъ не находилъ пищи для своей души, и наоборотъ, если находилъ эту пищу, то забывалъ о внѣшнихъ недостаткахъ — видѣлъ ихъ, но не придавалъ имъ первенствующаго значенія. Замѣчательно одно изъ его писемъ къ Н. А. Чаеву, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды на поэзію.

Н. А. Чаевъ, ставшій въ то время извѣстнымъ своими романами «Подспудныя силы» и «Богатыри» и нѣсколькими драматическими произведеніями, былъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, очень близокъ Н. И-чу по духу. Между ними велась переписка, правда, не очень частая, но задушевная и полная взаимнаго довѣрія. Въ одномъ письмѣ Н. Н. пишетъ Чаеву, что ему хотѣлось бы говорить съ нимъ, «высказаться живымъ словомъ, которое всегда теплѣе, искреннѣе, чѣмъ написанное, холодно обдуманное или по крайней мѣрѣ считаемое такимъ, и потому очень часто пренебрегаемое сердцемъ»... «Если не съ перваго разу», говоритъ онъ, «то по немногу вы сочтете не совершенно ненужнымъ слушать исповѣдь старика не злого, не желающаго сердить»...

Чаевъ высоко цѣнилъ и чтилъ Н. И-ча и нерѣдко обращался къ нему за совѣтомъ. Посылая ему новое свое произведеніе «Надю», онъ пишетъ: «Снисходительное, теплое вниманіе ваше къ трудамъ моимъ, въ наше зимнее, замораживающее робкіе побѣги родного творчества время, грѣло, грѣетъ меня и будетъ грѣть; стало быть вамъ, какъ участнику моего дѣла, *я обязанъ больше чѣмъ на половину* тѣмъ, что не бросаю его и работаю»... Хотѣлось мнѣ лично представить вамъ мою

погудку . . . Если не удастся, то позвольте мнѣ попросить совѣта вашего письменно. Ваше теплое слово, запавшее глубоко въ сердце мое, даетъ мнѣ смѣлость на это и нѣкоторое право».

Въ другихъ письмахъ пишетъ онъ: «Такіе читатели какъ вы, соединившіе въ себѣ и просвѣщенный взглядъ и тепло̀ душевное . . ., и поощряютъ къ труду, и заставляютъ держать ухо востро писателя» . . . «Ваше слово ободряетъ меня и живитъ: иначе работаешь, когда по временамъ слышишь „Помогай Богъ“ такихъ людей, теплыхъ, юныхъ при зрѣлости, какъ вы».

Послѣднія слова служатъ отвѣтомъ именно на то письмо, которое упомянуто выше. Оно настолько ярко выражаетъ Измаила Ивановича, что его нельзя не привести цѣликомъ:

«За недѣлю передъ этимъ, 6-го апр. я началъ писать къ вамъ письмо, едва только освободившись отъ обязательныхъ занятій; написалъ три страницы — и не кончивъ, пошелъ на ночной покой. Утромъ перечелъ — и рѣшился бросить написанное: такъ оно мнѣ не понравилось. Не рѣдко приходится мнѣ это дѣлать съ тѣмъ, что должно идти въ печать, и почти никогда съ письмами; но за то очень рѣдко приходится мнѣ и писать такія письма, какое хотѣлъ написать вамъ. Бросивъ написанное, я сталъ думать, ка̀къ же написать вамъ то, что хочется вамъ высказать. Думалъ каждый день, почти за каждою работой — и все-таки не додумался. А между тѣмъ надо исповѣдаться въ постные дни: надо написать вамъ письмо сегодня или непремѣнно завтра. Вотъ я и взялся за листокъ. Ка̀къ что напишется, не знаю; одно знаю: еслибы я не уважалъ васъ и не былъ бы глубоко благодаренъ за душевныя наслажденія, мнѣ

вами данныя, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ увѣренъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ убѣжденій обоимъ намъ общи, то я бы не сталъ вамъ писать о томъ и такъ, о чемъ и какъ рѣшаюсь.

«Отмѣчу прежде всего нѣкоторыя изъ убѣжденій, намъ обоимъ — какъ я полагаю — общихъ.

«— Мы вѣримъ въ жизнь добра во всякомъ человѣкѣ: какими бы тяжелыми и толстыми слоями ни покрывало его все недоброе, добро въ душѣ человѣка не пропадетъ, и, можетъ случиться, выбьется изъ подъ гнета, разнесетъ его — силою сочувствія къ добру, для него внѣшнему, вызывающему.

«—Мы вѣримъ въ необходимость задушевности, чистой и теплой искренности въ отношеніяхъ съ себѣ подобными, хотя съ немногими, если нельзя со многими, въ необходимость дѣлиться мыслію и чувствомъ, радостью и горемъ, и даже не дѣлясь, однимъ довѣряться, отъ другихъ ждать довѣренности, быть ея достойнымъ.

«—Мы вѣримъ высокому значенію достоинства въ человѣкѣ, и чѣмъ гдѣ видимъ его болѣе освобожденнымъ отъ чего бы то ни было его унижающаго, тѣмъ болѣе невольно почитаемъ человѣка, имъ овладѣвшаго,

«—Мы вѣримъ потребности искать истины посредствомъ правды и правды посредствомъ добытой истины, какъ бы мелочная опытность ни обольщала насъ увѣреніями, что выгодно искать истины и правды посредствомъ лжи и обмана.

«—Мы вѣримъ необходимости художества—или лучше сказать — поэзіи, какое художество ни взяла бы она какъ орудіе, вѣримъ необходимости поэзіи, какъ силы, могущей вызвать къ жизни всякую другую внутреннюю силу; бѣденъ

и жалокъ человѣкъ, который никогда не нуждался и не понуждается въ этой силѣ. Очень, очень многіе чувствуютъ ее и не умѣютъ назвать, даже не нуждаются въ отвлеченіи названіемъ; многіе чувствуютъ и умѣютъ назвать, но не то что чувствуютъ, а что принято называть, чувство само по себѣ, имя само по себѣ; очень немногіе къ счастью знаютъ только имя, какъ слѣпой названіе цвѣта. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ людей самые властные и самые прихотливые тѣ многіе, которые въ себѣ чувствуютъ силу поэзіи и независимо отъ этого умѣютъ владѣть именемъ поэзіи, а равно и именами художества, искусства, мастерства и всего подобнаго. . .

«Я бы желалъ принадлежать и кажется принадлежу не къ этому отдѣлу людей, а къ обширному первому, хотя и употребляю и по своему осмысляю слова: поэзія, художество и пр. Желалъ бы, чтобы и вы принадлежали къ этому же отдѣлу. . . И тутъ-то начинается моя исповѣдь. Каюсь, грѣшный, каюсь искренно, чистосердечно, каюсь и — не покаюсь, грѣшнымъ и останусь, опираясь на убѣжденіяхъ, выше высказанныхъ, принимаемыхъ мною за наши общія.

«Для меня никакіе подборы и сочетанія красокъ, линій, звуковъ, словъ, образовъ, восклицаній, тѣлодвиженій — не поэзія; никакая завѣдомая ложь, никакая поддѣлка, какъ и никакое отсутствіе живого человѣческаго смысла — не поэзія; никакое озлобленіе, никакая насмѣшка — не поэзія. Для меня поэзія—сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка, освѣщающая невидное, освѣтляющая зрѣніе слѣпого, умудряющая немудраго, вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго, къ достоинству имъ

пренебрегшаго — сила задушевной правды, передуманной и перечувствованной, заставляющей чувствовать и думать всею душею. Она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе. Всякое художество можетъ быть ея орудіемъ, но всякое само по себѣ, только потому что можетъ быть ея орудіемъ, не непремѣнно должно быть движимо только ею. Подлинный царь остается царемъ и не въ царской одеждѣ; а царское платье видятъ чаще всего на актерахъ, а не на царяхъ. И что бываетъ съ царскимъ платьемъ актеровъ, то бываетъ и съ художествомъ: это не настоящее царское платье, а поддѣлка, не художество, а мастерство, мастерство подобострастное, приниженное, мелко угодливое — и вмѣстѣ съ тѣмъ чванное, самоувѣренное, властительное, что-то въ родѣ модистки, повинующейся модной картинкѣ и никакому живому самостоятельному вкусу, смѣло защищающей всякое безобразіе, пока оно не смѣнится другимъ безобразіемъ, и не желающей понять красоты; или же иногда что-то въ родѣ паяца, продѣлывающаго разные невозможные фокусы, но не просто фокусника, а каліостра, движущагося и движущаго силою, простому смертному недоступною. Можно быть обманутымъ, конечно, можно принять и мастерство за художество, и художество не за орудіе только поэзіи, а за самую поэзію; но нельзя стараться быть обманутымъ и довольствоваться обманомъ какъ правдою. Мнѣ случалось видѣть молящихся подъ звуки голоса поющихъ молитву: какая молитва, о чемъ она — молящійся не знаетъ, и голоса поющихъ не благообразны; но молящійся молится всею душею, самъ себѣ созидая молитву, и напѣваетъ ее про себя голосомъ сердца. Такимъ молящимся можетъ быть всякій человѣкъ, дви-

жимый внутреннею силою поэзіи, при содѣйствіи всякаго художества — совершенно помимо вліянія художника. Можно вѣдь молиться и передъ образомъ, котораго не видишь, молиться и ничего не видя и не слыша, ничего видимаго не представляя, можно молиться и передъ образомъ издѣлія дюжиннаго богомаза, и тепло молиться — не по силѣ творческаго дѣйствія этого богомаза, а по внутренней только силѣ. Тутъ даже и обмана нѣтъ: тутъ душевная жажда сама по себѣ, а все другое само по себѣ.

«Но если поэтъ почуялъ въ себѣ не только душевную жажду задушевной правды, а еще и дѣятельную силу удовлетворять этой жаждѣ другихъ, не долженъ ли онъ стараться сознательно овладѣть этой силой, именно тою ея долей, какую онъ чувствуетъ въ себѣ про себя болѣе всякой другой, не подчиняясь никакому внѣшнему давленію, а его подчиняя себѣ? Онъ долженъ подѣлиться съ другими своею милою, дорогою, ничѣмъ не замѣнимою задушевною правдой, много разъ перечувствованною и передуманной; но ею только, а ничѣмъ другимъ вмѣсто нея или вмѣстѣ съ нею.

«И вы, Чаевъ, владѣете этою силой задушевной правды, вы, какъ силачъ, можете управлять посредствомъ нея другими, сами того не замѣчая. Она пробивается тамъ, гдѣ вы не ждали, и вызываетъ сочувствіе въ тѣхъ, о комъ не думали. Назойливо повторю, о чемъ писалъ вамъ когда то: «Подпудныя силы» ваши были читаемы и перечитываемы мною и нами не для наполненія чѣмъ нибудь пустого времени, а для утоленія жажды душевной, и утоляли ее въ цѣлой семьѣ, въ семьѣ не неразборчивой въ этомъ отношеніи, утоляли ее задушевно правдивымъ чутьемъ добра въ человѣкѣ, чутьемъ его собственнаго чутья этого добра,

сочувствіемъ ко всему человѣческому. Я душевно благодаренъ вамъ за «Подспудныя силы», какъ членъ семьи и какъ отецъ ея, чувствуя, что онѣ въ насъ вызывали наши подспудныя силы. Подспудныя силы, Копперфильдъ, Чилингли, Дѣтство и Отрочество, Война и Миръ — и еще очень немногое въ томъ же родѣ люблю я не какъ любовникъ, а какъ любящій, не влюбленный, а вѣрный привязанности. По дорогѣ «Подспудныхъ силъ» лежитъ путь вашей силы, могъ я сказать, не зная васъ лично. Еще смѣлѣе могу это повторить теперь, проведши съ вами нѣсколько долгихъ вечеровъ. Вы можете всѣмъ увлечься, такъ что самое дорогое останется на днѣ души; но пока не поднимется на верхъ это дорогое, увлеченіе ваше будетъ скорѣе забытье, чѣмъ сознательное увлеченіе. Во многомъ вы можете быть мастеромъ и художникомъ; но поэтомъ— именно въ томъ, въ чемъ и въ «Подспудныхъ силахъ».

«И въ этомъ то мы, жаждущіе, всего болѣе нуждаемся. За недостаткомъ чистой воды изъ источника приходится инымъ — и многимъ — пить всякую грязь, и привыкая къ ней, а не къ ней, такъ къ горѣлкѣ, доходить до того, что чистая вода для утоленія жажды не годится, а годится развѣ какъ лѣкарство. Это ли не горе?.. Не горе ли, что и поэтъ Войны и Мира пустился утолять жажду читателей и почитателей грязью и горѣлкой!

«Ночь заставляетъ окончить исповѣдь. Скверно, но искренно высказался я. Жаль будетъ, если вы скажете на это: искренно, но скверно».

Послѣднія строки этого письма относятся къ «Аннѣ Карениной». Признавая всю глубину и красоту этого произведенія, П. И. не могъ любить его: художественные образы его были ему не по душѣ и не были по его мнѣнію

способны давать чистое наслажденіе въ семейномъ кругу. Можно припомнить, что появившіяся въ Русскомъ Вѣстникѣ первыя главы «Анны Карениной», И. И. тотчасъ же началъ читать вслухъ своимъ, спѣша подѣлиться съ ними радостью, которую онъ ждалъ отъ новаго произведенія Толстого; но слѣдующія книжки онъ читалъ уже одинъ.

Замѣчательно, что И. И. говоритъ Чаеву только о его «Подспудныхъ силахъ», между тѣмъ какъ письмо его писано уже послѣ выхода въ свѣтъ «Богатырей». Раньше И. И. высказывалъ Чаеву удовольствіе, которое доставило ему чтеніе «Богатырей», но хвалилъ въ нихъ болѣе внѣшнія достоинства. «Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія» писалъ онъ ему. «Любуемся и простотою, задушевностью разсказа, и вѣрностью подробностей (нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, какъ напр. барскій домъ прошлаго вѣка, мнѣ извѣстны близко), и мѣткой очерченности характеровъ, и художническому умѣнью ихъ сопоставлять какъ звуки въ аккордѣ. Особенно это послѣднее падаетъ мнѣ на душу всего сильнѣе. Когда то эту силу искусства я чувствовалъ только, не понимая, отчего она такъ могущественна. Теперь, поняв ее, я тѣмъ болѣе поддаюсь ей, чѣмъ она болѣе безъискусственна, и не могу не дорожить ею въ писателѣ. Я уже не говорю о занимательности вашего разсказа, не зависящей вовсе отъ желанія знать, что будетъ далѣе. Да, вы — мастеръ, и слава Богу. Мастера намъ нужны. О, какъ еще нужны! Если бы для всего были у насъ мастера — хоть бы даже и не такіе, какъ вы въ своемъ дѣлѣ, только съ тою же любовью къ своему дѣлу, какая дышетъ въ васъ!».

Въ другой разъ, тоже въ письмѣ къ Чаеву, И. И. высказываетъ свои взгляды по поводу послѣднихъ произведеній Тургенева и Майкова.

«Не совсѣмъ пріятно провелъ я время и съ «Вешними водами». Въ сопостановкѣ и обрисовкѣ характеровъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ содержанія, въ легкости и выразительности изложенія и языка Тургеневъ и тутъ мнѣ показался мастеромъ; но когда я кончилъ чтеніе (я впрочемъ дочелъ до выѣзда Полозовыхъ изъ Висбадена — и затѣмъ перебросился къ послѣднимъ страницамъ), мнѣ стало грустно, что и Тургеневъ не можетъ не подчиняться напускнымъ убѣжденіямъ недорослыхъ своевольниковъ и какъ будто любитъ рисоваться недорослемъ, не думая о своемъ долгѣ писателя или не понимая этого святого долга. Какъ затянулъ одну пѣсенку съ голосу юныхъ безсемейныхъ брезгуновъ, что у насъ людей нѣтъ, такъ и тянетъ, и тянетъ. Удивляюсь, какъ ему самому не наскучитъ, если ужь не въ силахъ подумать, что это можетъ наскучить другимъ, и что это пристрастіе его къ одной и той же пѣсенкѣ можетъ быть принято и за неумѣнье пропѣть другую. А между тѣмъ пѣсня другая намъ нужна; ее ждутъ многіе добрые люди, многія добрыя семьи и отъ него, чтобы не дать себѣ права обходить его, пѣсня не лжи, а правды... Пойте ее, пойте, чтобы веселѣе было на душѣ и вамъ самимъ, и всѣмъ, кто васъ слышитъ.

«Невольно вспомнилась прошедшая суббота. У насъ былъ А. Н. Майковъ и читалъ свое новое произведеніе «Смерть Люція». Люцій тутъ и тотъ, котораго знаемъ по прежде написанному, и не тотъ, — живѣе, яснѣе, самобытнѣе, — и окруженъ такимъ разнообразнымъ множествомъ лицъ живыхъ, ясныхъ, самостоятельныхъ, что невольно увлекаешься, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе чѣмъ увлекаешься. Не говорю уже о языкѣ и стихѣ. Мнѣ кажется, что если бы устранены были нѣкоторыя натянутости по-

ложеній, то это было бы не только лучшее изъ произведеній Майкова, но и одно изъ лучшихъ новыхъ произведеній нашего поэтическаго творчества и вообще изъ произведеній новой поэзіи христіанской, т. е. той, которая вдохновляется и вдохновляетъ образами христіанскаго круга, еще сжатаго извнѣ язычествомъ. Жду съ нетерпѣніемъ случая еще хоть разъ прослушать прежде нежели оно появится въ печати, и вмѣстѣ хотѣлось бы, чтобъ Майковъ не спѣшилъ печатать, а еще бы выдѣлалъ то и другое».

Здѣсь идетъ рѣчь о переработкѣ драматической поэмы А. Н. Майкова, которая впослѣдствіи получила названіе «Два мира». Она была напечатана въ томъ же 1872 г., когда писано это письмо, но желаніе И. И. всетаки исполнилось: Майковъ продолжалъ обдумывать свое произведеніе и отдѣлывать его и окончательная обработка его появилась въ свѣтъ только въ 1881 г.

Чтенія, подобныя тому, о которомъ И. И. разсказываетъ Чаеву, бывали въ его домѣ нерѣдко.

Съ А. Н. Майковымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ издавна, почти со времени своего переселенія изъ Харькова въ Петербургъ. Ихъ сблизила общность взглядовъ, одинаковость требованій, одинаково чистая любовь къ поэзіи.

Майковъ нашелъ въ И. И-чѣ сочувствующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго цѣнителя, внимательнаго и вдумчиваго совѣтника. Онъ сталъ иногда прочитывать ему свои произведенія, прежде чѣмъ отдавать ихъ въ печать и принимать во вниманіе его замѣчанія; случалось, что дѣлалъ и значительныя исправленія по его указаніямъ. Особенно оживленны были эти поэтическія бесѣды въ 1854 г., когда рядъ стихотвореній Майкова печатался въ Извѣстіяхъ,

которыхъ редакторомъ былъ Срезневскій. На этомъ эпизодѣ жизни И. И-ча интересно остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ еще съ новой стороны рисуетъ его отношеніе къ поэзіи.

Въ архивѣ И. И-ча сохранилось нѣсколько относящихся къ тому времени писемъ и корректурныхъ листовъ съ поправками его и Майкова. Писемъ, къ сожалѣнію, немного: Майковъ и Срезневскій жили близко другъ отъ друга и сообщаться устными бесѣдами имъ было можетъ быть даже удобнѣе, чѣмъ письменными. Кромѣ того А. Н. очевидно остерегался отнимать много времени у И. И-ча. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ это прямо: «Совѣстно получать отъ васъ такія длинныя письма... вѣдь укралъ у васъ время». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Уваженіе къ вашему времени и трудамъ обуздываетъ мои порывы». Но все же сохранившіяся письма и корректуры даютъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ чертъ къ исторіи духовной жизни и дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ числѣ стихотвореній, которыя должны были быть напечатаны въ Извѣстіяхъ, былъ «Клермонтскій соборъ». Эта поэма, написанная въ 1853 г., въ началѣ давала только яркую картину собора въ Клермонтѣ, когда одушевленное воззваніе странника подняло все рыцарство и повело его въ крестовый походъ. Въ 1854 г. подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго Крымскою войной, А. Н. присоединилъ къ своей поэмѣ заключеніе, въ которомъ противопоставилъ одушевленію средневѣкового запада, шедшаго войной противъ невѣрныхъ за христіанство, — то сочувствіе, съ которымъ Европа XIX вѣка помогала туркамъ противъ христіанской Россіи. Въ этомъ видѣ «Клермонтскій соборъ» былъ

напечатанъ въ «Отечественныхъ запискахъ». Приготовляя нѣсколько патріотическихъ стихотвореній для «Извѣстій», Майковъ присоединилъ къ нимъ и «Клермонтскій соборъ» съ новыми добавленіями и передѣлками въ этой второй заключительной части. Въ архивѣ И. И-ча хранится оттискъ изъ «Отеч. Зап.» съ карандашными поправками А. Н-ча и переписанныя его же рукой поправки на отдѣльномъ листкѣ. Перечитывая напечатанное въ «Отеч. Зап.», И. И. обратилъ вниманіе на строки, въ которыхъ изображалась Русь современная крестовымъ походамъ:

«Тогда, отставшая отъ братій,
Россія дѣтскою рукой
Училась пробовать въ набѣгахъ
Свой мечъ на лютыхъ печенѣгахъ;
Тогда крещенія вода
Едва чело ей окропила
И къ жизни сердце пробудила;
Едва рубила города
Она по дебрямъ одичалымъ;
Чужда высокимъ идеаламъ,
И міру цѣлому чужда,
Одной съ нимъ жизнью не дышала,
Одной съ нимъ чаши не пила.
Теперь чреда ея пришла,
Ей двигать міръ пора настала
И въ недоконченный походъ
За гробъ Христа она идетъ».

И. И. замѣтилъ Майкову, что изображеніе Руси здѣсь не вѣрно, такъ какъ она еще больше запада въ тѣ времена должна была бороться съ врагами, нападавшими на Европу

изъ Азіи. Это замѣчаніе вызвало, по всей вѣроятности, продолжительный разговоръ. А. Н. возражалъ, какъ онъ самъ указываетъ въ слѣдующемъ письмѣ; но доводы И. И-ча убѣдили его и Русь предстала передъ нимъ въ новомъ видѣ. Возвратившись домой, онъ пишетъ Срезневскому:

«Почтеннѣйшій и глубокоуважаемый и любимый мною Измаилъ Ивановичъ! Вы — причина великаго для меня огорченія! Зачѣмъ меня судьба свела съ вами! Зачѣмъ я не зналъ того прежде, что отъ васъ узналъ! Вѣдь выходитъ, что Клермонтскій соборъ никуда не годится, чѣмъ я болѣе вдумываюсь въ ваши слова! Я до васъ имѣлъ именно то понятіе объ XI вѣкѣ въ Россіи, какъ его очертилъ въ Клерм. соб., и какъ насъ учили въ университетѣ, и какъ его представляла наша наука, не занявшись еще тщательнымъ разборомъ памятниковъ. Оттого то я и брыкался какъ упрямая лошадь на ваши замѣчанія. По тому же что вы открыли мнѣ, оказывается, что Россія была тогда гораздо образованнѣе тогдашняго Запада. — Я радуюсь за Россію, но скорблю за себя, ибо пьеса моя должна пасть отъ невѣрности историческихъ основаній. Перестроить же ее невозможно: лопнетъ весь силлогизмъ пьесы. Лучше ее бросить. Для того чтобъ нарисовать новую картину — надобно годъ жизни по крайней мѣрѣ, чтобъ брать черты не наобумъ, а чтобъ онѣ вышли сами собою; тогда только онѣ не будутъ казаться поддѣльными. Лучше ее бросить, — а если ужь печатать, то только потому, что она имѣла въ свое время вліяніе и значеніе. Но опять повторяю — виноватъ не я, а наши историки, и то еще, что наши ученые трудятся еще пока другъ для друга, печатаютъ памятники на непонятномъ языкѣ и ероглифическими буквами. Вообще еще между нихъ мученическаго вѣнца достойными подвигами и

нами, публикой, стоитъ стѣна непоборимая. Нашъ братъ посмотритъ на эти буквы, да и скажетъ — Lasciate ogni speranza. . . А все таки спасибо вамъ—если пьеса и упала, я за то выигралъ и впередъ буду умнѣе. Пишу вамъ это письмо во свидѣтельство того, что я отрекся отъ картины Руси XI столѣтія, начертанной мною въ Кл. Соборѣ, и что еще не имѣю силъ и образовъ перестроить ее. Когда нибудь заглажу вину передъ Кліо, — особенно если судьба наткнетъ меня на трудъ по этой части: охъ, какъ бы жарко принялся».

На слѣдующій день на томъ же письмѣ Майковъ приписываетъ:

«Это писано вчера, а сегодня пишу: Ура! ура! Измаилъ Ивановичъ! честь вамъ и спасибо: передѣлалъ конецъ Клерм. собора; только ради Создателя, пришлите рѣчь Илларіона — я отъ нея не спалъ ночь — нужно.

«Простите, что докучаю собою. Но, ради Бога, говорите со мной всегда о русской исторіи, сообщайте, указывайте всѣ новыя мысли, кои выходятъ изъ подъ пера нашихъ ученыхъ! Не поскучайте!»

И. И. тотчасъ же отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

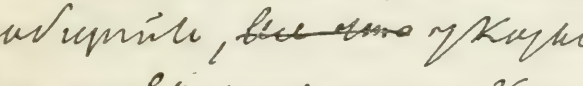
«Опираясь на пословицу «долгъ платежемъ красенъ», я рѣшаюсь отвѣчать на ваше письмо, добрѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, такимъ же письмомъ, но на скоро, чтобы только высказаться и этимъ хоть сколько нибудь оправдать свою рѣшимость въ изустномъ разговорѣ съ вами.

«Христіанину не приходится безъ сочувствія вспоминать о храбрецахъ Запада 1096—1099 годовъ, о тѣхъ храбрецахъ, которые въ силу своей рѣшимости успѣли вырвать Іерусалимъ изъ когтей невѣрныхъ. Но что ихъ вооружило этой великодушной рѣшимостью? Духъ ли христіанской

Nb. Это писано вчера, а сегодня пишу: чуди! чуди! Прасковья Ивановна! чтобъ Вашъ и спитъ: перерѣзанъ Конецъ Клеры. Сабура, только ради Солдатовъ, пришлите рѣчь Императора — а что нет не спать ночь — нужно.

Простите что дерзко собаю но, ради Бога, говорите со Мной всегда о русской исторіи, сообщайте, ~~все что~~ чрезвычайно все новыя лекціи, как вчера дай Бог пусть Тебе нашимъ учеником! не поскупайтесь!

Изъ письма А. Н. Майкова къ И. И. Срезневскому.



Подпись А. Н. Майкова въ томъ же письмѣ.

образованности, требованія которой они взялись исполнить, или что другое? Отвѣтъ ясенъ изъ послѣдующихъ событій. И ста лѣтъ не прошло, какъ Іерусалимъ былъ вновь въ рукахъ невѣрныхъ. Спустя сорокъ лѣтъ еще, Фридриху II

опять удалось возвратить потерянное, но только на десять лѣтъ. Походы продолжались; но «Іерусалимъ, Іерусалимъ»! вторилось все глуше и глуше, и наконецъ совсѣмъ замолкло. Съ 1239 до 1855-го прошло слишкомъ *600* лѣтъ, довольно времени для того чтобъ исполнить начатое, если только начатое было начато съ тѣмъ чтобъ исполнить. А если не исполнено, слѣдовательно силъ не хватило; а если силы Запада, какъ и было въ самомъ дѣлѣ, все возрастали, стало быть духъ, оживлявшій эти силы, былъ не тотъ духъ христіанства, который бы гнушался равнодушіемъ къ власти невѣрныхъ надъ Іерусалимомъ и къ силѣ всякаго беззаконнаго ига, — не духъ христіанской образованности, а какой нибудь другой духъ, менѣе или болѣе своекорыстный. Въ 1453 году тѣ же невѣрные овладѣли и Царьградомъ, овладѣли слишкомъ 10.000.000 христіанъ въ самой Европѣ, — и Европа не подвиглась противъ нихъ, а напротивъ преклонилась передъ ихъ могуществомъ. Нынѣшнія обстоятельства возбудили самые народы Запада и весь цвѣтъ ихъ образованнаго класса *за* турокъ, а христіанскій вопросъ въ тѣни, если даже только онъ есть.

Что же дѣлали во все это время мы Русскіе? На насъ, людяхъ европейскаго Востока, налегъ съ незапамятныхъ временъ Востокъ азіатскій всей своей тяжестью. До водворенія христіанства Русь не была въ силахъ справляться съ нимъ и падала подъ его гнетомъ: авары, болгары, хозары, печенѣги справлялись съ нами какъ хотѣли. Первые лучи христіанства освѣтили передъ Русью ея призваніе, и она пошла по своему пути. Болгары смирены, хозары обезсилены, печенѣги скрылись. Съ XI вѣка мы начали борьбы съ половцами, которыхъ кочевья отрѣзывали насъ отъ Чернаго моря и остального православія, и умѣли

ихъ передѣлывать въ христіанъ. Не развѣйся у насъ удѣльная система, мы бы стерли и ихъ, и татаръ, появившихся въ XIII в. Но и удѣльное разновластіе не затуманило передъ нами нашего долга: на югѣ Галичъ, на сѣверѣ Новгородъ, поддерживали постоянно свѣтъ идеи о независимости христіанства. Боренье продолжалось безпрерывно, и тѣмъ удачнѣе, чѣмъ болѣе скрѣплялись разорванныя части Руси въ одно цѣлое: въ XIV вѣкѣ мы уже могли прямо вооружиться противъ нихъ, въ XV объявить гласно свое первенство надъ ними, въ XVI начать ихъ покореніе, ихъ одомашненіе, и овладѣть частью побережья Чернаго моря. А чуть только овладѣли берегомъ, втянулись и въ борьбу съ турками: въ XVII вѣкѣ мы уже заставили ихъ себя уважать, въ XVIII смириться передъ нами, въ XIX обезсилили ихъ чуть не окончательно, — и если бъ не «образованный» Западъ, съумѣли бы уже сказать имъ послѣднее слово. Но несказанное сегодня скажется завтра, — и мы въ это вѣримъ, и турки этого ждутъ — вѣроятно, не напрасно. А люди Запада . . . ожидая того же,

Можетъ быть, они предвидятъ,
Что изъ Россіи молодой[1])
Еще не виданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,

гигантовъ, которые своей общенародной силой заставятъ ихъ содрогнуться, припоминая имъ ихъ прошедшее, столько богатое прекрасными личностями, столь жалкое въ отношеніи къ отвѣту на восточный вопросъ, жалкое, потому что нельзя же безъ жалости представлять себѣ всего, что

[1]) «Молодой» поправка И. И-ча; въ текстѣ Майкова стоитъ: «изъ Россіи ледяной».

до сихъ поръ было для этого отвѣта потрачено совершенно напрасно — для славы и пользы лицъ и для общаго безславія и вреда, потрачено безъ зазора совѣсти чуть не въ продолженіи восьми сотъ лѣтъ.

«Хочу быть пророкомъ: въ 1096 году на западѣ задумали поднять восточный вопросъ; къ 1896-му году онъ рѣшится, но не на западѣ, а на востокѣ, — и не лицами, а народомъ, и не тѣми, у которыхъ его задумали поднять, а тѣми, которые, не думая поднимать, подняли, и поднявъ, не опускали его ни на мгновенье, не мороча себя никакими сомнѣніями.

«Тутъ пока кончу. Впрочемъ я такъ написалъ, что хочу просить жену, чтобы она переписала, иначе вы не разберете ничего.

«Цѣлую васъ братски, не думая поднимать никакой перчатки, потому что не принадлежу къ благородному сословію рыцарей Креста. Я просто высказалъ, что думаю теперь, что думалъ, мнѣ кажется, всегда, что думалъ и тогда, когда читалъ и перечитывалъ со слезами вашъ Клермонтскій соборъ».

Это письмо И. И-ча вызвало немедленный горячій откликъ А. Н-ча:

«Неоцѣненнѣйшій мой Измаилъ Ивановичъ! Стократъ благодарю васъ за вашу настойчивость; благодарю васъ, что вы, не смотря на мои кислыя рожи, все таки твердили мнѣ о негодности конца Клерм. собора! Я написалъ его вновь, и изъ вновь написаннаго три строфы принадлежатъ вамъ. О, какъ я счастливъ, что получилъ отъ васъ ваше письмо. Жаль, что у васъ мало времени, или что мы не въ разныхъ городахъ живемъ, — совѣстно получать отъ васъ такія длинныя письма, — ну, добро бы въ

другомъ городѣ, это въ порядкѣ вещей. А то вѣдь укралъ у васъ время! Да еще супругѣ даете переписывать! Цѣлую ея ручки за это. Въ непродолжительномъ времени доставлю мой трудъ, а теперь (полагая, что не застану васъ дома) спѣшу письменно поблагодарить васъ. Нѣтъ поэзіи безъ науки.

«NB. Не сердитесь ради Бога, что я иногда выражусь рѣзко — у меня всегда минутѣ творчества предшествуетъ день или недѣля отчаянія — тогда я точно выражаюсь рѣзко, а потомъ ужь и забуду, такъ и вы забывайте. Вѣдь вы меня немножко полюбили (иначе не стали бы писать), такъ ужь не сердитесь, что иногда покапризничаю. Это въ натурѣ вещей (или людей) — посмотрите на женщинъ: вѣдь капризничаютъ только тѣ, которыхъ любишь. Въ женщинахъ природа высказывается яснѣе. До свиданья».

При этомъ письмѣ былъ присланъ листокъ, на которомъ рукою А. Н. была вновь написана вся вторая часть «Клермонтскаго собора». Листокъ этотъ съ замѣтками рукою И. И-ча хранится въ его архивѣ. Три строфы, которыя А. Н. признаетъ принадлежащими вліянію И. И-ча, отмѣчены въ немъ карандашемъ. Вотъ онѣ:

Тогда въ ряды священной рати
Не подымались мы войной;
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужь нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся волканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ мильоны;
Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!

И наша Русь тогда одна
Сторожевымъ Европы станомъ
Стояла — грозная поганымъ
И слову Божьему вѣрна!...

Но и въ слѣдующихъ строкахъ также нельзя не видѣть вліянія И. И-ча:

Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогалъ кликъ: «Ерусалимъ!»
Стонъ христіанскаго востока
Все глуше становился имъ!
Россія гибла: къ христіанамъ
Взывала воплями она, —
Но какъ Іосифъ агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія!
Семья славянскихъ царствъ за ней;
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей.
За честь Евангелья Христова
Сыны Людовика Святого
Ужь выручать не шли Царьградъ —
Отъ брата отшатнулся братъ!..
Мы — Крестоносцы отъ начала!
Сломивъ враговъ, пожавши плодъ
Науки, днесь Россія встала —
И въ недоконченный походъ
За гробъ Христа она идетъ.

Послѣднія строки тутъ же, въ рукописи А. Н-ча передѣланы рукою И. И-ча слѣдующимъ образомъ:

Сыны Людовика Святого
Не шли Царьградъ ужь выручать. . .
Мы — Крестоносцы отъ начала!
Сломивъ своихъ враговъ, карать
Враговъ Христовыхъ Русь возстала
И въ недоконченный походъ
За гробъ Христа она идетъ.

Эта поправка была очевидно принята Майковымъ, потому что въ слѣдующемъ письмѣ, присылая поправку къ другому стихотворенію, онъ выписываетъ и эту.

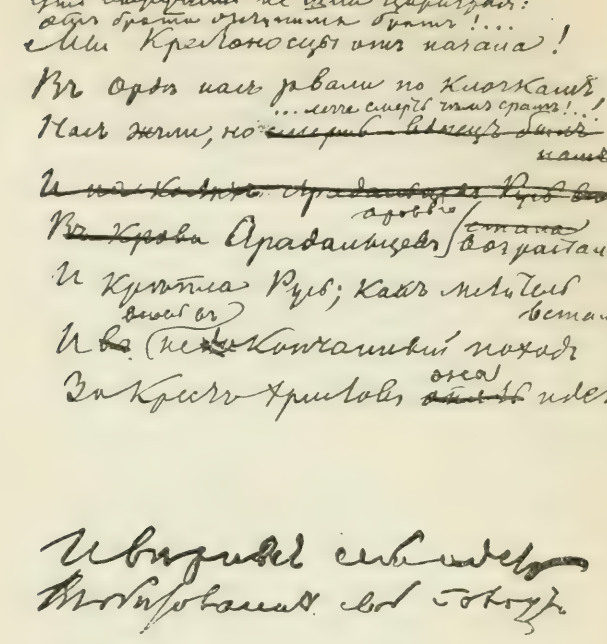
Но черезъ нѣсколько времени, когда стихотвореніе уже было набрано въ типографіи, А. Н. присылаетъ новую передѣлку;

Мы — Крестоносцы отъ начала!
Въ Ордѣ насъ рвали по клочкамъ,
Насъ жгли, но. . . легче смерть, чѣмъ срамъ!. .
Въ крови страдальцевъ возрастала
И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
И вновь въ неконченный походъ
За крестъ Христовъ она идетъ.

Здѣсь въ рукописи А. Н-ча тоже есть поправки рукою И. И-ча: вмѣсто выраженія «въ крови страдальцевъ» — «страдальцевъ кровью», и вмѣсто послѣднихъ двухъ строкъ —

И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.

Эта передѣлка съ измѣненіями И. И-ча нанесена рукою Майкова на корректурный листъ, который также находится въ архивѣ И. И-ча. Такъ стихотвореніе и было напечатано



Автографъ А. Н. Майкова съ поправками И. И. Срезневскаго.

въ Извѣстіяхъ съ нѣсколькими еще небольшими измѣненіями противъ рукописи.

Кромѣ «Клермонтскаго собора» въ Извѣстіяхъ были напечатаны: Памяти Державина, Отставной солдатъ Перфильевъ, Посланіе въ лагерь, Пастухъ, Молитва и стихотвореніе, начинающееся словами «Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный». Это послѣднее должно было быть напечатано впереди другихъ и служить имъ введеніемъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу А. Н.

«Спѣшу сообщить вамъ, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ, стихотвореніе, долженствующее служить введеніемъ.

Да кстати, что вы думаете объ Одѣ? Я бы хотѣлъ ее напечатать тутъ же, для полноты. Предложите пожалуйста и отдайте въ типографію, если Академія одобритъ. Ради Христа, ускорите дѣло: вѣдь мнѣ дороже всего то чувство, которое должны поддержать и попитать эти стихи въ русскихъ людяхъ. Ради этого и вы похлопочите; я вѣдь считаю это дѣльцо службой отечеству».

Присланное стихотвореніе, дѣйствительно, должно было служить вступленіемъ къ остальнымъ, такъ какъ въ немъ выразилось зарожденіе того настроенія, которымъ они всѣ проникнуты. Вотъ оно въ первоначальномъ своемъ видѣ:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя,
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстьми пересыпая
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Теперь не то. Мой стихъ не служитъ мнѣ забавой.
Я міра мелкаго литературной славы
Стряхаю прахъ отъ ногъ. Я слышу зовъ иной.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Увѣренной рукой берусь теперь за лиру
И, обновленная, звучнѣй гремитъ она.
Намъ новый вѣкъ насталъ: ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи, да явитъ въ свой чередъ
Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ,

Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ,
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спар-
Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю, [танцахъ.
Что я лжемудрости не скованъ цѣпью узкой:
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я русскій!
Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
Что слезная объ ней въ душѣ моей забота,
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которымъ движимы, неслися подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

Интересно прослѣдить по письмамъ и корректурнымъ листамъ, какъ постепенно измѣнялась средняя часть этого стихотворенія. Первая строфа и послѣдняя остались почти безъ перемѣнъ. Въ средней же въ рукописи А. Н-ча сдѣлана сначала одна поправка рукою И. И-ча: слова «увѣренной рукой» переставлены — «рукой увѣренной»; потомъ они зачеркнуты и сбоку его же рукой написано: «рукою вѣрною». А. Н. принялъ эту поправку. Вслѣдъ за тѣмъ онъ передѣлалъ и слѣдующія пять строкъ.

Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю . . . Ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: да самъ въ себѣ пойметъ
Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ,
Которыя онъ чтить умѣетъ въ иностранцахъ . . .

Эту передѣлку А. Н. прислалъ И. И-чу при слѣдующемъ письмѣ: «Я знаю, что ничего нѣтъ непріятнѣе, какъ когда человѣкъ все говоритъ о себѣ и суется съ своимъ дѣломъ. Исключается ли изъ этого авторъ, котораго сочи-

неніе печатается? Не знаю. Потому, не распространяясь на словахъ, представляю на ваше благоусмотрѣніе мои передѣлки — здѣсь въ выпискѣ и на корректурныхъ листахъ. Надѣюсь, что теперь такъ. Ничего нѣтъ хуже времени печатанія стиховъ: тутъ хоть тресни, а давай поправку сейчасъ, не выжидая благопріятной минуты. Ажно голова разболѣлась. Посмотрите, батюшка Измаилъ Ивановичъ — такъ ли?..

«Въ Одѣ — какъ вы думаете, ничего, что сказано: въ *дряхлой* Вѣнѣ? Пожалуй для цензуры можно погрѣшить и сказать въ *древней* Вѣнѣ. Норовъ въ прошломъ годѣ затруднялся».

Въ это время стихотвореніе уже было набрано и поправки А. Н-ча были нанесены на корректурный листъ рукою И. И-ча. Черезъ нѣсколько дней А. Н. прислалъ новое измѣненіе:

Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что крѣпость духа въ насъ и доблесть та жъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ,
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ.

И. И. нанесъ эту передѣлку на корректуру, но съ своимъ собственнымъ измѣненіемъ:

міръ гордый да пойметъ
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ...

На томъ же корректурномъ листѣ А. Н. передѣлалъ и первыя строки этой строфы и она получила совсѣмъ иной характеръ, не похожій на тотъ, съ которымъ появилась въ началѣ изъ подъ пера поэта:

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю . . . Ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: да гордый міръ пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

На томъ же корректурномъ листѣ рукою И. И. сдѣлана поправка и во второй строкѣ послѣдней строфы; вмѣсто словъ

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что я лжемудрости не скованъ цѣпью узкой

Онъ написалъ

Что мы не скованы лжемудростію узкой.

Въ такомъ видѣ стихотвореніе и было напечатано.

Посылая И. И-чу оду «Памяти Державина», А. Н. пишетъ:

«Вотъ оттискъ Оды—но предупреждаю: она была въ цензурѣ, и цензура вотъ что вычеркнула (карандашемъ отмѣчено). Если ее нельзя напечатать цѣликомъ, то лучше не печатать. Не забудьте, о многотерпецъ, показать и поправку Клерм. собора Академіи».

Въ присланномъ печатномъ оттискѣ оды карандашемъ слегка зачеркнуты слѣдующія строки:

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

Вѣроятно это и было то, что вычеркнула цензура. Ода была напечатана съ возстановленіемъ вычеркнутыхъ строкъ.

Стихотвореніе, напечатанное подъ названіемъ «Посланіе въ лагерь», въ спискѣ, присланномъ Майковымъ, заглавія не имѣетъ и нѣсколько отличается отъ напечатаннаго. Вотъ оно въ первоначальномъ видѣ:

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ
Идете Божьею грозою на враговъ,
О какъ хотѣлось бы хоть знакъ подать вамъ, братья!
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятья,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась.
Мой стихъ есть тоже мечъ — и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
Ужели долженъ онъ молчать передъ врагами?
Я знаю, съ нимъ въ устахъ смѣлѣй пойдешь ты въ бой,
Съ нимъ вся моя душа съ тобой помчится къ битвѣ!
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ;
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче въ тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

На этомъ спискѣ рукою Срезневскаго сдѣлано карандашемъ нѣсколько предположительныхъ поправокъ, которыя слѣдующимъ образомъ измѣняютъ среднюю часть стихотворенія:

Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
Я знаю, съ нимъ въ устахъ иду я смѣло въ бой,
Съ нимъ вся моя душа летитъ отважно къ битвѣ.
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ,
И свѣтитъ мнѣ она водительной звѣздой.
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ
Все осязательнѣй и ярче (въ) тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

Изъ всѣхъ этихъ поправокъ Майковъ согласился только съ двумя; во первыхъ:

Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?

при чемъ слѣдующія двѣ строки онъ измѣнилъ такъ:

Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
Въ немъ вся моя душа помчится съ вами къ битвѣ.

Во вторыхъ, въ предпослѣдней строкѣ стихотворенія онъ выпустилъ предлогъ въ.

Кромѣ названныхъ стихотвореній А. Н. предполагалъ напечатать въ Извѣстіяхъ еще три: «Арлекинъ», «Москвѣ въ день столѣтія Московскаго университета» и «Ода вторая на Турецкую войну», въ другомъ спискѣ названная «Обѣтъ Россіи».

Эти стихотворенія не были напечатаны въ Извѣстіяхъ. Предполагалось присоединить ихъ къ напечатаннымъ, когда они вышли отдѣльнымъ оттискомъ подъ названіемъ «1854-й годъ». Но въ этотъ сборникъ вошли только «Москвѣ» и «Арлекинъ»; «Обѣтъ Россіи» совсѣмъ не былъ напечатанъ.

Стихотвореніе «Москвѣ» не сохранилось въ автографѣ Майкова. Есть только печатный оттискъ его, на которомъ

рукою И. И-ча сдѣлано карандашемъ нѣсколько предположительныхъ измѣненій. Неизвѣстно, были ли эти измѣненія предложены Майкову; во всякомъ случаѣ въ печатный текстъ стихотворенія они не вошли. Но они характеризуютъ Срезневскаго и потому интересно на нихъ обратить вниманіе. Въ стихотвореніи Майкова написано такъ:

Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужь много славы,
И больше будетъ впереди;
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ иль проклянутъ. . .

Съ поправками И. И-ча эти стихи должны были быть измѣнены такъ:

Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ у насъ въ груди,
Что есть за нами много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ нашъ трудъ,
Что насъ за каждый шагъ потомки
Благословятъ иль проклянутъ.

Какъ сказано выше, всѣ эти замѣтки остались только на корректурномъ листкѣ.

Въ архивѣ И. И-ча есть и еще нѣсколько писемъ Майкова и корректурныхъ поправокъ подобныхъ приведеннымъ; но мы ограничимся здѣсь этими наиболѣе интересными выписками.

Въ послѣдующіе годы А. Н. продолжалъ обращаться къ И. И-чу за совѣтами и указаніями. «Емшанъ», «Бальдуръ», «Пульчинель», «Слово о полку Игоревѣ», «Два мира» и другія произведенія читались имъ не по одному разу у И. И-ча, прежде чѣмъ стали извѣстны обществу. Сколько помнится, на поэтическое сказаніе о емшанѣ въ Ипатіевской лѣтописи именно Срезневскій обратилъ вниманіе Майкова.

Біографъ Майкова, г. Златковскій, разсказываетъ, что когда А. Н. занялся переводомъ «Слова о полку Игоревѣ», онъ понесъ свой первый набросокъ къ И. И-чу, чтобы показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. И. И. побудилъ его заняться самостоятельно этимъ памятникомъ и, подзадоренный имъ, А. Н. сталъ изучать не только лѣтописи, историковъ и всю литературу «Слова», но также и древніе памятники другихъ народовъ, съ которыми «Слово» могло быть сравнено или которые могли служить пособіемъ для его пониманія[1]). Во все время своей многолѣтней работы онъ часто приходилъ къ Срезневскому за совѣтомъ: во многихъ случаяхъ соглашался съ его указаніями, но иногда имъ приходилось и спорить. Окончивъ свой трудъ, Майковъ представилъ его въ Академію Наукъ для соисканія Уваровской преміи. Разсмотрѣніе его было поручено Академіей И. И-чу и онъ написалъ объ ней подробный отчетъ, въ которомъ признаетъ за переводомъ А. Н-ча

---

[1]) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Біографическій очеркъ, составленный ко дню юбилея его . . . М. Л. Златковскимъ. Спб. 1888, стр. 50.

очень большія достоинства, но указываетъ также и недостатки его[1]).

Для сравненія съ переводомъ Майкова И. И. приводитъ начало «Слова» въ переводахъ Гербеля и Мея и отдаетъ преимущество Майкову. Недостатокъ Майкова онъ видитъ въ томъ, что нѣкоторыя мѣста по его мнѣнію переданы слишкомъ свободно и съ большими прибавками. «Было бы вѣрнѣе и лучше безъ прибавокъ», говоритъ онъ и приводитъ одно изъ такихъ мѣстъ въ другомъ переводѣ, не называя его автора. По всей вѣроятности этотъ переводъ принадлежитъ ему самому:

Взглянулъ Игорь на свѣтлое солнце —
Видитъ: тьмой войска его прикрыты.
И сказалъ онъ: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чѣмъ въ плѣну остаться.
Всядемъ, братья, на коней ретивыхъ,
Чтобъ добраться до синяго Дону».
Въ умъ его желанье это спало
И за рвеньемъ покуситься къ Дону
Онъ не видитъ знаменья на небѣ.
«Преломить копье свое о поле
Половецкое хочу я съ вами,
Русичи; лечь головой хочу я,
Или же испить шеломомъ Дону.

Этотъ коротенькій отрывокъ, сохранившійся только въ отчетѣ, можетъ быть и былъ написанъ именно тогда, подъ вліяніемъ работы надъ разборомъ перевода Майкова; по крайней мѣрѣ кромѣ него въ бумагахъ И. И-ча нѣтъ стихотворныхъ переводовъ изъ «Слова о полку Игоревѣ». Есть

---

[1]) Отчетъ этотъ не былъ напечатанъ.

только переводъ въ прозѣ, неполный, недоведенный до конца воззванія Святослава, написанный, судя по почерку, въ концѣ 1840-ыхъ годовъ.

III.

ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ И КЪ ИСКУССТВАМЪ.

Вспоминая о томъ, какое значеніе въ жизни И. И. Срезневскаго имѣла его любовь къ поэзіи, нельзя забыть, что не только искусство слова, но и всѣ другія искусства, всѣ другія «орудія поэзіи» (по его выраженію) были близки его душѣ. Самъ онъ не владѣлъ ими только по случайности. Но, если онъ не могъ выражать свои мысли и чувства черезъ ихъ посредство, онъ тѣмъ не менѣе любилъ и понималъ ихъ и нуждался въ нихъ для полноты своей духовной жизни.

Припомнимъ замѣтку его, приведенную въ началѣ этого очерка. «Не недостатокъ изящнаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество, а напротивъ, изобиліе изящнаго, и тотъ инстинктъ человѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутреннія впечатлѣнія».

Не всѣмъ дано видѣть и чувствовать красоту въ природѣ. У И. И-ча была эта способность въ высокой степени. Прекрасное въ природѣ и въ жизни съ юныхъ лѣтъ до старости вызывало въ немъ всегда радостное чувство; оно соединялось съ грустью, когда онъ бывалъ одинъ, когда не могъ дѣлиться имъ со своими близкими. И когда не могъ онъ испытывать наслажденіе вмѣстѣ съ ними, онъ дѣлился имъ письменно. Въ началѣ 1830-ыхъ годовъ онъ пишетъ своей матери изъ Варваровки, съ восхищеньемъ

описывая Днѣпровскіе пороги, степной пожаръ, ураганъ на Днѣпрѣ и послѣдовавшую за нимъ тишину:... «Вы не видали, маменька, этой картины — вы бы залюбовались!» Во время перваго заграничнаго путешествія онъ описываетъ горы, восхищается моремъ, съ восторгомъ говоритъ о впечатлѣніяхъ, которыя производитъ на него природа: «Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя..., до сихъ поръ передъ глазами все онъ»[1]. «Окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину»[2]. Въ 1860-мъ г., разсказывая о своемъ путешествіи по озерамъ Швеціи, онъ любуется природой этой страны. И такъ изъ каждаго своего странствія онъ присылаетъ письма, въ которыхъ дѣлится своими впечатлѣніями.

Во время одной изъ послѣднихъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, въ 1871 г., онъ описываетъ замѣчательное по красотѣ мѣстечко Таормину въ Сициліи, гдѣ онъ остановился, чтобъ осмотрѣть развалины древняго греко-римскаго театра, устроеннаго на уступѣ горы. Интересно привести отрывки изъ его писемъ оттуда:

«Прекрасны сами развалины — тѣмъ болѣе, что по нимъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе о древнемъ театрѣ; еще прекраснѣе ихъ положеніе, вся мѣстность, ихъ окружающая... Театръ стоитъ на скалѣ, на которую подняться можно только съ одной стороны, южной; съ сѣвера она опускается круто, съ двухъ другихъ сторонъ скалы подымаются значительно выше того мѣста, гдѣ построенъ былъ театръ. ...Вся вмѣстѣ эта гора мысомъ

[1] Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 99.
[2] Тамъ-же, стр. 135.

выступаетъ въ море — такъ, что стоя на южной сторонѣ, видишь Этну съ побережьемъ, то ровнымъ, то выступающимъ въ море пологими мысами до Катаньи; а стоя на сѣверной сторонѣ, видишь побережье къ Мессинѣ и горы Калабріи. Поднявшись выше театра и смотря на югъ, видишь обширное высокое море. Сегодня было оно особенно хорошо. Дулъ сирокко; море взволнованное блистало сквозь туманъ и дождь серебристыми вершинами волнъ, и вдали сливалось съ воздухомъ. Кое гдѣ не далеко отъ берега виднѣлись лодочки, какъ маленькія черныя пятнышки. Вотъ одна изъ нихъ подняла свой парусъ, захватила имъ часть вѣтра, и будто поплыла скорѣе, но всетаки очень тихо — какъ маленькая мушка»... «Мы встали сегодня въ $5^1/_2$ ч.», — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — «и одѣвшись, поспѣшили на гору театра, чтобы видѣть восхожденіе солнца надъ моремъ. Мы успѣли придти какъ разъ во время: едва только сѣли на одномъ изъ остатковъ верхней галлереи, откуда можно было хорошо видѣть и море, и Этну, какъ верхушка Этны со своимъ дымкомъ покрылась легкимъ розоватымъ блескомъ; оглянулись на море, и вотъ изъ за моря, на лѣво отъ береговъ Калабріи показался золотисто-оранжеватый край солнца, и затѣмъ почти мгновенно всплылъ и весь шаръ, — будто зажегся. Мало по малу Этна стала краснѣть, свѣтлѣть... Какъ была она хороша въ это время, не покрытая ни облачкомъ, ни туманомъ. Мы не видали еще ее такъ ясно, такъ полно»... «Стоило взойдти выше изъ за вида», пишетъ онъ про восхожденіе на Замковую гору надъ Таорминой. «Этны будто нѣтъ, — такъ окутали ее облака. Другія горы стоятъ или вровень, или ниже, гораздо ниже. Деревни, городки, домики, сады, дороги, берегъ моря съ бухтами и мысами — подъ нами,

а само море, туманно-голубое, хоть и ниже насъ, но такъ широко, огромно. Горы Калабріи чуть видны, какъ легкія облака, но и за ними съ боку видно море. Мы стоимъ у провала стѣны или у ея кончика, видя ближе всего подъ собою дикую кручу, боимся другъ за друга, но не за себя, потому что стоимъ безопасно, и не хочется сойдти съ мѣста. Переходимъ на другое мѣсто, не менѣе покойное и безпокойное, видимъ еще что нибудь новое, и опять хочется стоять и смотрѣть»... «Послѣ обѣда опять мы были въ театрѣ и на скалѣ ближе къ морю, и остались тамъ до фонарей. Глядѣли на прекрасныя развалины и Этну сквозь нихъ, на берега моря, глядѣли на открытое море, которое отъ Калабріи до Катаньи нельзя обозрѣть разомъ, не поворачивая головы, на заходящее правѣе отъ Этны солнце, и когда оно зашло, опять на море, покрывшееся разноцвѣтными красками отъ темнаго до яркаго свѣтло-розоваго»... «Видъ съ нашего балкона впрочемъ не много хуже: не видно горы Кастель и другихъ окружныхъ, мало видна Этна, но зато видно горное сѣдло, на которомъ стоитъ театръ.... Я хоть и пишу, а всетаки оборачиваю голову къ двери балкона и засматриваюсь на море, сегодня голубое съ бѣловатыми нѣжными полосками, тихое, чудесное»... «И грустно разставаться съ этимъ восхитительнымъ мѣстомъ — грустнѣе, чѣмъ когда-то было грустно разставаться съ Швеціей, когда я былъ тамъ въ первый разъ, одинъ... Милыя дѣти,... учитесь рисовать все, что попадется подъ глаза, съ природы, наблюдая правильность размѣровъ. Мы испытали много разъ грусть о томъ, что не можемъ срисовать того, что видимъ. Память не можетъ удержать подробностей безъ общаго, ни общаго безъ коекакихъ подробностей: ей очень поможетъ очеркъ вида,

сдѣланный карандашемъ, — а сдѣлавши такой очеркъ или, лучше сказать, надѣлавши такихъ очерковъ, разстаешься съ мѣстомъ безъ той грусти, съ какою мы теперь смотримъ на здѣшніе виды. Еще если бы мы были здѣсь всѣ вмѣстѣ, если бы могли всѣ другъ другу и глядя и въ воспоминаніи подсказывать, что стоитъ припомнить! А то мы здѣсь двое, а вы всѣ далеко, и будетъ ли еще кто изъ васъ здѣсь,—отъ мысли объ этомъ становится еще грустнѣе» . . .

И. И. выражаетъ въ этомъ письмѣ свое горе о томъ, что не умѣетъ рисовать. Но онъ несправедливъ къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можетъ быть, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ и отвыкъ отъ этого умѣнья, но въ молодости онъ рисовалъ много и хорошо. Въ его бумагахъ есть замѣчательно тонкіе рисунки перомъ и карандашемъ, исполненные имъ въ 1826 — 1827 гг. Позже онъ всегда рисовалъ все, что интересовало его и что ему хотѣлось сохранить на память; изъ Варваровки (въ 1832 г.) онъ пишетъ матери, что каждый день ходитъ рисовать виды окружающей мѣстности, и обѣщаетъ привезти съ собою толстый портфель рисунковъ. Во время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1839 — 1842 гг. онъ зарисовывалъ и виды, и типы, и наряды, и утварь; въ его архивѣ сохранилось множество этихъ набросковъ—карандашемъ, изрѣдка акварелью. Кромѣ того и въ его письмахъ къ матери попадаются часто рисунки перомъ: ему хотѣлось яснѣе передавать ей свои впечатлѣнія, ближе знакомить ее съ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Сохранилось нѣсколько рисунковъ его работы и отъ болѣе поздняго времени; въ томъ числѣ портретъ его матери, нарисованный имъ съ нея, уже умершей.

Открытая къ чувству прекраснаго въ природѣ, душа И. И-ча была открыта и передъ той красотой, которая

рождается въ мысли, чувствѣ и воображеніи человѣка. Еще въ разсказѣ его «Rhapsodia sonatina», о которомъ упомянуто выше, выразилось его пониманіе и чутье въ области изобразительныхъ искусствъ. Тогда уже было видно въ немъ то направленіе мысли, которое впослѣдствіи опредѣлилось ясно. Для него произведеніе всякаго художества можетъ быть только тогда проявленіемъ поэзіи, когда оно возвышаетъ мысль и облагораживаетъ чувство, когда оно исполнено чистоты, достоинства и простоты.

Во время своего путешествія 1839 — 1842 гг. И. И. ознакомился съ многими произведеніями искусства.

Интересно описаніе перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него Сикстинской Мадонной. Онъ пишетъ своей матери изъ Дрездена въ октябрѣ 1840 г.:

«Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галлерею. Что за галлерея! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть! —Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, чтобы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятымъ мною геніемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей . . . Держа на правой рукѣ Спасителя, она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ . . . Если для Богоматери довольно

одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и оттѣнить невинность невозможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешься чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну — Петра Ротари — Ночь бѣгства св. семейства: Божія Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслію несяся къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотритъ Іосифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пьетъ воду, въ другомъ какія-то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обстановкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лица Божіей Матери: та же невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Божія Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчіи». Въ слѣдующемъ письмѣ И. И. дополняетъ свое описаніе Сикстинской Мадонны: «Лице Св. Дѣвы — красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице Младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; папа лице портретное; ангельчики — жирныя дѣти. — Теперь спрашиваю васъ: понравилась-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой

правильности, о которой судить можетъ только тотъ, кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому приступна. Мысли — я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но Святая Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: вмѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ Святой Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на Того, кого матерью быть избрана Богомъ... Впрочемъ невинность Святой Дѣвы — такая невинность, какая можетъ быть только у Святой Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется, — или я гдѣ-то читалъ, — что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что если бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ Святой Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра — это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное. — Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ, понимаешь величіе Рафаеля, отворачиваешься отъ нихъ. Только въ Святой Ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося Младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе же не могутъ сносить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь — обыкновенная женщина»[1]).

Любимыми картинами И. И-ча изъ произведеній старин-

---

[1]) Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 167.

ныхъ мастеровъ были Мадонна della sedia Рафаеля во Флорентинской галлереѣ Питти и Вознесеніе Божьей Матери Мурильо въ Эрмитажѣ (иначе называющееся Зачатіемъ). По поводу Мадонны Рафаеля любопытно вспомнить одинъ эпизодъ. И. И. въ первый разъ увидѣлъ эту картину въ 1860-мъ г. и былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ лица Божіей Матери. Когда онъ во второй разъ пріѣхалъ во Флоренцію въ 1871-мъ г., впечатлѣніе было сначала совсѣмъ иное. Это его изумило и сильно огорчило; онъ готовъ былъ приписать причину этого себѣ самому, тому, что онъ съ годами сталъ суше, что произведенія художества дѣйствуютъ на него меньше. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ своей женѣ:

«Боже мой..., какъ я очерствѣлъ! Мы пошли прямо къ Мадоннѣ Рафаеля. Я готовъ былъ бѣжать, чтобы скорѣе ее увидѣть. И что же! Точно все вылиняло въ этомъ изображеніи, которое когда-то дало душѣ моей столько наслажденія и закрѣпило его, казалось, въ ней навсегда. Я вглядывался, искалъ того, что находилъ прежде, и готовъ былъ плакать, но не такъ, какъ прежде—отъ благоговѣйной радости, а скорѣе отъ горя по утратѣ. Мы ворочались нѣсколько разъ къ этому образу, нельзя было не найдти, что онъ лучше всѣхъ, но не того мнѣ бы надо было. Мнѣ не надо было видѣть ни припухлыхъ губъ, ни излишней, какъ будто поддѣланной нѣжности кожи... Надобно будетъ воротиться опять къ ней. Авось либо я найду опять то, чего не могъ найдти сегодня. Ужели и во всемъ, во всемъ слабость глазъ моихъ не допуститъ находить меня того, что прежде я видѣлъ... Не дай, Боже».

На слѣдующій день И. И. опять пишетъ:

«... И опять я всматривался въ Мадонну Рафаеля, три

раза ворочался къ ней, и наконецъ какъ будто всмотрѣлся. Мнѣ надобно было то, что свѣтитъ изъ за глазъ, а припухлыя губы тянули мои глаза къ себѣ. Точь въ точь какъ и въ дѣйствительной жизни, когда всматриваешься въ людей: въ душѣ ихъ нашлось бы многое, можетъ быть, что бы должно было заставить насъ видѣть въ нихъ доброе, да мѣшаютъ какія нибудь странности или ничего не значащіе недостатки или излишества. Какъ былъ я радъ, что нашелъ въ Мадоннѣ хоть часть утраченнаго. Значитъ, я еще не совершенно изсохъ. За тѣмъ я уже ни на что не хотѣлъ смотрѣть, какъ будто боялся потерять найденное сокровище».

И на другой день онъ снова пишетъ:

«Мы сегодня опять были въ Ufficі и у Питти, и опять три раза подходили къ сидящей Мадоннѣ, и опять на мгновеніе ворочалось ко мнѣ то чувство, которымъ я когда то въ дѣйствительности жилъ такъ полно и потомъ и въ воспоминаніи. Мы привеземъ, Богъ дастъ, фотографію этого чуднаго образа».

Въ Мурилліевскомъ «Зачатіи Божьей Матери», которое такъ любилъ И. И., удивительно слилась дѣвственная чистота Святой Дѣвы съ восторженнымъ возношеніемъ ея мысли къ Богу. Это какъ бы воплощеніе ея словъ: «Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасѣ моемъ». Въ ней И. И., вѣроятно, хоть отчасти находилъ то, что ему такъ хотѣлось видѣть въ Сикстинской Мадоннѣ — соединеніе невинности и вѣры.

Въ 1875 г. И. И. посѣтилъ въ Брюсселѣ музей бельгійскаго живописца Вирца (1806 — 1865 гг.), и былъ пораженъ и самобытностью его мысли, и смѣлостью выбора предмета, и удивительнымъ разнообразіемъ харак-

тера его работы. Онъ пишетъ въ письмѣ домой, что Вирцъ «заставляетъ страшиться, плакать, хохотать, и приковываться глазами къ тому, что онъ написалъ, или смѣяться, какъ надъ острымъ словомъ». . . «Что до величины картинъ, то есть нѣсколько длиною около $4^1/_2$ саженей. . . ; одна при ширинѣ въ 4 саж. поднимается въ верхъ почти до 6 саженей... Эти величины не мѣшали художнику дѣлать свои лица очень выразительными, а иныя прекрасными, только конечно не для глаза, стоящаго у самаго полотна. Нѣкоторыя изъ картинъ естественнаго размѣра, напротивъ того, поражаютъ нѣжностью накладки красокъ: глядя на нихъ изблизи, видишь не краски, а тѣло, ткань, кожу и т. д.».

Изъ произведеній русскаго искусства И. И. особенно цѣнилъ картину Иванова «Явленіе Христа народу», хоть и не все находилъ въ ней безукоризненнымъ. Къ числу его любимыхъ произведеній принадлежали также картины Бруни «Моленіе о чашѣ», Флавицкаго «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ», Чистякова «Софья Витовтовна» и нѣкоторыя другія.

Скульптура, какъ кажется, не производила на И. И-ча впечатлѣнія настолько же сильнаго, какъ живопись, и въ его письмахъ рѣдко встрѣчаются описанія произведеній ваянія. Но онъ цѣнилъ многія изъ нихъ и не пропускалъ случая видѣть какъ то, что что сохранилось отъ древности, такъ и то, что создавалось вновь. Онъ признавалъ значеніе этого искусства и какъ воспитатель: знакомилъ своихъ дѣтей съ лучшими произведеніями скульптуры, всегда стремясь къ тому, чтобъ имъ былъ открытъ и этотъ путь къ познаванію духовной красоты.

Любя искусства, И. И. дорожилъ и сношеніями съ художниками. Въ бытность свою въ Римѣ въ 1871 г. онъ пишетъ:

«Совѣстно было оставаться въ Римѣ, не увидя никого изъ художниковъ русскихъ, въ немъ работающихъ; и вотъ я пошелъ сегодня ихъ отыскивать. Очень близко отъ насъ есть одна кофейня, Cafè greco, въ которой бываютъ художники. Я пошелъ въ нее, и у хозяина узналъ адресъ того изъ русскихъ художниковъ, который, какъ онъ сказалъ, всего давнѣе здѣсь... Это Мих. Боткинъ. Я поѣхалъ къ нему на берегъ Тибра и нашелъ его въ его студіи, т. е. въ комнатѣ, гдѣ онъ работаетъ. Это довольно большая, высокая, сѣрая и вмѣстѣ свѣтлая комната, обставленная старинной мебелью, разными старинными вещами, бюстами, торсами, мольбертами, и между всѣмъ этимъ за картиной нашелъ красиваго молодого человѣка, одного изъ братьевъ Боткиныхъ, занимающагося живописью и вмѣстѣ археологіей. Я провелъ съ нимъ нѣсколько времени очень пріятно. Пришелъ и другой русскій художникъ, Постниковъ, работающій въ своей студіи въ томъ же домѣ. Послѣ полудня мы пошли вмѣстѣ съ ними завтракать русскія щи (suppa russa) и тутъ нашли еще нѣсколько русскихъ художниковъ, а потомъ въ Кафе Греко, гдѣ нашли еще двухъ. Все это бравые ребята, скромные, но самостоятельные и умные, а Боткинъ, сколько я могъ замѣтить, и очень образованъ».

Въ числѣ художниковъ, съ которыми познакомился И. И. въ Римѣ, былъ и скульпторъ Чижовъ. И. И. замѣчаетъ объ немъ, что «будетъ онъ славный ваятель».

Въ 1875-мъ г. И. И. посѣтилъ въ Парижѣ мастерскую В. Д. Полѣнова, котораго любилъ не только какъ художника. Съ его отцомъ и матерью онъ былъ близокъ издавна, семьи ихъ были дружны между собою, дѣтей ихъ сближали и общія игры и, позднѣе, совмѣстныя особаго рода занятія, «литературные вечера», руководителемъ которыхъ былъ

П. И. Сердечно радовался И. И. постепенному развитію юноши Полѣнова, радовался, что онъ, несмотря на то, что рѣшилъ посвятить всѣ свои силы и время любимому искусству, всетаки нашелъ возможность обогатить себя и общимъ университетскимъ образованіемъ. Горячо привѣтствовалъ онъ его картину-программу «Воскрешеніе дочери Іаира», за которую В. Д. получилъ большую золотую медаль и право на заграничную поѣздку. По благородству концепціи и красотѣ исполненія И. И. считалъ эту картину лучшею изъ всѣхъ конкурировавшихъ съ нею, также получившихъ золотыя медали. Не суждено было И. И-чу дожить до полнаго разцвѣта художественной силы Полѣнова: онъ зналъ только его «Герцогиню Колиньи» и «Право синьора»: послѣднюю видѣлъ въ его мастерской въ Парижѣ. Тамъ же въ Парижѣ В. Д. показывалъ ему эскизъ картины «Блудный сынъ», которую онъ тогда задумалъ; какъ кажется, картина эта не была исполнена. Можно себѣ представить, какую радость доставили бы П. И-чу «Грѣшница» и циклъ «Изъ жизни Христа».

Изъ художниковъ И. И. былъ особенно близокъ съ П. П. Чистяковымъ, впослѣдствіи профессоромъ Академіи Художествъ, знаменитымъ учителемъ Полѣнова, Рѣпина Сѣрова, Врубеля и многихъ другихъ. Знакомство ихъ началось, когда П. П. былъ еще молодымъ человѣкомъ. И. И. очень цѣнилъ его какъ художника, любилъ его картины, уважалъ его свѣтлый умъ, его самостоятельныя и безпристрастныя сужденія, выражавшіяся ярко, оригинально и мѣтко. И до своей заграничной поѣздки, и по возвращеніи изъ нея П. П. давалъ уроки рисованія въ семьѣ Срезневскихъ, и И. И. почти каждый разъ приходилъ на урокъ, чтобы воспользоваться случаемъ побесѣдовать съ П. П-мъ

объ искусствѣ и дать возможность своей учащейся молодежи знакомиться съ его взглядами и вникать въ его мысли. Случалось даже, что онъ иногда нарочно какъ бы не соглашался съ нимъ, чтобъ вызвать его на болѣе сильныя доказательства своихъ мнѣній.

Изъ всѣхъ искусствъ И. И. особенно любилъ музыку. Онъ всегда жалѣлъ, что въ дѣтствѣ не подчинился желанію матери и не сталъ учиться играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Но Елена Ивановна и безъ того съумѣла развить въ немъ музыкальное чутье и вкусъ. Не овладѣвъ музыкой, какъ техникой, онъ вдумался въ нее и понялъ въ ней языкъ поэзіи. Самъ не умѣя играть, онъ любилъ слушать игру другихъ и слушалъ такъ, что играющему было удовольствіемъ и радостью играть для него; его замѣчанія, его сужденія давали исполнителю новыя, болѣе ясныя мысли, возбуждали въ немъ болѣе живыя чувства, вызывали болѣе яркое ихъ выраженіе.

Врожденная музыкальность его проявлялась между прочимъ особымъ образомъ. Въ молодости, какъ разсказывалъ онъ, у него бывало нѣчто въ родѣ галлюцинацій слуха; въ минуты покоя, передъ сномъ, или просто во время отдыха, онъ иногда слышалъ музыку, большею частью оркестровую. Этой музыкой онъ могъ управлять по своему желанію: стоило ему захотѣть — и измѣнялся ея характеръ, инструменты замѣнялись одни другими, звуки выражали то, что онъ желалъ выразить. Эти минуты доставляли ему высокое наслажденіе. Онъ говорилъ, что никогда не слыхалъ музыки, болѣе прекрасной.

Въ исполненіи музыкальныхъ произведеній И. И. цѣнилъ не столько виртуозность, сколько выразительность. И музыка, проникнутая выраженіемъ, способна была

производить на него чрезвычайно сильное дѣйствіе; она могла трогать его до слезъ, могла успокаивать въ немъ волненіе и тревогу, могла смягчать удрученное состояніе духа.

Съ юности И. И. вслушивался въ народныя пѣсни во время своихъ поѣздокъ по Украинѣ; не удовлетворяясь записываньемъ ихъ текста, онъ выучился записывать и напѣвъ и составилъ у себя ихъ собраніе. Это видно изъ одного письма его изъ Петербурга къ матери, въ которомъ онъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, извѣстнымъ писателемъ и музыкантомъ. Одоевскій жалѣетъ, «что я не запасся свѣдѣніями музыкальными», пишетъ онъ, «что этого рода свѣдѣнія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе малороссійскихъ голосовъ, проиграть и исправить ошибки переписки»[1]).

Украинскія народныя пѣсни, особенно думы, производили на И. И-ча въ молодости сильное впечатлѣніе: много лѣтъ спустя, оно живо вспомнилось ему и воскресло въ немъ, когда, уже почти старикомъ, ему пришлось снова услышать бандуриста. Это было въ 1874 г. въ Кіевѣ, во время археологическаго съѣзда. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ домой:

«Вечеромъ надо было быть въ засѣданіи, чтобы слушать бандуриста. И въ самомъ дѣлѣ было что послушать. Старикъ лѣтъ 70-ти подъ бандуру напѣвалъ разныя думы — о бурѣ на Черномъ морѣ, о плѣнномъ казакѣ, о трехъ братьяхъ въ плѣну турецкомъ, о смерти казака на битвѣ и др. Слишкомъ за сорокъ лѣтъ я слышалъ и запи-

---

[1]) Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 28.

сывалъ эти думы отъ подобныхъ бандуристовъ. Слушая ихъ вновь, я припоминалъ иногда выраженія и стихи, запечатлѣвшіеся въ памяти,—и точно жилъ жизнью давно прожитою. Не поразила меня какъ другихъ, между прочимъ и О. Ѳ. Миллера, выразительность выпѣванья нѣкоторыхъ словъ и ихъ концовъ: она была мнѣ знакома; но слушать равнодушно я не могъ: я готовъ былъ плакать, какъ плакалъ когда-то, записывая эти думы съ голоса. Не жаль мнѣ было, что это прошедшее мое минуло такъ давно, а было даже пріятно, что я и до сихъ поръ не очерствѣлъ къ тому, что было дорого мнѣ, юношѣ. Жаль мнѣ было только, что нѣтъ здѣсь васъ, мои милые, что не слышитъ ни бандуры, ни голоса старика, поющаго думу, Боря: я увѣренъ, что впечатлѣніе это не прошло бы безслѣдно».

Во время своего путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. И. И. нерѣдко записывалъ народные напѣвы, какъ это было уже упомянуто выше. Вездѣ, гдѣ было можно, онъ посѣщалъ концерты и оперу. Онъ говоритъ объ этомъ въ письмахъ къ матери; между прочимъ разсказываетъ содержаніе «Сотворенія мира» Гайдна, которое ему удалось слышать въ Вѣнѣ:

«Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался. — А вотъ содержаніе ораторіи: — Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройный, тихій, но могущественный голосъ отъ скрыпки къ скрыпкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе архангелъ Рафаилъ (Штаудигль—басъ) поетъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь

свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Архангелъ Уріилъ (Лосъ—теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «Съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они — и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Архангелъ Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Архангелъ Гавріилъ (Гассель-Бартъ — дискантъ) — пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріилъ: «Да будетъ зелень, деревья, плоды» — и пѣсня. Уріилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «День дню и ночь ночи повѣдаютъ славу Его, — и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финалъ оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристаютъ віолончели, далѣе альты, а между [тѣмъ] контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки — и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче); послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему? — ничьему!» 2-ое отдѣленіе. Гавріилъ: «И Богъ молвилъ: да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснію встрѣчаетъ утро, и о любви воркуетъ (girrt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи — еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріилъ:

«И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу». Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достойная человѣка. Тріо. Хоръ. Аллилуія. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріилъ, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуетъ (превосходный) о своей любви. Хоръ. Финалъ. — Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодьяконскій басъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна, но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю. — Давно я не наслаждался такъ, — и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ ложи и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь»[1]).

Въ Берлинѣ въ 1839 г. И. И. слышалъ Дрейшока, «родомъ чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена — Тальбергъ и Листъ». «И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ», пишетъ онъ, «я слышалъ въ то же утро... Такъ мягко, дьяволъ, играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое molle, такое piano, такое sotto voce, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ — даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ, что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію... Ну Листъ!»[2].

---

1) Путевыя письма, стр. 266.

2) Путевыя письма, стр. 70.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ И. И. пишетъ, что Листъ его «не восхищалъ, а только изумлялъ»[1]).

Въ Прагѣ И. И. познакомился съ знаменитымъ чешскимъ композиторомъ Томашкомъ. Онъ пишетъ объ немъ:

«Глубоко ученый теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играетъ безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажникѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дюжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ, — и затянулъ маршъ, далѣе польскій, далѣе мазурку, далѣе казачка, далѣе чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько варіацій простыхъ, — я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся, какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ польскій, въ которомъ нельзя было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтаетъ, тутъ смѣется, уходитъ все далѣе, пѣсня слышна все менѣе, — и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ, какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселый человѣкъ; очень милъ, когда слышитъ себѣ похвалы; бранитъ Листа за галиматью, гордится Дрейшокомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно»[2]).

Впослѣдствіи, занятый всегда своими учеными работами, И. И. не часто посѣщалъ концерты; но все же онъ постоянно со вниманіемъ слѣдилъ и за успѣхами родной музыки и за всѣмъ, что появлялось интереснаго въ этой области

[1]) Путевыя письма, стр 143.

[2]) Путевыя письма, стр. 185.

въ чужихъ краяхъ. Между прочимъ онъ повезъ своихъ дѣтей на тотъ концертъ, гдѣ въ первый разъ выступилъ съ своимъ музыкальнымъ произведеніемъ — 1-й симфоніей — юноша Римскій Корсаковъ, только что окончившій Морской корпусъ. Вагнеромъ И. И. очень интересовался, хотя и не все въ немъ ему нравилось и не всѣ его нововведенія были ему по душѣ. Когда Вагнеръ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ не упустилъ возможности быть на его концертѣ. Тогда между прочимъ былъ исполненъ «Полетъ Валкирій», поразившій И. И-ча своею силой и яркостью.

Глинка былъ, конечно, однимъ изъ его любимцевъ. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ не только его оперы, но и рѣдко тогда исполнявшіяся увертюры—Аррагонскую хоту и Ночь въ Мадридѣ. Отправляясь въ заграничныя поѣздки въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ, онъ бралъ съ собой эти увертюры и также музыку къ Князю Холмскому, чтобы при случаѣ знакомить съ этими произведеніями своихъ пріятелей-иностранцевъ. Его любимымъ исполнителемъ вокальной музыки былъ знаменитый басъ О. А. Петровъ.

Въ числѣ современныхъ музыкантовъ, которыхъ онъ цѣнилъ, надобно упомянуть В. И. Главача. Главачъ, пріѣхавшій въ Россію еще юношей, былъ принятъ въ семьѣ Срезневскихъ съ радушіемъ и лаской, какъ и многіе изъ славянъ, пріѣзжавшихъ сюда. И. И. всегда старался всѣмъ имъ помочь. Первые уроки, которые получилъ Главачъ, были доставлены ему И. И-чемъ, въ его семьѣ.

Въ семейномъ кругу И. И-ча всегда бывало много музыки. Кромѣ матери его, рано, впрочемъ, переставшей играть по слабости здоровья, въ семьѣ его былъ музыкантъ, братъ его жены, А. Ѳ. Тюринъ, превосходный пьянистъ и композиторъ, любитель и собиратель народныхъ пѣсенъ.

Жена А. Ѳ-ча, урожденная Грюнбергъ, была также извѣстная пьянистка, дававшая концерты съ восьмилѣтняго возраста; ея сестра, И. Л. Грюнбергъ (впослѣдствіи по мужу Ласкосъ), прекрасная пѣвица, извѣстная во всемъ музыкальномъ мирѣ Петербурга, пѣвавшая съ Глинкой, Даргомыжскимъ, подъ аккомпаниментъ Рубинштейна, нерѣдко доставляла Срезневскимъ удовольствіе своимъ пѣніемъ.

И. И. старался развивать любовь къ музыкѣ и въ своихъ дѣтяхъ. По его желанію всѣ они учились играть: тѣ, которыя были способнѣе, занимались серьезно. Самъ онъ пріучилъ ихъ съ малолѣтства пѣть вмѣстѣ и часто подбиралъ для этого къ любимымъ стихотвореніямъ подходящую музыку — всегда или изъ народныхъ пѣсенъ, или изъ произведеній лучшихъ композиторовъ. Такъ, стихотвореніе Дельвига «Сегодня я съ вами пирую, друзья» пѣлось подъ одну изъ мелодій Бетховена. Когда дѣти подросли, онъ пріохотилъ ихъ устраивать совмѣстную игру на разныхъ инструментахъ и для него было большою радостью, когда они это полюбили и стали самостоятельно пріискивать пьесы для исполненія вмѣстѣ. Въ выборѣ пьесъ онъ самъ принималъ участіе. Съ сердечной отрадой слѣдилъ онъ за музыкальными успѣхами двухъ изъ своихъ дѣтей — сына и младшей дочери. Въ то время уже не была въ живыхъ его мать, любившая музыку, какъ и онъ. Для нея, какъ и для него, были бы радостью успѣхи его дѣтей, и ему недоставало ея, когда онъ ихъ слушалъ. Случалось, что у него вырывались слова: «Еслибъ маменька могла это слышать!».

Въ 1870-хъ годахъ большое удовольствіе доставлялъ И. И-чу своимъ пѣніемъ Т. И. Филипповъ, любитель, собиратель и замѣчательный исполнитель народной музыки.

Никто не умѣлъ такъ пѣть народныя пѣсни, какъ Т. И., никто не умѣлъ передавать ихъ характеръ съ такою тонкостью и красотой. Видя, какъ всѣмъ у И. И-ча нравятся пѣсни, Т. И. набралъ изъ слушавшей его тамъ молодежи хоръ, который могъ бы сопровождать его пѣніе, обучилъ его и сталъ устраивать настоящіе хороводы. Главной его помощницей, исполнявшей и партію соло, была его молоденькая дочь Н. Т., наслѣдовавшая отъ отца способность передавать народный характеръ пѣсни. Не разъ Т. И. привозилъ съ собою къ И. И-чу И. Ѳ. Горбунова, также большого мастера пѣть русскія пѣсни, и тогда они въ сопровожденіи хора, всѣ въ народныхъ костюмахъ, импровизировали цѣлыя представленія.

О томъ, какое впечатлѣніе производило на И. И-ча драматическое искусство, даютъ понятіе два его письма 1839 г. изъ Петербурга—объ игрѣ Асенковой и знаменитой танцовщицы Тальони, которая поражала выразительностью, драматизмомъ своей мимики, своихъ позъ и движеній. «Я не воображалъ», пишетъ онъ, «чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое-нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ, потому что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла понравиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности, — и . . . Занавѣсъ поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается, — передо мною комната нѣмецкаго рыцаря, съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ, оперши руку о ручку креселъ и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается, волнуется, — недвижимо-прекрасное

остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Ждешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфида вспархиваетъ какъ тѣнь и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходитъ, отходитъ, приходитъ, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя въ воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь». . . «Эта первая сцена, наслаждаясь которою и любишь вмѣстѣ съ Сильфидой, и грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфида, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ»[1]).

Впечатлѣніе, произведенное игрою Тальони въ описанной сценѣ, было такъ сильно, что И. И. вспоминалъ о немъ больше, чѣмъ тридцать лѣтъ спустя и, говоря о значеніи и могуществѣ мимики въ драматическомъ искусствѣ, приводилъ Тальони, какъ образецъ. Надо сказать впрочемъ, что любителемъ балета онъ не сдѣлался.

Въ другомъ письмѣ И. И. разсказываетъ объ игрѣ знаменитой въ то время актрисы Асенковой, которая тронула его особенно потому, что выражала чувство, болѣе другихъ близкое его душѣ: «. . . Нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои

---

[1]) Путевыя письма, стр. 31.

прекрасно. Каратыгинъ 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій — Юстиніанъ — также; Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству, — и какая милочка!. . . Не подумайте, маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила — переодѣтая въ мальчика, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самого себя наконецъ, — все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и я закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову, какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторыя: Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожатаемъ; поодаль стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца-слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ распрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ

и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждаетъ. . . Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его сандалію, изъ глубины сердца восклицаетъ: родитель! — Публика захлопала — я зарыдалъ» [1]).

И. И. всегда, до конца жизни, высоко цѣнилъ драматическое искусство, но именно искусство, а не вообще театръ. Поэтому онъ не часто посѣщалъ театральныя представленія. Только когда появлялись такіе замѣчательные художники, какъ Рашель, Ристори, Ольриджъ, Росси, — онъ непремѣнно по многу разъ слушалъ ихъ. И въ этомъ искусствѣ, какъ во всѣхъ другихъ, онъ цѣнилъ простоту и естественность выраженія несравненно выше, чѣмъ искусственную придуманность: признавалъ Рашель замѣчательною артисткой, но любилъ Ристори больше. Росси доставлялъ ему огромное наслажденіе и игрой своей, и выборомъ пьесъ, большею частью Шекспировскихъ, въ которыхъ было надъ чѣмъ подумать, во что углубиться душей, было гдѣ развернуться и таланту и чувству художника. Къ представленіямъ Росси онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми «готовился», перечитывая драмы Шекспира, запоминая всѣ частности ихъ, чтобы лучше судить о томъ, какъ что будетъ исполнено.

Развивая въ своихъ дѣтяхъ любовь къ поэзіи и пониманіе ея, И. И. нерѣдко устраивалъ въ своемъ семейномъ кругу совмѣстное чтеніе драматическихъ произведеній по ролямъ, причемъ и самъ всегда бралъ на себя какую нибудь роль. Иногда вмѣсто чтенія устраивалось и сценическое исполненіе, или изображеніе отдѣльныхъ сценъ въ живыхъ

---

[1]) Путевыя письма, стр. 35.

картинахъ. Въ этомъ принималъ участіе и А. Н. Майковъ съ своею семьей. Считками, репетиціями и приготовленіями большею частью руководили сами И. И. и А. Н. Они внушали молодымъ исполнителямъ необходимость вдумываться въ характеръ изображаемаго лица и на пониманіи его основывать свою игру. Это требованіе относилось и къ живымъ картинамъ, также какъ къ драматическимъ представленіямъ. Они обращали вниманіе не только на правильность, естественность и выразительность чтенія и игры, но и на мельчайшія подробности: на вѣрность костюмовъ и обстановки, на соотвѣтствіе грима; случалось, что для представленія А. Н. самъ гримировалъ исполнителей. Игрались такія пьесы, какъ «Каменный гость», сцены изъ «Бориса Годунова», «Лѣсъ» Островскаго, «Донъ Карлосъ» Шиллера, «Les femmes savantes» Мольера.

И. И. обладалъ въ высокой степени тѣмъ талантомъ, который такъ необходимъ для драматическаго художества— онъ превосходно читалъ, съ разнообразіемъ оттѣнковъ голоса и выразительности, съ простотой и естественностью, съ живымъ одушевленіемъ и съ глубокимъ чувствомъ. Этимъ дарованіемъ своимъ онъ больше всего дѣлился дома, въ своемъ семейномъ кругу, читая вмѣстѣ и перечитывая любимыхъ писателей.

Глубокое впечатлѣніе производила въ его чтеніи, между прочимъ, сцена изъ «Короля Лира», когда Лиръ приходитъ въ себя въ палаткѣ Корделіи и узнаетъ свою дочь; также страницы изъ «Войны и мира» — первое свиданіе Наташи съ раненымъ княземъ Андреемъ. . . А когда онъ читалъ отрывокъ изъ Полтавы «Тиха украинская ночь» и особенно строки:

«И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей —

казалось, что изъ всего, созданнаго поэтами, не можетъ быть ничего лучше.

Въ заключеніе этого очерка хотѣлось бы привести два стихотворенія, относящіяся къ самому Измаилу Ивановичу.

Въ числѣ его знакомыхъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни былъ С. А. Николаевскій, который удивительно хорошо говорилъ стихи — именно говорилъ, а не читалъ, такъ какъ всегда говорилъ на память. Красота его передачи заключалась не только въ тонкой выразительности, но и въ какой то особенной какъ бы — музыкѣ чтенія, всегда подходившей къ роду стихотворенія и ярче выражавшей его характеръ и настроеніе. И. И. любилъ его чтеніе, всегда просилъ его прочесть что нибудь и нерѣдко, слушая его, бывалъ тронутъ до слезъ. Особенно трогалъ его «Царскосельскій лебедь» Жуковскаго. Николаевскій не былъ самъ поэтомъ-писателемъ, но у него была способность къ экспромтамъ, которые часто выходили очень удачными. Въ разговорѣ съ нимъ И. И. какъ то высказалъ, вѣроятно, что ему самому стихи не удавались, особенно не давалась риѳма. Въ отвѣтъ на это Николаевскій сказалъ экспромтъ, который послѣ записалъ:

Сказали вы, вамъ риѳма не далась,—
Повѣрьте мнѣ, что риѳма даръ напрасный:
И безъ нея вся ваша жизнь слилась
Въ строй гимна полный, звучный и прекрасный,
Съ гармоніей души всегда согласный,

И свѣтомъ счастья ярко облилась,
Какъ блескомъ солнца лѣтній вечеръ ясный.

Другой экспромтъ сказанъ былъ Николаевскимъ Измаилу Ивановичу въ день его именинъ 17 іюня 1873 г. И. И. разсказывалъ собравшимся у него друзьямъ о томъ, что отецъ его непремѣнно хотѣлъ назвать его Измаиломъ, несмотря на то, что родные были противъ этого необычнаго имени. Ивана Евсѣевича привлекало значеніе имени Измаилъ — «устроитъ Богъ». Въ отвѣтъ на этотъ разсказъ Николаевскій сказалъ:

Въ пору великаго двѣнадцатаго года,
Когда Россія знать себя дала врагамъ,
Родился гражданинъ средь русскаго народа
Отчизнѣ въ честь и на отраду намъ.
И, торжествуя праздникъ Измаила,
Мы за него не вѣдаемъ тревогъ,
И вѣримъ, что его не оскудѣетъ долго сила
И что во всемъ его устроитъ Богъ.

О. Срезневская.

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
ОБЪ
И. И. СРЕЗНЕВСКОМЪ.

Любя отечество, люби науку. Она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку... Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и *тепли любовь эту въ юношахъ.*

(Рѣчь И. И. Срезневскаго въ день столѣтія смерти Ломоносова 7 апр. 1865 г.).

Идетъ 43-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ студенты-филологи Петербургскаго университета, выпуска 1870 года, прощались съ своимъ профессоромъ и деканомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ. На жизненномъ пути у насъ были послѣ свои большія радости; надобно думать, каждому судьба подарила свои лучезарные дни, — но этотъ свѣтлый праздникъ въ домѣ профессора и академика И. И. Срезневскаго, длившійся съ вечера и до полнаго разсвѣта, остался въ нашемъ воспоминаніи однимъ изъ несравненныхъ по яркости мгновеній, котораго не затянули флеромъ никакія впечатлѣнія послѣдующихъ лѣтъ.

Это было въ началѣ 20-хъ чиселъ мая и происходило въ верхнемъ этажѣ дома на 14-й линіи Васильевскаго Острова. Насъ, товарищей по курсу, было шестнадцать человѣкъ, да студента четыре другихъ, филологовъ и юристовъ.

Въ эту ночь мы праздновали окончаніе своего школьнаго періода, продолжавшагося, самое малое, у кого 11, у кого 16 и болѣе лѣтъ, періода, далеко не для всѣхъ полнаго лишь однихъ свѣтлыхъ воспоминаній. Добрая половина изъ насъ были прежними семинаристами, а духовная школа, низшая и средняя, продолжалась тогда, по меньшей мѣрѣ, 12 лѣтъ, — и строй жизни, при общей нашей матеріальной бѣдности, царилъ тамъ, въ 50-хъ годахъ, такой суровый, что разсказы о тѣхъ порядкахъ нынѣшнимъ поколѣніямъ показались бы и легендарными и непонятными.

Эта ночь открывала намъ завѣсу предъ завтрашней свободой, которая молодому воображенію каждаго изъ насъ сулила, разумѣется, только однѣ радости, только успѣхи въ свѣтлой перспективѣ будущаго. . . Какъ же намъ было не веселиться на этомъ праздникѣ, устроенномъ нашимъ деканомъ и его милой семьей, радушнымъ гостепріимствомъ которыхъ мы имѣли особливое счастье пользоваться въ теченіе всего университетскаго курса! Вмѣстѣ съ нами оканчивали университетъ два старшіе сына этой семьи, Владиміръ и Вячеславъ Измайловичи, — и мы, ихъ товарищи, съ перваго же года студенчества получили приглашеніе бывать на еженедѣльныхъ субботнихъ собраніяхъ Измаила Ивановича. Съѣхавшіеся въ Петербургъ изъ бѣдныхъ захолустій отдаленныхъ провинцій, мы здѣсь впервые увидѣли изящныя формы жизни, о которыхъ и слабой тѣни представленія, до тѣхъ поръ, имѣть мы не могли.

Къ радости, охватившей насъ всѣхъ въ этотъ вечеръ, примѣшивалось и сознаніе предстоявшей за порогомъ этого дома товарищеской разлуки, — а это еще болѣе усиливало желаніе «провести эту ночь веселѣй!»

Въ исключительно музыкальной и художественной

семьѣ Срезневскихъ эта ночь пролетѣла въ музыкѣ, пѣніи, отгадываніи шарадъ и танцахъ для тѣхъ, кому это хореографическое искусство было доступно. Много было тутъ оживленныхъ и задорныхъ рѣчей о будущемъ, о планахъ, которые каждый изъ насъ успѣлъ для себя составить на ближайшіе годы. Личный составъ нашего курса наши профессора считали, по тѣмъ временамъ, и значительнымъ по числу (!!), и достаточно приготовленнымъ для научной дѣятельности. Шестеро изъ насъ мечтали о магистерствѣ и профессорскомъ поприщѣ. Иныхъ напередъ мы звали директорами гимназій, въ ту пору не зная другихъ, высшихъ служебныхъ для педагога мѣстъ; нѣкоторые изъ насъ собирались быть писателями-педагогами. Обо всемъ этомъ разсуждалось здѣсь откровенно и смѣло.

Но вотъ среди этихъ рѣчей совершенно неожиданно раздался густой, бархатистый, отлично вышколенный баритонъ, выразительно выводившій:

«Во Францію два гренадера,
Изъ русскаго плѣна брели...»

Все замолкло и изъ разныхъ комнатъ всѣ, и гости, и хозяева, и старъ и младъ, всѣ спѣшили въ залъ узнать, кто этотъ новоявленный артистъ, существованія котораго иные и не подозрѣвали. И чуть-ли не стремительнѣе всѣхъ вышелъ сюда самъ Измаилъ Ивановичъ, передъ тѣмъ бесѣдовавшій съ кучкой студентовъ въ своемъ кабинетѣ. Пѣлъ, увѣренно и какъ настоящій артистъ, Д. Н. Соловьевъ, бывшій ярославскій семинаристъ, этотъ особенно скромный и застѣнчивый филологъ, какъ-то особнякомъ и медленно проходившій университетскій курсъ, который у него значительно затянулся. Онъ съ нами лишь держалъ выпускной

экзаменъ, а по времени вступленія въ университетъ былъ старше насъ. Какъ оказалось, онъ, въ студенческіе годы, спеціально занимался въ Петербургѣ пѣніемъ и музыкой. Пѣніе онъ страстно любилъ и въ теченіе всей послѣдующей жизни—и петербургскимъ учителемъ, и на высокихъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы. Состоя впослѣдствіи директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода при К. П. Побѣдоносцевѣ, онъ пропагандировалъ мысль о лучшей постановкѣ пѣнія въ школахъ духовнаго вѣдомства. Въ ту ночь мастерство Соловьева въ этомъ искусствѣ было для насъ огромнымъ удовольствіемъ; и Измаилъ Ивановичъ, и всѣ другіе засыпали пѣвца аплодисментами и похвалами. Обрадованный такимъ восторженнымъ пріемомъ, нашъ артистъ отвѣтилъ «Сномъ» Лермонтова, спѣтымъ имъ еще съ бо́льшимъ спокойствіемъ исполнителя, увѣреннаго въ себѣ:

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я.
Глубокая еще дымилась рана
По каплѣ кровь точилася моя . . . и т. д.

Молодежь послѣ того не давала ему, конечно, ни отдыху, ни сроку своими ненасытными просьбами пѣть еще и еще, пока этотъ сильный и склонный къ тучности дѣтина не запросилъ пощады.

Если талантъ Соловьева былъ неожиданнымъ для многихъ изъ участниковъ того незабвеннаго вечера, то музыкальное искусство другого нашего товарища по курсу было давно извѣстно всѣмъ намъ. Этотъ товарищъ нашъ былъ особаго рода. Аристократъ по происхожденію и исключительно даровитый отъ природы, онъ получилъ

ранѣе университета въ Дерптѣ и за-границей прекрасное образованіе; не говоря о трехъ новыхъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ также и практически, онъ уже на I-мъ курсѣ историко-филологическаго факультета обнаружилъ такое знаніе греческаго языка, что нашъ довѣрчивый профессоръ-эллинистъ К. Я. Люгебиль говорилъ намъ: «изъ него можетъ выйти отличный филологъ». Съ лингвистическими познаніями этотъ товарищъ соединялъ и художественную натуру даровитаго музыканта. Онъ былъ піанистомъ, скрипачемъ и композиторомъ. Но это-то обиліе дарованій да богатство и слишкомъ ранняя свобода отъ контроля въ домашней жизни и не дали развиться ни одному изъ нихъ до полнаго расцвѣта. Со второго года онъ запустилъ свои занятія факультетскими предметами и еле окончилъ курсъ. Въ тотъ вечеръ, радуясь тому, что и онъ получаетъ дипломъ, хотя и послѣдней степени, онъ былъ въ ударѣ и игралъ много и съ увлеченіемъ, точно въ предчувствіи, что это—уже его «лебединая пѣснь» въ средѣ, за предѣлами которой его ждала тревожная жизнь, между прочимъ, и странствующаго музыканта, какимъ, вмѣстѣ съ набраннымъ имъ пестрымъ оркестромъ, можно было его видѣть по улицамъ и площадямъ въ городахъ Италіи и Швейцаріи. . .

Майская ночь среди этихъ быстро смѣнявшихся развлеченій для насъ пролетѣла быстро и занялась розовая заря. Уже совсѣмъ разсвѣло, а банкетъ нашъ все продолжался. Свѣчи и лампы были болѣе ненужны. Наступало утро, пробуждался городъ, а неугомонная молодежь, значительная часть которой окружала Измаила Ивановича, все не оставляла гостепріимной семьи, словно каждый изъ насъ боялся, что, съ закрытіемъ двери этого дома, окончится

его студенчество и сейчасъ же начнется новая полоса жизни. Измаилъ Ивановичъ былъ особенно оживленъ и бесѣдовалъ съ нами, не зная усталости. Онъ говорилъ намъ и на этотъ разъ о серьезности въ трудѣ, о надлежащей научной работѣ, каковою онъ признавалъ только пріобрѣтеніе знаній путемъ изученія источниковъ и основъ каждой науки. Тутъ И. И. повторялъ свою излюбленную мысль, что вмѣсто большихъ диссертацій лучше бы печатать болѣе *краткія по объему* сочиненія, куда входило бы только необходимое, главное и строго провѣренное. «Съ размноженіемъ пишущихъ», говорилъ И. И., «не будетъ доставать времени внимательно перечитывать толстыя книги съ ихъ длинными разсужденіями. Пусть научныя изслѣдованія идутъ своимъ чередомъ, но изложеніе ихъ результатовъ должно быть возможно краткое и ясное, такъ чтобы для установившихся научныхъ открытій послѣ находилось мѣсто на страницахъ научныхъ словарей». Словарямъ по каждой историко-филологической дисциплинѣ И. И. придавалъ исключительное значеніе, какъ хранилищу научныхъ истинъ, болѣе доступному для каждаго, чѣмъ разбросанная монографическая и журнальная литература.

Уже ночь смѣнилась свѣтлымъ солнечнымъ утромъ, когда мы наконецъ сообразили, что «ударилъ часъ и намъ разстаться». И Измаилъ Ивановичъ, надписавши каждому по своей фотографической карточкѣ и одѣливши насъ ими, въ отвѣтъ на нашу общую, поднесенную ему, группу, съ яснымъ оттѣнкомъ грусти на лицѣ, провожалъ насъ на верхней площадкѣ лѣстницы. «Прощайте, господа», — говорилъ онъ здѣсь, — «вмѣстѣ съ вами уходитъ отъ меня и моя молодость, воскресшая было для меня въ моихъ дѣтяхъ-студентахъ. И они, какъ вы, переставая быть

студентами, перешагнутъ черту юности, а я уже безповоротно становлюсь теперь старикомъ. Будьте же счастливы и не поминайте меня лихомъ».

Вотъ послѣднія слова Измаила Ивановича, которыя мы—студенты слышали, стоя уже на лѣстницѣ. Молча и низко поклонились мы нашему старому учителю, молча и медленно спустились мы внизъ. Отъ подъѣзда, сказавъ кликами и жестами послѣднее *прости* дорогому пріюту нашихъ студенческихъ лѣтъ, мы прошли на набережную Невы и здѣсь, у красавицы-рѣки, осіянной солнечнымъ блескомъ прекраснаго майскаго утра, въ виду блиставшаго золотомъ купола Исакія, мы перецѣловались и простились, чтобы къ вечеру того же дня навсегда разойтись въ разныя стороны Россіи. Тамъ, по отдаленнымъ другъ отъ друга мѣстамъ, въ послѣдовавшіе годы три четверти нашего курса давно сложили свои кости, оставивши по себѣ добрую память добросовѣстныхъ тружениковъ, каждый въ своемъ дѣлѣ, на которое поставила его судьба. Они нашли себѣ мѣсто вѣчнаго покоя въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, въ Петербургѣ, въ Польшѣ и на Кавказѣ.

II.

Выше я сказалъ, что мы студенты-провинціалы увидали изящныя формы жизни высоко-культурной среды—впервые въ домѣ И. И. Срезневскаго. Это было дѣйствительно такъ, потому что сюда мы приглашены были раньше, чѣмъ получили доступъ въ другія профессорскія семьи. Послѣднее счастье выпало нѣкоторымъ изъ насъ уже въ слѣдующіе годы, когда опредѣлились наши спеціальныя научныя на-

клонности и когда мы выбирали себѣ руководителей между профессорами. И мы сами были въ эту пору уже нѣсколько другими.

Но Измаилъ Ивановичъ и по должности декана, и какъ отецъ двоихъ студентовъ нашего курса, сталъ къ намъ въ близкія отношенія съ первыхъ же недѣль нашего студенчества. Какъ деканъ, онъ первый узналъ крайнюю бѣдность большинства изъ насъ. Съ первыхъ же недѣль онъ принялъ на себя заботу объ освобожденіи насъ отъ платы за слушаніе лекцій: 50 рублей тогдашняго годичнаго взноса были суммой для нашихъ тощихъ кошельковъ непосильной. Измаилъ Ивановичъ всѣхъ насъ отъ такой платы освободилъ на всѣ 4 года. Эти хлопоты онъ долженъ былъ вести передъ правленіемъ университета, вѣдавшимъ хозяйственные интересы учрежденія. Прошли три первые мѣсяца и наши финансовые запасы, полученные изъ дому, совсѣмъ истощились, хотя мы и были очень экономны, нанимая комнату вдвоемъ и даже втроемъ за 7 руб. и платя за обѣдъ по 5 руб. въ мѣсяцъ. На Измаила Ивановича пала кручина добыть нуждающимся *денежныя пособія* изъ университета, а достичь этого ему было совсѣмъ не легко. Спеціальныя средства университета состояли только изъ платы за слушаніе лекцій, которая, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, не могла быть сколько нибудь значительной, при тогдашней сравнительной малолюдности студентовъ. Если нынѣ такіе факультеты, какъ историко-филологическій и физико-математическій, считаютъ своихъ студентовъ многими сотнями, то въ наше время здѣсь были только десятки студентовъ, да и то ничего не платившихъ. При крайне стѣсненныхъ денежныхъ средствахъ, правленіе университета должно было жаться въ своихъ ассигно-

ваніяхъ — и нужны были особая энергія и авторитетныя рѣчи Измаила Ивановича среди его коллегъ-декановъ, чтобы выводить насъ изъ безвыходнаго положенія. Горячаго его заступничества при этомъ было мало, ему нужны были для правленія документальныя свидѣтельства трудолюбія просителей. И Измаилъ Ивановичъ съ самаго же начала совѣтовалъ намъ прилежно посѣщать лекціи, записывать ихъ послѣ дома, провѣрять свои записи и дѣлать конспекты, а также непремѣнно участвовать въ практическихъ упражненіяхъ. Чтобы добыть намъ матеріальную помощь, онъ собиралъ свѣдѣнія о нашихъ занятіяхъ между членами факультета и заставлялъ насъ самихъ доставлять ему письменные отзывы профессоровъ, вниманіе которыхъ мы успѣли своимъ прилежаніемъ заслужить. И старый профессоръ, который никогда не позволялъ себѣ читать лекцій по старымъ тетрадямъ, деканъ и академикъ, который не только управлялъ цѣлымъ отдѣленіемъ Академіи, но и ежегодно, вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ, удивлялъ многочисленностью своихъ научныхъ изслѣдованій и печатныхъ работъ (а писалъ онъ ихъ всегда въ тишинѣ позднихъ часовъ ночи), этотъ ученый колоссальнаго авторитета, носится, бывало, по темнымъ коридорамъ университетскихъ канцелярій съ нашими бумагами, выуживая оттуда аргументы для предстоящихъ ему рѣчей въ правленіи. И я не помню случая, когда бы эти хлопоты и старанія И. И-ча не увѣнчались желаннымъ для насъ успѣхомъ. Слѣдуя своему неизмѣнному обычаю, онъ студентовъ-первокурсниковъ особенно берегъ, какъ родныхъ ему молодыхъ людей, зная по профессорскому опыту многихъ лѣтъ, что эти бѣдняки со 2-го курса станутъ на собственныя ноги и, крайне умѣренные въ своихъ потребностяхъ, не будутъ

терпѣть матеріальной нужды. Такъ это было съ длиннымъ рядомъ видѣнныхъ имъ факультетскихъ поколѣній; такъ это было и съ нами.

Уже съ января Измаилъ Ивановичъ заботился о нашихъ майскихъ экзаменахъ. Врагъ фразы и студенческаго многознайства, онъ проводилъ въ факультетѣ только минимальное количество экзаменаціонныхъ предметовъ, чтобы сосредоточить на этомъ немногомъ наши силы. Но говоря съ нами объ экзаменахъ, онъ заранѣе нарочно въ нашихъ глазахъ усиливалъ ихъ строгость и трудность, зная, что послѣднее обстоятельство заставитъ насъ напрячь наши молодыя и стойкія силы во-всю. Старый профессоръ, передъ глазами котораго прошло столько университетскихъ поколѣній, здѣсь ошибиться не могъ. Пишущій эти строки такъ выдолбилъ стихотворную скандовку, текстъ Ars Poëtica Горація и профессорскій къ нему комментарій, что послѣ многіе годы онъ читалъ наизусть мѣста, доставшіяся ему на этомъ первомъ университетскомъ экзаменѣ. За то одолѣть чешскій текстъ Краледворской рукописи, тогда еще сохранявшей позицію подлинности, мы своей группой никакъ не могли. Словаря чешско-русскаго у насъ не было, да и лекціи Вл. И. Ламанскаго по этому предмету мы посѣщали неисправно. Оттого нашъ даровитѣйшій товарищъ, покойный П. И. Аландскій, со свойственной ему большой смѣлостью, переводилъ на экзаменѣ слово рěспу словомъ *печеный*, почему мы послѣ, нѣкоторое время, и дразнили его: «эхъ, ты — печеный!», неделикатно намекая ему на его красное лицо и на рыжеватые волосы.

Не лучше отличился на чешскомъ экзаменѣ и пишущій эти строки, да къ тому же въ присутствіи попечителя учебнаго округа и сопровождавшаго его декана Измаила

Ивановича. Досталось ему переводить стихотвореніе

Ah ty róže, krásná róže!
Čemus raně rozkvetla?
rozkvetavši pomrzla?
pomrzavši usvědla?
usvědevši opadla и т. д.

Ни чтеніе чешскаго текста, ни переводъ его не были удачны. Вообразивши, что слово róže значитъ «рожа» и rozkvetla—«увяла», экзаменовавшійся предположилъ здѣсь рѣчь о красномъ личикѣ дѣвушки, почему-то рано увядшемъ. . . Студентъ совсѣмъ тонулъ, но И. И. постарался, въ это время, занять разговоромъ попечителя-нѣмца, происходившаго изъ остзейскихъ губерній, а В. И. Ламанскій, быстро поправляя фальшивое чтеніе и невозможный переводъ, не давалъ студенту осрамиться. И какъ ни легкомысленна бываетъ юность, но и тогда нельзя было не видѣть, что и деканъ, и профессоръ старательно вызволяли несчастнаго юношу изъ экзаменской бѣды. Дѣлая это очень деликатно, они поставили такой милостивый баллъ, что наши товарищи, занятые каждый ожиданіемъ своего экзамена, могли бы и ничего не замѣтить, если бы самъ спасенный не разболталъ имъ послѣ эти пріятныя для него подробности.

Кстати объ экзаменахъ И. И. Срезневскаго. Читая курсъ Энциклопедіи славяновѣдѣнія и Славяно-русскихъ древностей, образцовый по полнотѣ содержанія и по точности изложенія, краткаго, чуждаго всякихъ ораторскихъ прикрасъ, онъ зналъ, что студенты памятью взять ихъ могутъ, хотя такая краткость и необычайная точность этого, какъ бы стального, его языка, и заставятъ ихъ напрягать свои силы до крайнихъ предѣловъ. Но менѣе

онъ полагалъ надежды на усвоеніе студентами, не спеціалистами славяновѣдѣнія, фонетическихъ особенностей славянскихъ языковъ, чешскаго, сербскаго и польскаго. Мы всѣ могли убѣдиться, что онъ былъ необычайно добръ и снисходителенъ къ тѣмъ изъ студентовъ, которые избрали себѣ другія факультетскія дисциплины и прилежно занимались ими. Требуя основательныхъ отвѣтовъ отъ спеціалистовъ славяновѣдѣнія, онъ былъ въ отношеніи другихъ студентовъ неизмѣнно снисходителенъ, при всемъ своемъ, какъ бы постоянно озабоченномъ и строгомъ видѣ и этой улыбкѣ, носившей въ себѣ признаки скрытаго юмора, въ нужномъ случаѣ принимавшаго мѣткую и изящную форму выраженія. Вѣчная ему память за это гуманное къ нашимъ слабостямъ отношеніе!

III.

Сами собой возникаютъ воспоминанія о практическихъ занятіяхъ И. И. Срезневскаго. Одно слушаніе и систематическое записываніе лекцій И. И. считалъ недостаточнымъ для студентовъ. Въ связи съ этимъ ближайшей ихъ обязанностью онъ ставилъ практическія занятія. Далекій отъ мысли стѣснять здѣсь свободу выбора предметовъ для такихъ занятій и навязывать всѣмъ и каждому имъ самимъ преподаваемыя дисциплины, И. И. открывалъ практическое руководство для желающихъ съ перваго же курса, по истеченіи 2—3 первыхъ мѣсяцевъ пребыванія ихъ въ университетѣ. Эти занятія происходили въ его квартирѣ. На нашемъ курсѣ предметомъ ихъ служили сначала русская палеографія и изученіе рукописныхъ памятниковъ древней русской литературы. Для этого, къ установлен-

ному часу опредѣленнаго дня, залу и гостинную И. И-ча уставляли стульями и отдѣльными столиками съ разными, разложенными на нихъ, палеографическими листами избранныхъ текстовъ, съ навощенной бумагой и съ очиненными карандашами. Все это было заботливо изготовляемо заранѣе, чтобы не терять студентамъ короткаго зимой въ Петербургѣ свѣтлаго времени. Стоя въ кругу новичковъ, И. И. сначала объяснялъ техническіе пріемы палеографическаго копированія рукописей, при этомъ для наглядности, первую строку избраннаго памятника онъ снималъ тутъ же, на виду у всѣхъ, самъ. Онъ рекомендовалъ намъ спокойствіе и возможную внимательность ко всѣмъ подробностямъ начертанія и при этомъ не указывалъ никакой количественной задачи на дневной срокъ. Требовалась только посильная точность снимка, все равно будетъ ли онъ сдѣланъ въ одинъ или въ два пріема. Когда снимокъ былъ оконченъ, И. И. давалъ объясненія предложеннаго памятника со стороны хронологіи, исторіи, палеографіи и грамматики. Выставляя положенія, онъ рекомендовалъ студентамъ тутъ же самимъ подбирать примѣры и доказательства въ скопированномъ текстѣ. Такимъ способомъ студенты пріучались къ внимательному изученію произведеній древне-русской письменности, къ усвоенію особенностей ихъ начертанія и къ различенію ихъ по эпохамъ. Въ виду того, что палеографическія данныя здѣсь играли главную роль, то, чтобы пріучить руководимыхъ имъ къ болѣе близкому знакомству съ формами графики даннаго времени, И. И. совѣтовалъ составлять палеографическіе указатели алфавита скопированнаго памятника, не упуская изъ вида здѣсь никакой подробности, хотя бы и самаго малаго варіанта въ начертаніи ихъ.

Въ подборѣ памятниковъ соблюдалась строгая постепенность. Сначала студенты сидѣли надъ листами памятниковъ XI, XII ст., потомъ XIII, XIV и т. д. Группѣ предлагался одинъ и тотъ же текстъ, чтобы всестороннее изученіе его шло, при общей работѣ, оживленнѣе и чтобы болѣе способные студенты помогали въ аналитическомъ разборѣ своимъ медлительнымъ товарищамъ.

Предметы своихъ практическихъ занятій И. И. имѣлъ обычай разнообразить. Въ другой годъ онъ пріучалъ желающихъ къ составленію спеціальныхъ словарей къ русскимъ писателямъ—и для болѣе яркаго образца того, какъ различаются въ значеніяхъ одни и тѣ же слова въ зависимости отъ среды ихъ употребленія или отъ связи словосочиненія, избралъ для насъ Басни Крылова. И помню, съ какимъ живымъ интересомъ взялись за это подробное изученіе Крыловскаго генія даже студенты, спеціальностью которыхъ не была одна русская литература!

Ученый широкаго кругозора и разнообразныхъ научныхъ интересовъ, И. И. хотѣлъ, чтобы студенты сразу не запирались каждый въ очень узкія рамки спеціальности. Онъ желалъ, чтобы мы пріобщались къ болѣе виднымъ проявленіямъ научной мысли нашего времени. Такъ, во второй половинѣ 60-хъ годовъ этнографы на Западѣ особенно оживленно занимались вопросомъ о свайныхъ постройкахъ доисторическаго періода; тогда вышло сочиненіе Келлера Die Pfahlbauten. Увлеченный открытіями этого ученаго, И. И. пожелалъ, чтобы и желающіе изъ насъ ознакомились съ этимъ, тогда какъ бы очереднымъ, вопросомъ. Онъ далъ намъ свой экземпляръ этой книги и посовѣтовалъ выбрать изъ нашей среды товарища, который представилъ бы подробное резюме этого сочиненія. Среди

насъ былъ одинъ студентъ — исключительныхъ дарованій и образцоваго трудолюбія. Сынъ сельскаго священника Петербургской губ., питомецъ духовной семинаріи, онъ самъ себѣ былъ обязанъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго и съ 19 лѣтъ жилъ переводами сочиненій Спенсера, тогда пользовавшагося особымъ вниманіемъ и спросомъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Широко для студента начитанный въ западно-европейскихъ литературахъ, онъ сосредоточивалъ свои занятія на греческихъ писателяхъ и готовилъ изъ себя эллиниста-профессора. Но, обладая превосходствомъ исключительныхъ дарованій, онъ былъ и очень склоненъ къ поспѣшной критикѣ того, что занимало и увлекало другихъ. Оттого его сужденія часто совсѣмъ расходились съ понятіями другихъ, и иногда его выраженія принимали при этомъ рѣзкую форму. Живя на окраинѣ города одиноко и лишь въ мірѣ книгъ, какъ-то не обладалъ онъ способностью угадывать время и среду, въ которой ему приходилось говорить и дѣйствовать. Это сказалось и на его рефератахъ о выше названномъ сочиненіи Келлера. Задача его состояла только въ добросовѣстной передачѣ намъ, глава за главой, содержанія этой книги; свои же сужденія онъ, при доброй волѣ, могъ-бы изложить въ заключеніи. Но это былъ такой гиперкритическій умъ, что стóило ему, будь то какой угодно авторитетный совѣтникъ, подать указаніе и совѣтъ, чтобы онъ сдѣлалъ рѣшительно противоположное. И въ этихъ чтеніяхъ критику книги нашъ товарищъ поставилъ на первомъ мѣстѣ и съ перваго же вечера реферируемый авторъ, котораго мы хотѣли и должны были узнать, оказался на второмъ планѣ. И. И. Срезневскій, не ожидавшій этого, сдѣлалъ тутъ же замѣчаніе, что мы сюда собрались главнымъ образомъ для ознаком-

ленія съ результатами этой интересной книги, и посовѣтовалъ, чтобы въ слѣдующій разъ референтъ ближе держался текста даннаго сочиненія. Совѣтъ этотъ имѣлъ обратное дѣйствіе. Черезъ недѣлю мы слушали сплошную субъективную критику нашего товарища, но не результаты изслѣдованія Келлера. И. И. повторилъ то же замѣчаніе, но въ формѣ уже болѣе категорической и съ ноткой раздраженія въ голосѣ, которую мы другіе должны были замѣтить и которой, къ сожалѣнію, не разслышалъ и не примѣтилъ нашъ товарищъ. Собрались мы въ квартирѣ И. И-ча въ третій разъ для слушанія этого реферата. Но характеръ его былъ еще болѣе субъективный, чѣмъ въ два первыя чтенія. Выступали передъ нами только референтъ и его какъ бы придирчивое отношеніе къ книгѣ, но не сама книга съ ея фактическимъ содержаніемъ. Къ тому же самое изложеніе своимъ догматическимъ тономъ рѣзало ухо И. И-ча; онъ не выдержалъ, вспылилъ — и дальнѣйшія чтенія по этому вопросу болѣе не продолжались. Этотъ инцидентъ стоилъ послѣ безсонной ночи старому профессору, котораго, конечно, вѣдь только доброе сердце заставляло такъ няньчиться съ нами; но едва ли этотъ случай охладилъ гиперкритическую манеру сужденій нашего товарища. Это свойство его ума повело впослѣдствіи къ тому, что магистерская его диссертація прошла въ факультетѣ съ большимъ трудомъ; публичный его диспутъ, благодаря рѣзкости диспутанта, сопровождался тяжелой сценой раздраженія въ профессорской средѣ. А когда нашъ товарищъ послѣ представилъ новую книгу на степень доктора греческой словесности, наполнивши ее болѣе философскимъ содержаніемъ, чѣмъ филологическимъ матеріаломъ, то философы нашли, что этотъ философскій элементъ мало само-

стоятеленъ и научно-цѣненъ, а филологи указали на недостаточность собственно филологическихъ фактовъ. Книга была забракована въ петербургскомъ университетѣ, не прошла она и въ другомъ, гдѣ филологи-эллинисты сказали, что это сочиненіе болѣе философскаго характера... Эта неудача глубоко огорчила нашего несговорчиваго молодого ученаго и имѣла роковое вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Онъ нервно заболѣлъ, лѣчился, но возвратиться къ составленію докторской диссертаціи уже не могъ, оставшись навсегда доцентомъ. Подъ конецъ своей, рано прервавшейся, жизни, онъ обратился къ составленію курса лекцій по древне-греческой исторіи. Это былъ блестящій курсъ, созывавшій въ его большую аудиторію не однихъ студентовъ историко-филологическаго факультета, но и юристовъ, и естественниковъ. Изъ этихъ лекцій составившаяся и напечатанная книга послѣ рекомендовалась профессорами другихъ университетовъ студентамъ историкамъ въ качествѣ авторитетнаго пособія. Эти лекціи заставили говорить покойнаго нашего общаго друга по петербургскому университету, профессора-историка и ректора кіевскаго университета Ѳ. Я. Фортинскаго, что нашъ товарищъ въ этихъ историческихъ занятіяхъ, наконецъ-то, нашелъ свою настоящую дорогу. Но смерть какъ бы караулила того и другого — и оба они рано ушли изъ жизни, не успѣвши развернуть всей полноты дарованій, отмѣренныхъ имъ природой.

И. И. Срезневскій заботился также и о нашемъ литературно-эстетическомъ образованіи. Предостерегая насъ отъ траты времени на чтеніе модныхъ французскихъ романовъ, онъ въ своихъ домашнихъ субботнихъ бесѣдахъ рекомендовалъ намъ читать Вальтеръ-Скотта и Диккенса; отъ него перваго мы услышали восторженный отзывъ о только-что

появившемся тогда въ печати романѣ гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Пишущій эти строки помнитъ, что, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей нашего стараго профессора, нѣкоторые изъ насъ начали составлять на Апраксиномъ рынкѣ, у букинистовъ, коллекцію произведеній англійскихъ романистовъ въ переводахъ Иринарха Введенскаго; и послѣ, особенно Диккенсомъ, мы сильно увлекались. А книги «Войны и Мира» увезены нами были на святки въ глухую деревню Владимирской губерніи и тамъ были прочитаны съ восторгомъ, не забытымъ и на протяженіи 45 слѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ.

Покойный И. И. Срезневскій могъ съ полнымъ правомъ считать себя учителемъ цѣлой плеяды блестящихъ профессоровъ, ученыхъ, педагоговъ и дѣятелей литературы: его слушателями и учениками были М. И. Сухомлиновъ, Н. С. Тихонравовъ, братья Петръ и Николай Лавровскіе, Пыпинъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, Макушевъ, Будиловичъ, Т. Д. Флоринскій, Р. Ѳ. Брандтъ и др. О необыкновенной даровитости Чернышевскаго и Добролюбова И. И. въ нашемъ обществѣ вспоминалъ и въ ту пору, когда направленіе ихъ публицистической дѣятельности ихъ старый учитель одобрить уже никакъ не могъ.

IV.

Мы само собою подошли къ тому, что И. И. Срезневскій слѣдилъ за своими бывшими учениками и спустя много лѣтъ послѣ ихъ студенчества, когда судьба заставляла ихъ жить и дѣйствовать далеко отъ его непосредственнаго круга и далеко отъ Петербурга. Этимъ вниманіемъ Измаилъ

Ивановичъ дарилъ не только своихъ ближайшихъ учениковъ и продолжателей научной разработки имъ преподаваемыхъ дисциплинъ славяно-русской филологіи. Яркій примѣръ отеческаго отношенія его къ успѣхамъ бывшаго студента-филолога совершенно другой спеціальности, сохранился въ памяти всѣхъ здравствующихъ товарищей нашего курса.

Одинъ изъ насъ, отправившись на казенный счетъ заграницу для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ римской словесности и получившій совѣтъ отъ своего ближайшаго профессора-руководителя заняться тамъ, на свободѣ отъ служебныхъ обязанностей, обработкой какой либо *живой* и болѣе для *русскаго* читателя *понятной* темы историко-литературнаго или историческаго (изъ круга бытовыхъ римскихъ древностей) характера, въ Италіи, однако, остановился на эпиграфической и лингвистической задачѣ, совсѣмъ до тѣхъ поръ не входившей въ кругъ русскаго университетскаго преподаванія и нашего отечественнаго научнаго изслѣдованія. Эта работа по первоисточникамъ, открывшимся для него на протяженіи Южной Италіи и Сициліи, стала у него спориться и самая задача, сначала задуманная въ скромныхъ размѣрахъ и только въ смыслѣ докторской диссертаціи, разросталась до академическаго изданія, въ появленіи котораго заинтересовались тогдашній министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, доставившій на напечатаніе его казенныя средства, и иностранные спеціалисты. Этотъ нежданный успѣхъ естественно вскружилъ голову молодого человѣка; для окончанія своего расширившагося предпріятія онъ смѣло, не взвѣсивъ послѣдствій своего поступка, оставилъ свою доцентскую службу въ одномъ изъ окраинныхъ университетовъ и

остался за-границей. Такой поступокъ начинающаго ученаго, не имѣвшаго никакихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ, возбудилъ неодобреніе и въ оффиціальномъ мірѣ, увидѣвшемъ въ этомъ пустую браваду, и въ большинствѣ его друзей и знакомыхъ.

Но совершенно иначе взглянулъ на это дѣло И. И. Срезневскій. Когда, спустя два года, тогдашній доцентъ Московскаго университета представилъ въ Петербургскій университетъ свою докторскую диссертацію на тему о надписяхъ одного изъ древнихъ италійскихъ нарѣчій, то Измаилъ Ивановичъ отнесся и къ смѣлому автору и къ этой, очень спеціальной, книгѣ съ исключительно благосклоннымъ вниманіемъ. Онъ осыпалъ книгу комплиментами, сдѣлалъ, какъ деканъ факультета, все зависящее, чтобы скорѣе назначить день диспута, и самъ лично принявши въ преніяхъ живое участіе, высказалъ пожеланія автору, чтобы онъ не останавливался только на начертаніяхъ словъ, на звукахъ и формахъ изучаемаго нарѣчія, а постарался, по даннымъ языка, нарисовать образъ того народа, который когда-то говорилъ этимъ языкомъ, его религіозныя вѣрованія, формы его юридическаго и административнаго уклада, его бытовыя особенности, но все это сдѣлалъ бы научно и осторожно, насколько это позволяютъ наиболѣе надежныя данныя изучаемаго языка.

Въ этихъ словахъ и дружественныхъ совѣтахъ Измаила Ивановича виденъ былъ широкій кругозоръ ученаго изслѣдователя и слышалось доброе сердце стараго профессора въ отношеніи прежняго студента его факультета. Этихъ знаковъ его исключительнаго вниманія было совершенно довольно для новоиспеченнаго доктора; всѣмъ этимъ онъ былъ польщенъ и почтенъ свыше мѣры. Но Измаилъ

Ивановичъ снова какъ бы помолодѣлъ и пожелалъ созвать къ себѣ въ домъ всѣхъ прежнихъ его товарищей по университету, какіе тогда (это было въ 1877 году) находились въ Петербургѣ. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, а тѣхъ, кто успѣлъ обзавестись къ тому времени семьей, просилъ пріѣхать и съ женами.

И вотъ мы, хотя уже теперь и далеко не всѣ, сошлись снова въ этой семьѣ, гдѣ мы учились, гдѣ бывали гостями и гдѣ, въ маѣ 1870 года, пропировали цѣлую ночь. И. И. къ тому времени замѣтно постарѣлъ наружнымъ видомъ; но въ тотъ, на всю жизнь намъ милый, вечеръ онъ снова оживился и, чуждый любви къ эффектнымъ рѣчамъ и ко всякой выставочности, за столомъ, когда подали вино, поднялся и сказалъ сердечное привѣтствіе новому доктору, одобряя его самостоятельность въ выборѣ такой необычайной темы для диссертаціи и стойкость, проявленную имъ въ защитѣ ея отъ порицаній, которыя прежде сыпались на него по этому поводу. Его совѣтъ былъ при этомъ — въ научныхъ занятіяхъ и въ практической дѣятельности — слушаться главнымъ образомъ *внутренняго голоса* и идти туда, куда *влечетъ свободный умъ*, не боясь никого и ничего, кромѣ лжи передъ собой и другими.

Это была едва-ли не послѣдняя бесѣда Измаила Ивановича въ своемъ домѣ въ студенческой средѣ. Слѣдовали затѣмъ два заключительные года его жизни, съ немощами и печалями. Въ февралѣ 1880 года его не стало. Черезъ нѣсколько дней студенты и профессора историко-филологическаго факультета Московскаго университета на Николаевскомъ вокзалѣ съ чувствомъ глубокаго почтенія встрѣчали и провожали на Рязанскій вокзалъ бренные

останки И. И. Срезневскаго во время слѣдованія ихъ изъ Петербурга въ родное ему село Срезнево Спасскаго уѣзда Рязанской губ., гдѣ нѣкогда его дѣдъ о. Евсевій Ивановичъ былъ бѣднымъ священникомъ-земледѣльцемъ.

Истекаетъ 43-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали быть студентами И. И-ча. Оставшіеся въ живыхъ, мы сами давно посѣдѣли и для молодыхъ людей настоящаго времени уже сдѣлались далеко не во всемъ понятными стариками. На нашемъ жизненномъ пути суждено было намъ видѣть много почтенныхъ людей, — даровитыхъ, широко образованныхъ, ученыхъ, энергичныхъ, честныхъ, лицъ сильной воли; но когда мы вспоминаемъ величавый образъ И. И. Срезневскаго, то изъ дали нашихъ студенческихъ лѣтъ онъ встаетъ передъ нами со всею привлекательностью воплощенія тѣхъ жизненныхъ правилъ Ломоносова, которыя самъ Измаилъ Ивановичъ передъ почитателями великой памяти этого славнаго русскаго генія, собравшимися со всей Россіи[1], формулировалъ столь точно и изящно въ этихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ:

«Путеводныя правила... жизни (Ломоносова) просты»,— говорилъ онъ въ томъ собраніи:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно,—чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Любя его, люби науку. Она намъ необходима—строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой

1) П. Мельниковъ. Описаніе празднества, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова. П. 1865, стр. 20.

порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія.

«*Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ*, вездѣ и во всемъ, и *тепли любовь эту въ юношахъ*» . . . .

Эти слова у И. И. Срезневскаго вылились въ столь привлекательной формѣ, потому что они составляли исповѣданіе *его собственнаго* Credo, выражали силу и значеніе всей профессорской его дѣятельности. Это онъ — самъ *любилъ науку во всѣхъ ей преданныхъ* студентахъ, какую бы научную спеціальность они, по внутреннему влеченію, ни избрали; это — самъ Измаилъ Ивановичъ неустанно *теплилъ любовь къ наукѣ* въ насъ, петербургскихъ филологахъ. Вѣчная ему память и благодарность за эти прекрасныя свойства его благородной души!

Иванъ Цвѣтаевъ.

16 мая 1913 г.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ
объ
И. И. СРЕЗНЕВСКОМЪ.

Память Измаила Ивановича Срезневскаго останется для меня всегда священной; до конца жизни я не перестану вспоминать его имя съ благоговѣніемъ, съ чувствомъ глубочайшей благодарности. Вся вторая половина моей жизни и дѣятельности сложилась въ неожиданномъ для меня самого видѣ и направленіи подъ рѣшающимъ вліяніемъ его доброжелательства, его сочувствія ко мнѣ, явившихся во время и намѣтившихъ мнѣ новыя, непредвидѣнныя цѣли.

Мои сношенія съ Измаиломъ Ивановичемъ начались путемъ переписки гораздо раньше, чѣмъ я имѣлъ удовольствіе лично его видѣть. Всѣхъ подробностей я теперь уже не припомню, у меня нѣтъ ни моихъ писемъ къ нему, ни его отвѣтовъ. Наша переписка, довольно обширная, завязалась подъ знаменемъ славянской науки. То, о чемъ я намѣренъ написать нѣсколько словъ, относится къ шестидесятымъ и началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, значитъ, происходило полстолѣтія тому назадъ; я не смѣю воображать себѣ, чтобы въ разсказѣ моемъ заключалось что нибудь важное для славянской науки или же интересное для современниковъ; я исполню лишь долгъ благодарности къ знаменитому и незабвенному представителю русско-славян-

ской науки, если въ день чествованія столѣтней годовщины его рожденія и съ моей стороны будутъ услышаны слова въ подражаніе Горацію: ave anima, qualem neque candidiorem terra tulit neque cui me sit devinctior alter!

Изъ жизни и трудовъ Измаила Ивановича хорошо извѣстно, съ какой любовью и сердечной преданностью онъ всегда относился къ двумъ виднымъ представителямъ славяновѣдѣнія въ Прагѣ, къ П. П. Шафарику и В. В. Ганкѣ. Въ 1861 году смерть похитила этихъ старыхъ его друзей. Его привязанность къ русско-славянской наукѣ желала и искала, думается, новыхъ связей, которыя, хотя и не могли ему замѣнить потерю Шафарика и Ганки, все же сулили новую пищу его любознательному уму и любящей душѣ. Какъ разъ въ тѣ годы возникло отрадное движеніе въ области славянской науки въ средѣ хорватовъ, въ Загребѣ. Это былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ откликъ южныхъ славянъ на дѣятельность, процвѣтавшую въ Прагѣ подъ эгидой Шафарика и Палацкаго. Рядомъ съ главнымъ представителемъ старшаго, иллирскаго поколѣнія, южнославянскимъ исторіографомъ Иваномъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ, выступилъ молодой, талантливый и энергичный, поддерживаемый могущественнымъ покровительствомъ епископа Штросмайера—историкъ Францъ Рачкій. Съ обновленіемъ конституціонной жизни епископъ Штросмайеръ поднялъ голосъ объ учрежденіи югославянской академіи и югославянскаго университета въ Загребѣ. Предвѣстникомъ будущей серьезной ученой дѣятельности и какъ бы пробнымъ камнемъ назрѣвшей квалификаціи для такихъ учрежденій, былъ начатый Рачкимъ при поддержкѣ Штросмайера журналъ «Književnik», въ редактированіи котораго я взялъ на себя славянскую филологію,

Рачкій славянскую исторію, естественныя же науки Торбаръ. Этотъ журналъ, скромный по внѣшнему объему (четыре выпуска въ годъ, каждый по десяти листовъ), но серьезно разрабатывавшій всѣ вопросы южно-славянской исторіи и филологіи, обратилъ на себя вниманіе Измаила Ивановича и вызвалъ его сочувствіе. Помимо того значеніе нашей дѣятельности возрасло въ его глазахъ благодаря изданію, предпринятому совсѣмъ въ духѣ покойнаго Шафарика: это былъ знаменитый древне-славянскій памятникъ глаголическаго письма — Ассеманово или Ватиканское евангеліе, изданное Рачкимъ на средства Штросмайера въ 1865 году, съ моимъ обширнымъ филологическимъ введеніемъ. Такимъ образомъ, какъ мнѣ сдается, Измаилъ Ивановичъ могъ надѣяться, что наша южно-славянская дѣятельность дастъ его душѣ, алчущей новыхъ познаній, нѣкоторое вознагражденіе за потерю, понесенную имъ въ Прагѣ, и онъ и перенесъ на насъ все свое сердечное участіе. Не знаю, въ какомъ году это было, помню только, что я первый обратился къ нему съ письмомъ, написанномъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, въ которомъ просилъ его оказать содѣйствіе нашимъ скромнымъ ученымъ стремленіямъ указаніями и сообщеніемъ литературныхъ пособій и академическихъ изданій. Съ обычной своей сердечностью онъ откликнулся на голосъ молодого, ему лично даже и по имени совсѣмъ незнакомаго человѣка, занимавшаго мѣсто преподавателя классическихъ языковъ въ гимназіи въ Загребѣ. Завязалась переписка, касавшаяся не только вопросовъ славяновѣдѣнія, но имѣвшая для меня много поучительнаго также въ другихъ отношеніяхъ. Передо мною развертывалась картина многихъ любопытныхъ явленій русской жизни, Измаилъ Ивановичъ знакомилъ меня

съ Россіею. Не забуду никогда одного письма его, въ которомъ онъ съ восхищеніемъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія о грандіозномъ движеніи русской жизни на Волгѣ, видѣнной, кажется, и имъ тогда впервые. Эта переписка, сохраняя всю серьезность научнаго содержанія, вносила для меня нѣкоторую романтическую прелесть въ славянскую филологію.

Съ тѣхъ поръ Измаилъ Ивановичъ не переставалъ снабжать меня всѣми своими изданіями, которыя въ то время для насъ представляли большую библіографическую рѣдкость. Съ какимъ недостаткомъ книжныхъ пособій намъ приходилось тогда бороться, доказываетъ тотъ фактъ, что у насъ не нашлось изданія Остромирова евангелія Востокова, когда я собирался писать введеніе къ Ассеманову евангелію, и я долженъ былъ довольствоваться неудовлетворительной перепечаткой его въ Прагѣ. Не знаю, благодаря чьему почину единственное литературное общество, существовавшее тогда въ Загребѣ, «Матица Иллирская» получала время отъ времени нѣкоторые русскіе журналы, которые валялись въ одной комнаткѣ подъ крышей «Народнаго Дома», гдѣ помѣщалась «Матица». Исполняя обязанности секретаря «Матицы Иллирской», я заглядывалъ иногда въ комнатку, наполненную преимущественно русскими книгами. Тутъ я случайно наткнулся на изданіе сочиненій В. Бѣлинскаго; не зная еще, что̀ представляетъ собою Бѣлинскій для русской критики, я прочелъ кое что изъ его обозрѣній русской литературы за 1840-ые и слѣдующіе годы; статьи его произвели на меня такое впечатлѣніе, что я увлекся желаніемъ, подражая ему, написать нѣчто подобное для сербско-хорватской литературы. Такъ появился мой «Kratak priegled hrvatsko-srbske

književnosti od posljednje dvie-tri godine», напечатанный въ III томѣ «Книжевника».

По этому можно судить, сколько поучительнаго для меня въ научномъ отношеніи представляли изданія Измаила Ивановича въ родѣ его «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка» (П. 1863) — отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій, которыхъ у насъ тогда еще не было, — или же его «Древнихъ глаголическихъ памятниковъ» (П. 1866) — тоже отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Археологическаго общества, нѣсколько томовъ которыхъ я потомъ выписалъ изъ Будишина.

Съ учрежденіемъ и открытіемъ Югославянской Академіи въ 1866 году обстоятельства измѣнились къ лучшему: у насъ получился научный центръ, давшій намъ возможность завязать прямыя сношенія съ другими славянскими учеными обществами и академіями. Югославянская Академія почла своимъ долгомъ избрать Измаила Ивановича въ свои почетные члены уже въ первомъ своемъ засѣданіи, назначенномъ для выборовъ въ 1867 г. Вмѣстѣ съ нимъ были выбраны М. П. Погодинъ въ Москвѣ, Палацкій въ Прагѣ, Миклошичъ въ Вѣнѣ и Шлейхеръ въ Іенѣ. Это избраніе, повидимому, очень обрадовало Измаила Ивановича. Онъ не только отзывался съ теплымъ сочувствіемъ о первыхъ научныхъ трудахъ юной академіи, но доставилъ даже одну свою статью «Описаніе кормчей сербскаго письма» для напечатанія въ академическомъ «Starine» (напечат. въ III томѣ). Понятное дѣло, что Измаила Ивановича интересовали наши филологическія изслѣдованія по древне-славянской письменности. Такъ еще въ 1867 году въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ онъ сообщилъ по даннымъ,

полученнымъ отъ меня, объ одномъ замѣчательномъ отрывкѣ Апостола глаголическаго письма, изданномъ мною въ II томѣ академическаго Rad'a, а въ II томѣ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности напечаталъ статью «Труды Югославянской Академіи наукъ и художествъ», въ которой говорится и о «Книжевникѣ», и о «Радѣ», и о моей исторіи литературы. Сочувствіе его къ нашей дѣятельности выразилось также и въ томъ, что по предложенію его въ 1868 году состоялось мое избраніе въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Но состоять членомъ Югославянской Академіи, потомъ членомъ-корреспондентомъ Ученаго общества въ Бѣлградѣ и теперь членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ — значило навлечь на себя подозрѣніе хорватскаго правительства, находившагося подъ давленіемъ Венгріи. И не занимаясь нисколько политическими дѣлами, не трудно было попасть въ число опасныхъ людей. Надо мною разразилась катастрофа: въ 1870 году подъ пустячнымъ предлогомъ я былъ уволенъ отъ службы безъ содержанія и безъ права на пенсію. И тутъ выказалась сердечность Измаила Ивановича по отношенію ко мнѣ. По его предложенію мнѣ была присуждена за мои труды въ области славянской филологіи степень почетнаго доктора славянской филологіи Петербургскаго университета и такимъ образомъ дана возможность Новороссійскому университету въ Одессѣ избрать меня въ экстраординарные, и потомъ въ ординарные профессора по сравнительному языкознанію. Правда, и Югославянская Академія сдѣлала попытку обезпечить мое положеніе въ своей средѣ избраніемъ меня вскорѣ послѣ состоявшагося увольненія на мѣсто второго секретаря академіи, но это избраніе такъ не понравилось прави-

тельству, считавшему его демонстраціей, что благоразумно было уступить и удалиться.

Въ промежутокъ между состоявшимся избраніемъ въ Одессѣ и моимъ отъѣздомъ въ командировку въ Германію и Россію для лучшаго приготовленія къ новой каѳедрѣ, я имѣлъ удовольствіе впервые видѣть лично Измаила Ивановича въ Загребѣ. Это было лѣтомъ 1871 года, когда онъ, проѣздомъ, если не ошибаюсь, въ Италію, сопровождаемый своей дочерью Ольгой Измаиловной, остановился на сутки въ Загребѣ. Для меня было невыразимой радостью увидѣть своего благодѣтеля, да еще у себя на родинѣ, въ скромномъ семейномъ кругу. Измаилъ Ивановичъ могъ возобновить въ своей памяти старыя воспоминанія о своемъ пребываніи въ Загребѣ, въ молодые годы, въ самый разгаръ иллиризма. Не знаю, нашелъ ли онъ городъ измѣнившимся въ сравненіи съ тѣми временами; но чего онъ не нашелъ — это были его старые друзья сороковыхъ годовъ; всѣ почти они сошли со сцены, ихъ замѣнило новое поколѣніе, къ которому принадлежалъ тогда и я. Югославянская Академія тогда еще не имѣла своего нынѣшняго помѣщенія — красиваго маленькаго дворца; она помѣщалась въ «Народномъ Домѣ», но уже тогда обогатилась между прочимъ замѣчательнымъ собраніемъ древне-славянскихъ рукописей Антона Михановича, послужившихъ, какъ извѣстно, главнѣйшимъ матеріаломъ для церковно-славянскаго словаря Миклошича. Онѣ за безцѣнокъ были уступлены Югославянской Академіи по просьбѣ Штросмайера и Рачкаго хорватскимъ помѣщикомъ Бриглевичемъ, получившимъ ихъ по наслѣдству послѣ смерти Михановича. Это собраніе рукописей разсматривали мы съ Измаиломъ Ивановичемъ въ до-полуденные часы, и по просьбѣ его я обѣщался списать для

него изъ Иловицкой кормчей текстъ градскаго закона вмѣстѣ съ описаніемъ содержанія рукописи. Я думаю, въ Измаилѣ Ивановичѣ не могло не вызвать разочарованія мое плохое владѣніе живымъ русскимъ языкомъ, особенно послѣ моихъ довольно многочисленныхъ писемъ: я усердно изучалъ русскій языкъ и могъ при нѣкоторомъ стараніи составить, хотя и не безошибочное, но сносное русское письмо, но у меня недоставало практики для разговора: я, правда, видалъ время отъ времени заѣзжавшихъ въ Загребъ русскихъ путешественниковъ, по большей части изъ числа славистовъ, напр. Нила Попова, Влад. Ив. Ламанскаго, В. В. Макушева, П. А. Ровинскаго, но ихъ пребываніе въ Загребѣ было очень непродолжительно. Теперь, говорятъ, имѣется уже и въ Загребѣ кружокъ любителей русскаго языка, но я вижу, судя по газетамъ, что знаніе русскаго языка еще не пустило глубокихъ корней. Кажется, моимъ соотчичамъ внушаетъ особое уваженіе окончаніе прилагательныхъ на *ая* и *ое*, и они, опасаясь какъ бы не уменьшить склоненія прилагательныхъ, постоянно пишутъ «у Новојем времену», изъ «Јснаје Полане» и т. д. Дѣлалъ ли и я тогда такія ошибки, не знаю; кажется, что нѣтъ.

Появленіе такой знаменитости, какъ русскій ученый, притомъ тайный совѣтникъ, въ Загребѣ, и даже съ нарочной цѣлью повидаться съ скромнымъ труженикомъ, недавно только уволеннымъ безъ чина и жалованья, — произвело въ городѣ сенсацію, пошли разные толки, одинъ нелѣпѣе и смѣшнѣе другого; конечно, безъ «катящагося рубля» не обошлось!

Мы простились съ Измаиломъ Ивановичемъ и его спутницей, чтобы черезъ полгода увидѣться опять съ нимъ и со всѣми членами семейства Срезневскихъ въ Петербургѣ.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, гдѣ я работалъ у профессора Вебера надъ Санскритскимъ языкомъ и гдѣ впервые познакомился съ дорогимъ сочленомъ и другомъ Филиппомъ Ѳедоровичемъ Фортунатовымъ, я пріѣхалъ въ началѣ февраля съ женою и дѣтьми въ Петербургъ. О неизгладимыхъ первыхъ впечатлѣніяхъ на русской почвѣ и въ Петербургѣ, я разсказалъ сербскимъ читателямъ въ «Книжевномъ Гласникѣ» (1912 г.) и здѣсь повторяться не буду. Достаточно сказать, что всѣ мы встрѣтили въ семьѣ Срезневскихъ такой радушный пріемъ, какъ будто бы мы вошли въ родной домъ. Нечего и говорить о томъ, что Измаилъ Ивановичъ познакомилъ меня съ многими изъ профессоровъ университета, съ членами Отдѣленія, между ними съ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Бычковымъ, при содѣйствіи котораго я вскорѣ началъ списывать текстъ Зографскаго евангелія въ Публичной библіотекѣ. На еженедѣльныхъ вечерахъ у Измаила Ивановича я имѣлъ случай видѣть многихъ его посѣтителей изъ литературнаго міра; помню, какъ я наслаждался чтеніемъ Аполлона Майкова изъ его «Двухъ Міровъ», какъ много неизвѣстнаго о сибирской жизни узналъ изъ разсказовъ пріѣхавшаго изъ Барнаула Гуляева, вспоминаю споръ съ покойнымъ Будиловичемъ о судьбахъ славянскаго міра, затянувшійся далеко за полночь...

Срезневскій любилъ славянство, желалъ всѣмъ славянамъ счастливаго и успѣшнаго политическаго и культурнаго развитія, но никогда не былъ тѣмъ, что принято называть славянофиломъ. И эта любовь къ славянству вмѣстѣ съ неизмѣнной любовью къ наукѣ являлась связующимъ звеномъ между мною и незабвеннымъ Измаиломъ Ивановичемъ.

И. Яничъ.

ОПИСАНІЕ ВЫСТАВКИ ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

[Выпущено въ свѣтъ отдѣльной брошюрой ко дню публичнаго собранія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ память И. И. Срезневскаго 20 января 1913 года].

Предметы, собранные на выставкѣ, по преимуществу относятся къ первому періоду жизни И. И. Срезневскаго — до переѣзда въ Петербургъ въ 1846 г. Это — этнографическая и литературная дѣятельность до 1839 г. и путешествіе по западно-славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. Дальнѣйшее время представлено эпизодически и кратко: дѣятельность университетская въ Харьковѣ и Петербургѣ, Академія Наукъ, труды по русскому языку, работы по палеографіи и археологіи.

Въ отдѣльной — первой витринѣ собрано то, что касается происхожденія И. И. Срезневскаго, его отца, матери, восходящихъ родственниковъ и жены.

Во-первыхъ здѣсь лежитъ родословная Срезневскихъ, написанная И. И. С—мъ, виды с. Срезнева (Спасскаго уѣзда Рязанской губ.), откуда происходитъ И. И. Срезневскій (старый домъ священника, рѣка Ока, р. Непложа, церковь, теперь уже упраздненная, могила И. И. Срезневскаго въ 1880 г.), далѣе портретъ (пастель) отца И. И-ча — Ивана Евсѣевича Срезневскаго, профессора Демидовскаго Ярослав-

скаго высшихъ наукъ училища и затѣмъ Харьковскаго университета (р. 1770 † 1819), относящійся къ 1810-мъ гг., портретъ матери И. И-ча Елены Ивановны Срезневской (р. 1792 † 1856), въ гробу, рисованный самимъ И. И-чемъ, портретъ его дѣда по матери И. А. Кускова, и три портрета его жены Екатерины Ѳедоровны Срезневской, рожд. Тюриной (р. 1825 † 1912).

Изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ И. Е. Срезневскому, здѣсь находится краткая біографія, написанная неизвѣстнымъ лицомъ вскорѣ послѣ его смерти, выписки изъ его формулярнаго списка, сдѣланныя рукою И. И. С—го, біографическій очеркъ его, составленный И. И. С—имъ, печатный «Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Iaroslaviensi . . . habendarum», съ свѣдѣніями о читанныхъ имъ курсахъ; оффиціальныя его бумаги: аттестатъ объ окончаніи курса Рязанской семинаріи 1791 г., съ первымъ упоминаніемъ фамиліи «Срезневскій», аттестатъ объ окончаніи университетскаго курса въ Московскомъ университетѣ 1796 г. и дипломъ отъ Харьковскаго университета на званіе доктора (doctoris litterarum et artium humaniorum) 1813 г. Далѣе его рукописи — книжка стиховъ «Моя лира», открытая на стихотвореніи «Ахъ, почто ты рокъ злощастный . . .», замѣтка его объ Овсени и письмо къ матери жены о крещеніи И. И. Срезневскаго; нѣкоторыя изданія его произведеній: «Ода пчелиной маткѣ отъ вѣрной подданной ея молодой пчелы С. . .» (М. 1794), «Плачь Публія Овидія Назона» (М. 1795), «Рѣчь о любви къ отечеству» (изъ «Утренней Зари» 1800 г.), «Побѣдная пѣснь Россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта, сочиненная для музыки . . .» (Харьковъ, 1812), «Гораціева

ода XXXII» (изъ Украинскаго Вѣстника 1819 г.) и напечатанное въ 1910 г. въ книгѣ «Любовная лирика XVIII в.» стихотвореніе «Розанъ».

Изъ рукописей, относящихся къ Е. И. Срезневской, здѣсь находится нѣсколько ея писемъ и стихотвореніе И. И. С—го, ей посвященное, написанное въ 1839 или 1840 г., во время его перваго заграничнаго путешествія.

Отъ Іосифа Евсѣевича Срезневскаго, доктора философіи, профессора Казанскаго университета и затѣмъ преподавателя петербургскаго Артиллерійскаго училища, кончившаго жизнь монахомъ въ одномъ изъ монастырей калужской епархіи, сохранилось всего три письма — 1819, 1825 и 1828 гг., которыя и выставлены въ этой витринѣ. Кромѣ того тутъ же находятся «Обозрѣніе публичныхъ преподаваній въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» 1813—1814 гг. и «Catalogus praelectionum in universitate litterarum Caesarea Casanensi... habendarum» 1815—1816 гг., въ которыхъ говорится о его университетскихъ курсахъ. Одно изъ его сочиненій «О разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ» представлено здѣсь въ изданіи («Вѣстникъ Европы» 1817 г.).

Во второй витринѣ собрано то, что относится къ первому, харьковскому періоду жизни И. И. Срезневскаго. Здѣсь мы видимъ подлинную метрическую запись о рожденіи его, изображеніе Харьковскаго университета 1820—1830-хъ гг., виды Харькова того же времени, автографы и портреты университетскихъ профессоровъ, вліяніе которыхъ было особенно цѣнимо И. И. С—мъ,— И. И. Даниловича, И. И. Гулака-Артемовскаго. Далѣе видимъ письмо И. И. С—го къ матери изъ перваго путешествія въ Москву, письмо въ Ярославль къ бабушкѣ

Ек. Ант. Кусковой 1830 г. (съ описаніемъ мѣръ противъ холеры), автографы друзей его, въ кругу которыхъ началась его литературно-этнографическая дѣятельность — письмо И. В. Росковшенка 1831 г. (съ разсказомъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ), письма Аѳ. Г. Шпигоцкаго 1831 г., Ореста и Ѳедора Степановичей Евецкихъ, книжку «Украинскаго альманаха» (Харьковъ, 1831), изданнаго И. И. С—имъ совмѣстно съ Росковшенкомъ, книжку «Словацкія пѣсни», письмо И. Лисавицкаго, помогавшаго И. И. С—му въ собираніи памятниковъ народной словесности, письма и стихотворенія украинскаго поэта Льва Боровиковскаго, переводы съ румынскаго и сербскаго А. Хиждеу.

Далѣе, извлеченія изъ того, что И. И. называлъ своей украинской «скарбницей», украинской «скрыней»,—записи пѣсенъ, пословицъ, обрядовъ, повѣрій малорусскихъ, выписки изъ лѣтописей и пр.: «Абевега малороссійскихъ суевѣрій и преданій», Сборникъ заговоровъ (собранный О. С. Евецкимъ), «Меморіалъ гетмановъ войска запорожскаго», «Пѣсни, записанныя студентомъ Зонарою», «Южнорусскія купаловыя пѣсни», «Чумацкія пѣсни», «Петрйвочки», «Думы и пѣсни украинскія» — сборникъ, переписанный И. И. С—мъ, переписанное имъ же «Собраніе памятниковъ народной украинской словесности», съ спискомъ лицъ, принимавшихъ участіе въ собираніи, «Червоная могила» (изложеніе думы рукою И. И. С—го), «Вѣрша Великодня» (рукою неизвѣстнаго), «Стихи или вѣрша Черноморская» записанная неизвѣстнымъ, «Вирша на Воскресеніе Христово», большая тетрадь подъ заглавіемъ «Выписки и записки библіографическія и историческія касательно исторіи Украины и Польши», «Чтенія Сказаній Вильгельма ле Вассера де Боплана объ Украинѣ» (рукою

И. И. С—го), «Надгробное слово» (сатира). Далѣе, нѣсколько писемъ И. И-ча къ матери изъ помѣстья Варваровки на Днѣпрѣ 1832 — 1833 гг., гдѣ онъ работалъ надъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI столѣтіи», рисованный И. И. С—имъ, картинка сепіей — «Видъ Варваровскаго деревенскаго дома и Днѣпра, снятый съ набережныхъ скалъ Ненасытенца», и большая записная тетрадь, относящаяся къ тому же времени. Тутъ же книжки «Запорожской старины» съ образцомъ билета для подписки на нее (рукою И. И. С—го) и изслѣдованіе И. И. С—го «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины (Харьковъ, 1839). Далѣе, письма Н. В. Гоголя, И. М. Снегирева. Затѣмъ представлены литературныя произведенія И. И-ча: рукопись «Разсказы инока Симеона Азарянскаго», съ разрѣшеніемъ печатать (за рядомъ исключеній), съ подписью М. Т. Каченовскаго, напечатанные въ передѣлкѣ въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» (Харьковъ, 1834) подъ заглавіемъ «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Гр. Сковородѣ», рукописи: «Овара, сїмь думокъ» за подписью «Антонъ Майко Келеберда зъ Почаёва Поломарь Богородицькой Звоницы», «Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Григоріи Савичѣ Сковородѣ» (при этомъ рѣдкій портретъ Сковороды и автографъ его письма къ свящ. Правицкому), разсказъ «Маіоръ, Маіоръ» (напечатанный въ Московскомъ Наблюдателѣ 1836 г.), «Rapsodia sonatina» (тамъ же, 1837), рукопись воспоминаній о посѣщеніи И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ (тутъ же автографъ И. П. Котляревскаго «Москаль Чаривникъ» и старинный портретъ его сепіей). Далѣе, письма В. В. Пассека, А. Л. Метлинскаго, Н. И. Костомарова, содержаніе драмы Костомарова «Савва Чалый» (рукою

автора), письмо И. И. С—го къ Костомарову съ отвѣтомъ Костомарова на томъ же листкѣ, письма къ И. И. С—му В. Н. Каразина, В. Г. Анастасевича, А. Ѳ. Вельтмана, автографъ Г. Ѳ. Квитки (пѣсня «Грицю, Грицю...»), литографированный портретъ его и рѣчь И. И. С—го надъ его гробомъ (автографъ).

Далѣе, отдѣльную группу составляютъ труды И. И. Срезневскаго по статистикѣ и политической экономіи — печатный экземпляръ его магистерской диссертаціи «Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» (Харьковъ, 1837), «Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» (П. 1838), рукопись «Компендіумъ статистическаго описанія Россійскаго государства въ современномъ состояніи», печатный экземпляръ докторской диссертаціи «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно» (Харьковъ, 1839).

Третья витрина заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ путешествію И. И. Срезневскаго въ западнославянскія страны 1839—1842 г. Это—попытка наглядно изобразить дѣятельность И. И-ча въ этотъ періодъ, охарактеризовать при помощи рукописей, книгъ, портретовъ, рисунковъ и другихъ предметовъ его стремленія, цѣли, преслѣдуемыя имъ въ его работѣ, его связи съ дѣятелями науки и общественной жизни.

Мы начинаемъ слѣдить за путешественникомъ съ его отъѣзда изъ Харькова. Тутъ во-первыхъ видимъ напутственныя привѣтствія ему отъ его харьковскихъ наставниковъ и друзей—П. П. Гулака-Артемовскаго, И. Н. Даниловича, Н. И. Костомарова (стихотвореніе, нач.: «Хай мило-

сердый Бйгъ та святая Дѣва Марія тебе боронять...»), отъ лицъ, съ которыми онъ встрѣтился или познакомился въ Москвѣ—А. Ѳ. Вельтмана (стихотвореніе «Свершая жизни трудный путь. . .» и портретъ), М. Т. Каченовскаго, М. С. Щепкина, Н. В. Гоголя, М. П. Погодина, П. М. Строева, С. Е. Раича (стихотвореніе, нач.: «Вы ѣдете въ страну Торквато. . .»). Далѣе, его рисунки — наброски видовъ Бѣлгорода, Мценска, Орла, Тулы, замѣтки о древне-славянскихъ рукописяхъ собранія М. П. Погодина (1839).

Затѣмъ, съ отъѣздомъ за предѣлы Россіи, жизнь И. И. Срезневскаго представлена въ его путевыхъ замѣткахъ о путешествіи по Пруссіи, въ замѣткахъ о Кашубахъ, о ихъ нарѣчіи; здѣсь же старинныя литографіи—виды Тильзита, Кенигсберга, Берлина.

Сношенія съ ученымъ міромъ представлены въ памятныхъ запискахъ нѣмецкихъ профессоровъ—Ф. Боппа, подъ руководствомъ котораго И. И. изучалъ санскритскій языкъ (санскритская запись), А. Потта (отрывокъ автобіографіи), Розенкранца.

Дѣятельность въ Прагѣ, гдѣ И. И. работалъ надъ чешскимъ и другими славянскими языками подъ руководствомъ Шумавскаго, Ганки, Шафарика, представлена частью въ его письмахъ, частью въ работахъ надъ изученіемъ чешской народной литературы. Здѣсь же находится старинная гравюра, изображающая пражскій соборъ св. Вита; затѣмъ, автографы лицъ, съ которыми сблизился И. И.: стихотвореніе на память отъ І. Ф. Шумавскаго, письма Ганки, одно изъ нихъ совмѣстно И. И. С—му и спутнику его въ дальнѣйшемъ пути П. П. Прейсу, автобіографія Ганки, написанная имъ позже, визитная карточка его, напечатанная славянскою вязью, стихотвореніе «Národy ne

hasnau, dokud gazyk žige» на память отъ В. Ганки 1840 г., портреты Ганки (гравюра, литографія и фотографія), письмо къ нему И. И. С—го изъ Дрездена и замѣтка его о немъ, относящаяся къ концу 1840-хъ гг.; письмо И. И. С—го къ матери изъ Праги; портреты Юнгмана (гравюра), Шафарика (литографія), Челяковскаго (литографія), Палацкаго (фотографія); листокъ на память отъ чешскаго литератора В. Станька 1840 г.; стихи, обращенные къ И. И. С—му «Buď zdráw a šťasten, Ukraginský druže. . .» на память отъ Ф. Л. Челяковскаго 1840 г. и замѣтка И. И. С—го о его сочиненіяхъ; письмо П. Шафарика и замѣтка И. И. С—го о немъ, написанная значительно позже, въ 1861 г., по поводу его смерти; записка Снегирева съ порученіями Срезневскому къ Шафарику и къ польскому писателю Кухарскому; стихотвореніе на память отъ К. Винаржицкаго «Když gsi, milý pautniče Slowenský...» 1840 г.; стихотвореніе на память «Драгому Срезнѣвскому» отъ писателя-богослова Антонина Марка «Jedno hřege slunce. . .» 1840 г. и литографическій портретъ его; двустишіе И. И. С—му отъ романиста Яна Марка (писавшаго подъ псевдонимомъ Jan z Hwězdy), листокъ на память отъ Я. Коллара, относящійся къ 1841 г., написанный въ Загребѣ, гдѣ онъ познакомился съ И. И. С—мъ, и его портретъ-гравюра; четверостишіе отъ К. Я. Ербена 1841 г. и литографированный портретъ его (болѣе поздній); стихотвореніе на память отъ чешскаго литератора Запа, написанное въ 1842 г. во Львовѣ, гдѣ они встрѣтились; листокъ на память отъ профессора Я. П. Коубка, пѣсня, записанная чешскимъ ученымъ Вацлавомъ Крольмусомъ. Далѣе, работы И. И. С—го о корняхъ чешскаго языка, запись колядокъ чешскихъ; пѣсня гуситовъ (списокъ рукою И. И. С—го на-

чала пьесы Листа для фортепіяно и текста пѣсни, съ замѣткой передъ текстомъ о вѣроятной принадлежности этой пѣсни Ганкѣ) и печатный отчетъ министру народнаго просвѣщенія (открытъ на страницѣ съ сообщеніемъ о Прагѣ).

Дальнѣйшій путь И. И. Срезневскаго шелъ по Моравіи: къ этому времени относятся путевыя замѣтки И. И-ча о Райградскомъ монастырѣ и о рукописи Martirologium Odonis (1840), о Брюннскомъ музеѣ, «Пѣсни изъ Моравскихъ краинъ», «Пѣсни моравскихъ слезаковъ», листки на память отъ А. Шемберы (двустишіе), отъ моравскаго поэта Фр. Сушила и ихъ литографированные портреты, листокъ отъ писателя Клацеля, виды Брна—Брюнна (раскрашенная гравюра) и Вѣны (литографія) того времени.

Съ жизнью И. И. Срезневскаго въ Вратислави (Бреславлѣ), куда онъ проѣхалъ изъ Моравіи, и работами надъ изученіемъ слезаковъ знакомятъ насъ рукописи И. И. С—го: «Прусскіе слезаки, Слова и разговоры», «Записки о нарѣчіяхъ слезскихъ», «Народные spjewki горныхъ слезаковъ» (два списка — русскимъ и латинскимъ шрифтомъ); о сближеніи съ чешскимъ патріотомъ профессоромъ Вратиславскаго университета Я. Пуркиней напоминаютъ письма его къ С—му, его портретъ (литографія) и стихотвореніе «Chrám Wšeslawský» (1840 г.). Сюда же относятся два вида Вратислави и два — Легницъ того времени (литографіи).

Изъ Вратислави путь Срезневскаго лежалъ въ Горнолужицкую землю и далѣе въ Дольнія Лужицы: передъ нами рукопись И. И. С—го «Путешествіе по Серболужицкой землѣ (изъ писемъ домой)», «Свадебные обряды голянъ», «Дольно-лужицкія пѣсни», «Записка о нарѣчіяхъ и народной словесности лужицкихъ сербовъ», «Рукописи

Герсдорфской библіотеки въ Будишинѣ» (1840 г.), пѣсня съ музыкой изъ его сборника Горно-лужицкихъ пѣсенъ, листокъ на память отъ І. Е. Смоляра, извѣстнаго дѣятеля сербо-лужицкаго возрожденія, фотографическій портретъ его (болѣе поздняго времени), письмо отъ него И. И. С—му и рукопись его «Socha anebo Wlastenci Bohdaněčtj...»; тутъ же раскрашенныя гравюры — виды Сгорѣльца и Будишина, видъ Хочебуза (гравюра), записная книжка изъ путешествія со Смоляромъ по Лужицамъ (рисунки городищъ) и статья «Городища и могилы, осмотрѣнныя мною въ Лужицахъ». Далѣе, листокъ съ стихотвореніемъ на память отъ лужицкаго дѣятеля А. Зейлера, листокъ отъ І. П. Іордана, письмо И. И. С—го къ матери изъ Сгорѣльца съ стихотвореніями, которыя онъ написалъ членамъ семьи дѣятеля сербо-лужицкаго возрожденія Гаупта: «Прошу— своихъ друзей старинныхъ вспоминая...» и «Теодора, Теодора, сохранишь ли мой листокъ...».

Послѣ зимы 1840—1841 гг., проведенной въ Прагѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ подъ руководствомъ В. Караджича И. И. Срезневскій изучалъ сербскій и хорватскій языки, онъ двинулся въ Штирію, къ Хорватамъ, въ Краину, Хорутанію, Резію и далѣе на югъ: мы видимъ путевыя записи И. И. С—го о Вараждинѣ, карандашные его рисунки Крапины, записную книжку, «Пѣсни, пословицы и сказки хорутанскихъ словенцевъ, собранныя во время путешествія».

Все это путешествіе обильно представлено кромѣ рукописныхъ замѣтокъ и записныхъ книжекъ еще массой рисунковъ карандашемъ, перомъ и акварелью, изображающихъ одежды, типы и мѣстности. Это: хорватка въ Карловцѣ, хорватка изъ Юрова, хорватъ изъ Загреба, хорватскій пастухъ, фурманъ изъ Быстрицы (рисунокъ перомъ съ

перечнемъ на полѣ названій частей его одежды), резіянка, наконецъ, рисунокъ перомъ съ видомъ мѣстности въ Резіи. Изъ рукописей, относящихся къ Хорватской землѣ, представлены слѣдующія: большая тетрадь, названная «Разныя разности хорватскія», съ образцами хорватскаго нарѣчія (пѣсни, переводы изъ евангелія, отдѣльныя слова); «Отличія нарѣчія хорватскаго безъяцкаго отъ словенскихъ», черновая рукопись И. И. Срезневскаго (1841 г.), Отчетъ министру народнаго просвѣщенія о путешествіи по землямъ хорватовъ и сербовъ въ 1841 г. (начало было напечатано), черновая рукопись И. И. Срезневскаго. Къ путешествію по Резіянской землѣ относятся отрывки изъ путевыхъ записокъ: Дунья—Резія (1841). Тутъ же помѣщены автографы слѣдующихъ лицъ: письмо Ст. Враза (и портретъ его), памятныя записки проф. Жупана (въ Цѣловцѣ), капеллана Майера (въ Хорутаніи), штирійскаго писателя П. Дайнка, Метелька (въ Люблянѣ), стихотвореніе и литографированный портретъ Ив. Кризманича (въ Быстрицѣ), К. Кваса, Курельца, Кукулевича-Сакцинскаго (и портретъ его), стихотвореніе словенскаго поэта Прешерна (съ приложеніемъ изданія этого стихотворенія въ книгѣ «Prešernov Album», 1900 г. и портрета Прешерна), портреты-литографіи Зденчая и Людевита Гая, письмо къ послѣднему И. И. С—го и печатный текстъ стиховъ, которые пѣлись на обѣдѣ въ честь его 25 авг. 1841 г.

О путешествіи по Истріи, Далмаціи и Черногоріи, совершенномъ И. И. Срезневскимъ совмѣстно съ П. П. Прейсомъ въ маѣ—іюлѣ 1841 г., даютъ понятіе: рукопись отчета И. И. С—го министру народнаго просвѣщенія, рукописные путевые маршруты, отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—го (Далмація, Дубровникъ, путь къ

Цетини), рукопись И. И. Срезневскаго — пѣсни, записанныя въ Карлопаго, «Кое что изъ рукописей, видѣнныхъ въ монастырѣ Керкскомъ» (изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. Срезневскаго), замѣтки о рукописяхъ того же монастыря, принадлежащія П. И. Прейсу (тутъ же портретъ Прейса). Затѣмъ многочисленные рисунки И. И. Срезневскаго — виды мѣстностей и типы: Карловъ Пагъ со спуска съ Велебита, взглядъ на Крку выше водопада, монастырь Крка, сѣверная истріянка, чичь въ Рѣкѣ продаетъ угли, далматинская дѣвушка изъ подъ Скрадина, далматинскій попъ, головной уборъ дѣвушки — obluk, черногорецъ, черногорка изъ Нѣгушей.

Послѣ новаго посѣщенія Загреба и Хорватской земли въ сентябрѣ 1841 г. И. И. Срезневскій направился на востокъ въ Славонію; сюда относятся рисунки акварелью и перомъ: славонки, славонская дѣвушка-козарица надъ буракомъ, попы славонскіе; записная книжка (переѣздъ въ Славонію).

Сербскую землю посѣтилъ И. И. Срезневскій въ октябрѣ 1841 г. Къ посѣщенію ея относятся: «Объявленіе», выданное ему отъ сербскаго правительства для свободнаго передвиженія по княжеству, записная книжка, рисунокъ креста, вдѣланнаго въ стѣну одной изъ 19-ти крѣпостныхъ башень въ Смедеревѣ, затѣмъ многочисленные рисунки перомъ, карандашомъ и акварелью: сербка изъ подъ Авалы, сербки изъ подъ Крагуевца, сербка изъ подъ Смедерева, сербская дѣвушка селянка, срѣмецъ въ опакліи, срѣмецъ, сербскій попъ («подъ рясой турецкая одежда»), невѣста изъ Чуприи, варошанинъ сербскій («такъ ходятъ . . . и прежде ходили всѣ чиновники въ малыхъ городахъ»), турецкій солдатъ на стражѣ въ развалинахъ Біоградской крѣпости,

варошанка сербская («такъ одѣваются и всѣ знатныя сербскія дамы, которыя еще не приняли европейскаго костюма»), турецкій жидъ, булгаринъ, перешедшій границу въ Сербію, съ кукой, домикъ сербскаго мужика, монастырь Раванница, кулы Милоша Обилича и кн. Лазаря въ монастырѣ Раваницѣ въ Сербіи. Далѣе автографъ В. Караджича — письмо И. И. Срезневскому—книга съ припиской на обложкѣ, портреты его — одинъ современная литографія, другой болѣе поздній, фотографическій, съ надписью на оборотѣ, — біографическій очеркъ его, принадлежащій И. И. С—му, листокъ на память И. И. С—му отъ Д. Тироля и гравированный портретъ его.

Путешествіе по землѣ словаковъ, осуществленное И. И. Срезневскимъ весною и лѣтомъ 1842 г., представлено двумя путевыми записными книжками И. И. С—го, воспоминаніями о свиданіи съ Яномъ Голымъ, листкомъ, полученнымъ имъ на память отъ Я. Голаго (на томъ же листкѣ автографъ М. Годжи); тутъ же три листка съ стихотвореніями, списанными рукою Я. Голаго, литографированный пертретъ его, стихотвореніе на память отъ Сама Халупки, листокъ на память отъ К. Кузмани (и два литографированныхъ портрета), листокъ отъ І. Гвота и стихотвореніе И. И. Срезневскому отъ Людевита Штура (на бумагѣ печатное изображеніе Бретиславы — Пресбурга).

Какъ и предыдущее путешествіе по землямъ южныхъ славянъ, и это богато иллюстрировано рисунками. Изъ видовъ мѣстностей находимъ карандашныя изображенія Нитры, Тренчанскаго замка съ башни монастыря піаристовъ (подъ горою городъ Тренчинъ); тутъ же одежды мужская и женская; затѣмъ рисунки одеждъ и уборовъ: сытнинская дѣвушка, гронецъ, шаришская парта, дѣвушка изъ Турчан-

ской столицы въ свадебномъ вѣнцѣ, оравецъ изъ Еленовой, оравка (тутъ же рисунки жилищъ), женскіе уборы и одежды жителей Муранской, Гронской и Ревуцкой долинъ.

Путешествіе по Галиціи (іюль 1842 г.): записная книжка, рисунки — одежда и головной уборъ женскій и мужской въ Стрыйскомъ округѣ, изображеніе дома въ горахъ Бещади, въ Венгріи и въ Галиціи, стрыйская дѣвушка и головной уборъ ея, одежды и утварь въ Галиціи; листки на память отъ И. Вагилевича и Я. Ѳ. Головацкаго (и портретъ). Къ этому путешествію относится современная гравюра, изображающая Львовскую ратушу.

Съ путешествіемъ по Польшѣ, которую И. И. посѣтилъ проѣздомъ въ Россію, знакомятъ: собраніе польско-силезскихъ пѣсень (выписки), памятный листокъ отъ В. А. Мацѣевскаго и литографическій портретъ его, листокъ на память отъ А. Э. Одынца (стихотвореніе «Panicz i dziewczyna» и нѣсколько строкъ по поводу его) и литографія Познани того времени.

Четвертая витрина иллюстрируетъ университетскую дѣятельность И. И. Срезневскаго сначала въ Харьковскомъ университетѣ съ 1843 по 1846 г., затѣмъ въ С.-Петербургскомъ — съ 1847 по 1880 г.

Впереди всего лежатъ листки съ замѣтками, относящимися еще ко времени путешествія И. И. Срезневскаго, въ которыя занесены мысли о будущихъ университетскихъ чтеніяхъ, о планахъ занятій и проч. Затѣмъ автографы первыхъ лекцій: въ Харьковскомъ университетѣ 16 октября 1843 г., въ Петербургскомъ — 28 января 1847 г., съ вступительнымъ словомъ о П. П. Прейсѣ, предшественникѣ И. И. С—го, и въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Далѣе въ витринѣ находятся частью въ автографахъ, частью въ

записяхъ слушателей, частью въ изданіяхъ курсы И. И. Срезневскаго: «Введеніе въ Славянскую филологію» или «Общее филологическое обозрѣніе славянъ» (печатная программа), впослѣдствіи получившее названіе «Энциклопедическое введеніе въ Славянскую филологію» (изданіе 1870-хъ гг. по конспективнымъ записямъ студентовъ), «Славянскія древности» (рукописный конспектъ 1850-хъ гг. и литографированное изданіе 1860-хъ гг.), «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» (рукописная программа и записки студентовъ 1851 — 1853 гг.), «Древности русскаго языка» (автографъ), «Славяно-русская палеографія» (автографъ и печатное изданіе 1885 г.), «Чтенія по исторіи славянскаго языка» (литографированное изданіе 1870-хъ гг.), «Славянская грамматика» (литографированное изданіе).

На стѣнѣ помѣщены: видъ С.-Петербургскаго университета 1854 г. и литографированные портреты профессоровъ — И. М. Благовѣщенскаго, С. С. Куторги, К. А. Неволина, А. В. Никитенка и И. И. Срезневскаго съ подписями факсимиле (изъ альбома «Императорскій С.-Петербургскій университетъ», изд. въ 1854 г.) и портретъ И. И. С—го, печат. въ литографіи Эргота.

Далѣе въ витринѣ автографы учениковъ И. И. Срезневскаго по Харьковскому и Петербургскому университетамъ и по Педагогическому институту, а также портреты нѣкоторыхъ изъ нихъ: работы харьковскихъ слушателей С—го — М. И. Сухомлинова (замѣтка о Сумароковѣ) и М. Ѳ. Де-Пуле («Отче нашъ» въ переводѣ на великорусскій и на малорусскій языки и на тамбовскій говоръ); работа студента Педагогическаго института И. С. Тихонравова (и портретъ его), курсъ «Исторіи русскаго языка» И. И. С—го, составленный И. Г. Чернышевскимъ (и портретъ его), студенческая работа И. А.

Лавровскаго (и портретъ), статья И. А. Лавровскаго, статья А. Н. Пыпина «Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ» (и портретъ), письменный отвѣтъ на экзаменѣ Н. А. Добролюбова «Употребленіе звуковъ въ древнемъ славянскомъ народномъ языкѣ», замѣтка о древнемъ русскомъ стихѣ В. И. Ламанскаго (и портретъ), студенческая работа В. И. Модестова, группа студентовъ выпуска 1860 г. — Н. А. Трескинъ, Л. Н. Майковъ, А. М. Скабичевскій, В. В. Макушевъ, П. Н. Полевой, Е. Е. Замысловскій, Ф. Ф. Ординъ; письменный отвѣтъ и curriculum vitae Л. Н. Майкова, отчетъ В. В. Макушева, относящійся къ позднѣйшему времени; студенческая работа В. А. Бильбасова, кандидатская диссертація В. П. Острогорскаго; группа выпуска 1863 г. — М. В. Праховъ и В. В. Ѳедоровъ; студенческія работы А. П. Незеленова, В. Д. Сиповскаго, И. В. Помяловскаго, А. С. Будиловича, М. А. Веневитинова (и портретъ); группа студентовъ выпуска 1869 г. — П. М. Аничковъ, И. А. Галактіоновъ, В. С. Куторга, К. К. Маакъ, И. Н. Михайловскій, Н. И. Юшицкій; группа студентовъ выпуска 1870 г. съ автографами-подписями; письменныя работы студентовъ Ѳ. И. Успенскаго, И. Н. Жданова, Е. Ѳ. Шмурло, С. Л. Пташицкаго, С. Ѳ. Платонова, П. Ѳ. Анненскаго, и въ заключеніе адресъ И. И. Срезневскому къ его 50-лѣтнему юбилею, составленный студентами выпуска 1879 г.

Въ пятой витринѣ и на стѣнѣ надъ нею собрано то, что относится къ дѣятельности И. И. Срезневскаго въ Императорской Академіи Наукъ.

Здѣсь видимъ изображеніе Академіи Наукъ — гравюра 1850-хъ гг., литографированные портреты членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности того времени — А. Х. Востокова, П. А. Плетнева, П. Г. Буткова, Я. И. Бередни-

кова, И. И. Давыдова, В. А. Полѣнова и автографы ихъ въ статьяхъ и письмахъ къ И. И. Срезневскому.

Изданіе Извѣстій Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, предпринятое И. И. Срезневскимъ въ 1851 г., представлено автографомъ его доклада Отдѣленію о необходимости періодическаго изданія въ Отдѣленіи (1849 г.), затѣмъ первыми листами «Извѣстій», первыми выпусками приложеній къ нимъ («Памятники и образцы народнаго языка и словесности» и «Матеріалы для сравнительнаго словаря и грамматики») и послѣднимъ X-мъ) томомъ «Извѣстій». Тутъ же лежитъ первый томъ находившихся въ неразрывной связи съ «Извѣстіями» «Ученыхъ записокъ второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ», въ тѣ же годы выходившихъ подъ редакціею И. И. Срезневскаго. Далѣе помѣщены автографы статей и письма нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Извѣстій» и «Ученыхъ записокъ»: В. И. Григоровича (и портретъ), В. И. Даля, В. М. Ундольскаго (и портретъ), И. Д. Бѣляева, І. Базарова, А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго, А. Н. Майкова (и портретъ), К. И. Невоструева, С. М. Соловьева, С. П. Шевырева (и портретъ), И. П. Посовича, Ф. Цейновы, Г. С. Дестуниса (и портретъ), А. Ѳ. Гильфердинга.

Далѣе, письма ученыхъ и писателей, связи съ которыми начались у И. И. Срезневскаго въ тѣ же годы, — О. М. Бодянскаго, П. А. Безсонова, Ѳ. И. Буслаева, А. В. Горскаго (и портретъ), В. В. Григорьева (и портретъ), Н. И. Надеждина, Г. П. Данилевскаго, Ю. Даничича (и портретъ), И. В. Калачева, П. И. Кеппена, И. М. Мартынова (и портретъ), Ф. С. Морачевскаго (и отзывъ И. И. Срезневскаго о его переводѣ евангелія на малорусскій языкъ), Д. В. Полѣнова (и портретъ).

Далѣе представлены портреты и автографы членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, вступившихъ въ Академію въ 1850-хъ, 1860-хъ и 1870-хъ гг.: А. В. Никитенка, П. С. Билярскаго, П. И. Дубровскаго, П. П. Пекарскаго, Я. К. Грота, М. И. Сухомлинова, А. Ѳ. Бычкова. Тутъ же находятся автографы замѣтокъ и воспоминаній И. И. Срезневскаго о сочленахъ его по Академіи, а также принадлежащіе ему очерки ихъ дѣятельности: Рѣчь надъ гробомъ А. Х. Востокова (рукопись), «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» (изд. 1864 г.), Записка объ ученыхъ трудахъ А. В. Никитенка (рукопись), о трудахъ П. П. Пекарскаго (рукопись), объ ученыхъ трудахъ М. И. Сухомлинова (рукопись), о трудахъ П. П. Дубровскаго (рукопись), объ ученыхъ трудахъ А. Ѳ. Бычкова при предложеніи избранія его въ члены Академіи Наукъ (рукопись), записка о трудахъ А. Н. Веселовскаго (рукопись). Тутъ же находятся портреты И. И. Срезневскаго изъ послѣдняго времени (1870-хъ гг.) и списокъ сочиненій, составленный къ его пятидесятилѣтнему юбилею по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности А. Ѳ. Бычковымъ (1879 г.).

Въ шестой витринѣ представлены нѣкоторые изъ трудовъ И. И. Срезневскаго по русскому языку.

На первомъ мѣстѣ находится книга И. И. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка» — первое изданіе, съ собственноручными поправками и дополненіями автора, и послѣднее изданіе 1887 г.

Далѣе, статьи его по географіи русскаго языка — «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская» (1852); затѣмъ бесѣды «Объ изученіи родного языка» (рукопись и 1-ое изданіе 1860—

1861 гг.), три статьи въ рукописи по вопросу о преподаваніи русскаго языка, «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка», «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Чтеніе о языкѣ Крылова» (1869), Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій» (1873), рукопись словаря языка офеней съ нѣмецкимъ переводомъ словъ, составленнаго для Потта, Сибирскій словарь, отдѣльныя карточки дополненій къ Областному словарю и для словаря новаго русскаго языка.

Наконецъ, тутъ находятся рукописи, относящіяся къ словарю древне-русскаго языка: записка о немъ, представленная въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, первая обработка его, первый опытъ изданія (собственноручная тетрадь съ вложенными корректурными листами), рядъ измѣненій заглавія въ корректурныхъ листахъ, корректурные листы, между прочимъ, съ замѣчаніями А. Ѳ. Бычкова и П. И. Савваитова, отдѣльныя карточки словаря, мелкіе частные словари (изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, изъ Ипатьевской лѣтописи, изъ Новгородскихъ грамотъ, изъ Актовъ юридическихъ, изъ Сборника Владимира Мономаха, изъ Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, изъ списка пророковъ Упыря) и послѣдній томъ «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка» въ изданіи 1912 г.

Въ архивѣ И. И. Срезневскаго сохранился богатый матеріалъ къ его работамъ по русской, юго-славянской и греческой палеографіи; это снимки съ рукописей, надписей на вещахъ, слѣпки цѣлыхъ предметовъ, снимки съ цѣлыхъ рукописей и изображенія отдѣльныхъ буквъ (сводныя азбуки) для сравнительныхъ таблицъ по вѣкамъ. Этимъ работамъ посвящена послѣдняя витрина выставки.

Въ ней во-первыхъ видимъ образцы пріемовъ и техники сниманія изъ обширнаго систематическаго собранія снимковъ съ памятниковъ XI — XV вв. русскаго письма; здѣсь представлены снимки: изъ Патерика Синайскаго XI в., съ Черниговской гривны XI в., съ Тмутараканскаго камня XI в., изъ Ефремовской кормчей XI в., Тріоди XI—XII в., Тріоди XIII в., Новгородской кормчей 1280 гг., Книги евангельскихъ чтеній Синодальной типографской б-ки д. 1359 г., Книги евангельскихъ чтеній той же б-ки 1399 г., съ надписи на крестѣ 1359 г., Чиновника XIV в., принадлежавшаго гр. Мусину-Пушкину, книги пророчествъ 1488 г., Октоиха Троицкой лавры 1497 г. Тутъ же представлено изданіе извлеченій изъ этого собранія, напечатанное въ приложеніи къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка» (1866), и первое изданіе текста этой книги (1863), а также два изданія Сильвестровскаго сборника («Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ» 1860), изъ которыхъ одно въ свѣтъ выпущено не было.

Къ собранію снимковъ съ русскихъ памятниковъ относятся не входящіе въ составъ систематическаго обозрѣнія отдѣльные снимки съ надписей на вещахъ и съ самихъ вещей на гипсѣ, гуттаперчѣ, бумагѣ: образки, найденные въ Казанской губерніи (формы и оттиски), икона свв. Бориса и Глѣба, снимокъ съ креста, найденнаго въ Новоладожскомъ уѣздѣ, съ надписи на Корсунскихъ вратахъ въ Новгородѣ, съ оклада евангелія XV в., съ миніатюръ изъ Временника Георгія Амартола XIV в., изъ Чудовскаго сборника № 22, съ надписи въ Кирилловской церкви въ Кіевѣ и съ Хутынской грамоты 1192 г.

Далѣе представлено нѣсколько снимковъ изъ собранія

снимковъ юго-славянскихъ памятниковъ: снимки съ Слуцкой псалтыри XI в. (теперь изчезнувшей съ горизонта), фотографическій снимокъ Болонской псалтыри XII в., снимки съ Слѣпченскаго апостола XII в., съ книги Евангельскихъ чтеній XIII в., сводная азбука XIII в. Здѣсь же находятся литографіи нѣкоторыхъ изъ этихъ снимковъ (изданіе въ свѣтъ не выпущенное) и труды И. И. С—го «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864) и «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» (1868).

Далѣе видимъ образцы изъ собранія снимковъ съ глаголическихъ памятниковъ: изъ Ватиканскаго евангелія, изъ Зографскаго евангелія и изъ Пражскихъ отрывковъ. Тутъ же находится изданіе извлеченій изъ этого собранія, напечатанное въ качествѣ приложенія къ труду И. И. Срезневскаго «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы» (1866).

Отдѣльную группу составляютъ снимки съ памятниковъ греческой письменности IV—IX вв., принадлежащихъ Парижской, Ватиканской, Александрійской и др. библіотекамъ; тутъ же статья «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма» (1876).

Кромѣ того здѣсь помѣщено нѣсколько образцовъ описаній отдѣльныхъ памятниковъ, а также цѣлыхъ собраній рукописей, сдѣланныхъ И. И. Срезневскимъ и оставшихся не напечатанными: таковы описанія Болгарскаго сборника XIV в. Синодальной библ., Кондакаря Успенскаго собора въ Москвѣ 1207 г., Соловецкаго служебника XIV в., описаніе рукописей Чудовской, Троицкой и Типографской Синодальной библіотекъ, замѣтки о рукописяхъ Парижской Національной библіотеки и Лейденской библіотеки. Сюда же отнесено изданіе И. И. Срезневскаго

«Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» въ корректурныхъ оттискахъ и оригиналахъ, а также печатный экземпляръ его 1-го тома (1867).

Здѣсь же помѣщены фотографіи лицъ, близость И. И. Срезневскаго съ которыми основывалась на общности интересовъ къ палеографіи и археологіи: арх. Амфилохія, арх. Макарія, гр. А. С. Уварова, гр. М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова, А. Е. Викторова, П. П. Саввантова, Д. М. Струкова, Ѳ. Г. Солнцева.

Наконецъ, отдѣльную группу составляютъ дипломы И. И. Срезневскаго на ученыя степени и на ученыя и почетныя званія отъ различныхъ учрежденій, членомъ которыхъ онъ былъ избранъ:

на степень магистра политическихъ наукъ отъ Харьковскаго университета (1838);

на званіе адъюнкта Харьковскаго университета (1838);

на званіе адъюнкта Имп. Академіи Наукъ (1849) и на званіе ординарнаго академика Академіи Наукъ (1854);

на званіе члена-корреспондента Казанскаго университета (1854);

на званіе почетнаго члена: Харьковскаго университета (1869), университета св. Владимира (1869), Казанскаго (1869) и Новороссійскаго университетовъ (1879);

на званіе почетнаго члена духовныхъ академій: Кіевской (1869), Московской (1875), Казанской (1877) и Петербургской (1879);

на званія дѣйствительнаго члена и почетнаго члена: Одесскаго общества исторіи и древностей (1843), Имп. русскаго географическаго общества (1847 и 1879), Имп. русскаго археологическаго общества (1850 и 1879), Общества любителей россійской словесности (1859), Московскаго

археологическаго общества (1864), Общества древне-русскаго искусства (1866), Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія (1870);

на званіе почетнаго члена: Югославянской Академіи (1867), Музея королевства Чешскаго (1868), загребскаго Družtva za pověstnicu i starine jugoslavenske (1850), чешскаго общества Svatobor (1867), пражскаго Akademického čtenářského spolku (1874), общества Královská česká společnost náuk (1878);

на званіе члена: копенгагенскаго общества Société royale des antiquaires du nord (1845) и антверпенскаго Société française d'archéologie (1867), члена-корреспондента: бельгійской Académie d'archéologie (1867) и мадридской Real academia de la historia (1868).

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ БІОГРАФІИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО
(печатные источники).

I.

Общіе обзоры жизни и дѣятельности, очерки и характеристики. — Списки сочиненій. — Статьи по поводу пятидесятилѣтняго юбилея (1879), по поводу смерти (1880), по поводу семидесятипятилѣтія со дня рожденія (1887), по поводу столѣтія со дня рожденія (1912). Разныя свѣдѣнія общаго характера.

1 Бычковъ, А. Ѳ.: Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1880 годъ.

Сборн. Отд. рус. яз. и слов., т. 22 (П. 1881), № 6, стр. 18—126, съ портретомъ, рис. на камнѣ Борелемъ (въ литографіи Брезе), и факсимиле. Въ приложеніи напечатаны: 1) Записка о путешествіи по заграничнымъ Славянскимъ землямъ (составлена въ Имп. Московскомъ университетѣ); 2) Выписка изъ донесенія декана 1-го отдѣленія философскаго факультета проф. Артемовскаго-Гулака объ измѣненіи проекта, составленнаго Московскимъ унив., о путешествіи молодого ученаго за-границу для изученія славянскихъ нарѣчій; 3) Инструкція въ руководство г. адъюнкту Срезневскому по случаю назначаемаго для него путешествія по Славянскимъ землямъ съ цѣлію изученія славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы; 4) Письмо В. В. Ганки къ С. С. Уварову; 5) Списокъ сочиненій и изданій ординарнаго академика Имп. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго.—Отд. отт. П. 1881 (съ тѣми же приложеніями).—Перепечат. (кромѣ Списка сочиненій) въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866—1891 годы» (П. 1903), стр. 388—443.

2 Ламанскій, В. И.: И. И. Срезневскій (1812 — 1880).

Историч. записка о дѣятельности Имп. Моск. археологическаго общества за первыя 25 лѣтъ его существованія (М. 1890), стр. 245—285. — Отд. отт. М. 1890, 41 стр. — Перепечат. въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. Спб. ун. 1869 — 1894» (П. 1898), т. 2, стр. 214 — 258. — Отзывъ: Русск. Фил. Вѣстн. 1890, т. 24, № 4, стр. 356.

3 Срезневскій, В. И.: Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Русскій біографическій словарь, т. Смѣловскій — Суворина (П. 1909), стр. 276 — 298. Въ приложеніи матеріалы для библіографіи. — Отд. отт. подъ загл. «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Біографическій очеркъ» (безъ указанія автора). П. 1908, 8°, 63 стр. (съ фототип. портретомъ).

4 [Срезневскій, В. И.]: 1812—1912. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Краткій біографическій очеркъ. П. 1913. 8°, 2 ненум. + 40 нум. стр.

Приложены 3 портрета И. И. Срезневскаго, 1 портретъ Е. И. Срезневской, 1—Е. Ѳ. Срезневской (автотипіи) и снимки съ почерка. — Изданіе это — переработка пред.

5 Срезневскій, В. И.: Краткій очеркъ жизни и дѣятельности И. И. Срезневскаго.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 1 — 68. — Отд. отт. П. 1914. 8°, 2 нен. + 68 нум. стр. — Книга эта представляетъ собою переработку пред.

6 Автономовъ, И.: Что сдѣлалъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій для изученія русскаго языка.

Филолог. Записки (Воронежъ), 1912, в. 1—4, стр. 87—101, 276—291, 325 — 339, 537 — 558.

7 Буличъ, С. К.: Срезневскій (Измаилъ Ивановичъ).

Энциклоп. словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 31, (П. 1900), стр. 356 — 359.

8 Краснопѣвцевъ, Я. Ѳ.: Рѣчь, посвященная памяти проф. И. И. Срезневскаго [заглавіе взято изъ текста, предшествующаго рѣчи].

Празднованіе акта въ Псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ 3 іюня 1891 г. (Островъ, 1891), стр. 27 — 36.

9 Ламанскій, В. И.: Записка объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго профессора И. И. Срезневскаго.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. унив. за вторую пол. 1871—1872 акад. года, № 6 (П. 1873), стр. 89 — 91.

10 Ламанскій, В. И.: Записка объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго ординарнаго профессора И. И. Срезневскаго.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. унив. за вторую пол. 1876—1877 акад. года, № 16 (П. 1878), стр. 56 — 57.

11 Пыпинъ, А. Н.: Обзоръ малорусской этнографіи.

Вѣстн. Евр. 1885, т. 5, № 9, стр. 325 — 350; гл. 2 «И. И. Срезневскій, 1812 — 1880» (статья въ переработанномъ видѣ и съ значительнымъ сокращеніемъ вошла въ «Исторію русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. 3, стр. 88 — 104).

12 Пыпинъ, А. Н.: Исторія русской этнографіи, тт. 1 — 4. П. 1890 — 1892.

Упоминанія см. по указателю въ т. 4.

13 Пыпинъ, А. Н.: Исторія русской литературы, тт. 1 — 4, П. 1898—1899.

Упоминанія см. по указателю въ т. 4.

14 Пыпинъ, А. Н. и Спасовичъ, В. Д.: Исторія славянскихъ литературъ, т. 1 — 2. Изд. 2-е. П. 1879, 1881.

Упоминанія см. по указателю въ т. 2.

15 Соболевскій, А. И.: Заслуги И. И. Срезневскаго.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 168 — 181.— Отд. отт. П. 1915. 8°, 2 ненум. + 14 нум. стр.

16 Сокальскій, П. П.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. 1812 — 1880.

Особое приложеніе къ «Статистическому Листку», 1883 г. (изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета) подъ загл. «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію. Адъюнкта Имп. Харьковскаго университета Измаила Ивановича Срезневскаго (1839)», стр. 2 — 8.

17 Срезневская, О. И.: Письмо къ А. Н. Пыпину по поводу его статьи «Обзоръ малорусской этнографіи», съ дополнительными замѣчаніями А. Н. Пыпина [безъ заглавія].

Вѣст. Евр. 1885, т. 6, № 12, стр. 813 — 817.

18 Срезневская, О. И.: Художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 182—277.— Отд. отт. П. 1915, 8°, 2 ненум. + 96 нум. стр.

19 Ягичъ, И. В.: Исторія славянской филологіи.

Энциклопедія славянской филологіи, вып. I (П. 1910). Упоминанія см. по указателю.

20 V[avik], E[mil]: Ismail Ivanovič Srezněvskij.

Květy (Praha), 1867, № 24, 200 и 202. Съ прил. гравир. на деревѣ портрета.

21 Ѳомычъ, Ѳома: Исмаилъ Ивановичъ Срезневскій. (Біографическій очеркъ).

Свѣтъ (Унгваръ), 1867/8, № 27.

22 Добролюбовъ, І. В. и Яхонтовъ, С. Д.: Библіографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи (Рязань, 1910).

Біографія И. И. Срезневскаго, съ приложеніемъ списка сочиненій, на стр. 254—272.

23 Захаровъ, А. А.: Біографическій словарь членовъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества.

Императорское Московское археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 гг.), т. 2 (М. 1915), отд. 1, стр. 339—341. Въ прилож. на табл. XVI фототип. портретъ.

24 Халанскій, М. Г.: Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей [Харьковскаго университета].

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905) подъ ред. М. Г. Халанскаго и Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1908), стр. 119—124. Въ прилож. фототип. портретъ съ фотографіи 1860 г.

25 Perwolf, I.: Slovanská myšlenka na Rusi.

Osvěta (Praha), 1879, t. 9, str. 627—629.

26 Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей Харьковской губерніи.

Харьковскій календарь на 1884 г. (Харьковъ, 1883), стр. 435—436.

27 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Иллюстрированный календарь. Изданіе А. Баумана. 1868 (П. 1867), стр. 206. Съ портр., гравир. на дер., на одной таблицѣ съ П. Л. Чебышевымъ, К. М. Беромъ, В. Я. Буняковскимъ и А. Ѳ. Миддендорфомъ.

28 Sreznevskij, Izmail Ivanovič.

Slovník naučný. Redaktor Dr. Frant. Lad. Rieger. Díl. 8 (V Praze, 1868), str. 947—948. За подписью Kř.

29 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Русскій энциклопедическій словарь (И. Н. Березина), отд. IV. 2 (П. 1877), стр. 261.

30 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Наши дѣятели. Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ, изд. А. Баумана, т. 6 (П. 1879), стр. 14 — 18. Съ портретомъ, гравир. на стали, и снимкомъ съ почерка.

31 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Энциклопедическій словарь Ф. Павленкова (П. 1899), стл. 2262. Съ автотип. портретомъ. Перепеч. въ слѣд. изданіяхъ.

32 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Малый энциклопедическій словарь (изд. Брокгауза и Ефрона), т. 3 (П. 1902), стл. 1336; изд. 2-е, т. 2 (П. 1908), стл. 1569—1570.

33 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Настольный энциклопедическій словарь (т-ва Гранатъ), т. 8 (М. 1903), стл. 4640. Съ автотип. портретомъ.

34 Srezniewski, Izmael.

S. Orgelbranda Encyklopedja powszechna z ilustracjami i mapami, t. 14 (Warszawa, 1903), 35.

35 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Большая энциклопедія (ред. С. Н. Южакова), т. 17 (П. 1904), стр. 761—763 (безъ подписи).

35ª Srezněvskij, Izmail Ivanovič.

Ottův Slovník naučny. Illustrovaná encyklopaedie obecných vědomostí. 23 díl (V Praze, 1905), str. 998—1000. За подписью—jpa.

36 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

1811—1911. Словарь членовъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ (М. 1911), стр. 269—270.

37 Березинъ-Ширяевъ, Я. Ѳ.: Послѣдніе матеріалы для библіографіи (П. 1884), стр. 174.

Краткія біографическія свѣдѣнія.

38 Гротъ, К. Я.: Владимиръ Ивановичъ Ламанскій († 19 ноября 1914 г.).

Ист. Вѣстн. 1915, т. 139, № 1, стр. 211—214, и отд. отт.

39 Модестовъ, В. И.: Отрывокъ изъ воспоминаній.

Ист. Вѣстн. 1884, т. 18, № 11, стр. 291.—Сравненіе И. И. Срезневскаго съ В. П. Григоровичемъ.

40 Писаревъ, Д. И.: Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ шести томахъ. Изд. 4-е Павленкова, т. 1 (II. 1904), стр. 447—448. Вошло и въ предыд. изданія.—Проводится параллель между Срезневскимъ и Гончаровымъ.

41 Полевой, П. Н.: Три типа русскихъ ученыхъ (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ).

Ист. Вѣстн. 1899, т. 76, № 4, стр. 127—136, 138, 140.

42 Сонникъ современной русской литературы.

Русск. Арх. 1904, т. 3, № 11, стр. 380. — Составленіе сонника относится ко времени до 1856 г.

---

43 [Бычковъ, А. Ѳ.]: Библіографическій списокъ сочиненій и изданій ординарнаго академика Имп. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. П. 1879. 4°, 2 ненум.+38 нум. стр.

Новое изданіе этого списка съ дополненіями, доставленными А. А. Котляревскимъ, вошло въ «Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ за 1880 г.» А. Ѳ. Бычкова (см. выше, № 1).

44 Списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича Срезневскаго, оставшихся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и имѣющихся въ продажѣ.

Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 212, № 11, въ отд. частныхъ объявленій. Отд. отт. 5 нум. стр.

45 Второй списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича Срезневскаго, имѣющихся въ продажѣ. П. 1894, 8°, 7 нум. стр.

Новое изданіе пред. съ дополненіями и сокращеніями.

46 Третій списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича Срезневскаго, имѣющихся въ продажѣ. П. 1899. 8°, 7 нум. стр.

Новое изданіе пред. съ дополненіями и сокращеніями.

47 Десницкая, В. Н.: Списокъ трудовъ членовъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества, помѣщенныхъ въ изданіяхъ общества.

Императорское Московское археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 гг.), т. 2 (М. 1915), отд. 2, стр. 187—188.—Списокъ трудовъ И. И. Срезневскаго не точенъ: включены нѣкоторые не напечатанные его доклады, а также трудъ его сына Вяч. Изм. Срезневскаго «Сѣверный рѣзной календарь».

48 Объявленіе объ изданіи переписки акад. И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Изв. Отд. русск. яз. и сл. 1899, кн. 1 (въ объявленіяхъ).

49 Иконниковъ, В. С.: Опытъ русской исторіографіи, т. 1, кн. 1 и 2 (Кіевъ, 1891 и 1892), т. 2, кн. 1 и 2 (Кіевъ, 1908).

Упоминанія см. по указателямъ.

---

50 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. университета, № 20 (П. 1880), № 22 (П. 1881).

Представленіе Совѣта СПб. университета попечителю СПб. учебнаго округа о разрѣшеніи празднованія пятидесятилѣтія научной дѣятельности И. И. Срезневскаго 5 апрѣля 1879 г. и другіе связанные съ этимъ вопросы (№ 20, стр. 14—15, 35, 43—44; № 22, стр. 4—5).

51 Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной академіи за 1879 г.

Православн. Собесѣдникъ, 1879, №№ 6 и 8, прил. 57—58, 89—90.—По поводу празднованія пятидесятилѣтія научной дѣятельности И. И. Срезневскаго.

52 Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Духовной академіи 1879 г.

Труды Кіевской Дух. академіи, 1879, т. 3, № 7, прил. 175—176.—По поводу празднованія пятидесятилѣтія научной дѣятельности И. И. Срезневскаго. Напечатано письмо И. И. Срезневскаго ректору Академіи.

53 Протоколы засѣданій Совѣта Казанскаго университета въ 1879 г.

Извѣстія и Ученыя записки Имп. Казанскаго универс. 1879, ноябрь—декабрь. Извѣстія, ч. 1, стр. 432, 440.—По поводу избранія И. И. Срезневскаго въ почетные члены Казанскаго университета въ связи съ празднованіемъ 50-лѣтняго юбилея.

54 Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта [Университета св. Владимира].

Универс. Извѣстія (Кіевъ), 1879, № 7, ч. 1, стр. 27—28.—Привѣтствіе И. И. Срезневскому по поводу 50-лѣтняго юбилея.

55 Булгаковъ, Ѳ. И.: Дѣятельность Общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1878 года по 25-е апрѣля 1879 года.

Памятники древней письменности, 1879, вып. 2 (II. 1879), стр. 7—8.—Объ избраніи И. И. Срезневскаго почетнымъ членомъ Общества къ пятидесятилѣтнему юбилею его дѣятельности (приводится текстъ адреса).

56 Вакуловскій, И. И.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Живописное Обозрѣніе, 1879, № 4.

57 [Вакуловскій, И. И.]: Біографическій очеркъ И. И. Срезневскаго по поводу пятидесятилѣтняго юбилея ученой дѣятельности [безъ заглавія].

Молва, 1879, № 85 (28 марта).

58 Демидовъ, В.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

С.-Петербургскія Вѣд. 1879, № 92 (5 апр.).

59 З[адера]цкій, И. П.: По поводу празднованія 5 апрѣля пятидесятилѣтія ученой дѣятельности заслуженнаго профессора и академика И. И. Срезневскаго.

Кіевлянинъ, 1879, № 42 (10 апр.).

60 Макушевъ, В. В.: О важнѣйшихъ трудахъ И. И. Срезневскаго по Славянской филологіи (по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности).

Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 2, № 3, стр. 85—94, и отд. отт.

61 T., I. I.: Padesátileté jubileum I. I. Srezněvského.

Květy (Praha), 1879, 2, стр. 369—373.

62 Важнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 2, № 3, стр. 160—162.

63 Біографическія свѣдѣнія по поводу 50-лѣтняго юбилея [безъ заглавія].

Голосъ, 1879, № 94 (6 апр.).

64 Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея ученой и литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго.

С.-Петербугскія Вѣд. 1879, № 94 (7 апр.), стр. 2—3.—Подробное описаніе съ приведеніемъ многихъ адресовъ и привѣтствій.

65 Адресъ Общества любителей древней письменности по поводу пятидесятилѣтняго юбилея И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Голосъ, 1879, № 95 (7 апр.).

66 И. И. Срезневскій и празднованіе его юбилея.

Харьк. губ. Вѣд. 1879, № 88 (12 апр.).

67 Юбилей Изм. Ив. Срезневскаго.

Газета А. Гатцука, 1879, № 15, стр. 236—238.

68 Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея И. И. Срезневскаго въ Варшавѣ [безъ заглавія].

Голосъ, 1879, № 100 (12 апр.).—Приведены рѣчь В. В. Макушева и выдержки изъ рѣчей Н. П. Барсова и Н. А. Андреева.

69 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. Новороссійскаго университета.

Записки Имп. Новороссійскаго унив. 1880, т. 29, ч. офф., стр. 96—97.—Представленіе историко-филологическаго факультета Новороссійскаго универс. въ Совѣтъ университета объ избраніи И. И. Срезневскаго почетнымъ членомъ, съ приложеніемъ текста представленія, составленнаго А. А. Кочубинскимъ, за подписями его, Н. П. Кондакова и И. С. Некрасова.

---

70 Аландскій, П. И.: «Поминка» объ И. И. Срезневскомъ, читанная въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца 17 февр. 1880 г. [безъ заглавія].

Слав. ежегодникъ (изд. подъ ред. Н. П. Задерацкаго), вып. 4 (Кіевъ, 1880), стр. 399—400.

71 Булгаковъ, Ѳ. И.: Дѣятельность общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1879 г. по 1-е апрѣля 1880 г.

Памятники древней письменности, 1880, вып. 2 (II. 1880), стр. III—IX.—Некрологъ И. И. Срезневскаго.

72 [Вакуловскій, И. И.]: Некрологъ [И. И. Срезневскаго].
Молва, 1880, № 42 (11 февр.).

73 [Гатцукъ, А. А.]: Некрологъ [И. И. Срезневскаго]. «Опадаютъ старые листья. А новые гдѣ?»
Газета А. Гатцука, 1880, № 7 (16 февр.).

74 Гильтебрандтъ, П. А.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.
Древн. и нов. Россія, 1880, т. 16, № 2, стр. 393—394.

75 Гиргасъ, В. Ѳ.: Отчетъ о состояніи Имп. СПб. унив. и дѣятельности ученаго его сословія за 1880 годъ.
Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. унив. за первую пол. 1880—1881 акад. года, № 23 (П. 1881), стр. 67—69, 77, 89.

76 Гротъ, Я. К.: Некрологъ [И. И. Срезневскаго].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.). Перепеч. въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 413—414.

77 Гротъ, Я. К.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.
Нива, 1880, № 9, стр. 182 и 185. Съ портретомъ, грав. на деревѣ К. Вейерманомъ.—То же что предыд.; текстъ точнѣе.

78 Hrubý, Iaromir: Solověv, Srezněvský, Glinka. Nekrolog.
Osvěta (Praha), 1880, díl 1, str. 355—360.

79 Демидовъ, В.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (некрологъ).
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 43 (12 февр.).

80 Дестунисъ, Г. С.: Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго.
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 43 (12 февр.).

81 З[адера]цкій, И. П.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (некрологъ).
Слав. ежегодникъ, вып. 4 (Кіевъ, 1880), стр. 390—399. Въ прилож. къ статьѣ двѣ «поминки» объ И. И. Срезневскомъ—И. И. Аландскаго и А. А. Котляревскаго, читанныя въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца 17 февр. 1880 г. (см. №№ 70 и 84).

82 [Колосовъ, М. А.]: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.
Русск. Фил. Вѣстн. 1880, № 1, стр. 159.—Здѣсь приведена выдержка изъ письма И. И. Срезневскаго къ Колосову 24 января 1880 г.; въ указателѣ къ Р. Ф. В. (Варшава, 1913) замѣтка приписана А. И. Смирнову.

83 Котляревскій, А. А.: Отчетъ о дѣятельности общества Нестора-лѣтописца за 1879—1880 гг. [въ извлеченіи, безъ заглавія].

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго общества лѣтописца Нестора въ 1878—87 гг. (Чтенія въ Историческомъ общ. Нестора-лѣтописца, кн. 2, К. 1888, отд. 1, стр. 125—126). Перепеч. въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 681—682.

84 Котляревскій, А. А.: «Поминка» объ И. И. Срезневскомъ, читанная въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца 17 февр. 1880 г. [безъ заглавія].

Слав. ежегодникъ (изд. подъ ред. Н. П. Задерацкаго), вып. 4 (Кіевъ, 1880), стр. 401—405. Перепеч. въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 674—680.

85 Ламанскій, В. И.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.).

86 Ламанскій, В. И.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1812 † 1880).

Новое Время, 1880, № 1421 (11 февр.).

87 Майковъ, Л. Н.: И. И. Срезневскій (некрологъ).

Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 208, № 3, отд. III, стр. 81—85, и отд. отт.

88 Помяловскій, И. В.: Отчетъ о трудахъ, распоряженіяхъ, пріобрѣтеніяхъ и состояніи [Имп. Русскаго археологическаго] общества.

Извѣстія Имп. Русскаго археол. общ. т. 10 (II. 1884), стр. 308 (въ «Лѣтописи Имп. Русск. археол. общ.», засѣд. 8 марта 1880 г.).

89 Пыпинъ, А. Н.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Вѣстн. Евр. 1880, № 3, стр. 447—456.

90 Рождественскій, свящ. В. Г.: Памяти заслуженнаго профессора, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго (слово, сказанное при отпѣваніи его въ церкви С.-Петербургскаго университета, февраля 12-го дня 1880 г.).

Церк. Вѣстн. 1880, № 11, стр. 5—6.

91 Соколовъ, М. И.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1 іюня 1812 † 8 февраля 1880).

Древн. и нов. Россія, 1880, т. 16, № 3, стр. 464 — 476. Съ литограф. портретомъ.

92 Сумцовъ, Н. Ѳ.: И. И. Срезневскій (некрологъ).

Харьк. губ. Вѣд. 1880, № 43 (15 февр.).

93 Я[ковлевъ], В. А.: И. И. Срезневскій (некрологъ).

Новоросс. Телеграфъ, 1880, № 1488 (18 февр.).

94 Некрологъ [извѣстіе о смерти И. И. Срезневскаго].

Новое Время, 1880, № 1420 (10 февр.).

95 Некрологъ [И. И. Срезневскаго].

Голосъ, 1880, № 42 (11 февр.).—Перепечатано въ Вѣдомостяхъ С.-Пб. градоначальника и С.-Пб. городской полиціи, № 37 (13 февр.) въ фельетонѣ «Недѣльная хроника».

96 Некрологъ профессора И. И. Срезневскаго.

Новости, 1880, № 39 (11 февр.).

97 Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго [редакціонная замѣтка].

С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.).

98 (Nekrolog).

S.-Pb. Herold, 1880, 11 Febr.

99 Некрологъ [И. И. Срезневскаго].

Вечерняя Газета, 1880, № 43 (12 февр.).

100 По поводу смерти И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1422 (12 февр.).

101 Извѣстіе о смерти и краткій некрологъ [безъ заглавія].

Петерб. Газета, 1880, № 30 (12 февр.).

102 † И. И. Срезневскій.

Петерб. Листокъ, 1880, № 30 (12 февр.).

103 † Некрологъ. И. И. Срезневскій.

Правда, 1880, № 41 (12 февр.).

104 (Nekrolog).

S.-Pb. Zeitung, 1880, 12 Febr.

105 О выносѣ въ церковь и перенесеніи къ Николаевскому вокзалу тѣла И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Молва, 1880, № 44 (13 февр.).

106 О выносѣ, отпѣваніи и перенесеніи тѣла И. И. Срезневскаго и о послѣднихъ его минутахъ [безъ заглавія].
Новое Время, 1880, № 1423 (13 февр.).

107 Похороны Измаила Ивановича Срезневскаго.
Петерб. Газета, 1880, № 31 (13 февр.).

108 Некрологъ И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Русскія Вѣд. 1880, № 42 (13 февр.).

109 О выносѣ, отпѣваніи и перенесеніи тѣла И. И. Срезневскаго, съ извлеченіемъ изъ слова В. Г. Рождественскаго [безъ заглавія].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 44 (13 февр.).

110 Телеграфныя извѣстія о смерти И. И. Срезневскаго, о панихидахъ надъ его гробомъ и отпѣваніи.
Моск. Вѣд. 1880, №№ 40—43 (10—13 февр.).

111 Телеграфное извѣстіе о смерти И. И. Срезневскаго.
Харьк. губ. Вѣд. 1880, № 40 (12 февр.).

112 Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Некрологъ.
Моск. Вѣд. 1880, № 43 (13 февр.).—Перепечатка некролога, принадл. Я. К. Гроту, и извлеченіе изъ некролога, написаннаго В. И. Ламанскимъ.

113 S. Изъ Петербурга [о выносѣ и перенесеніи къ Николаевскому вокзалу тѣла И. И. Срезневскаго].
Моск. Вѣд. 1880, № 44 (14 февр.).

114 Сообщеніе о выносѣ, отпѣваніи и перенесеніи тѣла И. И. Срезневскаго, 12 февр. 1880 г. [безъ заглавія].
Современность, 1880, № 33 (15 февр.).

115 О встрѣчѣ гроба И. И. Срезневскаго въ Москвѣ [безъ заглавія].
Моск. Вѣд. 1880, № 46 (16 февр.).

116 О встрѣчѣ гроба И. И. Срезневскаго въ Москвѣ [безъ заглавія].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 49 (18 февр.).

117 Встрѣча и проводы праха покойнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго.
Прибавленія къ Рязанскимъ еп. Вѣд. 1880, № 5, стр. 149—151 (приводится слово свящ. Н. В. Любомудрова).

118 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. университета, № 22 (П. 1881).

Извѣстіе о смерти, опредѣленіе о принятіи погребенія на счетъ университета, о пенсіи вдовѣ, вопросъ о постановкѣ портрета въ Петровскомъ залѣ унив. и объ учрежденіи фонда имени И. И. Срезневскаго для премій за лучшія сочиненія по славистикѣ (стр. 23, 24, 32, 39—43, 74, 75).

119 Изложеніе рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина въ память И. И. Срезневскаго при сообщеніи о засѣданіи СПб. Славянскаго благотворительнаго общества 14 февр. 1880 г. [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1426 (16 февр.).

120 Панихида въ Университетской церкви [въ Казани].

Казанскія губ. Вѣд. 1880, № 19 (8 марта).— Некрологи И. И. Срезневскаго и Н. Н. Зинина.

121 Поминки по Срезневскомъ въ Кіевѣ.

Древняя и нов. Россія, 1880, т. 16, № 3, стр. 601—603.

122 Кіевское общество Нестора-лѣтописца [поминки по Срезневскомъ И. И. Аландскаго и А. А. Котляревскаго].

Истор. Вѣстн. 1880, т. 1, № 4, стр. 891—896.

123 Извѣстіе о поминкахъ въ Новороссійскомъ университетѣ, съ извлеченіемъ изъ рѣчи А. Н. Кудрявцева [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1432 (22 февр.).

124 Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Всемірн. Иллюстр. 1880, т. 23, № 11 (=583), стр. 218 и 220. Съ портретомъ, рис. П. Ф. Борелемъ (гравюра на деревѣ).

125 Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Истор. Вѣстн. 1880, т. 1, № 3, стр. 659—661.

126 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.

Всеобщій календарь на 1881 г. (изд. Германа Гоппе), П. 1880, стр. 517—518. — Некрологъ.

127 И. И. Срезневскій.

Нива, 1887, № 33, стр. 822 — 823 и 824. Съ портретомъ, гравир. на деревѣ К. Вейерманомъ.

128 Быковъ, П. В.: И. И. Срезневскій.

Живописное Обозр. 1887, № 31, стр. 74—76. Съ портретомъ, рис. Моисѣевымъ, рѣз. на деревѣ Ф. В. Адтомъ; надъ портретомъ: «1812. — По поводу семидесятипятилѣтія. — 1887».

---

129 Шахматовъ, А. А.: Вступительное слово на торжественномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, посвященномъ памяти И. И. Срезневскаго.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. V—VIII.

130 1812—1912. Описаніе выставки въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго. П. 1913, 8°, 2 ненум.+39 нум. стр.

Приложены 2 портрета И. И. Срезневскаго, 1 — Е. Ѳ. Срезневской (автотипіи), 12 снимковъ съ автографовъ И. И. Срезневскаго, снимки съ автографовъ П. П. Артемовскаго-Гулака, В. Ганки, В. Караджича, Н. П. Костомарова и Ф. Челяковскаго (по одному) и 2 снимка съ изданій И. И. Срезневскаго.—Отзывы: Новое время, 1913, № 13277 (27 февр.), съ подписью П. С—кій;—Časopis mus. král. českého, 1913, sv. 2, 306—307 (Emil Horský).

131 Свѣдѣнія о словѣ Н. Ѳ. Сумцова въ память И. И. Срезневскаго по поводу столѣтія со дня его рожденія, въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общ. 15 ноября 1912 г. [безъ заглавія].

Вѣстн. Харьк. ист.-фил. общ. вып. 3, 1913, стр. 83.

132 Памяти академика И. И. Срезневскаго.

Рѣчь, 1913, № 20 (21 янв.). Съ автотипическимъ портретомъ.

133 Торжественное засѣданіе памяти И. И. Срезневскаго.

День, 1913, № 19 (21 янв.).

134 Въ Императорской Академіи Наукъ [по поводу торжественнаго засѣданія 20 янв. 1913 г.].

Новое время, 1913, № 13241 (21 янв.); С.-Петербургскія Вѣд. 1913, № 18 (22 янв.).

135 Засѣданіе въ память И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Русская Молва, 1913, № 41 (21 янв.).

136 Засѣданіе Академіи Наукъ памяти И. И. Срезневскаго.
Русскія Вѣд. 1913, № 18 (22 янв.).

137 Чествованіе памяти академика И. И. Срезневскаго [снимокъ съ фотографіи Я. Штейнберга].
Петербургская Газета, 1913, № 23.

138 К—ий, Гр.: Засідання Імпер. Академії Наук, присвячена памьяти акад. І. І. Срезневського.
Рада, 1913, № 24 (29 янв.). — О рѣчи Н. Ѳ. Сумцова.

139 Сумцовъ, Н. Ѳ.: Выставка памяти И. И. Срезневскаго.
Южный Край, 1913, № 11229 (31 янв.).

140 Тукалевскій, В. Н.: Выставка имени академика И. И. Срезневскаго (1812—1912 г.).
Голосъ Минувшаго, 1913, № 2, стр. 297—301. Съ автотип. портретомъ.

141 Выставка памяти И. И. Срезневскаго.
Новое Время, 1913, № 13242 (22 янв.).

142 О находящихся на выставкѣ памяти И. И. Срезневскаго письмахъ Н. В. Гоголя къ И. И. Срезневскому [безъ заглавія].
Рѣчь, 1913, № 27 (28 янв.).

143 Сумцовъ, Н. Ѳ.: И. И. Срезневскій [по поводу торжественнаго засѣданія Имп. Академіи Наукъ въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго].
Вѣстн. Харьк. ист.-фил. общ. вып. 3, 1913, стр. 32 — 55. Съ портретомъ.

144 Карскій, Е. Ѳ.: Два юбилея: И. И. Срезневскій и Я. К. Гротъ.
Рус. Фил. Вѣстн. 1913, т. 69, № 1, стр. 224 — 227.

145 Въ Императорской Академіи Наукъ [по поводу торжественнаго собранія 20 янв. 1913 г. въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго].
Ист. Вѣстн. 1913, т. 131, № 3, стр. 1081 — 1082.

146 О стипендіи имени И. И. Срезневскаго на историко-филологическомъ факультетѣ СПб. унив. [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1436 (26 февр.).

147 Извѣстіе о постройкѣ школы въ память И. И. Срезневскаго вблизи его могилы въ с. Срезневѣ Рязанской губерніи [безъ заглавія].

Новое Время, 1893, № 6144 (8 апр.).

148 Срезневскій, В. И.: Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ въ 1900 и 1901 годахъ.

Изв. Имп. Академіи Наукъ, т. 16, № 2, стр. 1, 37—82; отд. отт. (П. 1902).—Напечатано описаніе поступившихъ изъ архива И. И. Срезневскаго рукописей: автографовъ А. Х. Востокова, оригиналовъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ второго отд. Имп. Академіи Наукъ 1852—1863 гг., матеріаловъ для русскаго областного словаря, для общаго русскаго словаря, матеріаловъ по малорусскому языку и народной словесности, по народной словесности и этнографіи бѣлоруссовъ и по русской народной словесности.

149 Срезневскій, В. И.: Охранная опись рукописнаго отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, вып. 1 (П. 1905).

Описаніе поступившей изъ библіотеки И. И. Срезневскаго рукописи Ф. С. Морачевскаго (стр. 39—40).

150 Отчетъ о дѣятельности Имп. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ, составленный акад. С. Ѳ. Ольденбургомъ (П. 1910).

О принесеніи Е. Ѳ. Срезневскою въ даръ Рукописному отд. Библіотеки Академіи Наукъ собранія рукописей и личныхъ бумагъ И. И. Срезневскаго (стр. 36).

151 Вознякъ, М.: Отчетъ о дѣятельности Библіотеки Имп. Академіи Наукъ за 1910 годъ. П. 1911 [рецензія].

Записки наук. тов. ім. Шевченка, 1911, кн. 2, стр. 323. — О дарѣ Е. Ѳ. Срезневской.

152 Дѣтскій Домъ. Отчетъ Общества Помощь дѣтямъ рабочихъ г. С.-Петербурга за пять лѣтъ его существованія 1908—1913. П. 1913.

Объ учрежденіи стипендіи имени И. И. Срезневскаго при «Дѣтскомъ Домѣ» для продолженія образованія дѣтей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (стр. 16).

153 Ровинскій, Д. А.: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. 3 (П. 1888),

О портретѣ, грав. на стали, въ изданіи «Наши дѣятели» Баумана (стр. 1950). — См. выше, № 30.

II.

Харьковскій періодъ: Общіе обзоры. Преподаваніе въ университетѣ и пансіонѣ де-Роберти. Литературные опыты. Этнографическія работы. Украинскія связи и знакомства.— Работы, относящіяся къ Украинѣ.

154 Срезневскій, В. И.: Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго. 1831—1839.

Журн. Мин. нар. просв. 1898, ч. 315, № 1, стр. 1—39.—Рец.: Кіевск. Стар. 1898, № 3, стр. 117—120.

155 Сумцовъ, Н. Ѳ.: Харьковскій періодъ научной дѣятельности И. И. Срезневскаго.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 69—93, и отд. отт. (съ снимкомъ съ автографа Н. И. Костомарова).

156 Сумцовъ, Н. Ѳ.: О сочиненіяхъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ Южной Россіи вообще и къ Харьковской губерніи въ частности.

Харьк. губ. Вѣд. 1880, №№ 83 и 84.

---

157 Багалѣй, Д. И., Сумцовъ, Н. Ѳ. и Бузескулъ, В. П.: Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905). Харьковъ, 1906.

См. стр. 95—96, 137, 138, 144, 150, 151, 159, 165, 170, 193.

158 Халанскій, М. Г.: Опытъ исторіи историко-филологическаго факультета Имп. Харьковскаго университета.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія (1805 — 1905). Подъ редакціей М. Г. Халанскаго и Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1908), стр. 16, 17, 28, 38, 73, 100, 103.

159 Багалѣй, Д. И.: Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ), т. 2 (съ 1815—1835 годъ). Харьковъ, 1904.

См. стр. 670, 871, 928, 929, 1114.

160 Загурскій, Л. И.: Опытъ исторіи юридическаго факультета Имп. Харьковскаго университета.

Юридическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805 — 1905). Подъ редакціей проф. М. П. Чубинскаго и проф. Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1908), стр. 16, 25, 28.

161 Багалѣй, Д. И. и Миллеръ, Д. П.: Исторія города Харькова (съ 1655-го по 1905-й годъ), т. 2 (Харьковъ, 1912).

См. стр. 584, 611, 813—814.

162 Обозрѣніе публичнаго преподаванія наукъ въ Имп. Харьковскомъ университетѣ, составленное по распоряженію Совѣта университета на $18^{37}/_{38}$ академическій годъ (Харьковъ 1837).

Программа курса И. И. Срезневскаго по статистикѣ (стр. 5).

163 То же на $18^{38}/_{39}$ академическій годъ (Харьковъ, 1838).

См. стр. 6—7.

164 Обозрѣніе преподаванія предметовъ въ Имп. Харьковскомъ университетѣ на $18^{43}/_{44}$ учебный годъ (Харьковъ, 1843).

Программа курса И. И. Срезневскаго по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій (стр. 10).

165 То же на $18^{44}/_{45}$ учебный годъ (Харьковъ, 1844).
См. стр. 10—11.

166 То же на $18^{45}/_{46}$ учебный годъ (Харьковъ 1845).
См. стр. 11.

167 То же на $18^{46}/_{47}$ учебный годъ (Харьковъ, 1846).
См. стр. 11.

168 de Haxthausen, Auguste, baron. Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, t. 2 (Hanovre, 1848).
О свиданіи Гакстгаузена съ И. И. Срезневскимъ въ Харьковѣ въ 1843 г. (стр. 123—125).

169 Де-Пуле, М. И.: Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій.
Вѣстн. Евр. 1874, № 1, стр. 104—107, 111, 114.

170 Неслуховскій, Ф. К.: Изъ моихъ воспоминаній.
Ист. Вѣстн. 1890, т. 40, № 4, стр. 134—135.—О вступительной лекціи И. И. Срезневскаго въ Харьковскомъ университетѣ.

171 Пашковъ: Воспоминанія студента 1840-хъ годовъ.
Харьковъ [газета], 1877, № 30, Приб. къ № 30.— О докторскомъ диспутѣ И. И. Срезневскаго и первыхъ его лекціяхъ по слав. филологіи.

172 Б., И.: Воспоминанія о Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ за полстолѣтія назадъ.
Харьк. губ. Вѣд. 1870, № 38.

173 Гвоздиковъ, Е. Г.: Николай Ивановичъ Костомаровъ († 7-го апрѣля 1885) въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ.
Русск. Стар. 1890, т. 66, № 4, стр. 207—209.—Краткія свѣдѣнія объ И. И. Срезневскомъ, какъ о преподавателѣ въ пансіонѣ де-Роберти.

---

174 Каллашъ, Вл. Вл.: Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка (Библіографическія справки).
Кіевск. Стар. 1900, т. 71, № 11, стр. 245—250.—О думкѣ И. И. Срезневскаго «Корній Овара».

175 Срезневскій, В. И.: Украинскій альманахъ [1831 г.].

Кіевск. Стар. 1893, т. 40, № 1, стр. 20—33.—Отд. отт. Кіевъ, 1893, 2+14 стр.

176 Р[усова], С.: Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія.

Кіевск. Стар. 1892, т. 38, № 8, стр. 196—197.

177 Изъ харьковской литературной старины. Ф. И. Морачевскій.

Южный Край, 1899, № 6333 (11 іюня). — Напечатано письмо Ф. С. Морачевскаго въ заглавіи опечатка, къ И. Г. Кулжинскому 1831 г.

---

178 Де-Пуле, М. Ѳ.: Къ исторіи украйнофильства.

Русск. Вѣстн. 1881, т. 152, № 3, стр. 216—219.

179 Дашкевичъ, Н. П.: Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія».

Отчетъ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова (П. 1888), гл. обр. стр. 49 — 50, 164—165, 244—246.

180 Костомаровъ, Н. И.: Автобіографія.

«Литературное наслѣдіе» Н. И. Костомарова (П. 1890), стр. 28—32, 38, 44—46.

181 Огоновскій, Омелянъ: Исторія литературы Рускои, часть 4 (Львôвъ, 1894).

См. стр. 25, 46 — 55, 77, 169, 171. Глава 2-ая ч. 4-ой (Литература наукова. 1. Етнографія) озаглавлена «Измаилъ Срезневскій».

182 Срезневскій, В. И.: Изъ переписки И. И. Срезневскаго. 1829—1839 гг.

Кіевск. Стар. 1901, т. 73, № 6, стр. 317—343; т. 74, № 7—8, стр. 210—248. — Отд. отт. Кіевъ, 1901, 2+65 стр.

183 Грушевскій, А. С.: Изъ харьковскихъ лѣтъ И. И. Костомарова.

Журн. Мин. нар. просв. 1908, ч. 14, № 4, стр. 240—254, 266—267, 288 — 292.

184 Грушевскій, А. С.: Изъ исторіи украинской этнографіи. Этнографическія темы въ украинской литературѣ.

Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1909, т. 14, кн. 2, стр. 165.

185 Литературное объявленіе объ изданіи Запорожской Старины.

Моск. Наблюдатель, 1837, т. 14, стр. 242—243 (отъ лица редакціи журнала).

186 Максимовичъ, М. А.: Изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1 (Кіевъ, 1876), стр. 340, 341, 353—357; ранѣе было напечатано въ Москвитянинѣ, 1843, № 10.

187 Костомаровъ, Н. И.: «Записки о Южной Руси издалъ П. Кулишъ, т. 1-й, 1856 года».

Отеч. Зап. 1857, т. 112, Критика и библ. 41—42.—По поводу Запорожской Старины.

188 Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. 1 (Кіевъ, 1874).

Замѣчанія о думахъ, напечатанныхъ въ Запорожской Старинѣ.

189 Костомаровъ, Н. И.: Историческая поэзія и новые ея матеріалы.

Вѣстн. Евр. 1874, № 12, стр. 611—628. — О томъ же.

190 Антоновичъ, В. Б.: «Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882».

Кіевск. Стар. 1883, т. 5, № 2, стр. 421—422.—О Запорожской Старинѣ, какъ историческомъ источникѣ.

191 Науменко, В. П.: Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.

Кіевск. Стар. 1885, т. 12, № 5: «Памяти Н. И. Костомарова», стр. XXXVII — XXXIX, XLI — XLIII. — По поводу Запорожской Старины.

192 Грушевскій, А. С.: Къ исторіи украинской этнографіи.

Сборникъ въ честь В. Б. Антоновича, Кіевъ, 1905 (выпущенъ въ свѣтъ не былъ), и отд. отт. — По поводу Запорожской Старины И. И. Срезневскаго и его этнографическихъ работъ.

193 Грушевський, Олександръ. З сорокових років.

Зап. наук. товар. імени Шевченка, 1908, кн. 3, стр. 167; кн. 5, стр. 83, 90—92, 100—103. — По поводу Запорожской Старины.

194 Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину [1833 г.].

Кіевск. Стар. 1892, т. 39, № 10, стр. 123—124. Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. Подъ стр. примѣчаніе о полученіи оригинала письма отъ Н. Г. Тройницкаго. — По поводу изданія Запорожской Старины.

195 Пономаревъ, С. И.: Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ.

Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 18, № 3 (П. 1877), стр. 29, 35.—О Запорожской Старинѣ.

196 Корсунъ, А. А.: Н. И. Костомаровъ.

Русск. Арх. 1890, № 10, стр. 208, 218 — 219. Приводится письмо къ А. А. Корсуну Н. И. Костомарова. — По поводу Запорожской Старины.

197 Максимовичъ, М. А.: Объ историческомъ романѣ г. Кулиша «Черная рада» 1857 г.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1 (Кіевъ, 1876), стр. 523; ранѣе было напечатано въ Русской Бесѣдѣ, 1858, кн. 1. — О взглядѣ И. И. Срезневскаго на Исторію Конисскаго.

198 Майковъ, Л. Н.: Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ».

Журн. Мин. нар. пр. 1893, ч. 287, № 5, стр. 216, и отд. отт.

199 Грушевскій, А. С.: Къ судьбѣ «Исторіи Руссовъ». Эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.

Чтенія въ Истор. общ. Нестора-лѣтописца, 1906, кн. 19, вып. 2, отд. 2, стр. 57—59.

200 Грушевскій. А. С.: Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ».

Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1908, т. 13, кн. 1, стр. 398, 424, и отд. отт.

---

201 Срезневскій, В. И.: Петербургъ въ 1831—1832 гг. (по письмамъ провинціала).

Русск. Стар. 1900, т. 101, № 2, стр. 477—490.—Письма И. В. Росковшенка къ И. И. Срезневскому.

202 С[резневскій], В. И.: Николай Васильевичъ Гоголь въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ въ 1834—1835 гг.

Русск. Стар. 1892, т. 73, № 3, стр. 751—760.

203 Шенрокъ, В. И.: Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ Изм. Ив. Срезневскимъ.

Русск. Стар. 1892, т. 73, № 3, стр. 760—763.

204 Витбергъ, Ѳ. А.: Гоголь, какъ историкъ.

Ист. Вѣстн. 1892, т. 49, № 8, стр. 412.

205 Данилевскій, Г. П.: Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко (съ 1778 по 1843 г.).

Украинская Старина (Харьковъ, 1866), стр. 190, 191, 224, 240—243, 248—249.

206 Чествованіе памяти Г. Ф. Квитки.

Новое Время, 1878, № 981. — О письмѣ И. И. Срезневскаго къ Н. И. Костомарову, прочитанномъ на обѣдѣ въ честь Квитки въ СПб. въ 1878 г.

207 Мордовцевъ, Д. Л.: Николай Ивановичъ Костомаровъ въ послѣднія десять лѣтъ его жизни. 1875—1885 гг.

Русск. Стар. 1885, т. 48, № 12, стр. 660, 662.—По поводу участія И. И. Срезневскаго въ обѣдѣ въ память Г. Ѳ. Квитки въ 1878 г.

208 Срезневскій, В. И.: Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко (род. 18 ноября 1878 † 8 августа 1843).

Русск. Стар. 1893, т. 79, № 8, стр. 388 — 392.—Здѣсь напечатаны: Рѣчь И. И. Срезневскаго надъ гробомъ Г. Ѳ. Квитки и письмо И. И. Срезневскаго къ Н. И. Костомарову о Г. Ѳ. Квиткѣ по поводу чествованія его памяти въ 1878 г.

209 Автобіографическая замѣтка Я. Щоголева.

Кіевск. Стар. 1904, т. 87, № 10, отд. 2, стр. 8.

210 Н. И. Костомаровъ.

Русскій Худ. Листокъ, изд. Вас. Тиммомъ, 1860, № 20, стр. 72. Перепеч. И. С. Ремезовымъ въ Русск. Старинѣ, 1891, т. 69, № 2, стр. 488.

211 Грушевскій, А. С.: Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова (къ поминкѣ † 1885—1910).

Извѣстія Отд. рус. яз. и сл. 1911, т. 16, кн. 1, стр. 79, 85, 87, 89, 91—93, 102, 113, 116.

212 Багалѣй, Д. И.: Костомаровскіе дни въ г. Воронежѣ (27—29 марта 1911 года).

Вѣстникъ Харьк. ист.-фил. общ. вып. 1 (1911).—Напечатаны извлеченія изъ писемъ Н. И. Костомарова къ И. И. Срезневскому.

213 Срезневскій, В. И.: Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому (1837—1839).

Русск. Стар. 1893, т. 78, № 5, стр. 377—402; т. 79, № 9, стр. 545—562.

214 Пассекъ, Т. П.: Изъ дальнихъ лѣтъ (П. 1879 и 1889).

См. въ т. 2, стр. 268—270; въ т. 3, стр. 272.

215 С[теблинъ]-К[аминскій], С. П.: Біографія поэта Котляревскаго.

Сѣв. Пчела, 1839, № 146, стр. 584.

216 Метлинскій, А. Л.: Южный русскій сборникъ (Харьковъ, 1848).

На стр. 13—14 о малорусскомъ правописаніи И. И. Срезневскаго и объ отношеніи этого правописанія къ правописанію Котляревскаго; о томъ же см. Огоновскій «Исторія литературы рускои», ч. 2, стр. 437.

217 Срезневскій, В. И.: Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ.

Кіевск. Стар. 1899, т. 64, № 1, стр. 1—4.

218 Стешенко, И.: Древнѣйшій списокъ (1820) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго.

Кіевск. Стар. 1901, т. 73, № 4, отд. 2, стр. 1—9.—Сличеніе списка съ изданіемъ И. И. Срезневскаго.

219 Письма П. А. Кулиша къ О. М. Бодянскому (1846—1877 гг.) [съ предисловіемъ А. А. Титова].

Кіевск. Стар. 1897, т. 58, № 9, стр. 403, 404, 407; т. 59, № 10, стр. 30, 43—44; 1898, т. 60, № 2, стр. 283—284, 289, 291—294, 296.—Извлеченія изъ писемъ ранѣе были напечатаны А. Титовымъ въ Русск. Архивѣ, 1892, № 11 (см. стр. 296).

---

220 Данилевскій, Г. П.: Григорій Савичъ Сковорода (съ 1722 по 1794 г.).

Украинская Старина (Харьковъ, 1866), стр. 29—31, 35—38, 41—44, 68—69, 74, 94.

221 Костомаровъ, Н. И.: Слово о Сковородѣ, по поводу рецензіи на его сочиненія въ «Русскомъ Словѣ».

Основа, 1861, т. 3, № 7, стр. 176—179.

222 Крестовскій, Вс. Вл.: Ходатайство г. Костомарова по дѣламъ Сковороды и г. Срезневскаго.

Русское Слово, 1861, т. 8, отд. 2, стр. 79—87.

223 Костомаровъ, Н. И.: Отвѣтъ на статью Всеволода Крестовскаго: «Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго».

Основа, 1861, т. 3, № 8, отд. 2, стр. 1—14.

224 Письма къ Григ. Петр. Данилевскому.

Кіевск. Стар. 1903, т. 80, № 1, стр. 61—63.—Въ письмахъ А. Л. Метлинскаго относительно Гр. С. Сковороды.

225 Багалѣй, Д. И.: Біографическіе матеріалы о Г. С. Сковородѣ.

Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и изданныя проф. Д. И. Багалѣемъ (Харьковъ, 1894), стр. XI—XVII, XXVIII—XXX, XXXII, XXXV—XLI, XLVI, LXV—LXVII, LXXI, CXIX, CXX, CXXIX.

226 Кудринскій, Ѳ. А.: Философъ безъ системы (опытъ характеристики Г. С. Сковороды).

Кіевск. Стар. 1898, т. 60, № 1, стр. 57.

227 Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды, т. 1 (П. 1912).

Матеріалы къ изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей Владимира Бонч-Бруевича. Вып. 5, стр. 73—74, 459.

228 А., В.: «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію» И. И. Срезневскаго. Харьковъ.

Кіевск. Стар. 1883, т. 6, № 5, стр. 167—168.

229 Багалѣй, Д. И.: Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи Харьковской губерніи (бывшей Слободской Украйны) съ 1880 по 1885 годъ. Библіографическій очеркъ.

Харьковскій календарь на 1886 г. (Харьковъ, 1885), отд. IX, стр. 4, Перепечат. въ «Очеркахъ изъ русской исторіи» Д. И. Багалѣя, т. 2, стр. 260—261.—Объ «Историческомъ обозрѣніи гражданскаго устроенія Слободской Украины» И. И. Срезневскаго (Харьковъ, 1883).

230 Багалѣй, Д. И.: Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній) въ XVI — XVIII столѣтіяхъ.

Сборн. Харьк. ист.-фил. общ., т. 1, стр. I. — О томъ же сочиненіи.

231 Науменко, В. П.: Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность.

Кіевск. Стар. 1902, т. 79, № 11, стр. 176—178; № 12, стр. 471—477.

232 Срезневскій, В. И.: Охранная опись рукописнаго отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, 1902, т. XVI, № 4, стр. 090; т. XVII, № 5, стр. 085, 087. — Отд. отт. (П. 1905), стр. 20, 38, 40. — По поводу мнѣнія И. И. Срезневскаго о малорусскомъ переводѣ евангелія, исполненномъ Ф. С. Морачевскимъ, и сношеній между ними.

233 Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго.

Кіевск. Стар. 1902, т. 78, № 9, стр. 94. Перепечатка изъ пред.

234 Ефремовъ, С.: Замѣтки на текущія темы.

Кіевск. Стар. 1905, т. 88, № 3, стр. 298. — По поводу Морачевскаго и его перевода евангелія.

III.

Путешествіе по славянскимъ землямъ.—Сношенія съ западно-славянскими учеными и русскими въ связи съ славянствомъ.—Отзывы о трудахъ, относящихся къ западному славянству.

235 Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

Живая Старина, 1892, №№ 1—4; 1893, №№ 1—4. Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго.—Отд. отт. подъ заглавіемъ «Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель. 1839 — 1842». (П. 1895). 8°, X + 374 стр. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. И. Срезневскаго, «Перечнемъ мѣстъ, посѣщенныхъ И. И. Срезневскимъ во время путешествія 1839 — 1842», указателемъ личныхъ именъ и картой «Путь И. И. Срезневскаго по славянскимъ землямъ», составл. Н. И. Алмазовой. — Отзывъ: Журн. Мин. нар. пр. 1895, № 5, стр. 235 — 238 (А. Липовскаго).

236 Францевъ, В. А.: И. И. Срезневскій и Славянство.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 94—167.— Отд. отт. П. 1914. 8⁰, 2+74 стр. — Отзывъ: Русск. Фил. Вѣстн. 1915, № 1, стр. 189 (Е. К‹арскаго›).

237 Пыпинъ, А. Н.: Новыя данныя о славянскихъ дѣлахъ.

Вѣстн. Евр. 1893, т. 4, № 7, стр. 281—334; глава IV: «П. И. Прейсъ», гл. V: «И. И. Срезневскій въ годы путешествія по славянскимъ землямъ (1839—1842)».

238 Пыпинъ, А. Н.: Русское славяновѣдѣніе въ XIX столѣтіи.

Вѣстн. Евр. 1889, № 8, стр. 711—724; № 9, стр. 258—260, 262—263, 267—269, 279—280.

239 Кочубинскій, А. А.: Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.

Вѣстн. Евр. 1896, т. 4, № 8, стр. 474—477.— Къ вопросу о путешествіи въ славянскія земли въ 1839 г.

240 Ламанскій, В. И.: Остатки работъ П. И. Прейса (къ исторіи славяновѣдѣнія).

Жив. Стар. 1898, вып. 3 и 4, стр. 332, 362—364.—Отд. отт. П. 1898, стр. 2, 32—34.

241 Гротъ, К. Я.: Объ изученіи славянства. Судьба славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ (П. 1901).

См. стр. 31—32.

242 Извѣстіе о работахъ И. И. Срезневскаго по составленію географіи западно-славянской Европы [безъ заглавія].

Денница (Варшава), 1843, ч. 3, стр. 84.

243 Кочубинскій, А. А.: Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ.

Записки Имп. Новоросс. унив. 1874, т. 13, стр. 106—108.

244 Извѣстіе о путешествіи И. И. Срезневскаго въ славянскія земли [безъ заглавія].

Danica Ilirska, 1840, br. 11, str. 44 (отдѣлъ Sveslavjanske vèsti).

245 О путешествіи И. И. Срезневскаго по славянскимъ землямъ и его значеніи [безъ заглавія].

Danica Hirska, 1842, br. 2, str. 8 (въ отд. Sveslavjanske vĕsti).

246 Анненковъ, П. В.: Письма изъ-за границы (1840—1843).

Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ (П. 1892), стр. 138. — По поводу встрѣчи съ И. И. Срезневскимъ въ Вѣнѣ, о значеніи его путешествія.

247 Любовичъ, Н.: Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. 1840 г.

Русск. Стар. 1882, т. 35, № 7, стр. 224. — О знакомствѣ И. И. Срезневскаго съ проф. Реппелемъ.

248 Францевъ, В. А.: Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтія (Варшава, 1902).

Упоминанія см. по указателю.

249 Ламанскій, В. И.: Отъ редактора [вводная замѣтка къ рецензіи И. И. Срезневскаго на книгу И. Шафарика Slovanský Národopis].

Живая Старина, 1891, вып. 4, стр. 164—174. — Приводятся письма Шафарика къ И. И. Срезневскому 1841—1843 гг.

250 Кочубинскій, А. А.: Въ краю былыхъ еретиковъ.

Ист. Вѣстн. 1882, т. 9, № 8, стр. 364. — Изъ воспоминаній объ И. И. Срезневскомъ Антонина Марка.

251 Францевъ, В. А.: Матеріалы для исторіи славянской филологіи. Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель (Варшава, 1905).

Упоминанія см. по указателю.

252 Старкъ, А. И.: Л. А. Мей.

Русск. Стар. 1882, т. 36, № 11, стр. 286. — Объ устройствѣ концерта въ память Ганки въ 1861 г. и о переводѣ Меемъ стиховъ Ганки «Národy ne hasnou...».

253 Ягичъ, И. В.: Новыя письма Добровскаго, Копитара и другихъ юго-западныхъ славянъ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 62 (II. 1897), стр. 427—431, 876.— Здѣсь напечатано одно письмо И. И. Срезневскаго къ П. И. Кеппену и одно Кеппена къ Срезневскому — оба 1861 г. о Ганкѣ.

254 Horák, Jiří: Z dopisů I. I. Srezněvského a P. I. Preise.

Zvláštní otisk z výroční zprávy c. k. českého gymnasia na Král. Vinohradech. (Král. Vinohrady, 1913). — О путевыхъ письмахъ И. И. Срезневскаго. — Рец.: Listy Filologické, 1913, s. 6, str. 467 — 468 (Mil. Hýseka).

255 Симони, П. К.: Райградская латинская рукопись 850 — 900 гг. съ церковно-славянскими кирилловскими приписками.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1911, т. 16, кн. 3, стр. 137—141, и отд. отт.

256 Škultéty, J.: Sreznievskij na Slovensku roku 1842.

Slovenské Pohľady (Turčiansky Sv. Martin), 1894, str. 114—126, 357—361.—Изъ писемъ И. И. Срезневскаго къ матери.

257 Š[kultéty], J.: 1812—1912. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Краткій біографическій очеркъ СПб. 1913, str. 40. 1812—1912. Описаніе выставки въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго. СПб. 1913, str. 39.

Slovenské Pohľady, 1913, s. 4, str. 261—264.—Замѣтка съ выдержками изъ писемъ И. И. Срезневскаго о словакахъ къ матери.

258 Hawliček-Borowský, K.: Slowan a čech.

Pražské Nowiny, 1846, č. 20, str. 81.

259 Селищевъ, А.: Карлъ Гавличекъ о русской литературѣ и «Славяно-православной партіи».

Сборникъ статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову (Казань, 1912), стр. 39, 48, 49.

260 Францевъ, В. А.: Чешско-словенскій расколъ и его отголоски въ литературѣ сороковыхъ годовъ. Памяти Людевита Штура. 1815—1915.

Русск. Фил. Вѣстн. 1915, № 3 (въ свѣтъ не вышелъ). — Отд. отт. (Варшава, 1915), стр. 1—7.

261 List Sresněvského I. E. Purkyňovi.

Slovanský Sbornik (v Praze, 1885), str. 465—466.

262 Францевъ, В. А.: Къ біографіи чешскаго славянофила Яна Ев. Пуркини (непзданныя мелочи).

Русск. Фил. Вѣстн. 1914, № 1, стр. 29—30, 36—37, и отд. отт.—Здѣсь напечатано стихотвореніе Пуркини, посвященное Срезневскому.

263 Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужичанахъ (1840 г.).

Живая Стар. 1891, вып. 1, стр. 84.—Вводная замѣтка В. И. Ламанскаго подъ загл. «Прим. Ред.».

264 Francew, V. A.: Z albuma I. I. Sreznjewskeho.

Łužica (Будишинъ), 1914, № 2, str. 13—14.—Записи А. Зейлера и Я. Смолера.

265 Hórnik, M.: Michał K. Bobrowskij a Izmail I. Sreznewskij wo Serbach.

Čas. Mać. Serb. 1889, 42, str. 42 — 51.

266 B., V.: Извѣстіе о находкахъ И. И. Срезневскаго въ Герсдорфской библіотекѣ въ Будишинѣ [безъ заглавія].

Danica Ilirska, 1841, br. 7, str. 28 (въ отд. Različnosti slavjanske) — изъ «Českoga Cvětja».

267 Francev, V. A.: Še nenatisnjen epigram Prešernov.

Prešernov album ob stoletnici pesnikovega rojstva (1800—3/XII—1900) izdal «Ljubljanski zvon» (Lubljana, 1900), str. 771. — Стихотвореніе Прешерна «Gospodu Ismajlu Sresnjevskimu v spomin velkiga tédna léta 1841». — См. въ статьѣ Ѳ. Е. Корша «Prešernov album» (Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1900, т. 5, кн. 4, стр. 1338).

268 Кулаковскій, Пл. А.: Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія (Варшава, 1894).

Упоминанія см. по указателю.

269 Francev, Vl. A.: Iz epohe hrvatskoga preporoda.

Savremenik, 1911, str. 111—115, 169—173, 341—346, 419—424, 463—467 (съ автотип. портретомъ), и отд. отт. — Глава 3-ья подъ загл. «Stanko Vraz i ruski njegovi književni prijatelji».

270 О пріѣздѣ И. И. Срезневскаго въ Загребъ [безъ заглавія].

Danica Ilirska, 1841, № 14, str. 56 (въ отд. Sveslavjanske vĕsti).

271 Děla Stanka Vraza. Dio V (u Zagrebu, 1877).

См. стр. 27, 49, 213—225, 227, 230—231, 233—234, 236—237, 269,

280, 295, 301, 327 — 329. — Здѣсь между прочимъ напечатано одно письмо Враза къ И. И. Срезневскому и нѣсколько его писемъ къ Драгоилѣ Штаудуаръ съ упоминаніями о Срезневскомъ.

272 P., J.: Stanko Vraz.

Děla Stanka Vraza, dio V (u Zagrebu, 1877), str. IX, XI, XXI.

273 Kollar, Jan: Cestopis obsahující cestu do horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko, se zwláštním ohledem na slawjanské živly roku 1841 (W Pešti, 1843).

См. стр. 30, 32; по пражскому изд. 1907 г. стр. 68 — 69, 72—73. — Díl 1, 3 hl., озаглавл. «Horwatsko. Záhřeb; Karlowec; Grobničko Pole».

274 Сиротининъ, А. Н.: Россія и Славяне (П. 1913).

Отзывъ И. И. Срезневскаго о А. С. Хомяковѣ, высказанный Коллару (стр. 228)

275 Читатель: Колларъ и Хомяковъ. Замѣтка по поводу составленнаго г. В. Лясковскимъ жизнеописанія А. С. Хомякова.

Русск. Арх. 1897, № 2, стр. 316. — О знакомствѣ Коллара съ произведеніями Хомякова чрезъ посредство И. И. Срезневскаго, во время его путешествія въ 1841 г.

276 Шафарикъ, П. І.: О резіянахъ и фурлянскихъ словинахъ [въ переводѣ на русскій языкъ Ѳ. С. Евецкаго и на польскій А. Кухарскаго].

Денница (Варшава), 1842, стр. 110—111.

277 О путешествіи И. И. Срезневскаго вмѣстѣ съ С. Вразомъ по Краинѣ [безъ заглавія].

Danica Ilirska, 1841, br. 19, str. 75—76 (въ отд. Sveslavjanske vĕsti).

278 Vraz, St.: Put u gornje strane. Izvadak iz listovah na gospodju Drag. Št. — rodj. Kr. . . .ćevu.

Iskra, 1844, str. 127 и слѣд. Перепеч. въ изд. Děla St. Vraza, t. V, str. 58—78.

279 Vr[az], St. Замѣтка о путешествіи И. И. Срезневскаго по Краинѣ, Далмаціи и Черной горѣ [безъ заглавія].

Danica Ilirska, 1841, br. 39, str. 160 (въ отд. Sveslavjanske vĕsti).

280 Šrepel, M.: Iz ostavine Dragutina Rakovca.

Gradja za povjest književnosti hrvatske, 1901, kń. 3, str. 289 (въ письмѣ С. Враза къ Раковцу).

281 Vr[az], St.: Bugarske narodne pěsme.

Kolo, 1847, t. V, str. 27.—О доставленіи И. И. Срезневскимъ пѣсни «Torlačka iz Lèskovca».

282 Glasovi o «Ogledu rječnika».

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, t. 43 (u Zagrebu, 1878), str. 159—161.—Приводится письмо И. И. Срезневскаго къ предсѣдателю Югославянской Академіи.

283 Богишић, В.: Једна руковет из Вукове преписке. Извадак из «Срђа», год I и II (Дубровник, 1903).

Здѣсь напечатано два письма И. И. Срезневскаго Караджичу 1/13 августа 1842 и 8/20 іюня 1852 г. (стр. 77 — 79, 102 — 103).

284 Кулаковскій, Пл. А.: Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ (М. 1882).

См. стр. 156, 170, 176.

285 Поповъ, Н. А.: Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича. Платонъ Кулаковскій: Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М. 1882.

Журн. Мин. нар. пр. 1882, ч. 220, № 4, стр, 219, 220, 224, 225.

286 Матеріалы для исторіи галицко-русской словесности. Изъ записокъ подъ з. «Пережитое и перестраданное» Якова Ѳ. Головацкаго.

Литер. Сборн. изд. Галицко-русскою матицею подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго, 1886 (Львовъ), вып. 2, стр. 198. — О проѣздѣ И. И. Срезневскаго черезъ Львовъ въ 1842 г. (напечатано въ «1840 г.»).

287 Свѣнцицкій, И. С.: Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ I-ую половину XIX-аго вѣка (Львовъ, 1905).

См. стр. 20—22, 158—199. — Гл. 6: «Сношенія И. И. Срезневскаго съ Карпаторуссами».

288 Свѣнцицкій, И. С.: Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ I-ую половину XIX в.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1906, т. 11, кн. 3, стр. 265, 328 — 334, 357, 358.

289 Студинській, Кир.: Кореспонденція Якова Головацького в лїтах 1835—49.

Збірник фільольогичної секц. Наук. товар. імени Шевченка, т. 11 12 (у Львові, 1909), стр. LV—LVII, LXIX, LXXI, XCIV и далѣе по алф. указ. — Между прочимъ напечатано одно письмо И. И. Срезневскаго и два его стихотворныхъ перевода на украинскій языкъ изъ Краледворской рукописи.

290 Проектъ первой австро-русской литературной времеописи въ 1842 г.

Вѣстн. «Народн. Дома» (Львовъ), 1904, ч. 6, стр. 84, ч. 7—8, стр. 113—114.

291 Францевъ, В. А.: Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. (Изъ отчета о заграничной командировкѣ).

Русск. Фил. Вѣстн. 1901, № 1—2, стр. 156, 159, 170, 174, 183, 185.

292 Францевъ, В. А.: Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и перв. четв. XIX ст. (Прага Чешская, 1906).

Упоминанія см. по указателю.

293 О пріѣздѣ въ Варшаву изъ западно-славянскихъ земель И. И. Срезневскаго и О. М. Бодянскаго [безъ заглавія].

Денница (Варшава), 1842, № 15, стр. 195—196.

294 Францевъ, В. А.: Къ исторіи такъ называемаго кашубскаго возрожденія (Хр. Ц. Мронговіусъ и Фл. Ценова въ ихъ сношеніяхъ съ русскими учеными).

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1912, т. 17, кн. 3, стр. 55, 62—74.

295 Francew, W.: Fl. Cenowa i prof. Izmael Srezniewski (Przyczynek do historyi stosunków naukowych kaszubsko-rosyjskich).

Gryf (w Gdańsku), 1912, №№ 4—6.

296 С[резневскій], В. И.: Вступительная лекція И. И. Срезневскаго въ Харьковскомъ университетѣ 16 окт. 1842 года.

Журн. Мин. нар. пр. 1893, ч. 287, № 5, стр. 110—133.—Отд. отт. подъ загл. «Вступительная лекція въ курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій И. И. Срезневскаго (чит. 16 окт. 1842)». П. 1893.

297 Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846).

Жив. Стар. 1890, вып. 2, отд. 1, стр. 108 — 136; вып. 3, отд. 1, стр. 3—47; вып. 4, отд. 1, стр. 3—42 (съ предисл. В. И. Ламанскаго).— Отд. отт. П. 1892. — Тутъ же напечатаны: письма И. И. Срезневскаго къ П. И. Прейсу (1) и къ О. М. Бодянскому (1) и И. П. Дубровскаго, Ор. и Ѳед. Ст. Евецкихъ и О. М. Бодянскаго къ И. И. Срезневскому (по одному).

298 Поповъ, Н. А.: Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину.

Русск. Арх. 1873, т. 2, № 7 (ссылки см. по указателю). — Упоминанія въ письмахъ В. Караджича и Я. Коллара.

299 Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861). Съ примѣчаніями д. ч. Нила Попова.

Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. росс. 1879, кн. 1 и 4; 1880, кн. 1.

300 Письма П. І. Шафарика къ О. М. Бодянскому (1838—1857) съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу (1852—1856). Приготовленныя къ изданію П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ.

Чтенія въ Имп. Общ. исторіи и древн. росс. 1896, кн. 1 и 2. — Кромѣ текста писемъ см. статью П. А. Лаврова «П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій», представляющую собою предисловіе къ тексту.

301 Титовъ, А. А: Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ перепискѣ съ учеными (Письма И. И. Срезневскаго).

Библіогр. записки, 1892, № 11, стр. 773—782.—Письма относятся къ 1842—1846 гг.

302 П[етровск]ій, М. П.: Григоровичъ и Прейсъ. Къ исторіи славяновѣдѣнія на Руси.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1897, т. 2, стр. 722—725, 743.

303 Макушевъ, В. В.: Изъ чтеній о старо-чешской письменности.

Филол. Записки, 1877, вып. 4; 1878, вып. 2, 6.—Отд. отт. Воронежъ, 1879 (съ посвященіемъ: «Измаилу Ивановичу Срезневскому въ знакъ глубокаго уваженія посвящаетъ благодарный его ученикъ»), стр. 15—22, 49, 52—53, 67, 72—84, I—VI, XIII—XVIII. Дополненіе къ III чтенію озаглавлено: «Мнѣніе И. И. Срезневскаго о т. н. Зеленогорской рукописи».

304 К[олосовъ], М.: Замѣтка по поводу изданія «Чешскія глоссы въ Mater verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго» [безъ заглавія].

Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 1, № 1, стр. 146—148.

305 Ламанскій, В. И.: Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка.

Журн. Мин. нар. пр. 1879, ч. 201, № 1, стр. 134—152; № 2, стр. 313—316, 339—366; ч. 202, № 3; ч. 203, № 6, стр. 264—265.—По поводу Mater verborum. Въ № 1 общая характеристика научныхъ интересовъ И. И. Срезневскаго и отношеній къ западнымъ славянамъ.

306 Стороженко, А.: Очерки изъ исторіи чешской литературы. I. Рукописи Зеленогорская и Краледворская. Очеркъ литературной исторіи рукописей (1817—1877).

Унив. Изв. (Кіевъ), 1879, № 12—1880, № 12: Сборникъ сочиненій студентовъ унив. св. Владимира, вып. 1 (К. 1880) и вып. 3 (К. 1881).—Отд. отт. Кіевъ 1880, стр. 89—92, 128—131, 218—219, 241—243.

307 С[оболевскій], А. И.: А. О. Патера.

Русск. Фил. Вѣстн. 1913, т. 69, № 1, стр. 230—231.

IV.

Дѣятельность въ Академіи Наукъ, въ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ Археологическихъ обществахъ и на Археологическихъ съѣздахъ, въ Филологическомъ обществѣ.—Учено-литературныя связи Петербургскаго времени.

308 Плетневъ, П. А.: Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія [за 1842—1851 гг.]. П. 1852.

См. въ отчетахъ за 1849—1851 гг. — Отчетъ за 1851 г. предварительно былъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и сл. т. 1.

309 Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1852—1865 годы, составленные по опредѣленію Отдѣленія академиками: П. А. Плетневымъ, И. И. Давыдовымъ, А. В. Никитенко и Я. К. Гротомъ (П. 1866).

Отчетъ за 1852 г. предварительно былъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и сл. т. 2; Отчеты за 1853, 1854, 1856, 1857, 1859 и 1860 гг. — въ Ученыхъ Запискахъ Второго отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. 1, 2, 4, 5, 7; за 1861—1865 гг. — въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, тт. 1—9; Отчетъ за 1865 г. кромѣ того — въ Сборникѣ статей, чит. въ Отд. русск. яз. и сл. т. 1 (П. 1867).

310 Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866—1891 годы, составленные по опредѣленію Отдѣленія академиками: А. В. Никитенко, А. Ѳ. Бычковымъ, М. И. Сухомлиновымъ, А. Н. Веселовскимъ, Я. К. Гротомъ, Л. Н. Майковымъ и К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ (П. 1903).

См. въ Отчетахъ за 1866—1880 г. — Отчеты за эти годы предварительно были напечатаны въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ, тт. 11—38 (П. 1867—1881) и въ Сборникѣ статей, чит. въ Отд. русск. яз. и слов. [потомъ Сборн. Отд. русск. яз. и сл.] тт. 2—21 (П. 1868—1881).

311 Давыдовъ, И. И.: Записка г. предсѣдательствующаго о кругѣ дѣятельности Втораго отдѣленія Академіи (чит. 11 дек. 1852 г.).

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. 1853, т. 2, стр. 1—8.

312 Давыдовъ, И. И.: Записка предсѣдательствующаго о занятіяхъ Втораго отдѣленія [Академіи Наукъ] въ 1853 и 1854 гг.

Извѣстія, 1854, т. 3, стр. 1—16.

313 Давыдовъ, И. И.: Обозрѣніе занятій Втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ въ истекающемъ 1854 г. и начертаніе занятій въ наступающемъ 1855 г.

Извѣстія, 1855, т. 4, стр. 1—16.

314 Давыдовъ, И. И.: Записка предсѣдательствующаго о занятіяхъ Втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ въ истекающемъ 1855 году.

Извѣстія, 1856, т. 5, стр. 1—22.—Перепеч. въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг.» (П. 1866), стр. 147—176.

315 Давыдовъ, И. И.: Записка предсѣдательствующаго о занятіяхъ Втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ въ истекшемъ 1856 г.

Извѣстія, 1858, т. 6, стр. 1—18.

316 Давыдовъ, И. И.: Записка предсѣдательствующаго о занятіяхъ Втораго отдѣленія Академіи въ истекающемъ 1858 г.

Извѣстія, 1859—1860, т. 8, стр. 1—13.

317 Гротъ, Я. К.: Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 годъ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 53, № 1: «Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 1841—1891». (П. 1892), стр. 8—12. — Перепеч. въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 460—463, и въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. языка и слов. за 1866—1891 годы» (П. 1903).

318 Извлеченія изъ протоколовъ Втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ [сент. 1851 г.—дек. 1861 г.].

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., тт. 1—10 (П. 1852—1863).

319 Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи. Отдѣленіе русскаго языка и словесности [янв. 1862 г.—дек. 1879 г.].

Записки Имп. Академіи Наукъ, тт. 1—36 (П. 1862—1880).

320 Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности [янв. 1866 г.—май 1880 г.].

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и слов. Имп. Академіи Наукъ [потомъ Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов.], тт. 1—21 (П. 1867—1881).

321 Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи. Общее собраніе [янв. 1862 г. — янв. 1880 г.].

Записки Имп. Академіи Наукъ, тт. 1—36 (П. 1862—1880).

322 Давыдовъ, И. И.: О литературныхъ трудахъ академика И. И. Срезневскаго.

Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1854 г. П. А. Плетнева, Приложеніе (Уч. Зап. Втораго отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. 2, вып. 1, стр. XLV—XLVIII. — Перепечат. въ «Отчетахъ Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг». (П. 1866), стр. 141—147.

323 Модзалевскій, Б. Л.: Списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ 1725—1907 (П. 1908).

См. стр. 9, 50.

324 Срезневскій, В. И.: Къ исторіи изданія Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 80 (П. 1905).

325 Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, т. пятый, вып. 1, 2, 3, 4. С.-Пб. 1856.

Библіотека для Чтенія, 1856, т. 140, № 12, отд. VI, стр. 75—80.

326 М — нъ, И.: Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, т. V, выпускъ 1, лл. 1—4; 2, лл. 5—8, in 4⁰. С.-Пб. 1856.

Сынъ Отечества, 1856, № 15, стр. 59—62.

327 Вводная статья къ «Извѣстіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ» [безъ заглавія].

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. 1896, т. 1, кн. 1, стр. 1—2.

328 Никитенко, А. В.: Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Изд. 2, тт. 1—2 (П. 1904 и 1905).

Упоминанія см. по указателю. Изданіе 1-е вышло въ 1893 г. подъ загл. «Записки и дневникъ (1826—1877)».

329 Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.

Сборникъ статей, читан. въ Отд. русск. яз. и слов. т. 5, вып. 2 (П. 1873). — Здѣсь напечатаны письма И. И. Срезневскаго къ А. Х. Востокову.

330 Кочубинскій, А. А.: Три письма А. Хр. Востокова. (Для исторіи русской науки).

Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1899, т. 4, кн. 2, стр. 726—729, 736.

331 Гротъ, Я. К.: А. Х. Востоковъ.

Слав. Обозрѣніе, 1892, кн. 4, стр. 458—460. Перепеч. въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 337, 338, 340.

332 Гротъ, Я. К.: Похороны Востокова.

С.-Петерб. Вѣдомости, 1864, № 38. Перепеч. въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 328—331.

333 Истринъ, В. М.: Письма къ академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящіяся въ Имп. Новороссійскомъ университетѣ (Одесса, 1906).

Упоминанія см. по указателю, въ которомъ, впрочемъ, отмѣчены только страницы текста писемъ.

334 Изъ записокъ академика Я. К. Грота. Празднованіе полувѣкового юбилея Имп. Академіи Наукъ въ 1876 году.

Русск. Архивъ, 1911, т. 2, № 6, стр. 265, 266, 271.

335 Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота. Тт. 2 и 3 (П. 1896).

Упоминанія см. по указателю.

336 Изъ писемъ къ Я. К. Гроту С. П. Шевырева.

Русск. Архивъ, 1906, т. 2, № 6, стр. 272.

337 Семевскій, М. И.: Академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность. 1840 г. октября 7 1890 г.

Русск. Стар. 1890, т. 68, № 10, стр. 291—294.—Напечатанъ докладъ И. И. Срезневскаго о заслугахъ А. Ѳ. Бычкова, прочтенный въ 1865 г. въ засѣданіи Академіи Наукъ.

338 И., Г. Л.: Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ (Некрологъ).

Ист. Вѣстн. 1899, № 5, стр. 698. — Объ избраніи А. Ѳ. Бычкова въ члены Академіи.

339 Пѣтуховъ, Е. В.: Матеріалы для біографіи М. И. Сухомлинова.

Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1911, т. 16, кн. 3, стр. 187—194, 204, 216—221, 228, 231, 233—235.

340 Семеновъ, П. П.: Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русскаго Географическаго общества 1845—1895. Тт. 1—2 (П. 1896).

Упоминанія см. по указателю въ ч. 3-й.

341 Артемьевъ, А. И.: Обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Географическаго общества по исторической географіи (П. 1873).

См. стр. 119, 120, 123—125, 146.

342 Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго общества за 1850 г.; — за 1851 г.; — за 1852 г.; — за 1854 г.; — за 1855 г.: — за 1856 г.; — за 1857 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 1 (П. 1851), кн. 1, отд. I, стр. 9, 12, 46, 70; — ч. 4 (П. 1852), кн. 1, отд. I, стр. 35—37, 75, 76; — ч. 7 (П. 1853), отд. I, стр. 59, 69 (свѣдѣнія объ изд. «Памятниковъ русскаго народнаго языка», съ приведеніемъ предполагаемаго состава 1-й части); — ч. 13 (П. 1855), отд. I, стр. 70—71, 76, 80; — ч. 16 (П. 1856), отд. I, стр. 4, 35, 46, 56—57; — ч. 19 (П. 1857), отд. I, стр. 41, 48; — ч. 22 (П. 1858), отд. I, стр. 40, 62, 75.

343 Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Русскаго Географическаго общества за 1858 г.; — за 1859 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 25 (П. 1859), отд. I, стр. 41; — ч. 28 (П. 1860), отд. I, стр. 7—8.

344 Дѣйствія Географическаго общества.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 2 (П. 1851), отд. I, стр. 34, 35; ч. 3 (П. 1851), отд. I, стр. 6, 8, 22; ч. 12 (П. 1854), отд. I, стр. 10—11.

345 Общее собраніе Имп. Русскаго Географическаго общества 28 ноября 1853 г.; — 27 янв. 1856 г.; — 22 мая 1856 г.; — 16 апр. 1858 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 10 (П. 1854), отд. VI, стр. 2; — ч. 16 (П. 1856), отд. VI, стр. 19—20; — ч. 17 (П. 1856), отд. VI, стр. 25—26; — ч. 23 (П. 1858), отд. VI, стр. 1—3.

346 Засѣданіе Совѣта [Имп. Русскаго Географическаго общества] 17 ноября 1854 г.; — 20 февр. 1856 г.; — 21 мая 1856 г.; — 7 ноября 1856 г.; — апр. 16 дня 1857 г.; — 11 мая 1857 г.; — 5 апр. 1858 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 12 (II. 1854), отд. VI, 43;— ч. 17 (II. 1856), отд. VI, стр. 27, 28; — ч. 18 (II. 1856), отд. VI, стр. 36—38 (между пр., о предложеніи И. И. Срезневскаго отн. изданія Матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка); — ч. 19 (II. 1857), отд. VI, стр. 16, 17; — ч. 21 (II. 1858), отд. VI, стр. 8, 18—19; — ч. 23 (II. 1858), отд. VI, стр. 10—11.

347 Журналы засѣданій Совѣта Имп. Русскаго Географическаго общ. марта 2 дня 1859 г.; — марта 21 дня 1859 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 27 (II. 1859), Отд. I, стр. 19, 24.

348 Занятія Отдѣленій [Имп. Русскаго Географическаго общества за 1850 г.]. III. Отдѣленіе этнографіи.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 1, кн. 2, отд. I, стр. 119—121. Между прочимъ, о предполагавшемся въ Отдѣленіи этнографіи изданіи Памятниковъ русскаго народнаго языка и словесности, съ порученіемъ редакціи И. И. Срезневскому и Н. И. Надеждину.

349 Засѣданія Отдѣленій [Имп. Русскаго Географическаго общества]. В. Засѣданіе Отдѣленія этнографіи 10 ноября 1851 г.; — 31 янв. 1852 г.: — 31 окт. 1852 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ., ч. 4 (II. 1852), кн. 2, отд. VII, стр. 42—44;— ч. 5 (II. 1852), отд. VII, стр. 19;— ч. 7 (II. 1853), отд. IX, стр. 20—21, 23, 24—25, 27 (перечень лингвистическо-этнографическихъ матеріаловъ, приготовленныхъ И. И. Срезневскимъ къ изданію въ 1 части «Памятниковъ русскаго народнаго языка», перечень отзывовъ И. И. Срезневскаго объ этнографическихъ статьяхъ и матеріалахъ, поступившихъ въ общество).

350 Засѣданіе Отдѣленія этнографіи [Имп. Русскаго Географическаго общества] 3 дек. 1853 г.; — 3 февр. 1854 г.; — 30 апр. 1854 г.; — 21 окт. 1854 г.; — 27 дек. 1855 г.; — 31 янв. 1856 г.; — 12 ноября 1856 г.; — 20 янв. 1857 г.; — 23 окт. 1857 г.; — 29 ноября 1857 г.; — 29 дек. 1857 г.; — 3 февр. 1858 г.; — 15 мая 1858 г.; — 11 февр. 1859 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 10 (П. 1854), отд. VI, стр. 42—47; — ч. 11 (П. 1854), отд. VI, стр. 48—49; — ч. 12 (П. 1854), отд. VI, стр. 13, 14, 46, 47; — ч. 16 (П. 1856), отд. VI, стр. 31—33; — ч. 17 (П. 1856), отд. VI, стр. 14, 15, 18; — ч. 20 (П. 1857), отд. VI, стр. 2, 5, 7; — ч. 22 (П. 1858), отд. VI, стр. 47, 49, 52, 53, 76—78, 81, 82, 84, 86; — ч. 24 (П. 1858), отд. VI, стр. 8; — ч. 26 (П. 1859), отд. VI, стр. 1.

351 Журналы засѣданія этнографическаго отдѣленія Имп. Русскаго Географическаго общества... 1 дек. 1859 г.; — 23 янв. 1860 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 27 (П. 1859), отд. VI, стр. 14, 15; — ч. 28 (П. 1860), отд. VI, стр. 11.

352 Засѣданіе Сибирскаго отдѣла [Имп. Русскаго Географическаго общества] 25 окт. 1854 г.

Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 13, отд. VI, стр. 12.

353 Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева.

Русск. Арх. 1911, т. 1, № 4, стр. 540.—О Географическомъ обществѣ.

354 Веселовскій, Н. И.: Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія 1846—1896 (П. 1900).

Упоминанія см. по указателю.

355 Перечень засѣданій Отдѣленія русской и славянской археологіи за ҂аѿна г. [Имп. Археологическаго общ.].

Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Имп. Археол. общ. т. 1 (П. 1851), стр. 9, 20.

356 Лѣтопись Имп. Археологическаго Общества. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій.

Извѣстія Имп. Археолог. общ. т. 1 (П. 1859), стр. 25, 38, 42, 98, 102, 107—112, 114, 183, 232, 234, 241, 243, 244, 269—270, 300, 303; т. 2 (П. 1861), стр. 39, 125, 128, 185—190, 354—356, 358, 369, 389, 394—395; т. 3 (П. 1861), стр. 161, 162, 168—169, 175, 178, 180—182, 428, 435, 436, 522; т. 4 (П. 1863), стр. 86, 89, 186—187, 254, 256, 257, 261—264, 266—267, 374, 376—378, 469—472, 608, 614; т. 5 (П. 1865), стр. 190, 191, 193, 194, 388, 393, 397, 398, т. 6 (П. 1866—1867), отд. II, стр. 1, 2, 9, 10, 36, 38—39, 67, 76, 90, 113—116; т. 7 (П. 1872), стр. 176, 184, 186, 198, 201—204, 206, 208—212, 216—221, 223, 229, 430, 439, 445, 457—458; т. 8 (П. 1877), стр. 93, 159, 231—232, 256, 270, 423; т. 9 (П. 1880), стр. 122, 434, 537; т. 10 (П. 1884), стр. 175, 216.

357 Составъ Имп. Археологическаго общества по 1 апр. 1868 г.

Изв. Имп. Археологич. общ. т. 6, вып. 3 (П. 1868), стр. 256, 260.

358 Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изданіе Имп. Русскаго Археологическаго общества. Вып. 1 (П. 1871). Предисловіе.

О снятіи И. И. Срезневскимъ совмѣстно съ Ѳ. Г. Солнцевымъ прорисей съ изображеній Кіево-Софійскаго собора и о порученіи ему Археологическимъ обществомъ составленія объяснительнаго текста къ рисункамъ.

359 Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической комиссіи [съ 1869 по 1879 гг.].

Лѣтопись занятій Археогр. ком. вып. 5, отд. 4, стр. 116—121, 123, 124, 172; вып. 6, отд. 4, стр. 61, 105, 110; вып. 7, отд. 4, стр. 1—2, 6, 8, 25—26; вып. 8, стр. 26—27.

360 Историческая записка о дѣятельности Имп. Московскаго Археологическаго общества за первыя 25 лѣтъ существованія (Москва, 1890).

См. стр. 5, 84, Прил. стр. 6, 30, 36, 41, 52; тутъ же, стр. 245—285, статья В. И. Ламанскаго, о которой выше подъ № 2.

361 Открытіе археологическаго съѣзда 16 марта 1869 г. [въ Москвѣ].

Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869, т. 1 (М. 1871), стр. XXXIII, XXXV—XL.

362 Протоколы засѣданій археологическаго съѣзда [въ Москвѣ].

Тамъ же, т. 1, стр. XLI и слѣд.

363 Археологическій съѣздъ въ Москвѣ.

Современная лѣтопись. Воскресныя прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ, 1869, № 12, стр. 1—3.

364 Протоколы засѣданій второго археологическаго съѣзда.

Труды второго археол. съѣзда въ Санктпетербургѣ, вып. 2 (П. 1881), отд. 2. Упоминанія см. по указателю.

365 Открытіе археологическаго съѣзда [въ Кіевѣ].

Труды третьяго археол. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. т. 1 (Кіевъ 1878), стр. XVI, XVII.

366 Протоколы засѣданій съѣзда [третьяго археологическаго въ Кіевѣ].

Тамъ же, стр. XLI, LIV, LV, LXI, LXV, LXIX.

367 Мордовцевъ, Д. Л.: Историческія поминки по Н. И. Костомаровѣ † 7-го апрѣля 1885 г.

Русск. Стар. 1885, т. 46, № 6, стр. 644, 645. — О кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ.

368 П[рохоровъ], В. А.: Кіевъ. Археологическій обзоръ А) кіевскихъ древностей и В) древностей, бывшихъ на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Христіанскія древности, 1875, стр. 10—12.—О работахъ И. И. Срезневскаго и Ѳ. Г. Солнцева по порученію Имп. Русскаго Археологич. общ. надъ мозаиками и фресками Софійскаго собора въ Кіевѣ.

369 Открытіе съѣзда [четвертаго археологическаго въ Казани].

Извѣстія о занятіяхъ четвертаго археолог. съѣзда въ Казани (Казань, 1877), № 2, стр. 26.

370 Протоколы засѣданій [археологическаго съѣзда въ Казани].

Тамъ же, № 3, стр. 43; № 8, стр. 121; № 10, стр. 171, 172, 175, 178, 179, 186.

371 Открытіе съѣзда [археологическаго въ Казани].

Труды четвертаго археолог. съѣзда, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 1 (Казань, 1884). Упоминанія см. по указателю при т. 2.

372 Протоколы засѣданій съѣзда [археологическаго въ Казани].

Тамъ же, т. 1. Упоминанія см. по указателю при т. 2.

373 Срезневскій, В. И.: Характеристики дѣятелей археологіи 1860—1870-хъ гг., принадлежащія И. И. Срезневскому.

Библіографическая лѣтопись, 1914, кн. 1, стр. 115—119.

374 Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Духовной академіи за сентябрь и октябрь 1869 года.

Труды Кіевской Дух. акад. 1870, т. 1, № 2, Прил. стр. 24—25.—Къ избранію И. И. Срезневскаго въ почетные члены Кіевской Духовной академіи.

375 Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной академіи за 1877 г.

Правосл. Собесѣдникъ, 1877, № 11 и 1878, № 1, Прил. стр. 11 и 163—164.—Къ избранію И. И. Срезневскаго въ почетные члены Казанской Духовной Академіи.

376 Булгаковъ, Ѳ. И.: Дѣятельность Общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1878 года по 25-е апрѣля 1879 года.

Памятники древней письменности, 1879, вып. 2 (П. 1879), стр. 7—8.—О предполагавшемся изданіи глаголическаго Григоровичеваго четвероевангелія подъ редакціей И. И. Срезневскаго.

377 Протоколы засѣданій Филологическаго общества [1869 г.].

Извѣстія объ учрежденіи и дѣятельности С.-Петербургскаго Филологическаго общества (Филологическія Записки, 1872, т. 11, вып. 1), стр. 7—12, 16—17.

378 Протоколы засѣданій Филологическаго общества въ 1869—1871 гг.

Филологич. записки, 1873, т. 12 вып. 1, стр. 19—24, 26—28, 30—31, 33—35, 37, 40, 43.

379 Бауеръ, В. В.: Отчетъ о состояніи С.-Петербургскаго университета за 1869 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. № 2 (П. 1871), стр. 114.—О Филологическомъ обществѣ.

380 Таганцевъ, Н. С.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго унив. и дѣятельности ученаго его сословія за 1870 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. № 3 (П. 1871), стр. 123—124.—О Филологическомъ обществѣ.

---

381 Барсуковъ, Н. П.: Жизнь и труды М. П. Погодина, тт. 1—22 (П. 1888—1910).

Упоминанія см. по указателю въ т. 22-мъ.

382 Анненковъ, П. В.: Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848. Изъ литературныхъ воспоминаній.

Вѣстн. Евр. 1880, № 2, стр. 484. Перепечатано въ книгѣ «Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова» (П. 1881), отд. 3, стр. 49.—Отзывъ И. И. Срезневскаго о Бѣлинскомъ въ концѣ 1840-хъ гг.

383 Вороновъ, А. С.: Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ (П. 1854).

См. стр. 57, 69—70, 149—150, 347, Прил. стр. 98—106.—Между прочимъ, о составленномъ И. И. Срезневскимъ «Наставленіи преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа» и о «читательныхъ бесѣдахъ», введенныхъ въ гимназіяхъ на основаніи этого Наставленія. Въ приложеніяхъ напечатанъ текстъ Наставленія и Правила читательныхъ бесѣдъ.

384 Старчевскій, А. В.: Воспоминанія стараго литератора.

Ист. Вѣстн. 1891, т. 45, № 8, стр. 336—341, въ отд. IV—«Исторія Библіотеки для чтенія 1848—1856 гг.».

385 Усовъ, П. С.: Каждому свое.

Ист. Вѣстн. 1887, т. 28, № 4, стр. 194. — Изъ временъ цензорства И. И. Срезневскаго.

386 Васильевъ, В. А.: Приключенія одной книги (отрывокъ изъ воспоминаній).

Ист. Вѣстн. 1887, т. 30, № 12, стр. 667—672.—О цензурованіи Сочиненій Н. Г. Кулжинскаго.

387 Бергъ, Н. В.: Посмертныя записки.

Русск. Стар. 1891, т. 69, № 2, стр. 277.—О знакомствѣ съ П. А. Плетневымъ и А. Н. Майковымъ въ 1850-хъ гг.

388 Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, академикъ и профессоръ.

Русск. Стар. 1881, т. 32, № 12, стр. 916—918.—Два письма его къ священнику Запольскому 1856 г.

389 Дневникъ Добролюбова (съ 1 янв. 1857 по 11 февр. 1857 г.).

I. Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда 1859—1909 (П. 1909), стр. 287 и слѣд.

390 Добролюбовъ, Н. А.: «Въ тиши ночной, когда весь міръ забылся сномъ....»

Первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова въ четырехъ томахъ, подъ ред. М. К. Лемке (П. 1912), т. 2, стлб. 737—742. — Въ стихотвореніи описывается «суббота» И. И. Срезневскаго 1850-хъ гг.

391 Трубачевъ, С. С.: Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго [Н. И. Надеждинъ].

Ист. Вѣстн. 1889, т. 37, № 8, стр. 325.

392 Березинъ-Ширяевъ, Я. Ѳ.: Матеріалы для библіографіи, кн. 7 (П. 1868).

На стр. 56 приводится посвященіе И. И. Срезневскаго И. С. Савельеву на экз. «Повѣсти о Цареградѣ».

393 Хрущовъ, И. П.: Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова (П. 1879).

Напечатаны выдержки изъ рѣчи И. И. Срезневскаго при сложеніи Д. В. Полѣновымъ званія секретаря Археологическаго общества, выдержка изъ письма И. И. Срезневскаго къ Д. В. Полѣнову и нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Полѣнова къ Срезневскому (стр. 34—42, 44—46).

394 Де-Пуле, М. Ѳ.: Николай Ивановичъ Второвъ.

Русск. Арх. 1877, № 8, стр. 457, 460.

395 Веселовскій, Н. И.: Василій Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881 (П. 1887).

Въ текстъ введены нѣкоторыя письма В. В. Григорьева къ И. И. Срезневскому (см. стр. 101, 118—119, 174—175, 182—183, 189—190, 192—193).

396 С[емевскій], М. И.: Павелъ Ивановичъ Саввантовъ 1-го сентября. Юбилей его ученой дѣятельности. 1837—1887.

Русск. Стар. 1887, т. 56, № 10, стр. 253, 255, 258.

397 Барсуковъ, Н. П.: Жизнь и труды Н. М. Строева (П. 1878).

См. стр. 5, 20, 45, 52, 111, 446, 595, 596, 613, 621, 631.—Между прочимъ напечатаны: одно письмо И. И. Срезневскаго къ Н. М. Строеву и три письма Строева къ Срезневскому 1859 г.

398 Письма Вукола Михайловича Ундольскаго къ А. Н. Попову изъ Москвы въ Петербургъ.

Русск. Арх. 1886, № 6, стр. 298, 299.—По поводу предполагавшагося Академіею Наукъ изданія Хроники Георгія Амартола.

399 Златковскій, М. Л.: Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Біографическій очеркъ (П. 1888).

См. стр. 50; въ изд. 2 П. 1898, стр. 56—57.

400 Варенцовъ, В. Г.: Сборникъ духовныхъ стиховъ (П. 1860).

Ссылки при отдѣльныхъ стихахъ на полученіе ихъ отъ И. И. Срезневскаго.

401 Отто, Н.: Нѣсколько словъ о томъ, какъ собираются и издаются у насъ народныя пѣсни.

Сѣв. Пчела, 1860, № 286; Моск. Вѣд. 1860, № 277, стр. 2221—2222.—О сборникѣ В. Г. Варенцова.

402 Варенцовъ, В. Г.: Отвѣтъ г-ну Отто.

Моск. Вѣд. 1861, № 24, стр. 192.

403 Варенцовъ, В. Г.: Объясненіе [по поводу напечатанія въ его «Сборникѣ духовныхъ стиховъ» текстовъ, доставленныхъ въ Академію г. Отто].

Моск. Вѣд. 1861, № 207, стр. 1669—1670.

404 Грузинскій, А. Е.: П. Н. Рыбниковъ (1831—1885 гг.).

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-ое, т. 2 (М. 1909), стр. XXXVIII—XXXIX, XLV.

405 Стасовъ, В. В.: Румянцовскій Музей. Исторія его перевода изъ Петербурга въ Москву въ 1860—1861 годахъ.

Русск. Стар. 1883, № 1, стр. 91—92. Перепечат. въ «Собраніи сочиненій В. В. Стасова», т. 3, стлб. 1691—1692.—Приводится текстъ протеста противъ перевода Музея въ Москву.

406 С-ко, Н. В.: Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка.

Кіевск. Стар. 1886, т. 16, стр. 316.—Приводится въ выдержкѣ письмо И. И. Срезневскаго къ В. А. Стороженку 31 марта 1861 г.

407 Лазаревскій, В. М.: Мое знакомство съ Далемъ.

Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго: Русск. Арх. 1894, т. 2, № 8, стр. 550.

408 Корсаковъ, Д. А.: Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (род. 1818 г. † 1885 г.).

Русск. Стар. 1887, т. 53, № 2, стр. 439.

409 Амфилохій, арх.: Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки (М. 1875).

См. предисловіе, посвященіе и стр. 4—6, 9, 14, 18, 26, 29, 41.

410 Корсунскій, И. Н.: Преосвященный Амфилохій, епископъ угличскій.

Памяти арх. Саввы, еп. Амфилохія, проф. А. И. Павинскаго и гр. М. В. Толстого. Изд. Имп. Моск. Археолог. общества (М. 1898), стр. 39—40, 54—55.

411 Срезневскій, В. И.: Преосвященный Амфилохій, еп. угличскій.

Всем. Иллюстр. 1893, № 1249, стр. 12.

412 Савва, архіеп. тверской и кашинскій: Хроника моей жизни. Автобіографическія записки († 13 окт. 1896).

См. т. 2, (Св.-Тр. Серг. лавра, 1899), стр. 226, 405—407, 420—426, 431—432, 449—451, 454, 462—463, 469—470, 481, 492—493, 557; т. 3 (Св.-Тр. Серг. л. 1901), стр. 56—57, 121—125, 127, 128; т. 4 (Св.-Тр. Серг. л. 1902), стр. 161; т. 9 (Серг. посадъ, 1911), стр. 414, 417.—Въ т. 2 напечатано шесть писемъ И. И. Срезневскаго къ арх. Саввѣ 1858 и 1859 гг., въ т. 3—два письма 1863 и 1864 гг.

413 Бѣлозерская, Н. А.: Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, профессоръ археологической живописи.

Русск. Стар. 1887, т. 54, № 6, стр. 735.

414 Пыпинъ, А. Н.: Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго.

Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4 (Сборн. Отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ, т. 50), II. 1895.—Напечатаны извлеченія изъ переписки И. И. Срезневскаго съ А. А. Котляревскимъ.

415 Шамбинаго, С. К.: Библіотечный экземпляръ перваго изданія Слова о полку Игоревѣ.

Извѣстія Моск. Лит.-худ. кружка, 1914, III, 29—30.—Приводится письмо И. И. Срезневскаго къ Мст. Викт. Прахову 1864 г.

416 Андреевъ, Вл.: К. П. Невоструевъ (Біографическій очеркъ).

Русск. Стар. 1908, т. 133, № 2, стр. 382—384.

417 Leger, Louis: Souvenirs d'un Slavophile (1863—1897). Paris, 1905.

О посѣщеніи г. Leger Петербурга и о знакомствѣ съ И. И. Срезневскимъ (стр. 116—120). Первоначально было напечатано въ журналѣ Minerva, 1903.

418 Луи Леже въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1872 году.

Ист. Вѣстн. 1903, т. 94, № 10, стр. 326.—По поводу статей г. Леже Souvenir d'un Slavophile въ журн. Minerva 1903 г.

419 Линниченко, И. А.: Какъ насъ учили классическимъ языкамъ.

Одесскія Новости, 1912, № 8637, и отд. отт. стр. 10. — О столкновеніи И. И. Срезневскаго въ 1874 г. въ Кіевѣ на раутѣ у генералъ-губернатора кн. А. М. Дондукова-Корсакова съ помощникомъ попечителя кіевскаго уч. окр. И. П. Новиковымъ по поводу безучастности послѣдняго къ вопросамъ преподаванія русскаго языка и словесности.

420 Барсовъ, Е. В.: Рѣчь памяти Е. Е. Голубинскаго, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи и древностей россійскихъ 18 янв. 1912 г. [безъ заглавія].

Чтенія въ Общ. ист. и др. росс. 1913, кн. 4, Протоколы, стр. 2—3.—О сношеніяхъ И. И. Срезневскаго съ Е. Е. Голубинскимъ.

421 М. М. Стасюлевичъ и его современники. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. 1 (П. 1911), т. 2 (П. 1912).

Упоминанія см. по указателямъ.—Между проч. напечатано письмо И. И. Срезневскаго къ М. М. Стасюлевичу 1875 г.

422 Письма А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Гильфердинга къ арх. Леониду (сообщены д. чл. о. архим. Леонидомъ).

Записки Имп. Русскаго арх. общ. т. 1. Новая серія (П. 1886), стр. 196—206.

423 Верковичъ, С. И.: Отзывы о родопскихъ пѣсняхъ (П. 1879).

На стр. 23—24 перепечатано сообщеніе о докладѣ И. И. Срезневскаго отн. родопскихъ пѣсенъ, собранныхъ Верковичемъ, напечатанное въ Извѣстіяхъ о занятіяхъ четвертаго археол. съѣзда въ Казани (Казань, 1877), № 10, стр. 175 (см. № 370).

424 Знакомые. Альбомъ М. П. Семевскаго... 1867—1888 (П. 1888).

Замѣтка И. И. Срезневскаго на память М. П. Семевскому (стр. 59).

425 Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1886 г. (П. 1888).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку писемъ И. И. Срезневскаго къ И. П. Корнилову (стр. 14).

426 То же за 1889 г. (П. 1893).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку письма И. И. Срезневскаго къ А. А. Краевскому (Прил. стр. 11).

427 То же за 1892 г. (П. 1895).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку писемъ И. И. Срезневскаго къ С. П. Шевыреву (стр. 190).

428 То же за 1898 г. (П. 1902).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку писемъ И. И. Срезневскаго къ И. П. Сахарову (стр. 6).

429 То же за 1899 г. (П. 1903).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку письма И. И. Срезневскаго къ неизвѣстному игумену (стр. 154).

430 То же за 1902 г. (П. 1910).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку письма И. И. Срезневскаго къ Н. В. Гербелю (стр. 195).

431 То же за 1903 г. (П. 1910).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку письма И. И. Срезневскаго къ Ан. Ал. Майкову (стр. 30).

432 То же за 1906 г. (П. 1913).

Сообщеніе о поступленіи въ Библіотеку въ числѣ бумагъ Мих. С. Куторги трехъ писемъ къ нему И. И. Срезневскаго, копій съ писемъ его къ И. И. Срезневскому, и письма И. И. Срезневскаго къ Н. В. Гербелю (стр. 74, 75, 166).

433 Бычковъ, И. А.: Каталогъ собранія рукописей П. П. Саввантова, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библіотекѣ, вып. 1 (П. 1900).

Отчетъ Имп. Публ. библ. за 1897 г. (П. 1900), стр. 199.—О письмѣ 1856 г. къ И. И. Срезневскому арх. Макарія.

434 Абрамовичъ, Д. И.: Каталогъ собранія рукописей проф. Н. В. Помяловскаго, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библіотекѣ (П. 1914).

Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1907 г. (П. 1914), стр. 126, 146, 162.—Сообщеніе о письмахъ И. И. Срезневскаго къ Н. В. Помяловскому (5) и къ В. В. Григорьеву (1).

435 Соколовъ, Е. И.: Бумаги Ю. И. Венелина.

Чтенія въ Имп. общ. ист. и др. росс. 1899, кн. 3, стр. 14.

436 Библіотека, собраніе автографовъ, «золотая книга» [Литературно-художественнаго] кружка.

Изв. Литер.-худ. кружка, 1 марта 1913 г. стр. 18.—Свѣдѣніе о письмѣ И. И. Срезневскаго къ М. В. Прахову.

V.

Университетская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ и въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ.

437 Отчетъ ректора [С.-Петербургскаго университета за 1847 г.].

Годичный торжественный актъ въ Имп. Санктпетербургскомъ унив., бывшій 8 февр. 1848 г. (П. 1848), стр. 17—18, 22, 23.

438 Отчетъ о состояніи Имп. Санктпетербургскаго университета въ продолженіи 1850 года.

Годичный торж. актъ... 8 февр. 1851 г. (П. 1851), стр. 24.

439 Отчетъ о состояніи Имп. Санктпетербургскаго университета и дѣятельности ученаго его сословія въ теченіе 1853 года; — 1854 г.; — 1855 г.; — 1856 г.; — 1858 г.; — 1860 г.

Годичный актъ... 1854 г. (П. 1854), стр. 22.—Т. ж.... 1855 г. (П. 1855), стр. 40.—Т. ж.... 1856 (П. 1856), стр. 40.—Т. ж.... 1857 г. (П. 1857), стр. 6 (сообщается о чтеніи И. И. Срезневскимъ на актѣ 1857 г. рѣчи «О палеографическихъ изслѣдованіяхъ памятниковъ русской древности»: напечатана была безъ указанія отн. чтенія на актѣ въ Извѣ-

стіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и сл. въ 1857, т. 6, стр. 257—275).—Т. ж.... 1859 г. (П. 1859), стр. 20—21.—Т. ж.... 1861 г. (П. 1861), стр. 30—31, 33, 39.

440 Отчетъ о Главномъ педагогическомъ институтѣ съ 1853 по 1855 учебные годы (П. 1855); — за $185^5/_6$ учебный годъ (П. 1856).

441 Актъ десятаго выпуска студентовъ Главнаго педагогическаго института 21 іюня 1857 г. (П. 1857).

Въ книгѣ этой помѣщенъ Отчетъ Главнаго пед. института за 1856—1857 уч. г.

442 Актъ одиннадцатаго выпуска студентовъ Главнаго педагогическаго института 20 іюня 1858 г. (П. 1858).

Здѣсь помѣщенъ Отчетъ за 1857—1858 уч. г.—Во всѣхъ отмѣченныхъ здѣсь отчетахъ Института (№№ 440—442) напечатаны перечни темъ для студенческихъ сочиненій, заданныя И. И. Срезневскимъ, и отзывы его о сочиненіяхъ.

443 Записка о дѣятельности С.-Петербургскаго университета и его членовъ за $18^{65}/_{66}$ академическій годъ.

Годичный торжественный актъ въ Имп. С.-Пб. унив., бывшій 2 дек. 1866 г. (П. 1867), стр. 3, 6, 7, 13, 19.

444 Кесслеръ, К. Ф.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго его сословія за 1871 годъ.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. университета, № 5 (П. 1872), стр. 94, 99.

445 Владиславлевъ, М. И.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго сословія его за 1877 годъ.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. за первую пол. 1877—1878 акад. г. № 17 (П. 1878), стр. 45, 50, 55.

446 Горчаковъ, М. И.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго сословія его за 1878 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. за первую пол. 1878—1879 акад. г. № 19 (П. 1879), стр. 70, 71, 79, 81, 87.

447 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго университета, №№ 1—22 (П. 1870—1881).

См. въ № 1 (П. 1870), стр. 15, 26, 54, 118;—въ № 2 (П. 1871), стр. 13, 48, 69;—въ № 3 (П. 1871), стр. 39—40, 42—43, 70, 146;—въ № 4 (П. 1872), стр. 88—89, 137;—въ № 6 (П. 1873), стр. 88—89, 113;—въ № 7 (П. 1873), стр. 8, 18, 70;— въ № 8 (П. 1874), стр. 69, 77, 78;—въ № 9 (П. 1874), стр. 47, 66, 111;—въ № 10 (П. 1875), стр. 47, 70;—въ № 11 (П. 1875), стр. 14, 65, 90, 98;—въ № 12 (П. 1876), стр. 25;—въ № 13 (П. 1876), стр. 21, 34, 75, 124;—въ № 14 (П. 1877), стр. 65;—въ № 15 (П. 1877), стр. 23, 50, 73, прил. стр. 53;—въ № 16 (П. 1878), стр. 31, 47—49, 53, 54, 62, 64, 83;—въ № 17 (П. 1878), стр. 19;—въ № 18 (П. 1879), стр. 84;—въ № 19 (П. 1879), стр. 20, 21, 34, 35;—въ № 20 (П. 1880), стр. 14, 15, 21, 31, 35, 44;—въ № 22 (П. 1881), стр. 4, 5, 10.

448 Костомаровъ, Н. И.: Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ.

I. Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда. 1859—1909 (П. 1909), стр. 117—119.

449 Григорьевъ, В. В.: Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія.

Упоминанія см. по указателю.

450 Спасовичъ, В. Д.: Пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета: Императорскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная..... В. В. Григорьевымъ С.-Петербургъ. 1870.

Вѣстн. Евр. 1870, т. 2, № 4; т. 3, № 5. Вошло въ сборникъ статей В. Д. Спасовича «За много лѣтъ. 1859—1871» (П. 1872), стр. 10, 21—36, и въ изд. «Сочиненія В. Д. Спасовича», т. 4 (П. 1891), стр. 16, 32—51.—О студенческомъ движеніи 1861 года.

451 Глинскій, Б. Б.: Семидесятипятилѣтіе Петербургскаго университета.

Ист. Вѣстн. 1894, т. 55, № 2, стр. 495—496.

452 Потебня, А. А.: Автобіографическая записка [безъ заглавія].

А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи, т. 3 (П. 1891), стр. 422.—О вліяніи И. И. Срезневскаго на универс. курсы Н. А. Лавровскаго.

453 Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 годахъ, т. 1 (М. 1890).

См. стр. 20, 37, 42, 47, 53, 55, 80, 87, 90, 92, 96—100, 125, 133, 137, 156, 317, 318, 321—323, 326, 328, 380, 397, 399, 456, 517, 518.

454 Лемке, М. К.: Н. А. Добролюбовъ.

Первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова въ четырехъ томахъ подъ ред. М. К. Лемке, т. 1 (П. 1912), стлб. XLII—XLIV, LXXIX, LXXX, LXXXIII, CII, CIV.

455 Лемке, М. К.: Вводныя замѣтки къ статьямъ Н. А. Добролюбова «Замѣтки и дополненія къ сборнику русскихъ пословицъ г. Буслаева» и «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» [безъ заглавій].

Т. ж. т. 1, стлб. 13—14, 114.

456 Лемке, М. К.: Замѣтка о трудѣ Н. А. Добролюбова «О древнеславянскомъ переводѣ Хроники Георгія Амартола» и дополненіе къ ней (безъ заглавій).

Т. ж. т. 1, стлб. 313—314, 986.

457 Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1906 г. (П. 1913).

Свѣдѣнія о сдѣланныхъ Н. А. Добролюбовымъ записяхъ лекцій И. И. Срезневскаго (стр. 83—84).

458 Н. Г. Чернышевскій (Некрологъ).

Русск. Вѣд. 1889, № 288 (18 окт.).

459 Вѣтринскій, В. Е.: Ранніе годы Н. Г. Чернышевскаго. Изъ исторіи русскаго общества и литературы.

Вѣстн. Евр. 1908, № 8, стр. 499, 502—509, 511.

460 Духовниковъ, Ф. В.: Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Русск. Стар. 1910, т. 144, № 12, стр. 504 (касающееся И. И. Срезневскаго перепечатано изъ Некролога Н. Г. Чернышевскаго въ Русск. Вѣд. 1889, № 288).

461 Пыпинъ, А. Н.: Мои замѣтки.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца

въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка» (М. 1910). Подъ ред. В. А. Лацкой стр. 26—28, 39, 47, 49, 61—63, 101).

462 Глинскій, Б. Б.: Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Матеріалы для біографіи и характеристики).

Ист. Вѣстн. 1905, т. 99, № 1, стр. 272—275, 280, 285—287, 289.— Объ университетскомъ преподаваніи И. И. Срезневскаго и его вліяніи на А. Н. Пыпина. Вошло въ слѣд. книгу (№ 463) въ небольшой переработкѣ.

463 Глинскій, Б. Б.: Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи (П. 1914).

Въ статьяхъ «А. Н. Пыпинъ» и «В. И. Острогорскій»—о вліяніи на нихъ И. И. Срезневскаго, какъ профессора (стр. 320, 322—324, 328, 332—336; 286—287). — Ср. №№ 462 и 475.

464 Модестовъ, В. И.: В. Гр. Васильевскій (Время высшаго образованія и приготовленія къ каѳедрѣ).

Журн. Мин. нар. просв. 1902, ч. 339, № 1, стр. 139—140.—О преподаваніи въ Главномъ педагогическомъ институтѣ.

465 Симони, П. К.: Къ начальной исторіи учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова.

Сборникъ «Памяти Л. Н. Майкова» (П. 1902), стр. XLIII—XLVIII.

466 Срезневскій, В. И.: Письмо Л. Н. Майкова И. И. Срезневскому.

Сборникъ «Памяти Л. Н. Майкова» (П. 1902), стр. LVI—LVII.

467 Смирновъ, А. И.: † В. В. Макушевъ.

Русск. Фил. Вѣстн. 1883, т. 9, № 1, стр. 139.

468 Сорокинъ, В. М.: Воспоминанія стараго студента (1858—1862 гг.).

Русск. Стар. 1906, т. 128, № 11, стр. 452, 453, 456.— О студенческихъ волненіяхъ 1861 г.

469 Ашевскій, С.: Русское студенчество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ (1855—1863).

Совр. Міръ. 1907, № 9, стр. 73.—По статьѣ В. М. Сорокина (см. № 468).

470 Шестаковъ, П. Д.: Студенческія волненія въ Москвѣ въ 1861 г.

Русск. Стар. 1888, т. 60, № 10, стр. 208—209. — Извлеченія изъ статьи В. Д. Спасовича (см. № 450).

471 Студентское дѣло. I. Письмо изъ Петербурга.

Колоколъ (Лондонъ), 1861, № 112, стр. 934, 936.

472 Писаревъ, Д. И.: Наша университетская наука.

Сочиненія, т. 5 (П. 1866), стр. 47—53; въ изд. 1901, т. 3, стр. 48—54.—И. И. Срезневскій изображенъ подъ именемъ проф. Сварожича.

473 Скабичевскій, А. М.: Воспоминаніе о пережитомъ.

Русск. Бог. 1907, № 7, стр. 20—21; № 8, стр. 55, 58.

474 Острогорскій, В. П.: Изъ исторіи моего учительства. Воспоминанія, замѣтки и мысли стараго учителя словесности.

Образованіе, 1892, № 10, стр. 226—227, 232—235. Вошло въ книгу «Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.)». П. 1895, стр. 62—65, 72—77.

475 Глинскій, Б. Б.: Характеристика В. П. Острогорскаго.

Ист. Вѣстн. 1902, т. 88, № 6, стр. 1003—1004. — Ср. выше № 463.

476 Вороновъ, А. Г.: Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго унив. 60-хъ годовъ.

Русск. Стар. 1913, т. 154, № 6, стр. 572, 573, 575.—О Петербургскомъ унив. 1860—1862 гг.

477 Анненская, А. И.: Изъ прошлыхъ лѣтъ (Воспоминанія о Н. Ѳ. Анненскомъ).

Русск. Бог. 1913, № 1, стр. 57.

478 Полевой, П. П.: Памяти К. П. Бестужева-Рюмина.

Ист. Вѣстн. 1897, т. 67, № 2, стр. 607—608.

479 Шимановскій, М. В.: Мои профессора и мое студенчество (1863—1867).

Откликъ. Литературный сборникъ въ пользу голодающихъ (Одесса, 1892), стр. 55—58, 60, и отд. отт.

480 Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А.: Карл Аппель: 1) За-

мѣтки о древне-польском языкѣ, 2) Къ славянскому народному словопроизводству....

Фил. Зап. 1880, № 3, Библіографія, стр. 3—5. — Объ И. И. Срезневскомъ, какъ руководителѣ въ занятіяхъ студентовъ.

481 Кочубинскій, А. А.: Итоги славянской и русской филологіи проф. А. Котляревскаго. Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежъ. 1881.

Журн. Мин. нар. пр. 1881, ч. 216, № 8, стр. 360—366.—Между пр. о значеніи И. И. Срезневскаго, какъ руководителя въ работахъ и наставника, и по этому поводу возраженія на отзывъ объ И. И. Срезневскомъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ въ критикѣ на книгу Аппеля (см. № 481). — Вторымъ изданіемъ съ дополненіями напечат. въ Запискахъ Новороссійскаго унив. т. 33 (Одесса, 1882); былъ и отд. отт.

482 По поводу диспута на степень доктора М. И. Владиславлева 12 янв. 1869 г. [безъ заглавія].

Голосъ, 1869, № 14. Петерб. хроника.

483 Ушинскій, К. Д.: Философскій диспутъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

С.-Петерб. Вѣд. 1869, № 15 (15 янв.).

484 Ушинскій, К. Д.: По поводу послѣдняго диспута въ Санктпетербургскомъ университетѣ.

Голосъ, 1869, № 17 (17 янв.). — О диспутѣ М. И. Владиславлева.

485 Новый докторъ философіи.

Космосъ, 1869, № 5, стр. 43—44.—По поводу защиты диссертаціи на степень доктора М. И. Владиславлевымъ.

486 По поводу диспута М. И. Владиславлева [безъ заглавія].

Бирж. Вѣд. 1869, № 13 (въ передовой статьѣ—Дневникъ).

487 Воскресенскій, Г. А.: Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. (М. 1879).

См. въ предисловіи о руководительствѣ И. И. Срезневскаго.

488 Мейчикъ, Д. М.: Объ открытіи Археологическаго института.

Сборникъ Археолог. инстит. кн. 1 (П. 1878), стр. 21.—О рѣчи И. И. Срезневскаго при открытіи Института.

VI.

Сужденія и мнѣнія объ ученыхъ трудахъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ петербургскому періоду (рецензіи не включены): Общіе обзоры. Работы по русскому языку. Миѳологія. Стихосложеніе. Историко-литературные труды. Палеографія и изданія текстовъ.

489 Архангельскій, А. С.: Изъ лекцій по исторіи русской литературы (Казань, 1898).

Ученыя Записки Имп. Казанскаго унив. за 1893—1894 гг.—Отд. отт. стр. 31—35, 53, 57, 61, 65—68, 107—115.—О трудахъ И. И. Срезневскаго вообще, въ частности о трудахъ по миѳологіи, исторіи языка и относящихся къ біографіи и характеристикѣ Востокова.

490 Котляревскій, А. А.: Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія ея изученія.

Филолог. Зап. 1879—1880, и отд. отт. (Воронежъ, 1881). Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), П. 1895; упоминанія см. по указателю.

491 Шевыревъ, С. П.: Исторія русской словесности, ч. 1, изд. 2 (М. 1859).

492 Брандтъ, Р. Ѳ.: Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка (М. 1892).

О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

493 Буличъ, С. К.: Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе.

Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 28 (П. 1899,—«Россія» стл. 829—832.

494 Владимировъ, П. В.: Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

Унив. Извѣстія (Кіевъ), 1899, № 2. Критика и библіографія, стр. 65—109, и отд. отт.

495 Волковъ, Н. В.: Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка.

Журн. Мин. нар. пр. 1894, ч. 296, № 12, стр. 263—267.—О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

496 Волковъ, Н. В.: Къ исторіи русскаго языка. — Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя орд. проф. Имп. Моск. унив. Романомъ Брандтомъ. Вып. 1. Фонетика. М. 1892.

Журн. Мин. нар. просв. 1894, т. 291, № 1, стр. 220—221.

497 Гротъ, Я. К.: Филологическія разысканія, т. 2. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Изд. 2 (П. 1876).

Перепеч. въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 2 (П. 1899). Упоминанія см. по указателю.

498 Давыдовъ, Н. Н.: О сочиненіи академика И. И. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка».

Отчеты Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго яз. и сл. за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, составленные... П. А. Плетневымъ (П. 1852), стр. 320—329.

499 Качановскій, В. В.: Объ историческомъ изученіи русскаго языка (Казань, 1887).

См. стр. 9—13. Преимущественно о «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка»

500 Колосовъ, М. А.: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (Варшава, 1872).

О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

501 Котляревскій, А. А.: Сравнительное языкознаніе.

Фил. Зап. 1862—1863, вып. 4—5. Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, 1890, стр. 208—211.— О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

502 Котляревскій, А. А.: Опытъ исторической грамматики русскаго языка, состав. Ѳ. Буслаевымъ. Двѣ части. 1858(9).

Отеч. Записки, 1859, т. 126, Русск. лит. стр. 20—25. Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 47 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 1), 1889, стр. 408—414.

503 Линниченко, А. И.: Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія уче-

ныхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ.

Рѣчи, произнесенныя на торжественныхъ собраніяхъ Лицея кн. Безбородко и Нѣжинской гимназіи въ 1854 и 1855 уч. годахъ (Кіевъ, 1856).

504 Лундель, І. А.: Изслѣдованіе о русскомъ произношеніи.

Филол. Зап. 1911, вып. 5, стр. 617—625.—О взглядахъ И. И. Срезневскаго, высказанныхъ въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», «Объ изученіи родного языка», «Обозрѣніи главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ».

505 Остроумовъ, Н.: О значеніи слова «Кудіаръ» въ древнихъ русскихъ сказаніяхъ.

Русск. Арх. 1898, т. 2, № 7, стр. 460.—Противъ толкованія слова, принадлежащаго И. И. Срезневскому. См. еще Русск. Арх. 1897, № 12 (статья Р. Л. Маркова).

506 Погодинъ, М. П.: Отвѣтъ на филологическія письма М. А. Максимовича.

Русск. Бесѣда, 1856, т. 4. Критика, стр. 124 и слѣд. — По поводу вопроса о давности малорусскаго языка.

507 Пыпинъ, А. Н.: Два словаря русскаго языка.

Вѣст. Евр. 1892, № 9. — О Матеріалахъ для др.-русскаго словаря И. И. Срезневскаго и о Словарѣ русскаго языка, сост. Отдѣленіемъ русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, вып. 1.

508 Симони, П. К.: Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библіографическаго указателя трудовъ, касающихся русской діалектологіи и исторіи языка, съ присоединеніемъ указаній на изслѣдованія, изданія и сборники памятниковъ народнаго творчества.

Извѣстія Отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. 1, кн. 1, стр. 139—144, 148; кн. 2, стр. 410—415, 418, 420, 430.—Отд. отт. П. 1899.

509 Степовичъ, А. І.: Славянскія извѣстія.

Филол. Записки, 1896, № 1, стр. 138—139.—Отд. отт. Воронежъ, 1897. — Въ отзывѣ о «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка» А. Л. Дювернуа.

510 Шахматовъ, А. А.: Курсъ исторіи русскаго языка

(чит. въ С.-Пб. университетѣ въ 1908—1909 г. часть 1 (П. 1910—1911).

См. стр. 399—401.—О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» и о «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка».

511 Ягичъ, И. В.: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 46, № 4 (П. 1889).

512 Предисловіе [редакціи къ труду И. И. Срезневскаго «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ»].

И. И. Срезневскій. Матеріалы для слов. др.-русск. яз. т. 1 (П. 1893), стр. I—IX.

513 Запанковъ, И. А.: Докладъ о начальномъ изученіи родного языка путемъ изученія его грамматики.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда учителей городскихъ по положенію 1872 года училищъ 7—14 іюня 1909 г. т. 2 (П. 1910), стр. 285—293.—О книгѣ «Объ изученіи родного языка».

514 Стоюнинъ, В. Я.: Бесѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ.

Сѣв. Пчела, 1860, № 69.

515 Стоюнинъ, В. Я.: Необходимое дополненіе къ статьѣ Бесѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ.

Сѣв. Пчела, 1860, № 103.

516 Чернышевъ, В. И.: О программѣ будущей народной школы (П. 1906).

См. стр. 6—7.

517 Шереметевскій, В. П.: Начатки науки о родномъ языкѣ. Опытъ программы первой ступени обученія.

Фил. Зап. 1881, в. 4-5, стр. 1—5.—По поводу книги «Объ изученіи родного языка».

518 Примѣчаніе отъ редакціи къ «Страничкѣ изъ методики элементарной грамматики родного языка» В. П. Шереметевскаго [безъ заглавія].

Сочиненія Вл. П. Шереметевскаго (М. 1897), стр. 145.

519 Котляревскій, А. А.: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ (Москва, 1868).

Перепечатано въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 49 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 3), 1891, стр. 88—89.—О сочиненіяхъ И. И. Срезневскаго «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души» и «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ».

520 Котляревскій, А. А.: Разборъ сочиненія А. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу...

Отчетъ о XIII присужденіи наградъ гр. Уварова, (Н. 1872). Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890, стр. 260—261.—О книгѣ И. И. Срезневскаго «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ».

521 Ивановъ, Н. И.: Объ основаніяхъ русскаго народнаго и литературнаго стихосложенія.

Фил. Зап. 1893, вып. 1, стр. 33—38.—О взглядахъ И. И. Срезневскаго по этому вопросу, высказанныхъ въ статьѣ «Объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ» и въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

522 Потебня, А. А.: Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ.

Русск. Фил. Вѣстн. 1884, т. 11, № 1, стр. 5—8, 17.—По поводу взглядовъ И. И. Срезневскаго на русское и общеславянское стихосложеніе.

523 Айналовъ, Д. В.: Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства.

Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1910, т. 15, кн. 3 (гл. IV. Миніатюры «Сказанія» о свв. Борисѣ и Глѣбѣ Сильвестровскаго сборника).

524 Аристовъ, Ѳ. Ѳ.: Истинная исторія Карпато-россовъ А. В. Духновича.

Русск. Арх. 1914, т. 2, № 5, стр. 149.—По поводу статьи «Русь Угорская».

525 Багрій, А. В.: Вопросъ о Сказаніи черноризца Храбра и кіевскіе списки «Сказанія».

Фил. Зап. 1912, вып. 1, стр. 66, 69.

526 Бенешевичъ, В. Н.: Синагога въ 50 титулахъ и другіе юридическіе сборники Іоанна Схоластика (П. 1914).

См. стр. 199—201, 203, 210—211.

527 Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.: Труды I археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г.

Журн. Мин. нар. пр. 1872, ч. 160, № 4, стр. 307.

528 Билярскій, П. Г.: Судьбы церковнаго языка (П. 1848).

См. стр. 54—55, 97—115.—По поводу статей И. И. Срезневскаго о Реймскомъ евангеліи.

529 Бодянскій, О. М.: «Объясненіе» [по поводу статьи И. И. Срезневскаго «Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи»].

Чтенія въ Имп. общ. ист. и древностей россійскихъ, 1867, кн. 1, отд. V, стр. 179—182.

530 Григоровичъ, В. Н.: Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-словянской. О древней письменности словянъ.

Статьи, касающіяся древняго словянскаго языка (Казань, 1852), стр. 59, 60, 64, 65. — По поводу мнѣнія И. И. Срезневскаго о глаголицѣ.

531 Котляревскій, А. А.: Изображеніе калики перехожаго въ латинской рукописи XIV вѣка (письмо къ И. И. Срезневскому).

Изв. Имп. Арх. общ. 1863, т. 4, вып. 5, стл. 405—406. Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 422—423.

532 Котляревскій, А. А.: Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года. 1873—1875.

Унив. Извѣстія (Кіевъ), 1876, № 7. Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890, стр. 372—377.

533 Котляревскій, А. А.: Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ. Записки Академіи Наукъ. 1862, 2 т., 4 книжки.

С.-Петерб. Вѣдомости, 1863, № 39. Перепечатано въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890.

стр. 3—4.—О книгѣ «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» и о статьѣ «Русскіе калики древняго времени».

534 Котляревскій, А. А.: Старина и народность за 1861-й годъ.

Моск. Вѣдомости, 1862.—Отд. отт. (М. 1862). Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 47 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 1) 1889, стр. 587—588.—О трудахъ по изслѣдованію глаголическихъ памятниковъ и о «Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка».

535 Котляревскій, А. А.: Úspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872).

Časopis Mus. král. Česk. 1874, sv. 1—3.—Отд. отт. (v Praze, 1874). Перепеч. въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 50 (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 462, 463—467, 478—479, 488.

536 Леонидъ, арх.: О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 53, № 3 (П. 1891), стр. 2—4, 7, 26.

537 Модестовъ, Е.: О посланіи Даніила Заточника.

Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 212, № 11, стр. 186—194.

538 Невоструевъ, К. И.: Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на описаніе рукописей Синодальной библіотеки.

Сборн. статей, читан. въ Отд. русск. яз. и слов. т. 7, № 6 (П. 1870).

539 Сениговъ, І. П.: О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода.

Лѣтопись занятій Археогр. ком. вып. 8, отд. 1, стр. 12, 47, 58, 90—91.

540 Соболевскій, А. И.: Кирилловская часть Реймскаго евангелія.

Русск. Фил. Вѣстн. 1887, т. 18, № 3, стр. 143—144.

541 Францевъ, В. А.: Къ исторіи изданій Реймскаго евангелія.

Журн. Мин. нар. просв. 1900, ч. 330, № 7, 144, 145.

542 Шамбинаго, С. К.: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 81, № 7 (П. 1906).

543 Ягичъ, И. В.: Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 38, № 1 (П. 1886), стр. 30—31.

544 Jagić, V.: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung.

Archiv für Slav. Philologie, 1877, B. 2, 7, 10, 19, 66.

545 Грунскій, П. К.: Пражскіе глаголическіе отрывки.

Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 4 (П. 1905), стр. 5—7.

546 Ильинскій, Г. А.: Македонскій глаголическій листокъ. Отрывокъ глаголическаго текста Ефрема Сирина XI в.

Памятники старослав. яз. т. 1, вып. 6 (П. 1909), стр. 1—4, 22, 23.

547 Ильинскій, Г. А.: Македонскій листокъ. Отрывокъ неизвѣстнаго памятника кирилловской письменности XI—XII в.

Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 5 (П. 1906), стр. 3—5, 9—11, 21.—Отзывъ: Русск. Фил. Вѣстн. 1907, т. 57, стр. 416.

548 Ильинскій, Г. А.: Мануйловскій апостолъ.

Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1908, т. 13, кн. 1, стр. 366.

549 Ильинскій, Г. А.: Охридскіе листки. Отрывокъ древнецерковно-славянскаго евангелія XI в.

Памятники старослав. яз. т. 3, вып. 2 (П. 1915), стр. 2—4.

550 Ильинскій, Г. А.: Среднеболгарскіе листки Ундольскаго XII—XIII вѣка.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1905, т. 10, кн. 3, 284—286.

551 Карскій, Е. Ѳ.: Листки Ундольскаго, отрывокъ кирилловскаго евангелія XI-го вѣка.

Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 3 (П. 1904), стр. 1—3, 9, 22, 33.

552 Карскій, Е. Ѳ.: Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ (Варшава, 1901).

Упоминанія см. по указателю.—Также въ другихъ изданіяхъ того же труда: первое изъ нихъ вышло въ 1897 г. подъ загл. «Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи»—отт. изъ Русскаго Фил. Вѣстника, послѣднее, 5-ое — въ 1915 г. (Варшава).

553 Лавровъ, П. А.: Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма.

Энциклопедія Славянской филологіи, вып. 4.1 (П. 1914). — Упоминанія см. по указателю.

554 Leskien, A.: Die Unterschrift des Evangeliums von Trnovo.

Archiv für Slav. Philol. 1880, B. 4, 512—513.

555 Обнорскій, С. П.: О языкѣ Ефремовской кормчей XII вѣка.

Изслѣд. по русскому языку, т. 3, вып. 1 (П. 1912).

556 Симони, П. К.: Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства.

Памятники старин. русск. яз. и слов. XV—XVIII столѣтій (П. 1907), вып. 2. 1, стр. V—VII.

557 Симони, П. К.: Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ горе злочастие довело молотца во иноческій чинъ. По единственному списку первой половины XVIII вѣка, найденному А. Н. Пыпинымъ (П. 1903).

См. стр. 6—8. Перепеч. въ изд. П. К. Симони «Памятники старин. русск. яз. и слов. XV—XVIII стол.» (П. 1907), в. VII.1, стр. 6—8.

558 Тихвинскій, А.: Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в.

Русск. Фил. Вѣстн. 1892, т. 28, № 3, стр. 114—120; 1894, т. 32, № 3, стр. 263—267.

559 Щепкинъ, В. Н.: Болонская псалтырь.

Изслѣд. по русскому языку, т. 2, вып. 4 (П. 1906).

560 Щепкинъ, В. Н.: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1898, т. 3 и 4, и Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 67 (П. 1901).—Отд. отт. П. 1899.

561 Ягичъ, И. В.: Глаголическое письмо.

Энциклопедія славянской филологіи, вып. 3. Графика у славянъ (П. 1911). — Упоминанія см. по указателю.

562 Jagić, V.: Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. I. Sreznevskoga.

Rad Jugosl. akad. znan. i umjetn. kn. 8 (1869), str. 200—210.

563 Ягичъ, И. В.: Памятникъ глаголической письменности Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями (П. 1883).

См. въ предисловіи, стр. VIII—XV.

Дополненія.

564 Некрологъ Е. Ѳ. Срезневской [безъ заглавія].

Новое Время, 1912, № 13020 (12 іюня).

565 Пятидесятилѣтній юбилей И. И. Срезневскаго.

Росс. Библіографія, 1879 г. №№ 14—15, стр. 48. — Краткія біографическія свѣдѣнія.

566 Отчетъ о состояніи Имп. Харьковскаго университета за $184^{1}/_{2}$ акад. годъ и Рѣчи, произнесенныя въ Торжественномъ собраніи 30 авг. 1842 г. (Харьковъ, 1842).

См. стр. 11, 14, 27—31 (о путешествіи И. И. Срезневскаго въ славянскія земли). Отчетъ составленъ А. П. Рославскимъ-Петровскимъ.

567 То же за $184^{2}/_{3}$ акад. годъ... (Харьковъ, 1843).

См. стр. 18, 39—40, 44—54 (краткій обзоръ путешествія въ западнославянскія земли). Отчетъ составленъ И. И. Срезневскимъ.

568 То же за $184^{3}/_{4}$ акад. годъ... (Харьковъ, 1844).

См. стр. 11, 20, 40—41, 58—59. Отчетъ составленъ И. И. Срезневскимъ.

569 То же за $184^{4}/_{5}$ акад. годъ... (Харьковъ, 1845).

См. стр. 7, 8, 15, 79.

570 Платоновъ, И. В.: Отчетъ о состояніи Имп. Харьковскаго унив. за $18^{45}/_{46}$ акад. годъ.

Актъ въ Имп. Харьковскомъ унив. 30 авг. 1846 г. (Харьковъ 1846), стр. 33—34, 80—81.

571 Платоновъ, И. В.: То же за $18^{46}/_{47}$ акад. годъ.

Актъ въ Имп. Харьковскомъ унив. 30 авг. 1847 г. (Харьковъ, 1847), стр. 6.

572 Nosák, Bohuš: Nezábudky kriváňske slovutnému mužovi, professorovi Izmailovi Sreznevskému.

Nitra, 1844. Перепеч. въ статьѣ J. Škultétého «Sreznievskij na Slovensku roku 1842» (Slov. Pohľady, 1894, 126): см. выше № 256.

573 I. I. Sreznevskij na Slovenskem.

Dom in Svet, 1899 [видѣть не удалось]. — По письмамъ И. И. Срезневскаго, напечатаннымъ въ Живой Старинѣ.

571 Петровскій, Н. М.: Путешествіе В. М. Григоровича по Славянскимъ землямъ.

Журн. Мин. нар. пр. 1915, ч. 59, № 10, стр. 204, 220—223.

572 Второй на Руси философическій [чит. филологическій] журналъ.

Др. и Нов. Россія, 1879, т. 1, № 2, стр. 164—165.—По поводу статьи И. И. С-го «Былина о судѣ Любуши».

576 Устряловъ, Ѳ. Н.: Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 гг.

Ист. Вѣстн. 1884, т. 17, № 7, стр. 125. — Отзывъ Н. И. Греча о правописаніи И. И. Срезневскаго.

577 Шляпкинъ, И. А.: Русская палеографія по лекціямъ, читаннымъ въ Имп. С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ (П. 1913).

См. стр. 15, 33.

578 Jagić, V.: Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache (Berlin, 1913).

Преимущественно о трудахъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ глаголицѣ.

Свѣдѣнія о портретахъ И. И. Срезневскаго

(литографія, гравюра, фототипія и автотипія).

579 Литографія И. Ванифантьева съ дагеротипа 1853 г.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ. Изданіе И. Ванифантьева. [И.] 1854. Портретъ на фонѣ, въ овалѣ и четырехугольной рамкѣ, съ факсимиле подписи, на отд. л. in F⁰. Подъ портретомъ отмѣтки: слѣва «Рис. Ванифантьевъ», справа «Лит. Министера». Цензурное дозволеніе 23 дек. 1853 г.

580 Литографія съ дагеротипа 1853 г.

Отд. листъ in F⁰, безъ обозн. года (ок. 1854 г.). Портретъ на четырехугольномъ фонѣ, безъ рамки, съ факсимиле подписи. На самомъ портретѣ отмѣтка «Печ. въ Лит. К. Эрготъ».

581 Гравюра на деревѣ Т. Š. съ фотографіи Захарьина 1866 г.

«Květy» (V Praze, 1867), 2 půlleti, č 24, str. 200, въ текстѣ. Под-

пись: «Srezněvský.—Срезневскій». На портретѣ инициалы гравера Т. Š. При статьѣ Э. Вавика (см. выше № 20).

582 Гравюра на деревѣ съ фотографіи Захарьина 1866 г.

Иллюстр. календарь, Изд. А. Баумана, 1868 (II. 1867), табл. 6, въ общей рамкѣ съ портретами П. Л. Чебышева, К. М. Бера, В. Я. Буняковскаго и А. Ѳ. Миддендорфа. Подпись: «И. И. Срезневскій».

583 Гравюра на стали съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Наши дѣятели. Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Изд. А. Баумана, т. 6 (II. 1879). Портретъ вклеенъ въ овальную рамку, съ факсимиле подписи, на отд. л. 8⁰.

584 Гравюра на деревѣ П. Ф. Бореля съ фотографіи Захарьина 1866 г.

Всемірн. Иллюстр. 1880, т. 23, № 11 (=583), стр. 220. Подпись: «Академикъ И. И. Срезневскій † 9 февраля. (Рис. П. Ф. Борель)». На портретѣ слѣва «П. Борель» (см. выше № 124).

585 Гравюра на деревѣ К. Вейермана съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Нива, 1880, № 9, стр. 185. Подъ портретомъ подпись: «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій † 9 февр. 1880 г. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ». При статьѣ Я. К. Грота (см. выше № 77).

586 Литографія П. Б. съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Древн. и Нов. Россія, 1880, т. 16, № 3. Подпись: «И. И. Срезневскій. Съ фотогр. А. Карелина». На портретѣ буквы П. Б. (см. выше № 91).

587 Гравюра на деревѣ Д. Рыжова съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Газета А. Гатцука, 1880, № 11. Подпись: «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій † 1880 февр. 9, въ послѣдніе годы жизни (Съ фотогр. грав. Д. Рыжовъ)». На гравюрѣ буквы Д. Р.

588 Литографія Н. Брезе съ рисунка П. Ф. Бореля по фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Сборн. Отд. русскаго яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 22 (II. 1881), при Отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія, сост. А. Ѳ. Бычковымъ (см. № 1). Портретъ, съ факсимиле подписи, наклеенъ на паспарту. На портретѣ подпись «Борель».

589 Гравюра на деревѣ Ф. В. Адта съ рисунка Моисѣева по фотографіи А. О. Карелина 1877.

Живописн. Обозр. 1887, т. 2, № 31, стр. 65. Надъ портретомъ

сверху: «1812.—По поводу семидесятипятилѣтія.—1887» (въ другомъ изданіи «Наши общественные дѣятели»); снизу: «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій».—Портретъ въ овальной рамкѣ; на портретѣ: слѣва «Моисѣевъ», справа «Ф. В. Адтъ». При статьѣ И. В. Быкова (см. выше № 128).

590 Гравюра на деревѣ К. Вейермана съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Нива, 1887, № 33 стр. 824. Подпись «И. И. Срезневскій. Съ фот. грав. К. Вейерманъ».

591 Автотипія съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Энциклоп. словарь Ф. Павленкова (П. 1899), стлб. 2262, въ текстѣ при біографіи (см. выше № 31). Перепеч. въ слѣд. изданіяхъ.

592 Автотипія съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Россія, 1900, № 284, стр. 6 (въ текстѣ). Подпись: «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Къ двадцатилѣтію со дня его смерти († 8 февраля 1880 г.)».

593 Автотипія съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Настольн. энцикл. словарь (Т-ва Гранатъ), т. 8 (М. 1903), стлб. 4640, въ текстѣ при біографіи (см. выше № 33).

594 Фототипія съ портрета масляными красками работы И. И. Алмазовой.

Отд. листъ in 4°. Подлинникъ портрета находится въ Маломъ Конференцъ-залѣ Имп. Академіи Наукъ, писанъ въ 1903 г. по фотографіи Карелина 1877 г. и по портрету работы П. П. Чистякова, находящемуся въ залѣ Совѣта Петроградскаго университета. Воспроизведеніе исполнено въ фототипіи А. Ѳ. Дресслера въ 1904 г.

595 Фототипія съ того же портрета, но безъ рукъ.

Въ книгѣ «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій», П. 1908 (см. выше № 3). на отд. л.

596 Фототипія съ фотографіи А. И. Шпаковскаго 1860 г.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905) подъ ред. М. Г. Халанскаго и Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1908), стр. 119—124.

597 Автотипія съ фотографіи А. И. Шпаковскаго 1860 г.

Открытка, исполненная въ Прагѣ по заказу В. А. Францева въ 1909 году (клише фирмы Stenc). Подпись: «И. И. Срезневскій».

598 Автотипія съ портрета работы Н. И. Алмазовой.

Sayrgemenik. 1911, br. 2, str. 112, въ текстѣ при статьѣ В. А. Францева (см. выше № 269). Снимокъ съ № 595.

599 Автотипія съ фотографіи Захарьина 1866 г.

1812—1912. Описаніе выставки въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго, П. 1913 (см. выше, № 130), на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 1, съ подписью: «Портретъ И. И. Срезневскаго 1868 г.» [слѣд. читать 1866 г.].

600 Автотипія съ фотографіи А. И. Шпаковскаго 1860 г.

Тамъ же, на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 17, съ факсимиле. Подпись: «Портретъ И. И. Срезневскаго 1860 г. Подпись 1856 г.»

601 Автотипія съ фотографіи Ф. Мезера въ Кіевѣ 1874 г.

1812—1912. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Краткій біографическій очеркъ, П. 1913 (см. выше, № 4), на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 1, съ факсимиле. Подпись: «Портретъ И. И. Срезневскаго 1874 г.».

602 Автотипія съ портрета работы Н. И. Алмазовой.

Тамъ же, стр. 1, передъ началомъ текста. Снимокъ съ № 595.

603 Автотипія съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.

Тамъ же, на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 33. Подпись: «Портретъ И. И. Срезневскаго 1877 г.».

604 Автотипія съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).

Голосъ Минувшаго, 1913, № 2, стр. 297, въ текстѣ, при статьѣ В. Н. Тукалевскаго (см. выше № 140). Снимокъ съ № 595.

605 Автотипія съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).

Вѣстн. Харьк. ист.-фил. общ. вып. 3, 1913, стр. 52, передъ текстомъ статьи Н. Ѳ. Сумцова (см. выше № 143). Снимокъ съ № 595.

606 Фототипія съ фотографіи Захарьина 1866 г.

Императорское Московское Археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 гг.), т. 2 (М. 1815), табл. XVI (вмѣстѣ съ 9 портретами другихъ лицъ).

607 Автотипія съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).

Рѣчь, 1913, № 20. Подпись: «Акад. Срезневскій» (см. выше № 132). Снимокъ съ № 595.

608 Автотипія съ рисунка Моисѣева.

Южный Край, 1915, 1 марта, Иллюстр. прил. къ № 12574. Подпись: «И. И. Срезневскій, выдающійся славистъ, профессоръ Харьковскаго и Петроградскаго университетовъ и академикъ. (Къ 35-лѣтію со дня смерти)».

609 Фототипія съ портрета масляными красками работы Н. И. Алмазовой.

Сборникъ «Памяти И. И. Срезневскаго».—Подлинникъ въ частныхъ рукахъ (относится къ 1904 г.). Воспроизведеніе исполнено въ фототипіи А. Ѳ. Дресслера въ 1915 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Абрамовичъ, Дмитрій Ивановичъ [№ 434.
Автономовъ, Н. № 6.
Адтъ, Ф. В. №№ 128, 589.
Айналовъ, Дмитрій Васильевичъ № 523.
Аландскій, Павелъ Ивановичъ 37, 287; — №№ 70, 81, 122.
Александровъ - Дольникъ, Константинъ Осиповичъ 51.
Алмазова, Надежда Измайловна №№ 235, 594, 595, 598, 602, 604, 605, 607, 609.
Амерлингъ (Karel Amerling) 112.
Амфилохій, архим., затѣмъ еп. угличскій 33, 41, 57, 61, 331; — №№ 409—411.
Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ 7, 315.
Андреевъ, Владиміръ № 416.
Андреевъ, Николай Агапіевичъ № 68.
Аничковъ, Николай Миліевичъ 325.
Анна, императрица 86.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ №№ 246, 382. [№ 477.
Анненская, Александра Никитична
Анненскій, Иннокентій Ѳедоровичъ 325. [№ 477.
Анненскій, Николай Ѳедоровичъ
Антонинъ (Капустинъ), архим. 177.
Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ 7, 78, 79; — №№ 188, 190.
Антонъ Майко Келеберда 194, 314.
Аппель, Карлъ Юліановичъ №№ 480, 481. [№ 524.
Аристовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ
Артемовскій-Гулакъ, Петръ Петровичъ 9—10, 13, 15, 71, 73, 312, 315; — №№ 1, 130. [№ 341.
Артемьевъ, Александръ Ивановичъ
Архангельскій, Александръ Семеновичъ № 489. [272, 273.
Асенкова, Варвара Николаевна 271,
Атанацковичъ, Платонъ № 298.
Ашевскій, С. № 469.
Аѳанасьевъ (Чужбинскій), Александръ Степановичъ 46, 326; — № 520.

Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ 84, 89; — №№ 24, 157—161, 212, 225, 229, 230, 596. [№ 525.
Багрій, Александръ Васильевичъ
Базаровъ, Іоаннъ Іоанновичъ 326.
Барсовъ, Ельпидифоръ Васильевичъ № 420.
Барсовъ, Николай Павловичъ № 68.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ №№ 381, 397.
Бауеръ, Василій Васильевичъ № 379.
Бауманъ, Алексѣй Осиповичъ №№ 27, 30, 153, 582, 583.
Баумъ (Antonin Baum) 111. [326.
Белсоновъ, Петръ Алексѣевичъ 51,

Бекешевичъ, Владимиръ Николаевичъ № 526.
Беръ, Николай Васильевичъ 51; — № 387. [325.
Бердниковъ, Яковъ Ивановичъ 39,
Березинъ, Илья Николаевичъ № 29.
Березинъ-Ширяевъ, Яковъ Өедуловичъ №№ 37, 392.
Беръ (Baer, Карлъ Максимовичъ №№ 27, 582.
Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ 63; — №№ 119, 310. 478, 527. [270.
Бетховенъ (Ludwig van Beethoven)
Бецкій, Иванъ Егоровичъ 88.
Билибасовъ, Василій Алексѣевичъ 325.
Билярскій, Петръ Спиридоновичъ 327; — № 528.
Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ 324.
Бобровскій, Михаилъ Кирилловичъ № 265. [№ 283.
Богишичъ, Бальтазаръ Власьевичъ
Бодуэнъ-де-Куртенэ, Иванъ Александровичъ №№ 480, 481.
Бодянскій, Осипъ Максимовичъ 62, 78, 95, 114, 154, 158—169, 326; — №№ 219, 293, 297, 300, 301, 529.
Бомчъ-Бруевичъ, Владимиръ Дмитріевичъ № 227.
Боплан (Guillaume de Beauplan) 313.
Боппъ (Franz Bopp) 17, 104, 316.
Борель, Н. Ф. №№ 1, 124, 384, 388.
Борисъ и Глѣбъ, князья 54, 55, 180, 328, 329; — № 523.
Боровиковскій, Левъ Ивановичъ 8, 10, 313.
Боткинъ, Михаилъ Петровичъ 261.
Бранотъ, Романъ Өедоровичъ 295;— №№ 492, 496.
Бреме, Н. №№ 1, 388.
Бриглевичъ (Briglević) 307. [123.
Бронишъ (Křesčan Wylem Breniš)
Бруни, Өедоръ Антоновичъ 260.
Брянскій, Яковъ Григорьевичъ 273.
Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ 295, 325. [№ 157.
Бузескулъ, Владиславъ Петровичъ
Булгаковъ, Өедоръ Ильичъ №№ 55, 71, 376.
Буличъ, Сергѣй Константиновичъ №№ 7, 493.
Буняковскій, Викторъ Яковлевичъ №№ 27, 582.
Буслаевъ, Өедоръ Ивановичъ 57, 63, 326;—№№ 455, 502.
Бутковъ, Петръ Григорьевичъ 39, 63, 325.
Буцинскій, Петръ Никитичъ № 190.
Быковъ, Петръ Васильевичъ №№ 128, 389.
Бычковъ, Аөанасій Өедоровичъ 24, 57, 63, 309, 327, 328; — №№ 1, 43, 310, 337, 338, 588.
Бычковъ, Иванъ Аөанасьевичъ № 433.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ 304;—№№ 382, 391.
Бѣлозерская, Надежда Александровна № 413.
Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ 326.

Вавикъ (Emil Vavik) №№ 20, 381.
Вагилевичъ, Иванъ Николаевичъ 81, 146, 323.
Вагнеръ (Richard Wagner) 269.
Вакуловскій, Николай Николаевичъ №№ 56, 57, 72. [15.
Валицкій, Альфонсъ Осиповичъ 12,
Ванифантьевъ, Н. № 579.
Варвара, св. 255—257.
Варенцовъ, Викторъ Гавриловичъ №№ 400—403.
Василій Порфиородный, императоръ византійскій 56. [№ 464.
Васильевскій, Василій Григорьевичъ
Васильевъ, В. А. № 386. [295.
Введенскій, Иринархъ Ивановичъ

Веберъ (Karl Weber) 309.
Вейерманъ, К. №№ 77, 127, 383, 390.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ 218, 315, 316.
Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ 325.
Венелинъ, Юрій Ивановичъ № 435.
Верковичъ, Стефанъ Ильичъ 63, 160; — № 423.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ 63, 76, 327; — № 310.
Веселовскій, Николай Ивановичъ №№ 354, 395.
Ветешникъ (František Vetešník) 112.
Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ 62, 63, 174, 175, 331.
Виноградскій (Karel Alois Vinařický) 114, 317.
Виръ (Antoine Wiertz) 259, 260.
Витбергъ, Ѳедоръ Александровичъ № 204.
Витвицкій (Stefan Witwicki) 96.
Витъ, св. 316.
Владимировъ, Петръ Владимировичъ № 494.
Владимирскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ 63.
Владимиръ Мономахъ 328.
Владимиръ Святой 56, 82, 180.
Владиславлевъ, Михаилъ Ивановичъ №№ 445, 482, 484—486.
Вовчокъ, Марко (Марія Александровна Марковичъ) 206.
Вонинъ, М. № 131.
Войцицкій (Wladyslaw Woycicki) 81.
Волковъ, Николай Васильевичъ 44;— №№ 495, 496.
Вороновъ, А. Г. № 476. [№ 383.
Воронецъ, Андрей Степановичъ
Воскресенскій, Григорій Александровичъ № 487.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ 7, 39, 41, 43, 46, 62, 155, 170—172, 178, 179, 212, 214, 215, 304, 325, 327;—№№ 148, 329, 331 332, 489.
Вразъ (Stanko Vraz) 18, 128—133, 136—141, 173, 320; — №№ 269—272, 277—281.
Враницани, графъ Никола 130.
Врубель, Михаилъ Александровичъ, 262.
Всеволодъ - Гавріилъ Мстиславичъ князь псковскій 54, 180.
Второвъ, Николай Ивановичъ 51; — № 394.
Вукотиновичъ, Людевитъ 128.
Выговскій, Иванъ 83.
Вятринскій (Василій Евграфовичъ Чешихинъ) № 459.

Гавличекъ (Karel Havlíček-Borovský) 114; — №№ 258, 259.
Гай (Ljudevit Gaj) 18, 127, 138, 320.
Гайднъ (Joseph Haydn) 265.
Гакстгаузенъ (baron Auguste de Haxthausen) № 168.
Галактіоновъ, Иванъ Александровичъ 325.
Ганка Вячеславъ Вячеславовичъ (Václav Hanka) 17, 19, 20, 23, 62, 97, 105—110, 112, 114—118, 120, 124, 125, 128, 133, 141, 146, 149, 151 154 — 159, 161 — 164, 166, 170, 302, 316—318; — №№ 1, 130, 251 — 253, 461.
Гассель-Бартъ (Hassel-Bart) 266, 267.
Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ № 73. [319.
Гауптъ (Leopold Haupt) 17, 121, 193,
Гауптъ (Theodora Haupt) 193, 319.
Геолдиковъ, Е. Г. № 173.
Гсотъ (Jonaš Bohumil Guot) 322.
Гедеоновъ, Иванъ Михаиловичъ 147.
Гедиминъ, великій князь литовскій 6.
Георгій Амартолъ 329; — №№ 398, 456. [200.
Георгій Конисскій 78, 83;—№№ 197—

Гербель, Николай Васильевичъ 249;— №№ 430, 432.
Германъ, Карлъ Өедоровичъ 12.
Геровъ, Найденъ 160. [№ 74.
Гильтебрандтъ, Петръ Андреевичъ
Гильфердингъ, Александръ Өедоровичъ 63, 117, 164, 173, 179, 326;— № 422. [№ 75.
Гиргасъ, Владимиръ Өедоровичъ
Главачъ, Войтѣхъ Ивановичъ 269.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ 269, 270.
Глинка, Өедоръ Николаевичъ № 78.
Глинскій, Борисъ Борисовичъ № 451, 462, 463, 475. [скій 1.
Глѣбъ Владимировичъ, князь рязан-
Гоголь, Николай Васильевичъ 8, 77, 78, 314, 316;—№№ 142, 195, 202—204.
Годжа (Michal Miloslav Hodža) 143, 322. [81.
Голембіовскій (Łukasz Gołębiowski)
Головацкій, Яковъ Өедоровичъ 146, 323; — №№ 286, 289.
Головкинъ, графъ Юрій Александровичъ 13, 14, 62, 212.
Голубинскій, Евгеній Евсигнѣевичъ 63; — № 420.
Голый (Ján Holý) 18, 143, 322.
Гончаровъ, Иванъ Николаевичъ № 40.
Гоппе, Германъ Дмитріевичъ № 126.
Горакъ (Jiří Horák) № 254.
Горацій (Q. Horacius Flaccus) 287, 302, 311.
Горбуновъ, Иванъ Өедоровичъ 271.
Горникъ (Michał Hórnik) № 265.
Горскій, Александръ Васильевичъ 57, 63, 173, 179, 326.
Горский (Emil Horský) № 130.
Горчаковъ, Михаилъ Ивановичъ № 446.
Гребенка, Евгеній Павловичъ 10.
Гречъ, Николай Ивановичъ № 576.
Григоровичъ, Викторъ Ивановичъ 57, 62, 162, 172, 326; — №№ 39, 41, 300, 302, 530, 574.
Григорьевъ, Василій Васильевичъ 326; — №№ 395, 434, 449, 450.
Гриммъ (Jakob Grimm) 46, 62.
Гротъ, Константинъ Яковлевичъ №№ 38, 76, 77, 112, 144, 241, 335.
Гротъ, Яковъ Карловичъ 63, 286, 327;—№№ 309, 310, 317, 331, 332, 334—336, 497, 585.
Грубый (Jaromir Hrubý) № 78.
Грузинскій, Алексѣй Евгеніевичъ № 404.
Грунскій, Николай Кузьмичъ № 545.
Грушевскій, Александръ Сергѣевичъ №№ 183, 184, 192, 193, 199, 200, 211.
Грюнбергъ, Изабелла Львовна (въ замужествѣ Ласкосъ) 270.
Грюнбергъ — см. *Тюрина*, Ю. Л.
Гуляевъ, Степанъ Ивановичъ 309.
Гюго (Victor Hugo) 218.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ 39, 326;— №№ 309, 311—316, 322, 498.
Дайнко (Peter Dainko) 125, 126, 320.
Далимилъ (Dalimil) 164.
Даль, Владиміръ Ивановичъ 326;— № 407.
Данилевскій, Григорій Петровичъ 326; — №№ 205, 220, 224.
Даниловичъ, Игнатій Николаевичъ 312, 315.
Даніилъ Заточникъ № 537.
Даничичъ, Юрій 326.
Дарюмыжскій, Александръ Сергѣевичъ 270. [№ 179.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ
Дельвигъ, Антонъ Антоновичъ 270.
Деметеръ (Demeter), Димитрій 128.
Демидовъ, В. №№ 58, 79.
Демидовъ, Павелъ Григорьевичъ 2.
Де-Пуле Михаилъ Өедоровичъ 20, 324;—№№ 169 (ошибочно М. Н.), 178, 394.

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ
Десницкая, В. Н. № 47. [240, 244.
Деступисъ, Гавріилъ Спиридоновичъ 326; — № 80.
Джемсъ (Richard James) № 556.
Джунковскій. Іосифъ Аѳанасьевичъ 6. [295.
Диккенсъ (Charles Dickens) 225, 294.
Дмитрій Ивановичъ, великій кн. 54.
Добровскій (Josef Dobrovský) 105, 170, 215; — № 253. [№ 22.
Добролюбовъ, Іоаннъ Васильевичъ
Добролюбовъ, Николай Александровичъ 37, 295, 325;—№№ 389, 390, 433—437.
Дондуковъ - Корсаковъ, князь Александръ Михайловичъ № 419.
Драгомановъ, Михаилъ Петровичъ 7, 78, 79; — № 188. [268.
Дрейшокъ (Alexandre Dreyschok) 267,
Дрессеръ. Адольфъ Ѳедоровичъ, 594, 609.
Дубровскій, Петръ Павловичъ 6, 63, 118, 327; — № 297.
Дубровскій, Петръ Петровичъ 172.
Духновичъ, А. В. № 524.
Духовниковъ, Флегонтъ Васильевичъ № 460. [№ 509.
Дювернуа, Александръ Львовичъ

Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевскій 62.
Евецкій, Орестъ Степановичъ 6, 72, 91, 313; — № 297.
Евецкій, Ѳедоръ Степановичъ 6, 72, 313; — №№ 276, 297.
Евсевій, свящ. с. Срезнева 1, 299.
Екатерина II Алексѣевна, императрица всероссійская 86.
Елисавета Петровна, императрица всероссійская 86, 202.
Ербенъ (Karel Jaromir Erben) 317.
Ефремовъ, Сергѣй Александровичъ № 234.
Ефремъ Сиринъ № 546.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ 325.
Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ 77.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 194, 276.
Жупанъ (Jak. Zupan) 132, 320.

Загурскій, Леонтій Николаевичъ № 160.
Задерацкій, Николай Петровичъ №№ 59, 70, 81, 84.
Залѣсскій (Wacław Zaleski) 81.
Замысловскій, Егоръ Егоровичъ 325.
Запанковъ, Николай Александровичъ № 513.
Запара, студентъ Харьковскаго унив. въ текстѣ опечатка: Зонара) 313.
Запольскій № 388.
Запъ (Karel Vladislav Zap) 317.
Захаржевскіе 85.
Захаровъ, А. А. № 23.
Захарьинъ, фотографъ №№ 581, 582, 584, 599, 606.
Звонимиръ (Zvonimir) 135.
Зденчай (E. Zdenčaj) 320. [№ 264.
Зейлеръ (Handrij Zejleř) 123, 319; —
Зининъ, Николай Николаевичъ № 120.
Златковскій, Михаилъ Леонтьевичъ 248; — № 399.
Зубрицкій, Денисъ Ивановичъ 146.

Ивановъ, Александръ Андреевичъ 260.
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ 11.
Ивановъ, Н. И. № 521.
Иванъ Грозный 56.
Игорь Рюриковичъ 56.
Игорь Святославичъ 248, 249. [№ 49.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ
Иларіонъ, митр. кіевскій 29.
Ильинскій, Григорій Андреевичъ №№ 546—550. [180.
Ипполитъ, св. епископъ римскій

Исаринъ, Василій Михайловичъ № 333.

Іларъ 262.
Іаковъ, мнихъ 29.
Іисусъ Христосъ 255—257.
Іоакимъ, свящ. с. Срезнева 2.
Іоаннъ Схоластикъ № 526.
Іодль (Jan Jodl) 120. [319.
Іордань (Jan Pêtr Jórdan) 122—124,
Іосифъ Обручникъ 256.

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ № 408. [вичъ 171.
Калайдовичъ, Константинъ Ѳедоро-
Калачовъ, Николай Васильевичъ 326.
Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ № 174.
Кальдеронъ (Don Pedro Calderon de la Barca) 198.
Караджичъ, Вукъ Степановичъ 17, 62, 125, 126, 139, 142, 160, 319, 322; — №№ 130, 283—285, 298.
Карамзинъ, Василій Назарьевичъ 8, 313.
Каратыгина, Александра Михайловна 273. [273.
Каратыгинъ, Василій Андреевичъ
Кареллинъ, Андрей Осиповичъ №№ 583, 585—594, 603.
Карскій, Евѳимій Ѳедоровичъ №№ 144, 236, 551, 552.
Качановскій, Владиміръ Васильевичъ № 499. [№ 169.
Каченовскій, Дмитрій Ивановичъ
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ 90, 170, 203, 314, 316.
Квасъ (Koloman Kvas) 320.
Квитка-Основьяненко, Григорій Ѳедоровичъ 8, 62, 71, 73, 82—84, 87, 92, 191, 212, 213, 315; — №№ 205—
Квитки 84, 85. [208.
Келеръ (Adolph Köhler) 121.
Келлеръ (Ferdinand Keller) 291—293.
Кеппенъ, Петръ Ивановичъ 94, 95, 97, 167, 326; — № 253.
Кесслеръ, Карлъ Ѳедоровичъ № 444.
Кириллъ и Меѳодій 54, 171;—№ 543.
Клацель (František Klácel) 120, 318.
Клинъ (Biedrich Adolf Klin) 122.
Ковиленскій, Михаилъ Ивановичъ 88.
Козьма Пражскій (Kosmas) 164.
Колиньи (Coligny), герцогиня 262.
Колларъ (Ján Kollár) 18, 21, 62, 96, 137, 142, 150, 151, 167, 317; — №№ 273—275, 298.
Колосовъ, Митрофанъ Андреевичъ №№ 82, 304, 459, 500. [№ 186.
Копашевичъ-Сагайдачный, Петръ
Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ
Кондратьевы 85. [№ 69.
Копитаръ (Bartholomäus Kopitar) 124; — № 253.
Корженевскій (Korzeniowski), Іосифъ Викентьевичъ 10.
Коркуновъ, Михаилъ Андреевичъ 39.
Корниловъ, Иванъ Петровичъ № 425.
Корреджіо (Ant. Correggio) 257.
Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ № 408. [№ 410.
Корсунскій, Иванъ Николаевичъ
Корсунъ, Александръ Алексѣевичъ 78; — № 196.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеніевичъ № 267.
Костомаровъ, Николай Ивановичъ 7, 8, 78, 81, 83, 90—93, 213, 314, 315;—№№ 130, 155, 173, 180, 183, 187, 189, 191, 196, 206, 207, 210—212, 221—223, 367, 448.
Котляревскій, Александръ Александровичъ 42, 63; — №№ 43, 81, 83, 84, 122, 414, 481, 490, 501, 502, 519, 520, 531—535.
Котляревскій, Иванъ Петровичъ 8, 9, 62, 73, 87, 186, 195, 314; — №№ 215—218.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ III.

Коубекъ (Jan Pravoslav Koubek) 106, 112, 317.
Кохановская (Надежда Степановна Соханская) 206.
Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ 39.
Кочубинскій, Александръ Александровичъ №№ 69, 239, 243, 250, 330, 481.
Краевскій, Андрей Александровичъ 24; — № 426.
Краснопѣвцевъ, Яковъ Ѳедоровичъ 37; — № 8.
Крестовскій, Всеволодъ Владимировичъ №№ 222, 223.
Крижманичъ (Ivan Krizmanić) 320.
Крокъ (Krok) 117.
Крольмусъ (Václav Krolmus) 317.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ. 291, 328. [№ 226.
Кудринскій, Ѳедоръ Андреевичъ
Кудрявцевъ, Александръ Николаевичъ № 123.
Кузмаки (Karol Kuzmány) 322.
Кукульевичъ-Сакцинскій (Ivan Kukuljević) 128, 302, 320.
Кулаковскій, Платонъ Андреевичъ №№ 268, 285.
Кулжинскій, Иванъ Григорьевичъ №№ 177, 386.
Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ №№ 187, 197, 219. [№ 41.
Куникъ, Аристъ Аристовичъ 57;—
Курелацъ (Fraňo Kurelac) 125, 142, 320. [№ 297.
Куршатъ (Friedrich Kurschat) 103;—
Кускова, Екатерина Антоновна 312—313.
Кусковъ, Иванъ Петровичъ 311. [325.
Куторга, Владимиръ Степановичъ
Куторга, Михаилъ Семеновичъ №№ 297, 432.
Куторга, Степанъ Семеновичъ 324.
Кухарскій, (Andrzej Kucharski) 97, 167, 317; — № 276.
Лавровскій, Николай Алексѣевичъ 163, 285, 325; — № 432.
Лавровскій, Петръ Алексѣевичъ 62, 118, 163, 295, 325.
Лавровъ, Петръ Алексѣевичъ №№ 390, 553. [№ 407.
Лазаревскій, Василій Матвѣевичъ
Лазарь, князь сербскій 322.
Ламанскій, Владимиръ Ивановичъ 29, 37, 38, 63, 65, 164, 287, 288, 295, 308, 325;—№№ 2, 9, 10, 38, 85, 86, 112, 235, 240, 249, 263, 297, 305, 360.
Ласкосъ— см. *Грюнбергъ*, И. Л.
Лебедевъ, Касторъ Никифоровичъ № 353. [№ 194.
Левшинъ, Алексѣй Ираклiевичъ
Леже (Louis Leger) №№ 417, 418.
Лемке, Михаилъ Константиновичъ №№ 390, 421, 454—456.
Лекьяни (Giulio Legnani) 200.
Леонидъ, арх. №№ 422, 536. [281.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ
Лескинъ (August Leskien) № 534.
Ливенъ, князь Павелъ Ивановичъ 288.
Лапшинско, Андрей Ивановичъ № 503. [№ 479.
Лапшинско, Иванъ Андреевичъ
Липовскій, Александръ Лаврентьевичъ № 235.
Лисовицкій, Иванъ Ѳедоровичъ 313.
Листъ (Franz Liszt) 188, 267, 268, 318.
Лозинскій (Wal. Łoziński) 81.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ 36, 64, 212, 216, 278, 299.
Лосъ (Loos) 266. [123.
Лубенскій, Андрей (Handrij Lubieński)
Лука Жидята 29.
Лундель (J. A. Lundell) № 504.
Лунинъ, Михаилъ Михайловичъ 12.
Любовичъ, Николай Николаевичъ 195; — № 246.
Любомудровъ, Николай Васильевичъ № 117.

Любуша (Libuše) 109, 110; — № 375.
Любиль, Карлъ Якимовичъ 282.
Ляпуновъ, Прокопій Петровичъ 1.
Лясковскій, Валерій № 275.
Ляцкая, Вѣра Александровна № 461.

Маакъ, Карлъ Карловичъ 325.
Мазепа, Иванъ Степановичъ 6, 83.
Майеръ (Matija Gregorović Mayr) 320.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ 226—233, 235—249, 275, 299, 309, 326; — №№ 387, 399, 431.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 36, 63, 295, 325; — №№ 87, 198, 310, 465, 466. [№ 433.
Макарій (Миролюбовъ) арх. 331; —
Макаровъ, Александръ Александровичъ 211.
Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ 78;—№№ 186, 195, 197, 506.
Макушевъ, Викентій Васильевичъ 164, 295, 299, 308, 325;—№№ 60, 68, 303, 467.
Мандзони (Manzoni) 198.
Марекъ (Antonin Marek) 113, 114, 317; — № 250.
Марекъ (Jan Jindřich Marek = Jan z Hvězdy) 118, 119, 317.
Марія Дѣва 255—259.
Марковичъ, Марія Александровна — см. *Вовчокъ*.
Марковъ, Ростиславъ Л. № 505.
Маркусъ (G. Markus) 121, 123.
Мартыновъ, Иванъ Матвѣевичъ 326.
Махачекъ (Š. K. Macháček) 112.
Мацѣевичъ, Левъ № 194.
Мацѣевскій (Wacław Alexander Maciejowski) 323.
Мегеръ, Ф. фотографъ № 601. [№ 252.
Мей, Левъ Александровичъ 249;—
Мейчикъ, Давидъ Марковичъ № 488.
Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ 299.
Метелко (Fr. Metelko) 131, 320.
Метлинскій, Амвросій Лукьяновичъ (Амвросій Могила) 8, 71, 95, 96, 314; — № 216.
Меѳодій — см. *Кириллъ*.
Миддендорфъ, Александръ Ѳедоровичъ №№ 27, 582.
Микель-Анджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) 199.
Миклошичъ (Franz Miklošić) 179, 305, 307; — № 298.
Миллеръ, Дмитрій Петровичъ № 161.
Миллеръ, Орестъ Ѳедоровичъ 265.
Милошъ Обиличъ 322.
Михайловскій Иванъ Николаевичъ 325.
Михановичъ, (Anton Mihanović) 307.
Мицкевичъ (Adam Mickewicz) 21, 96, 150.
Модестовъ, Василій Ивановичъ 325; — №№ 39, 464, 537. [№ 323.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ
Моисѣевъ, граверъ №№ 128, 589, 608.
Мольеръ (Jean-Baptiste Molière) 275.
Морачевскій, Филиппъ Семеновичъ 72, 326;—№№ 149, 177, 231—234.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ 83; — №№ 207, 367.
Морозенко 83.
Мронговіусъ (Christophor - Celest. Mrongowius) № 294.
Мстиславъ Владимировичъ, великій князь 54. [258, 259.
Мурильо (Bartolomeo Esteban Murillo)
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ 329. [№ 579.
Мюнстеръ, Александръ Эрнестовичъ

Надеждинъ, Николай Ивановичъ 50, 62, 326; — №№ 298, 348, 391.
Науменко, Владиміръ Павловичъ №№ 191, 231. [324.
Неволинъ, Константинъ Алексѣевичъ
Невоструевъ, Капитонъ Ивановичъ 54, 63, 173, 179, 326; — №№ 416, 538.

Неземновъ, Александръ Ильичъ 325.
Некрасовъ, Иванъ Степановичъ № 69.
Неслуховскій, Ф. К. № 170.
Никитенко, Александръ Васильевичъ 63, 324, 327;—№№ 309, 310,
Никитинъ, Аѳанасій 54, 55. [328.
Николаевскій, Сергѣй Александровичъ 276, 277.
Николай, князь черногорскій 196.
Николай I Павловичъ 162, 169, 189, 245, 246.
Нессельманъ, Юрій (Nesselmann) 45.
Никонъ Черногорецъ № 558.
Новиковъ, Иванъ Петровичъ № 419.
Носакъ (Bohuš Nosak) № 572.
Носовичъ, Иванъ Ивановичъ 63, 326.
Нѣловскій, студентъ Харьковскаго университета 72.

Обморскій, Сергѣй Петровичъ № 555.
Овара, Корній, казакъ 194;—№ 174.
Овидій Назонъ (P. Ovidius Naso 311.
Огералъ (Jan Ohéral) 118.
Одоновскій, Омельянъ № 181.
Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ 264.
Одынецъ (Ant. Edward Odyniec) 96, 145, 323.
Ожеговичъ (Mirko Ožegović) 135.
Ольга, св. 56, 180.
Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ № 150.
Ольриджъ Ira Aldridge) 274. [325.
Ординъ, Филиппъ Филипповичъ
Оссолинскіе (Ossolińscy) 146.
Островскій, Александръ Николаевичъ 275.
Острогорскій, Викторъ Петровичъ 325; — №№ 463, 474, 475.
Остроумовъ, Н. № 505. [403.
Отто, Николай Карловичъ № № 401—

Павинскій, Адольфъ Ивановичъ (Pawiński) № 410.
Павленковъ, Флорентій Ѳедоровичъ №№ 31, 40, 591.
Павловскій, Алексѣй Павловичъ 74.
Павловъ, Алексѣй Степановичъ 63.
Падурра (Tomasz Padurra) 10. [160.
Палаузовъ, Спиридонъ Николаевичъ
Палацкій (František Palacký) 97, 105, 112, 302, 305, 317.
Палій 83.
Палковичъ (Jur Palkovič) 143.
Пановъ, Василій Алексѣевичъ 160.
Пассекъ, Вадимъ Васильевичъ 8, 109, 160, 314; — № 213.
Пассекъ, Татьяна Петровна № 214.
Патера (Adolf Patera) 111; — №№ 304, 307.
Паули (Żegota Pauli) 81.
Паушичъ, свящ. 133.
Пашковъ, В. Н. № 171.
Пекарскій, Петръ Петровичъ 63, 327.
Первольфъ (Perwolf), Іосифъ Іосифовичъ № 25.
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ 77. [№ 302.
Петровскій, Мемнонъ Петровичъ
Петровскій, Николай Мемноновичъ № 574.
Петровъ, Николай Ивановичъ № 179.
Петровъ, Осипъ Аѳанасьевичъ 269.
Петръ Великій 86; — № 497.
Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ №№ 40, 472. [№ 40.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ
Платоновъ, Иванъ Васильевичъ №№ 570, 571.
Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ 325.
Плетневъ, Петръ Александровичъ 39, 325;—№№ 308, 309, 335, 387, 498.
Поатвенъ (Prosper Poitevin) 46.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ 281.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 156, 172, 305, 316;—№№ 299, 381, 506.

Подольскій, Иванъ Тимоѳеевичъ и Екатерина Романовна 6, 184.
Полевой, Петръ Николаевичъ 325; — №№ 41, 478.
Полиновъ, Василій Андреевичъ 39, 326. [262.
Полиновъ, Василій Дмитріевичъ 261,
Полиновъ, Дмитрій Васильевичъ 62, 326; — № 393.
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ 325; — №№ 88, 434.
Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ № 195.
Поповичъ, Василій 144.
Поповъ, Андрей Николаевичъ 63; — №№ 398, 422.
Поповъ, Нилъ Александровичъ 308; — №№ 285, 298, 299.
Порфирій (Успенскій), еп. 173.
Постниковъ, Сергѣй Петровичъ 261.
Потебня, Александръ Аѳанасьевичъ 63, 72, 73, 76; — №№ 452, 522.
Поттъ (August Friedrich Pott) 143, 316, 328.
Правицкій, Іаковъ, свящ. 88, 314.
Праховъ, Мстиславъ Викторовичъ 325; — №№ 415, 436.
Прейсъ, Петръ Ивановичъ 17, 18, 23, 24, 62, 95, 103, 114, 124, 132—134, 136, 138, 139, 143, 151, 154—156, 158, 159, 316, 320, 321, 323; — №№ 237, 240, 254, 297, 302.
Прешернъ (Franz Presherin) 131, 320; — № 267.
Прозоровъ, Василій Александровичъ 56, 57; — № 368. [325.
Пташицкій, Станиславъ Львовичъ
Пуркиня (Jan Purkynè) 17, 120—121, 318; — №№ 261, 262.
Пуфъ (Rudolf Gustav Puf) 125.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ 21, 150, 275, 313.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ 63, 118, 295, 325; — №№ 11—14, 17, 89, 237, 238, 414, 452, 461 — 463, 507, 557. [№ 339.
Пятуховъ, Евгеній Вячеславовичъ

Рачъ, Семенъ Егоровичъ 316.
Раковацъ (Dragutin Rakovac) 128, 138; — № 280.
Рафаэль (Raffaello Santi) 200, 201, 255—258.
Рачкій (Franjo Rački) 302, 303, 307.
Рашель (Rachel) 274.
Рейфъ (Charles Philippe Reiff) 45.
Ремезовъ, Иванъ Сократовичъ № 219.
Репшель (Richard Raepell) 195; — № 247.
Ригеръ (František Ladislav Rieger) № 28.
Рижскій, Иванъ Степановичъ 2.
Римскій-Корсаковъ, Николай Андреевичъ 269.
Ристори (Adelaida Ristori) 274.
де-Роберти, Александръ Адольфовичъ 350; — № 173.
Ровинскій, Дмитрій Александровичъ № 153. [308.
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ
Рождественскій, Василій Гавриловичъ, свящ. №№ 90, 109.
Розенкранцъ (Karl Rosenkranz) 316.
Ролленъ (Rohlen) 143.
Росковшенко, Иванъ Васильевичъ 6, 72, 313; — № 201.
Рославскій-Петровскій, Александръ Петровичъ 13, 14; — № 566.
Росси (Ernesto Rossi) 274.
Ротари (Pietro di Rotari) 256.
Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ 270.
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ 94.
Русова, Софія Александровна № 176.
Рыбниковъ, Петръ Николаевичъ № 104.
Рыжовъ, Д. № 587.
Рыпинъ, Илья Ефимовичъ 262.

Савва, арх. тверской №№ 410, 412.
Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ 63, 328, 331; — №№ 396, 433.
Савельевъ, Павелъ Степановичъ 62; — № 392.
Самцовъ, Н., студентъ Харьковскаго унив. 110. [№ 428.
Сахаровъ, Иванъ Петровичъ 62; —
Свѣнцицкій Иларіонъ Семеновичъ №№ 287, 288.
Святославъ Ольговичъ, князь черниговскій 250.
Севастьяновъ, Петръ Ивановичъ 173.
Селищевъ, Аѳанасій Матвѣевичъ № 259.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ №№ 337, 396, 426.
Семеновъ, Петръ Петровичъ № 340.
Сементовскій, Константинъ Максимовичъ 81.
*Сенигов*ъ, Іосифъ Петровичъ № 339.
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ 105, 151.
Сикстъ I, папа римскій 255, 257.
Симеонъ, царь болгарскій 171.
Симеонъ Азарянскій 202, 203, 314.
Симони, Павелъ Константиновичъ №№ 255, 465, 508, 556, 557.
Синовскій, Василій Дмитріевичъ 325. [№ 274.
Сиротининъ, Андрей Николаевичъ
Скабичевскій, Александръ Михайловичъ 325; — № 473.
Скворцовъ, Константинъ Аѳанасьевичъ 164.
Сковорода, Григорій Саввичъ 10, 87—89, 201—206, 314; — №№ 220—227.
Скоттъ (Walter Scott) 294.
Смирновъ, Александръ Ивановичъ №№ 82, 467.
Смоляръ (Jan Ernst Smoleř) 17, 121—123, 137, 166, 319; — № 264.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ 7, 8, 91, 314, 317.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ 181; — №№ 15, 307, 540. [№ 16.
Сокальскій, Иванъ Петровичъ 84; —
Соколовъ, Авдій Ивановичъ 110.
Соколовъ, Егоръ Ивановичъ № 435.
Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ № 91.
Солнцевъ, Ѳедоръ Григорьевичъ 56, 331; — №№ 358, 368, 413.
Соловьевъ, Дмитрій Николаевичъ 280—281.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ 326; — № 78.
Сорокинъ, Владиміръ Михайловичъ №№ 468, 469.
Софія Витовтовна 260.
Соханская, Надежда Степановна — см. *Кохановская*.
Спасовичъ, Владиміръ Дмитріевичъ №№ 14, 450, 470. [№ 300.
Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ
Срезневская, Вѣра Измайловна 270.
Срезневская, Екатерина Ѳедоровна 22—23, 258, 269, 311; — №№ 4, 118, 130, 150, 151, 564.
Срезневская, Елена Ивановна 4, 5, 67, 72, 104, 106, 127, 138, 161, 187—189, 193, 251, 263, 264, 269, 270, 273, 311, 312, 314, 319; — №№ 4, 235.
Срезневская, Ольга Измайловна IV, 179, 277, 307; — №№ 17, 18.
Срезневскій, Борисъ Измайловичъ 265, 270.
Срезневскій, Владиміръ Измайловичъ 279.
Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ III, IV, 68, 79, 179; — №№ 3—5, 148, 149, 154, 175, 182, 201, 202, 208, 213, 217, 232, 235, 296, 324, 373, 411, 466.
Срезневскій, Вячеславъ Измайловичъ 116—117, 279; — № 47.
Срезневскій, Иванъ Евсѣевичъ 1—4, 277, 310—311.

Срезневскій, Іосифъ Евсѣевичъ 1, 312.
Срезневскій, Николай Ивановичъ 161.
Станекъ (Václav Staněk) 106, 112, 317.
Старкъ, А. Н. № 252.
Старчевскій, Адальбертъ-Войтѣхъ Викентьевичъ № 384.
Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ 57; — № 405. [№ 421.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ
Стеблинъ-Каминскій, Степанъ Павловичъ № 215. [№ 509.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ
Стешенко, Иванъ Матвѣевичъ № 218.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ № 306. [№ 406.
Стороженко, Андрей Яковлевичъ
Стороженко, Владиміръ Андреевичъ № 406.
Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ №№ 514, 515. [вичъ № 239.
Строгановъ, графъ Сергѣй Григорье-
Строевъ, Павелъ Михайловичъ 62, 316; — № 397. [331.
Струковъ, Дмитрій Михайловичъ
Студинскій, Кириллъ № 289.
Субботичъ, Іованъ 142. [324.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ
Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ III, 93; — №№ 92, 131, 138, 139, 143, 155—157, 605.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ 63, 90, 295, 324, 327; — №№ 310, 339.
Сушилъ (František Sušil) 118, 318.
Сѣровъ, Валентинъ Александровичъ 262.

Таганцевъ, Николай Степановичъ № 380.
Тальбергъ (Sigismund Thalberg) 267.
Тальони (Maria Taglioni) 271—273.
Тироль, Димитрій 322.
Титовъ, Андрей Александровичъ №№ 219, 301.
Тихвинскій, Александръ Николаевичъ № 558.
Тихонравовъ, Николай Саввичъ 57, 295, 324.
Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ 296.
Толстой, Левъ Николаевичъ 218, 225, 226, 275, 295.
Толстой, графъ Михаилъ Владиміровичъ 331; — № 410. [172.
Толстой, графъ Ѳедоръ Андреевичъ
Томашекъ (Václav Tomášek) 268.
Торбаръ (Josip Torbar) 303.
Трескинъ, Николай Алексѣевичъ 325.
Тройницкій, Николай Григорьевичъ № 194. [№ 391.
Трубачевъ, Сергѣй Семеновичъ
Тукалевскій, Владиміръ Николаевичъ №№ 140, 604.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ 62.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ 226, 227; — № 40.
Тюрина, Юлія Львовна (рожд. Грюнбергъ) 270. [269.
Тюринъ, Александръ Ѳедоровичъ
Тюринъ, Ѳедоръ Леонтьевичъ 22.

Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ 57, 58, 63, 331.
Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ 103, 105, 154, 155, 166—167, 170, 320; — № 1.
Ундольскій, Вуколъ Михайловичъ 62, 175—177, 326; — №№ 398, 551.
Упыръ Лихой 328.
Усовъ, Павелъ Степановичъ № 385.
Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ 325.
Устряловъ, Ѳедоръ Николаевичъ 576.
Ушинскій, Константинъ Дмитріевичъ №№ 483, 484.

Филимоновъ, Юрій Дмитріевичъ 331.
Филиппова, Наталія Тертіевна 271.

Филипповъ, Тертій Ивановичъ 270, [271.
Фіалка (M. Fialka) 142.
Флавицкій, Константинъ Дмитріевичъ 260.
Флоринскій, Тимоѳей Дмитріевичъ 293. [294.
Фортинскій, Ѳедоръ Яковлевичъ
Францевъ, Владиміръ Андреевичъ III, 19, 167; — №№ 236, 248, 251, 260, 262, 264, 267, 269, 291, 292, 294, 295, 541, 597, 598.
Франчья (Francesco Francia) 199—201, 256. [309.
Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ
Френцель (Abraham Frencel) 123.
Фридрихъ II Гогенштауфенъ, король прусскій, императоръ Священной Римской имперіи 233.
Фроловъ, Петръ Кузмичъ 172.

Хаманскій, Михаилъ Георгіевичъ №№ 24, 158.
Халупка (Sámo Chalupka) 322. [313.
Хиждеу, Александръ Ѳаддеевичъ
Хмельницкій, Богданъ № 190.
Хмельницкій, Юрій 83.
Ходаковскій, Зоріянъ Яковлевичъ 81.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ 189; — №№ 274, 275.
Хорватъ въ Любляні 132.
Храбръ, чернориз ецъ № 325.
Хрущовъ, Иванъ Петровичъ № 393.

Цафъ (Oroslav Caf) 126. [278—300.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ IV,
Цвѣтко (Franz Zvetko) 125.
Цейнова (Floryan Ceynowa) 63, 160, 326; — №№ 294, 295.
Цертелевъ, князь Николай Андреевичъ 74.

Чаевъ, Николай Александровичъ 68, 219—226. [582.
Чебышевъ, Пафнутій Львовичъ №№ 27,
Челяковскій (František Ladislav Čelakovský) 17, 96, 97, 105—107, 112, 317; — № 130. [81.
Червинскій (Ign. Lubicz Czerwiński)
Чернышевскій, Николай Гавриловичъ 37, 295, 324; — №№ 458—460.
Чернышевъ, Василій Ильичъ № 516.
Чечилія (Cecilia), св. 200, 201.
Чижовъ, Матвѣй Аѳанасьевичъ 261.
Чистяковъ, Павелъ Петровичъ 260, 262;—№ 594.
Читатель № 275.
Чубинскій, Павелъ Платоновичъ 76.

Шамбинаго, Сергѣй Константиновичъ №№ 415, 542.
Шафарикъ (Pavel Josef Šafařík) 17, 21, 96, 97, 104—106, 112, 114, 118, 120, 124, 127, 134, 151—154, 156, 158, 160, 170, 302, 303, 316, 317;— №№ 249, 276, 297, 300. [83.
Шафонскій, Андрей Аѳанасьевичъ
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ III, VIII, 44;—№№ 129, 510.
Шаховской, князь Алексѣй Ивановичъ 86.
Шаявскій (Šajavský) 144.
Шведовъ, Григорій, студентъ Харьковскаго унив. 110.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ 326; — №№ 336, 427, 491.
Шекспиръ (William Shakespeare) 6, 274, 275.
Шембера (Aloys Vojtěch Šembera) 120, 318. [№ 203.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ
Шереметевскій, Владиміръ Петровичъ №№ 517, 518. [№ 470.
Шестаковъ, Петръ Дмитріевичъ
Шидловскіе 85. [275.
Шиллеръ (Johann Friedrich Schiller)
Шимановскій, Митрофанъ Васильевичъ № 479.
Ширъ (František Šir) 112.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ 109, 169.
Шкультетый (Jozef Škultéty) №№ 256, 257, 572.
Шлейхеръ (August Schleicher) 62, 305.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ № 577.
Шмурло, Евгеній Ѳедоровичъ 325.
Шпаковскій, Александръ Ильичъ №№ 596, 597, 600.
Шпигоцкій, Аѳанасій Григорьевичъ 6, 10, 72, 76, 93, 313.
Шрепель (Milivoj Šrepel) № 280.
Штаудигль (Joseph Staudigl) 265, 267.
Штаудуаръ (Dragojla Štauduar) №№ 271, 278.
Штейнбергъ, Я. № 137.
Штоосъ (Pavao Štoos) 128.
Штросмайеръ, (Josip Juraj Strosmajer) 302, 303, 307.
Штуръ (Karol Štúr) 143.
Штуръ (L'udevít Štúr) 18, 62, 142—144, 152, 322; — № 260.
Шубертъ (Franz Schubert) 188.
Шубертъ (Friedrich Wilhelm Schubert) 11, 103.
Шумавскій (Josef Franta Šumavský) 17, 106, 316.
Щепкинъ, Вячеславъ Николаевичъ №№ 559, 560.
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ 316.
Щербининъ, Евдокимъ Алексѣевичъ 87.

Южаковъ, Сергѣй Николаевичъ № 35.
Юліанъ Отступникъ, императоръ византійскій 61—62.
Юнгманъ (Josef Jungmann) 14, 95, 97, 104, 105, 317.
Юницкій, Николай Ивановичъ 325.

Эрготъ, К. 324; — № 580.

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ (Vatroslav Jagić) III, 136, 155, 301—309; — №№ 19, 253, 511, 543, 544, 561—563, 578.
Ягичъ (Sidonia Jagić) 309.
Яковлевъ, Владиміръ Алексѣевичъ [№ 93.
Ярославъ Владиміровичъ, князь новгородскій 180.
Яхонтовъ, Степанъ Дмитріевичъ [№ 22.

Ѳедоровъ, Владиміръ Васильевичъ 325.
Ѳеофилъ, инокъ печерскій 56.
Ѳомычъ, Ѳома № 21.

Сокращенныя обозначенія именъ.

В. А. № 228.
Г. Л. И. № 338.
И. Б. № 172.
К-ий, Гр. № 138.
М-нъ, Н. № 326.
Л. Б. № 586.
С-ко, Н. В. № 406.
I. I. T. № 61.
J. P. № 272.
jpa № 35.
Kŷ. № 28.
S. № 113.
T. Š. № 581.
V. B. № 266.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе редакціи III

Вступительное слово А. А. Шахматова V

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности И. И. Срезневскаго. В. И. Срезневскаго 1

Харьковскій періодъ научной дѣятельности И. И. Срезневскаго. Н. Ѳ. Сумцова 69

И. И. Срезневскій и славянство. В. А. Францева 94

Заслуги И. И. Срезневскаго. А. И. Соболевскаго 168

Художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще. О. И. Срезневской 182

Изъ студенческихъ воспоминаній объ И. И. Срезневскомъ. И. В. Цвѣтаева 278

Мои воспоминанія объ И. И. Срезневскомъ. И. В. Ягича 301

Описаніе выставки въ память столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго 310

Матеріалы для біографіи И. И. Срезневскаго (печатные источники). . 333

Указатель личныхъ именъ 407

PG
2064
S64P3
kn.1

Pamiati Izmaila Ivanovicha
Sreznevskago

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY